

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ

УЗУРПАТОРЫ И САМОЗВАНЦЫ

«СТЕПНЫХ ИМПЕРИЙ»

ИСТОРИЯ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ
ГОСУДАРСТВ В ПЕРЕВОРОТАХ,
МЯТЕЖАХ И ИНОСТРАННЫХ
ЗАВОЕВАНИЯХ

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ

УЗУРПАТОРЫ
И САМОЗВАНЦЫ
«СТЕПНЫХ ИМПЕРИЙ»

ИСТОРИЯ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВ
В ПЕРЕВОРОТАХ, МЯТЕЖАХ
И ИНОСТРАННЫХ ЗАВОЕВАНИЯХ

Санкт-Петербург
2016

ББК 63.3(0)43
УДК 94(47).031
П 65

Рецензенты:

Скрынникова Татьяна Дмитриевна, заведующая отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Султанов Турсун Икрамович, заведующий кафедрой Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург).

П 65 Почекаев Р. Ю.

Узурпаторы и самозванцы «степных империй». История тюрко-монгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях. — СПб: ЕВРАЗИЯ, 2016. — 378 с.

ISBN 978-5-91852-152-6

Книга посвящена борьбе за власть в тюрко-монгольских государствах, начиная с империи Чингис-хана в первой половине XIII в. и заканчивая последними попытками создания независимых ханств в Центральной Азии уже в XX в. Исследуются обстоятельства борьбы за власть в Монголии, Центральной Азии, Иране, Золотой Орде и государствах, возникших после ее распада. Автор приходит к выводу, что в разные времена и в разных странах претенденты на трон, имевшие не слишком законные права на него, зачастую использовали сходные обоснования своих претензий и выступлений против конкурентов.

Книга предназначена для историков, востоковедов, правоведов, политологов, студентов, обучающихся этим специальностям, а также для всех интересующихся проблемами истории Евразии и традиционной государственности.

© Почекаев Р. Ю., текст, 2015
© Еременко С. Е., дизайн обложки, 2016
© Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2016

ISBN 978-5-91852-152-6

ВВЕДЕНИЕ

Комплексное исследование истории «степных империй» Евразии, т. е. тюрко-монгольских государств, в разное время существовавших в различных частях материка, началось довольно давно. Нередко специалисты обращались к истории не только отдельных государств, но и давали широкую панораму эволюции этих государств, прослеживая их историю, смену одних другими в течение многих веков. В качестве таких «панорамных» работ можно вспомнить еще работы XIX в. — труды К. д'Оссона¹ и Г. Ховорта², в XX в. появились капитальные работы Г. Е. Грумм-Гржимайло³, Р. Груссе (благодаря труду которого, собственно, в научный оборот и был введен термин «степные империи»)⁴, С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова⁵, К. Ш. Хафизовой⁶, Е. И. Кычанова⁷, уже в начале XXI в. вышли труды Т. И. Султанова (в т. ч. в соавторстве с С. Г. Кляшторным)⁸, Н. Н. Крадина⁹, С. Акимбекова¹⁰, В. В. Трепавлова¹¹, коллективная «Кембриджская история Центральной Азии»¹² и ряд других. Особым вниманием исследователей пользуется эпоха Монгольской империи, созданной Чингис-ханом, и государств, возникших в результате ее распада, последние из которых существовали еще в первой половине XX в.

Естественно, каждый автор использовал свой собственный подход к интерпретации исторического развития «степных империй»: от общеисторического до специальных — антропологического, политологического, геополитического и т. д. При этом большинство исследователей концентрировалось на политических процессах, происходивших в тюрко-монгольских государствах, их последствиях и роли в развитии политических традиций стран Евразии. Соответственно, приход к власти тех или иных правителей, равно как и соперничество в борьбе за трон, чаще всего лишь упоминались в общеисторическом контексте и специально, как правило, не рассматривались¹³.

В настоящей работе предпринимается попытка подробно рассмотреть именно историю борьбы за власть в тюрко-монгольских государствах, начиная с империи Чингис-хана и заканчивая государствами ее преемников до XX в. включительно. Подобный подход

представляется вполне обоснованным, ведь, несмотря на могущество и Великой Монгольской империи, и ряда ее преемников, высокий уровень их политической и правовой культуры, их история — это постоянная борьба за власть между многочисленными потомками Чингис-хана, к которой со временем подключились и представители других знатных родов тюркского или монгольского происхождения.

Несомненно, во многих случаях попытки захвата трона (как успешные, так и безуспешные) являлись узурпацией: большинство претендентов не имело законных прав на трон либо в силу происхождения, либо из-за несоблюдения процедуры прихода к власти. Однако характерной особенностью борьбы за трон в тюрко-монгольских государствах являлось то, что практически каждый претендент стремился или обосновать законность собственных прав на верховную власть, или же подвергнуть сомнению легитимность правления своего противника и добиться его свержения (если тот уже занимал трон) или иного устранения (если тот еще не добился верховной власти). Во всех случаях соперники демонстрировали хорошее знание законов и традиций кочевых государств, и исход борьбы за власть зачастую зависел не только и не столько от военной силы того или иного претендента, но и от того, как именно он обосновывал свои права на трон, тем самым имея возможность добиться признания своей власти как внутри страны, так и на международной арене.

По мере распада тюрко-монгольских государств, возглавлявшихся потомками Чингис-хана, снижался авторитет и их правящего рода, в результате чего претензии на власть стали предъявлять представители аристократических родов тюркского и монгольского происхождения, не имевших отношения к Чингизидам. И если некоторые из них все же предпринимали попытку обнаружить в своих жилах хотя бы толику чингизидской крови, то другие обосновывали право на трон совершенно иначе. В результате уже в позднем Средневековье и особенно в Новое время наблюдается конфликт различных способов легитимации власти: с одной стороны, чингизидское происхождение и имперское право, с другой — опора на религиозные принципы и нормы (и, соответственно, поддержку мусульманского или буддийского духовенства) или же на прочные связи с тем регионом, к власти над которым стремились те или иные претенденты.

Со временем могущественные «степные империи», прежде являвшиеся сюзеренами соседних оседлых государств, сами попадали

в вассальную зависимость или даже под прямое управление этих соседей. И в таких случаях правители, пришедшие к власти на совершенно законном основании — с точки зрения права тюрко-монгольских государств и древних кочевых традиций, с соблюдением установленной процедуры и т. д., — могли рассматриваться как узурпаторы, если их кандидатуры не устраивали сюзеренов и не подтверждались ими официально. Соответственно, в глазах сюзерена такие правители — потомки прежних монархов — являлись мятежниками, которых следовало наказывать. Нередко для обеспечения более прочного контроля над тюрко-монгольскими государствами иностранные сюзерены поддерживали претендентов, имевших меньше прав на трон, — ведь в таком случае вассальные правители могли сохранять власть лишь при покровительстве сюзерена, что являлось залогом их лояльности.

Помимо анализа многочисленных примеров узурпации трона в книге также затрагивается еще один интересный феномен борьбы за верховную власть — самозванство. Это явление также неоднократно привлекало внимание исследователей — правда, как правило, на примерах западноевропейской или российской истории. Феномен самозванства в истории тюрко-монгольских государств до сих пор внимания исследователей особо не привлекал, что, впрочем, объяснимо, поскольку в «степных империях» это явление не имело столь широкого распространения — в силу хорошего знания кочевниками генеалогии правящих родов попытки авантюристов выдать себя за их представителей в большинстве случаев заранее были обречены на провал. Тем не менее, по различным причинам и в особых обстоятельствах отдельные претенденты и такого рода вступали в борьбу за власть, порой даже добиваясь определенных успехов. Примеры деятельности самозванцев в разных тюрко-монгольских государствах и причины, по которым они находили себе покровителей и сторонников, также рассматриваются в настоящей книге.

Империя Чингис-хана распалась уже во второй половине XIII в., и в течение нескольких веков «степные империи» его потомков также непрерывно дробились на все новые и новые государства. Поэтому в настоящей книге предпринимается попытка рассмотреть процессы борьбы за власть в соответствии с географическим принципом — в отдельных регионах Евразии. Соответственно, будут отдельно рассмотрены примеры узурпации власти в самой Монгольской империи и империи Юань в Китае, в Чагатайском улусе

в Центральной Азии и государствах, возникших в результате ее распада, в государстве ильханов в Иране, в Золотой Орде и ее преемниках, в том числе и в Казахстане, вплоть до начала XX в., наконец — в Монголии (как Внешней, так и Внутренней) — также до XX в. включительно. Однако содержание каждого из разделов отнюдь не преследует цели дать последовательное изложение истории соответствующего государства или региона: темой исследования является именно анализ методов борьбы за власть, средств легитимации правления тюрко-монгольских государей.

Кроме того, считаем целесообразным оговорить, что целью книги не являлось составление биографических очерков, посвященных отдельным представителям ханского рода или иным претендентам на престол. Поэтому более подробный анализ деятельности конкретных исторических персонажей проводился в тех случаях, когда их действия имели важное значение в общем процессе политического развития того или иного тюрко-монгольского государства, влияли на его последующее историческое развитие либо же могли служить прецедентом для аналогичных действий последующих претендентов на трон.

Завершая введение, автор хотел бы искренне поблагодарить ряд коллег — в частности, А. К. Бустанова, А. Д. Васильева, П. О. Рыкина, Т. Д. Скрынникову, Т. И. Султанова (Россия), К. З. Ускенбая и К. Ш. Хафизову (Казахстан), Б. М. Бабаджанова и А. С. Эркинова (Узбекистан), Д. Ноду (Япония) — за помощь при решении ряда проблем и сложных вопросов, возникших в процессе работы над книгой, а также за предоставление некоторых труднодоступных источников и исследовательских работ, без которых анализ ряда важных примеров и тенденций был бы невозможным.

Санкт-Петербург, 2015

ГЛАВА 1

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИМПЕРИЯ ЮАНЬ

Чтобы добиться ханского титула и верховной власти в Монгольской империи, было необходимо принадлежать к потомкам Чингис-хана по прямой мужской линии и пройти процедуру избрания на курултае¹⁴. Однако представители «Золотого рода» (т. е. отвечавшие первому из требований) нередко пытались добиться власти, оспаривая законность избранных монархов либо же в обход курултая. И таких случаев было не так уж мало. Многочисленность претендентов и ожесточенная борьба за власть, первые проявления которой имели место практически сразу после смерти Чингис-хана, объясняются тем, что у монголов не было четкого порядка престолонаследия. Некоторые исследователи даже распад Монгольской империи во многом связывают с этой причиной¹⁵.

Несостоявшаяся узурпация Тулуя

Институт регентства в Монгольской империи и чингизидских государствах был достаточно распространен, несмотря на то что никакого правового закрепления статуса регентов в чингизидском праве не существовало (по крайней мере, нам такие правовые акты неизвестны). Фактически сосредотачивая в своих руках власть, равную ханской, регенты тем не менее не являлись полноправными монархами, прекрасно понимая, что рано или поздно им придется отказаться от власти в пользу монарха, выбранного в законном порядке. Неудивительно, что многие временные правители старались всячески оттянуть избрание монарха и сохранить ситуацию «переходного периода», таким образом оставаясь верховными правителями государства.

Так действовал уже самый первый регент Монгольской империи, ставший временным правителем после смерти Чингис-хана в 1227 г., — его четвертый сын Тулуй, носивший также титул Еке-нойона или Улуг-нойона, т. е. «Великого князя». В соответствии

с монгольским обычным правом Тулуй являлся отчигином семейства Чингизидов — формально «хранителем домашнего очага», фактически же — «главой дома и коренного юрта [отца] своего»¹⁶. Коренной юрт Чингис-хана (в монгольской политической традиции — «голун (голын) улус», буквально — «центральное владение»¹⁷) включал в себя фамильные владения Чингизидов в Монголии, в бассейне рек Онона, Керулена и Толы, а также и немалые владения в недавно завоеванном Северном Китае¹⁸. Кроме того, согласно Рашид ад-Дину, Тулую как регенту должны были подчиняться «те из войск, что относились к центру, правой руке и левой руке» — практически все войска Монгольской империи¹⁹. В результате Тулуй, при жизни отца бывший на вторых ролях в политической жизни, вдруг оказался во главе огромной империи. Естественно, было бы странным, если бы он не пожелал сохранить свою власть на как можно более долгое время.

Ряд источников донес до нас сведения о властных амбициях Тулуя. Так, Рашид ад-Дин отмечает, что после смерти Чингис-хана «Тулуй-хан (sic! — Р.П.) водворился в коренном юрте, который состоял из престольного города и великих станов Чингиз-хана, и воссел [на царский престол]»²⁰. Вполне вероятно, что в данном случае термин «царский престол» является всего лишь устойчивым выражением и не свидетельствует о властных амбициях четвертого сына Чингис-хана. Однако слова персидского автора подтверждаются еще одним источником — китайской династийной историей «Юань ши», составленной в 1369 г. В биографии Елюя Чу-цай — советника Чингис-хана и Угедэя, первого чжуншулина (канцлера) Монгольской империи, содержится следующее сообщение: «Тай-цзун [Угедэй. — Р.П.] должен был вступить на престол, собрались все [его] сородичи на съезд, но еще не принимали [окончательного] решения. Жуй-цзун [Тулуй. — Р.П.] был родным младшим братом Тай-цзуна, и поэтому [Елюй] Чу-цай сказал Жуй-цзуну: “Это — великая забота династии. Надо побыстрее разрешить [ее]”. На это Жуй-цзун сказал: “Дело еще не готово. Можно ли выбрать другой день?” [Елюй] Чу-цай ответил: “Пропустите этот — не будет [другого более] счастливого дня”»²¹. Как видим, намерения Тулуя были вполне очевидны: он стремился затянуть, насколько это возможно, проведение курултая, на котором следовало избрать ханом его старшего брата Угедэя, и за это время расположить монгольскую знать в свою пользу²².

Интересно также отметить, что тот же Рашид ад-Дин (являвшийся, напомним, помимо всего прочего, еще и официальным

придворным историографом монгольских правителей Ирана — потомков Хулагу, сына Тулуя) отмечает, что «Чингиз-хан имел в мыслях передать ему также каанство и царский престол и сделать его наследником престола, но [потом] он сказал: «Эта должность, в которой ты будешь ведать моими юртом, ставкой, войском и казной, для тебя лучше, и ты будешь спокойнее душой, — так как у тебя будет много войска, то твои сыновья будут самостоятельнее и сильнее других царевичей»²³. Подобное сообщение противоречит вышеприведенному решению Чингис-хана о назначении наследником Угедэя, но в полной мере легитимирует последующий приход к власти потомков Тулуя, которые, как известно, довольно быстро отстранили Угедэидов от власти в Монгольской империи. Вместе с тем, нельзя не предположить, что слова, приписанные персидским историком Чингис-хану, могли и в самом деле использоваться Тулумом и его сторонниками в целях сохранения за ним верховной власти и затягивания организации курултая для выборов хана. Таким образом, мы не можем обвинять Тулуя в узурпации трона в полном смысле этого слова: он не предъявлял претензий на трон в обход наследника по завещанию Чингис-хана, не пытался захватить его силой. Однако, будучи регентом, он допустил именно «фактическую» узурпацию, т. е. попытался сохранить верховную власть в своих руках как можно дольше, пренебрегая своей обязанностью созвать курултай для избрания хана.

Однако слишком мало времени прошло после смерти Чингис-хана, чтобы его потомки, родичи и сановники успели утратить пиетет к нему и пренебречь его последней волей, поэтому курултай состоялся, и воля основателя империи не была нарушена: Угедэй стал его преемником²⁴. Однако претензии Тулуя на верховную власть не прошли для него бесследно: брат-хан до конца жизни так и не доверял ему полностью. Ближайшим соратником и фактическим соправителем Угедэя на протяжении всего его правления являлся не Тулуй, а старший брат Чагатай, в отличие от младшего свято соблюдавший волю отца и никогда не претендовавший на главенство в империи²⁵. Во время войны против империи Цзинь в Северном Китае Тулуй поначалу возглавлял боевые действия против чжурчженей, однако вскоре Угедэй, несмотря на явные военные успехи младшего брата, сначала отозвал его ко двору, поручив верховное командование полководцу Субэдэй-багатуру, а затем и вообще лично возглавил войска²⁶. Когда же Тулуй умер, Угедэй отказывался признавать заслуги брата: после завоевания Китая он

даже не намеревался выделить потомкам Тулуя владения на вновь присоединенных территориях и пошел на это только после многократных увещеваний Сорхактани, вдовы брата²⁷.

В монгольской имперской и постимперской историографии, однако, Тулуй представлен как воплощение всех добродетелей, активный помощник сначала своего отца Чингис-хана, а затем — и брата Угедэя. Сначала он содействовал отцу и брату в их завоеваниях в Средней Азии и Китае, проявив себя как умелый полководец, а затем — и как любящий брат, пожертвовавший своей жизнью, чтобы спасти брата-хана. Согласно монгольским летописям, а также и сообщению персидского историка Рашид ад-Дина, создававшего свой «Сборник летописей» при дворе персидских ильханов — прямых потомков Тулуя, во время похода Угедэя в Китай местные духи наслали на Угедэя страшную болезнь, у него отнялся язык и он вообще был близок к смерти. Шаманы заявили, что спасти хана сможет только одно — если за него пожертвует жизнью его родственник, и Тулуй, выпив заговоренную воду, скончался, а Угедэй поправился²⁸. Впрочем, подобные панегирики первому регенту Монгольской империи в монгольской же историографии не удивительны: ведь в Монголии с середины XIII до первой четверти XX вв. у власти находились преимущественно его потомки! Трудно не предположить, что трогательная история о смерти Тулуя в качестве искупительной жертвы за венценосного брата — всего лишь более поздняя историографическая попытка «реабилитации» Еке-нойона после его попытки (пусть и не явной) нарушить завещание отца и начать борьбу за трон²⁹. Вероятно, той же цели служит и утверждение Рашид ад-Дина о том, что Тулуй «большей частью состоял при Угедэй-каане и проявил старания в возведении его в каанское достоинство»³⁰, в котором нельзя не усмотреть лукавства придворного историка персидских ильханов — потомков первого регента Монгольской империи.

В заключение стоит отметить, что, хотя сам Тулуй и не добился ханского титула, в официальной придворной историографии (правда, создававшейся, как уже неоднократно отмечалось, при его прямых потомках) он фигурирует в качестве монарха: Рашид ад-Дин именует его «Тулуй-хан», а в «Юань ши» он упоминается с храмовым императорским именем «Жуй-цзун»³¹. Кроме того, своим примером он создал весьма опасный прецедент, в соответствии с которым появлялось еще одно преимущество в претензиях на власть — правление в «коренном юрте», которое при определенных

обстоятельствах могло стать решающим фактором в соперничестве за трон и ханский титул. Именно этот довод впоследствии использовал Арик-Буга — сын самого Тулуя, начав длительную и кровавую борьбу за трон со своим родным братом Хубилаем.

«Дело» Тэмугэ-отчигина

Если после смерти Чингис-хана практически не возникло проблем с переходом власти к указанному им наследнику Угедэю, то после смерти самого Угедэя (1241 г.) на трон предъявили претензии сразу трое его собственных потомков: старший сын Гуюк, второй сын Годан (якобы предназначенный в преемники Угедэю самим Чингис-ханом) и, наконец, Ширэмун, внук Угедэя, который сам хотел сделать его своим преемником. Пользуясь раздорами в ханском семействе, Туракина, вдова Угедэя, около пяти лет самовластно управляла государством в качестве регентши³². В условиях нестабильной политической ситуации, постоянных смещений влиятельных сановников и назначений на их посты приближенных самой Туракины и отсутствия законодательства о престолонаследии Тэмугэ-отчигин, младший (и последний оставшийся в живых) брат Чингис-хана, также решил вступить в борьбу за власть, положив начало многовековому соперничеству прямых потомков Чингис-хана и потомков его братьев. В 1242 или 1243 г. он, собрав своих многочисленных нукеров, двинулся к ханской ставке, намереваясь занять трон.

Однако авантюра Тэмугэ окончилась неудачно. Регентша Туракина сумела собрать верные войска и под командой своего сына Мелик-огула выслала их навстречу мятежному родичу. Тэмугэ, всю жизнь бывший на вторых ролях, почел за лучшее отказаться от своего намерения захватить власть. При этом он постарался сохранить лицо, представив свое выступление как некое недоразумение, а поспешный отход связал с тем, что кто-то из его окружения умер и необходимо соблюсти траурные церемонии. Выразив на прощание сожаление о случившемся, он отправился восвояси. Джувейни завершает свой рассказ о выступлении Тэмугэ-отчигина весьма ехидной фразой: «В это время распространились слухи о прибытии Гуюка и его войск, с которыми он расположился на берегу Эмиля, в связи с чем его [Тэмугэ] сожаление стало еще больше»³³. На этом, казалось, недоразумение между родственниками было улажено, и в течение нескольких лет о поступке брата Чингис-хана никто не вспоминал.

Нарушил ли он какой-либо закон? Еще раз подчеркнем, что никаких нормативных правил относительно порядка престолонаследия в Монгольской империи в то время не существовало. Вышеприведенная фраза Чингис-хана, послужившая основой для правила о том, что трон может принадлежать только его прямым потомкам, была сказана не на официальном мероприятии — курултае: она была произнесена фактически в приватной беседе хана со своими сыновьями и ближайшими сановниками. Она даже не была включена в состав биликов Чингис-хана — его изречений, которые Чингизиды порой применяли наравне с законами. Даже тот факт, что Чингис-хану наследовал его сын Угедэй, не мог служить обязательным прецедентом, поскольку являлся пока еще лишь единичным, а не повторяющимся из раза в раз примером.

Кроме того, по всей вероятности, еще были живы люди, которые помнили, что в XII в. диапазон кандидатов на ханский трон был довольно широк. Например, прямому предку Чингис-хана, Хабул-хану из рода Кият, в середине XII в. наследовал не его прямой потомок или ближайший родственник, а троюродный брат Амбагай — предводитель племени тайджиутов³⁴. Этот правитель, в свою очередь, завещал избрать ханом либо Хугулу — сына Хабула, либо собственного сына Хадана³⁵. Да и сам Тэмуджин, будущий Чингис-хан, стал ханом не без проблем: с ним за власть боролись несколько потомков Хабул-хана (Алтан, Хучар, Сача-бэки), а также и представитель рода Амбагая, предводитель тайджиутов Таргутай-Кирилтух. Таким образом, больше прецедентов было в пользу Тэмугэ-отчигина, а не потомков Чингис-хана.

Тем не менее, в 1246 г., когда новым монгольским ханом на курултае был избран Гуюк — старший сын Угедэя и Туракины, одним из первых его решений стало предание Тэмугэ-отчигина суду, который возглавили Орду — старший сын Джучи, первенца Чингис-хана, и Мунке — старший сын вышеупомянутого Тулуя. Они осудили Тэмугэ «на основании Ясы», т. е. законодательства Чингис-хана, и приговорили к смерти³⁶. Единственным преступлением, за которое брат Чингис-хана был осужден с такой формулировкой, было, по-видимому, стремление самовольно занять трон — без созыва курултая. Даже иностранным дипломатам известно такое постановление Чингис-хана — так, Иоанн де Плано Карпини отмечает: «Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления»³⁷.

Сейчас уже практически невозможно сказать, каковы были намерения Тэмугэ-отчигина — действительно ли он хотел захватить трон без созыва курултая или же, взяв под контроль ханскую ставку, провести курултай, легитимировав фактический захват трона (именно так в 1251 г. поступил царевич Мунке, ставший новым монгольским ханом). Однако, поскольку его намерения были пресечены на стадии «покушения на преступление» и он оказался проигравшим, Чингизиды могли обвинить его в каких угодно намерениях и формально доказать в суде его вину, чтобы иметь законные основания избавиться от опасного конкурента в борьбе за трон.

На наш взгляд, именно обвинение Тэмугэ-отчигина, суд над ним и казнь положили начало принципу, согласно которому лишь прямые потомки Чингис-хана имели право на ханский трон. В результате частное волеизъявление Чингис-хана в отношении своего преемника, скрепленное казнью его родного брата, приобрело силу закона, действовавшего на протяжении столетий. Рискнем предположить, что причиной (или, по крайней мере, одной из причин), по которой заклятые враги Гуюк и Бату решили найти общий язык и продемонстрировать всему миру свое единодушие³⁸, было стремление объединиться против конкурентов в борьбе за трон, происходивших из других ветвей Борджигинов — не потомков Чингис-хана. Это подтверждается и тем фактом, что вскоре после казни Тэмугэ-отчигина между двоюродными братьями началось уже не прикрытое противостояние.

Сыновья Гуюка в борьбе за отцовский трон

Следующий переходный период, а с ним и новое регентство наступили довольно быстро — после скоростижной смерти Гуюк-хана в 1248 г. Формально регентшей стала ханша Огул-Гаймиш, вдова Гуюка — по воле двух наиболее влиятельных в то время в Монгольской империи лиц: Бату, правителя Золотой Орды, и Сорхактани, вдовы Тулуя и правительницы «Коренного юрта». Однако, как сообщают имперские историки Джувейни и Рашид ад-Дин, власть регентши была лишь номинальной, и мало кто ее признавал, не исключая ее родных сыновей Наку и Ходжи, которые сами видели себя правителями и вели себя соответственно, фактически узурпировав властные полномочия.

Надо сказать, впрочем, что некоторые основания для претензий на власть у них имелись. Дело в том, что, когда Гуюк был избран

ханом, он после традиционного отказа от власти в пользу «более достойных родственников» соизволил наконец принять ханский титул, но поставил следующее условие: «Я соглашусь на том условии, что после меня [каанство] будет утверждено за моим родом». Все единодушно дали письменную присягу: «Пока от твоего рода не останется всего лишь кусок мяса, завернутого в жир и траву, который не будут есть собака и бык, мы никому другому не отдадим ханского достоинства»³⁹. Как видим, Гуюк предпринял попытку заполнить пробел в законодательстве о престолонаследии и ввести прямое правопреемство от отца к сыновьям⁴⁰. Однако подобные действия настолько шли вразрез с древними традициями избрания ханов, что формально такая клятва не имела силы, что и вызвало последующее трехлетнее междуцарствие.

Тем не менее Бату и Сорхактани, действуя в собственных интересах, в какой-то степени подтолкнули Наку и Ходжу к фактической узурпации власти. В 1249 г. Бату собрал в своих владениях Чингизидов, нойонов и военачальников, которые обсудили ситуацию в Монгольской империи и решили «из уважения к сыновьям Гуюка оставить власть в их руках, пока не будет созван курултай»⁴¹. Ободренные таким решением, Наку и Ходжа вернулись в Монголию, где тотчас создали собственные, практически ханские дворы, стали отдавать распоряжения и даже издавали ярлыки — указы, право издания которых принадлежало исключительно законно избранным монархам⁴². При этом оба претендента на трон совершенно не учли, что принятое в их пользу решение и их собственные последующие действия противоречили официальному признанию их матери в качестве регентши. Они постоянно конфликтовали с ней в течение всего своего самовольного «правления» — равно как и между собой, и со старшими родственниками, а также с канцлером Чинкаем, мнение которого они должны были учитывать в соответствии с решением курултая 1249 г.⁴³.

Мы уже высказывали мнение, что признание регентшей слабобольной и неопытной Огул-Гаймиш, а затем и фактическое предоставление аналогичных полномочий ее сыновьям представляли собой целенаправленную деятельность Бату и Сорхактани по дискредитации рода Угедэя и подготовке «общественного мнения» к выдвижению в качестве претендента на трон представителя другой ветви Чингизидов. Сыновья Гуюка в этом смысле полностью оправдали ожидания своих старших родичей⁴⁴.

Тем не менее Наку и Ходжа, даже когда уже большинством Чингизидов уже была фактически согласована в качестве будущего хана кандидатура их двоюродного дяди Мунке, сына Тулуя, упрямо продолжали цепляться за свои властные полномочия, по-прежнему упирая на обещание, данное участниками курултая 1246 г. их отцу, — что власть останется за их родом. Вероятно, они так и не уяснили для себя, что завещание предшественника, в соответствии с правовыми взглядами Чингизидов и монгольской знати, являлось не более чем одним из возможных оснований для претензий на власть, и далеко не всегда доминирующим. Если в 1229 г. подобное завещание Чингис-хана было выполнено, то уже при избрании Гююка его воля была проигнорирована: Чингис-хан следующим ханом после Угедэя завещал выбрать Годана — второго сына самого Угедэя⁴⁵, однако на курултае 1246 г. большинство сошлось на том, что Годан болен⁴⁶ и не сможет эффективно править, почему ему и предпочли его старшего брата Гююка. Аналогичным образом было проигнорировано и завещание самого Угедэя, который видел своим преемником не Гююка, а внука Ширэмуна, «который был очень одарен и умен»⁴⁷. Естественно, имея в качестве прецедентов нарушение завещаний двух ханов (в том числе и самого Чингис-хана), монгольская знать вовсе не чувствовала себя связанной обещанием, данным третьему!

Выдвигая Мунке как кандидата на ханский трон, Бату подчеркивал его личные качества — мудрость, храбрость, опыт в командовании войсками в походах. Сыновья же Гююка и их сторонники могли противопоставить этому по-прежнему только обещание, данное их отцу при избрании. Именно этот довод неоднократно приводился самими Наку и Ходжой, а также их приверженцами в течение трехлетних споров по поводу избрания нового хана. Так, в своем послании к Бату они писали: «Царская власть полагается нам, как же ты [ее] отдаешь кому-то другому?»⁴⁸ Их сторонник Ильджидай-нойон из племени джалаир прямо на курултае, на котором формально должно было состояться избрание Мунке, заявил: «Вы все постановили и сказали, что до тех пор, пока будет от детей Угедей-каана хотя бы один кусок мяса и если его завернуть в траву, — и корова ту траву не съест, а если его обернуть жиром, — и собака на тот жир не посмотрит, — мы [все же] его примем в ханство, и кто-либо другой не сядет на престол. Почему же теперь вы поступаете по-другому?»⁴⁹ Надо полагать, Наку и Ходжа осознавали не надежность своего положения, поскольку не могли ничем другим,

кроме воли своего отца, подкрепить его, однако от власти отказываться не собирались и всячески старались затянуть проведение курултая, на котором они оказались бы ее официально лишены. Эта ситуация очень сильно напоминает позицию их двоюродного деда Тулуя перед избранием их родного деда Угедэя — с той только разницей, что у Тулуя в руках была реальная власть, тогда как сыновья Гуюка обладали лишь ее видимостью.

Видя, что на сыновей Гуюка не действуют никакие разумные доводы — например, об их молодости, о том, что хан избирается всеобщим решением на курултае, а не вступает на престол по завещанию предшественника, Бату и его сторонники были вынуждены пойти на радикальную меру. Выдвинув против рода Угедэя многочисленные обвинения в нарушении имперского права, другие Чингизиды и монгольская знать признали их недостойными ханской власти и официальным решением курултая лишили права занимать ханский трон⁵⁰.

Наку и Ходжа даже после воцарения Мунке не были привлечены к ответственности за свою узурпацию — надо полагать, потому, что, хотя они и держали свои собственные дворы, и издавали ханские ярлыки, прямых попыток добиться трона в обход действующих законов не предпринимали. Однако когда сыновья Гуюка и их сторонники все же предприняли попытку совершить переворот и устранить Мунке, только что избранного ханом, они были преданы суду и понесли соответствующее наказание за то, что «преступали закон и имели особые замыслы»⁵¹: Наку (как и его ближайший сообщник Ширэмун) был сослан в действующую армию, а Ходжа, непосредственно в заговоре не участвовавший, лишился своих владений, получив взамен удел в более отдаленной области, тогда как менее знатные участники заговора были казнены⁵².

Как видим, отсутствие четких правил наследования ханского трона в Монгольской империи в очередной раз привело к длительному междуцарствию, когда власть (хотя бы частично) оказалась почти на два года в руках молодых, неопытных царевичей, которые претендовали и на большее. Несмотря на то что они фактически узурпировали властные полномочия, официальных норм для отстранения их от власти у старших родственников не было, почему и понадобилось специальное решение курултая, которым они и все их семейство обвинялись в преступлениях, позволяющих лишить их каких бы то ни было прав на ханский титул и власть в империи. Впрочем, законность такого решения, в свою очередь,

была проблематичной, что и привело в дальнейшем, как мы увидим ниже, к активной борьбе потомков Угедэя за власть в Монгольской империи и ее отдельных улусах.

Право и сила в борьбе за трон Хубилая и Арик-Буги

Хан Мунке скончался в 1259 г., а уже в 1260 г. практически одновременно состоялись два курултая, на которых два брата покойного хана были провозглашены его преемниками. В июне-июле 1260 г. Хубилай созвал курултай в китайском городе Кайпин, на котором представители ханского правящего рода, монгольской знати и военного командования провозгласили его ханом. По утверждению Рашид ад-Дина, это было сделано в ответ на то, что Арик-Буга объявил себя ханом в Монголии⁵³, современные же авторы считают, что Хубилай первым объявил себя преемником Мунке и Арик-Буга сделал то же самое лишь в ответ на его действия⁵⁴.

Таким образом, различные авторы — как средневековые хронисты, так и современные исследователи, — при изучении событий 1260–1264 гг., как правило, оправдывают либо Хубилая, либо Арик-Бугу. В официальной монгольской историографии (имперской, позднесредневековой и даже современной) утвердилось мнение, что Арик-Буга был всего лишь узурпатором власти, самовольно и без всяких на то оснований («по глупости», как писал Рашид ад-Дин) провозгласившим себя ханом; разделяют эту позицию и современные исследователи, опирающиеся на упомянутые источники⁵⁵. Ряд же авторов полагает, что как раз Арик-Буга имел все права на ханский трон, тогда как Хубилай явился не только узурпатором, но и попираателем монгольских традиций, которым предпочитал китайские⁵⁶.

Позиция средневековых авторов объясняется достаточно просто: им приходилось разделять официальную идеологию ханских дворов, при которых они создавали свои произведения⁵⁷. Современные же исследователи довольно опрометчиво доверяют сведениям своих средневековых коллег, фактически «становясь на сторону» одного из претендентов. На наш взгляд, в конфликте между Хубилаем и Арик-Бугой было бы некорректным обвинять в узурпации одного из них, а второго, соответственно, объявлять законным монархом — в данном случае имела место именно борьба различных факторов легитимации. Арик-Буга был младшим сыном старшей супруги своего отца Тулуя — соответственно, обладателем

«коренного юрта» и хранителем домашнего очага, отчигином или эцзеном⁵⁸. Однако никаких достоинств (за исключением личного мужества) у него не было, что признают даже те авторы, которые считают Арик-Бугу законным ханом⁵⁹. Хубилай же, во-первых, являлся старшим из остававшихся в живых братьев покойного брата Мунке и уже успел себя зарекомендовать как талантливый военачальник и администратор. Таким образом, каждый из братьев при равном происхождении имел ряд дополнительных факторов, позволявших им предъявить претензии на трон.

Таким образом, борьба между двумя братьями являлась борьбой равнозначных факторов легитимации, и только военная сила позволяла поставить окончательную точку в этом конфликте. Это понимали и сами претенденты на трон, и Чингизиды, поддерживавшие каждого из них, поскольку противостояние претендентов на монгольский трон отвлекало их от контроля за остальными улусами империи и позволяло местным правителям проводить фактически независимую политику.

Подтверждением такой точки зрения служит даже состав представителей «Золотого рода» на курултаях, провозгласивших ханами Арик-Бугу и Хубилая. Так, в возведении на трон Арик-Буги участвовали правительница Чагатайского улуса Эргэнэ-хатун (вдова Кара-Хулагу, внука Чагатая), Асутай и Урунгташ — сыновья хана Мунке, Карачар — сын Орду (сына Джучи), Алгуй — внук Чагатая, Есу — сын Кадака (сына Чагатая), Курмиши и Начин — сыновья Кадана (сына хана Угедэя), Наймадай — сын Тогачара (внука Тэмугэ-отчигина) и один из сыновей Белгутэя⁶⁰. Хубилай же на созванном им курултае поддержали, в частности, Чинг-Тимур, сын Кадака (сына Чагатая), Есунке (сын Хасара, брата Чингис-хана), Тогачар (сын Тэмугэ-отчигина), Чавту (сын Белгутэя), Еке-Кадан и Нарин-Кадан⁶¹. Таким образом, в лагерях разных претендентов оказались близкие родственники: родные братья Есу и Чинг-Тимур, Тогачар и его сын Наймадай, два сына Белгутэя; по некоторым сведениям, либо Еке-Кадан, либо Нарин-Кадан (их родословная Рашид ад-Дином не уточняется) — это Кадан, шестой сын хана Угедэя⁶², в таком случае против него, союзника Хубилая, выступили на стороне Арик-Буги двое его собственных сыновей! Весьма трудно предположить, что близкие и равные друг другу по статусу царевици могли бы поддержать узурпатора против законного монарха — несомненно, каждая партия ставила на соответствующий фактор легитимации каждого из претендентов.

Однако Арик-Буга, в отличие от Хубилая, предпринял попытку откровенной фальсификации в целях повышения своей легитимности. Во все монгольские улусы от его имени были разсланы послания следующего содержания: «Хулагу-хан, Берке и царевичи согласились и объявили меня кааном, не обращайтесь на слова Кубилая, Тогачара, Йисункэ, Еке-Кадана и Нарин-Кадана и не слушайте их приказов»⁶³. Ни о какой поддержке Арик-Буге со стороны Хулагу — правителя (впоследствии — ильхана) Ирана и Берке — правителя Улуса Джучи (Золотой Орды) речи фактически не шло. Эти два самых влиятельных улусных правителя Монгольской империи даже не соизволили прибыть ни на один из курултаев. Каждый из них номинально поддержал одного из претендентов: Берке — Арик-Бугу, а Хулагу — Хубилая, однако эта позиция отражала не столько реальное признание каждым из них соответствующего претендента на трон, сколько их собственное противостояние (как известно, именно при Берке и Хулагу началась почти столетняя война Золотой Орды и Ирана за Азербайджан)⁶⁴. Отношения же с кандидатами на трон монгольских ханов у улусных правителей складывались весьма противоречиво.

Так, Берке выразил поддержку Арик-Буге и даже инициировал в Булгаре чеканку монеты с его именем⁶⁵, однако вовсе не стремился явно его поддерживать.⁶⁶ Более того, сам Арик-Буга весьма настороженно относился к своему «союзнику», на что указывает, в частности, следующее сообщение: Ариг-Бука... сказал: «Самое лучшее — это чтобы Алгу, сын Байдара, сына Чагатая... прислал бы нам помощь оружием и провиантом и охранял бы границу Джейхуна, чтобы войско Хулагу и войско Берке не могли прийти с той стороны на помощь Кубилаю»⁶⁷. Как видим, претендент на престол не делал различий между Берке, который вроде бы был на его стороне, и Хулагу, явным союзником Хубилая!

В свою очередь, Хулагу, открыто принявший сторону Хубилая (и то лишь из опасения, что Арик-Буга, заменивший правителя Чагатайского улуса, поступит точно так же и относительно него, тогда как Хубилай подобных намерений не выражал), после поражения и пленения Арик-Буги активно выступил против его смертной казни — вместе с Берке и Алгуем, кажется, единственный раз придя к согласию с этими своими соперниками⁶⁸. В результате, как и в случае с заговором сыновей Гуюка, жизни лишились лишь эмиры Арик-Буги, тогда как царевичи — инициаторы восстания (Арик-Буга, Асутай и др.) сохранили и жизни, и владения. Как мы

увидим далее, потомки Арик-Буги сохранили влияние в Монголии и впоследствии создали немало проблем потомкам Хубилая в этом регионе.

Весьма показателен эпизод о встрече Хубилая и Арик-Буги после пленения последнего, описанный Рашид ад-Дином: «Он [Хубилай — Р.П.] спросил: “Дорогой братец, кто был прав в этом споре и распре — мы или вы?” Тот ответил: “Тогда — мы, а теперь — вы”»⁶⁹. На наш взгляд, этот диалог в полной мере отражает специфику ситуации, сложившейся в Монгольской империи в 1260–1264 гг.: при равных правах на престол Хубилай, сумевший победить своего брата-соперника силой оружия, был признан не столько как имеющий больше законных прав, сколько как победитель.

Тем не менее долго и спокойно наслаждаться ему своей властью не пришлось: вскоре после победы над Арик-Бугой против него поднялся еще один претендент на трон — Хайду, внук Угедэя.

Хайду — законный хан или узурпатор?

Подобно Арик-Буге, Хайду представлен в монгольской имперской историографии как мятежник и узурпатор, а его действия — как бунт против законной власти⁷⁰. И, надо сказать, в отношении этого претендента на трон такая характеристика имеет больше оснований, нежели в отношении Арик-Буги. Дело в том, что, как мы помним, ок. 1250–1251 гг. Бату, правитель Золотой Орды и глава рода Борджигин, сформулировал обвинение против «детей Угедей-каана», вынеся вердикт о том, что «каанство им не подобает»⁷¹. Это решение было подтверждено на курултае, на котором Мунке был возведен в ханы.

Однако с формально-юридической точки зрения оно не было законным, поскольку нарушало главный династический принцип Чингизидов — право на трон любого прямого потомка Чингис-хана по прямой мужской линии. Кроме того, далеко не все потомки Угедэя были виновны в тех преступлениях, в которых Бату и его соратники обвинили это семейство (как тот же Хайду, родившийся между 1233 и 1236 гг.). Кстати говоря, сам хан Мунке, пришедший к власти именно в силу этого решения, по-видимому, сам осознавал его незаконность: в его правление Хайду получил титул тайцзы⁷², попав, таким образом, в число наиболее высокопоставленных Чингизидов, имевших некоторые преимущества при избрании нового

хана⁷³. Однако вскоре Хайду был лишен своего титула по подозрению в заговоре против Мунке, а после его смерти поддержал Арик-Бугу в борьбе с Хубилаем, но, в отличие от своего патрона, не сдался Хубилаю после поражения, а продолжил борьбу.

Сразу же после поражения Арик-Буги и сдачи его в плен Хайду начал боевые действия против Хубилая, который в результате своей победы стал единственным легитимным монархом Монгольской империи, в качестве которого и был признан остальными улусными правителями. Однако Хайду не побоялся выступить против него, подвергаясь риску прослыть мятежником и узурпатором. В 1269 г. по его инициативе в долине р. Талас прошел курултай с участием представителей улусов Джучи, Чагатая и Угедэя, на котором эти улусы были объявлены независимыми от монгольского хана⁷⁴. В результате Хубилай из верховного правителя и сюзерена всех улусов Монгольской империи превратился всего лишь в одного из улусных правителей, контролировавшего, правда, значительную часть Монголии и Северный Китай.

Не удовлетворившись ролью самостоятельного улусного правителя и даже получив (также по итогам курултая) контроль над значительной частью Чагатайского улуса, в 1271 г. Хайду провел собственный курултай, на котором был провозглашен монгольским ханом — в противовес Хубилаю⁷⁵. С правовой точки зрения сам факт такого курултая был незаконен: Хубилай не умер и не был низложен семейным советом Чингизидов или курултаем, поэтому не было причин созывать съезд для избрания нового хана. Формальным поводом для созыва курултая стало то, что в этом году Хубилай официально принял титул китайского императора Ши-цзу, положив начало новой китайской династии Юань. Несомненно, в реальности речь шла не о превращении Монгольской империи в китайскую — с формальной точки зрения принятие китайского императорского титула по сути являлось, как сказали бы сегодня, актом личной унии, в результате которой монгольский хан становился одновременно и китайским «сыном Неба» — легитимным монархом в глазах своих новых подданных. Однако Хайду немедленно обвинил Хубилая в предательстве монгольского наследия и, по-видимому, объявил его низложенным в качестве монгольского хана. Сам Хайду провозглашал (и не только на словах) приверженность к кочевому образу жизни и степным традициям⁷⁶.

Тем не менее права Хайду на ханский трон в течение всего времени его правления оставались весьма спорными. Другие улусные

правители, заинтересованные в смуте в Монголии, поскольку это ослабляло контроль каждого из противоборствовавших ханов над другими улусами, фактически признавали ханами и Хубилая, и Хайду, время от времени поддерживая то одного, то другого⁷⁷. Поэтому претендент попытался изыскать дополнительные факторы легитимации, чтобы привлечь больше сторонников. При этом он не останавливался перед тем, чтобы пойти на прямые фальсификации.

Так, он стал распространять слова, якобы сказанные его дедом — ханом Угедэем, при его рождении: «Пусть этот мой сыночек будет моим преемником после меня»⁷⁸. Апеллирование к воле прежнего хана к этому времени стало традиционным приемом в борьбе различных претендентов на престол: еще на курултае 1246 г. некоторые влиятельные нойоны выдвигали царевича Годана, второго сына Угедэя, на том основании, что «его однажды отличил Чингис-хан»⁷⁹. В позднесредневековых монгольских летописях приводятся слова, якобы сказанные Чингис-ханом перед смертью о Хубилае: «Слова мальчика Хубилая особые. Слушайте его приказаний»⁸⁰ — так придворные историки монгольских ханов, считавшихся прямыми потомками Хубилая, обосновывали большую легитимность Хубилая по сравнению с Арик-Бугой, фактически давая понять, что Чингис-хан видел его одним из своих преемников.

Вместе с тем, апеллирование к воле покойного Угедэя являлось не слишком убедительным доводом в пользу законности притязаний Хайду. Во-первых, как известно из источников, преемник Чингис-хана видел своим наследником вовсе не Хайду, сына Кашина, а своего другого внука — Ширэмуна, сына Куджу⁸¹, и, вероятно, еще были живы люди, помнившие об этом, следовательно, была опасность, что Хайду уличат в подлоге. Во-вторых, ссылка на волю Угедэя вряд ли могла привлечь на сторону его внука тех, кто поддерживал потомков Тулуя. Ведь Мунке-хан, придя к власти, под предлогом изъятия незаконно выданных ярлыков «множества ханш и царевичей» (по-видимому, имеются в виду Огул-Гаймиш и ее сыновья, пытавшиеся узурпировать власть после смерти Гуюка) приказал отменить указы и изъять жалованные грамоты всех своих предшественников на монгольском троне — не допустив исключения даже в отношении ярлыков Чингис-хана⁸². Что тут было говорить о воле «всего лишь» Угедэя?

Надо полагать, Хайду и сам осознавал слабость этого довода в пользу законности своих прав на престол и потому использовал

второй, куда более хитроумный и интересный с правовой точки зрения. Он решил апеллировать к Великой Ясе Чингис-хана, заявив, что она содержит положения, дающие ему все основания претендовать на ханский титул — якобы, согласно воле Чингис-хана, именно потомки Угедэя должны занимать трон Монгольской империи, соответственно, его соперник Хубилай являлся не более чем узурпатором⁸³.

Рискованный шаг Хайду в данном случае объяснялся неопределенностью самого понятия «Великая Яса». В исследовательской литературе считается общепринятым мнение, что под этим термином фигурировал некий свод законов Чингис-хана, принятый в 1206 г. и с тех пор являвшийся основным законодательством Монгольской империи; его положения не могли быть изменены преемниками основателя империи. Однако в свете новейших исследований представляется, что Великая Яса в большей степени означала общий правопорядок в империи, а в узком смысле — некую совокупность указов и постановлений Чингис-хана и, вероятно, его ближайших преемников, исполнение этих правил и обеспечивало этот самый правопорядок⁸⁴. Сведения о Ясе как о своде законов («Великой книге Ясы») представлены в трудах средневековых авторов, являвшихся представителями «книжной культуры», в глазах которых такое обширное и могущественное государство, как Монгольская империя, не могло управляться на основании разрозненных указов и постановлений — следовательно, у него должна была быть собственная кодификация; сложное для понимания «немонголами» правовое явление «Великая Яса» вполне подходило на эту роль. Учитывая, что принципы созданного Чингис-ханом правопорядка касались, в первую очередь, организации системы высшей власти и взаимоотношения между центром и улусами империи, носителями ценностей Ясы были преимущественно потомки Чингис-хана и представители высшей монгольской знати. Соответственно, в глазах рядового населения империи, не слишком сведущего в специфике монгольского имперского права, версия историков выглядела вполне убедительно, а недоступность этих норм для сведения простых подданных монгольских ханов весьма правдоподобно объяснялась «закрытостью» и «секретностью» ее норм для всех, кроме членов «Золотого рода»⁸⁵.

Не исключено, что именно на этом решил сыграть Хайду, вероятно, бывший в курсе подобных представлений о Великой Ясе. Для обеспечения своей легитимности в глазах населения империи,

принадлежавшего к оседлым народам Китая и особенно Средней Азии, он объявлял, что действует на основе свода законов Чингис-хана. Для кочевого же населения достаточно было того, что Хайду апеллировал к воле основателя Монгольской империи. Повидимому, его аргументы оказались достаточно убедительны для его приверженцев: в течение 1271–1301 гг. Хайду, признаваемый значительной частью населения Монголии и Чагатайского улуса в ханском достоинстве, вел успешную борьбу сначала с Хубилаем, а затем, после его смерти в 1294 г., — с его преемником Тэмуром, в одном из сражений с войсками которого был ранен и вскоре скончался⁸⁶. Надо сказать, что и его противники не брезговали подобными фальсификациями: например, персидские ильханы, близкие родственники и союзники Хубилая и его преемников, в свою очередь, утверждали, что только потомки Тулуя имеют право на трон, поскольку именно они наиболее scrupulously соблюдали все положения Ясы — в отличие от нарушивших их потомков Угедэя⁸⁷.

Однако в большей степени Хайду надеялся на поддержку своих претензий на трон не столько на основании ссылок на сфабрикованные им завещание Угедэя и установления Чингис-хана, а на то, что его поддержат (или по меньшей мере не будут противодействовать ему) другие улусные правители, заинтересованные в как можно меньшем контроле своей деятельности из метрополии — будь то Каракорум, Пекин, либо другой монгольский или китайский город, объявленный столицей. Так оно и оказалось: улусные правители предпочитали не принимать сторону ни «монгольского» хана Хайду, ни «китайского» хана Хубилая. Вероятно, именно поэтому ряд средневековых авторов именуется одновременно ханами или «царями» и Хайду, и Хубилая, не пытаясь при этом делать вывод о большем преимуществе того или другого в правах на трон⁸⁸. Также, безусловно, следует принять во внимание, что Хайду и его соперники сражались преимущественно за спорные территории в Монголии: императоры Юань не претендовали на контроль над родовыми владениями Хайду (улусом Угедэя), а Хайду не пытался установить контроль над их владениями в Китае.

Наян: борьба потомка Тэмугэ-отчигина с Чингизидами

Быстрая и жестокая расправа с Тэмугэ-отчигином, описанная выше, стала настолько грозным предупреждением Чингизидов

потомкам братьев Чингис-хана, что члены боковых ветвей рода Борджигин вновь приняли участие в борьбе за трон лишь многие годы спустя — когда в разных государствах местные династии Чингизидов оказались на грани исчезновения. Впрочем, в конце XIII в. произошло событие, которое в какой-то мере можно было счесть своеобразной «местью» за Тэмугэ-отчигина. Речь идет о восстании под руководством Наяна — правнука Тэмугэ.

Обширные владения ханов-императоров, их неспособность контролировать все территории, которые они объявляли своими и, как результат, затянувшаяся на десятилетия борьба с «узурпатором» Хайду — все это привело к тому, что на востоке их владений в самый разгар противостояния с потомком Угедэя появился еще один претендент на трон с сомнительной легитимностью. Это был Наян, правитель Ляодуна, приходившийся правнуком Тэмугэ-отчигину (брату Чингис-хана) и, таким образом, даже не принадлежавший к Чингизидам. Обладая немалыми военными силами⁸⁹, он ок. 1287 г. поднял восстание против Хубилая, продлившееся до 1290 г. За короткое время он взял под контроль территорию современной Маньчжурии и часть Монголии, что и заставило престарелого Хубилая выступить против него.

Источники содержат противоречивую информацию о намерениях Наяна. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что Наян всего лишь намеревался выйти из-под власти Хубилая и перейти на сторону Хайду⁹⁰. Марко Поло, однако, пишет, что он «вздумал о себе, что [он] великий царь... и решил не подчиняться великому хану, а буде возможно, так и государство у него отнять»⁹¹. Можно предположить, что Наян, подобно Хайду, уловил тенденции распада Монгольской империи и планировал стать самостоятельным правителем собственного государства в Маньчжурии и Монголии, не претендуя на общеимперский статус⁹². Существует, впрочем, и еще одна точка зрения: Наян и его сподвижники выступили всего лишь против административных преобразований Хубилая в Монголии и Маньчжурии, в соответствии с которыми власть улусных правителей существенно ограничивалась ханскими наместниками-даругачи⁹³. Как бы то ни было, действия Наяна в итоге были квалифицированы как мятеж и узурпация верховной власти.

Остается лишь строить предположения, к какому фактору легитимации мог апеллировать претендент на трон, не принадлежавший к прямым потомкам Чингис-хана. Как Арик-Буга и Хайду, он намеревался выступить борцом за возрождение монгольских

политико-правовых традиций против Хубилая и его сторонников «китаефилов»⁹⁴. Естественно, это привлекло на его сторону некоторое количество представителей монгольской знати, среди которых оказались потомки других братьев Чингис-хана: Шиктур, потомок Хасара, Хадан и Шинлагар, потомки Хачиуна, и даже несколько Чингизидов — Эбуген из рода Кулькана (пятого сына Чингис-хана, родившегося от меркитки Хулан-хатун) и Урук-Кутэн⁹⁵ из рода Угедэя⁹⁶. Однако даже в таком случае намерения Наяна следует считать весьма смелыми, если не безрассудными. Ведь чуть более сорока лет назад его дед (или прадед) Тэмугэ-отчигин был казнен как раз за такую попытку, и именно его случай, как мы отмечали, привел, по-видимому, к закреплению принципа о праве на ханский трон одних лишь прямых потомков Чингис-хана. Вероятно, движение Наяна стало в какой-то мере попыткой «реванша» за поражение и казнь своего прадеда и, соответственно, выражением протеста против установившейся монополии Чингизидов (а именно — потомков Тулуя) на верховную власть, которую они использовали для того, чтобы превратить монголов в китайцев! Собственно говоря, его попытки установить контакты с Хайду, надо полагать, во многом объясняются именно надеждой на то, что один не вполне законный претендент на трон поддержит другого — также с сомнительной легитимностью.

Мечтам Наяна не суждено было осуществиться: в том же году его армия потерпела поражение от войск Хубилая, и собственные сторонники Наяна выдали его императору Юань. Наян был казнен путем закатывания в войлок — т. е. без пролития крови, как полагалось в отношении членов ханского рода⁹⁷. Его земли не были конфискованы или переделены и остались во владении потомков Тэмугэ-отчигина⁹⁸ — это свидетельствует о том, что Наян был осужден как мятежник-узурпатор (вероятно, на том же основании, что и его прадед Тэмугэ), и его семейство не подверглось никаким репрессиям. Интересно, что поднятое Наяном восстание продолжалось еще долгое время после его смерти: оно было подавлено лишь в 1290 г., однако о претензиях на ханский трон других предводителей этого движения источники не сообщают.

Выступление Наяна и его приверженцев было, по-видимому, последним в Монголии выступлением потомков братьев Чингис-хана против власти Чингизидов в XIII в. Пройдет еще более полутора веков, прежде чем они вновь предъявят претензии на трон Монгольского ханства — когда династия монгольских Чингизидов

окажется на грани исчезновения. До первой же четверти XV в. борьба за власть в Монголии велась исключительно между представителями различных ветвей рода Чингис-хана — при полном одобрении со стороны правителей других улусов. Однако в других государствах они активизировались несколько ранее — например, Туга-Тимур, потомок Хасара, претендовавший в середине XIV в. на трон ильханов Ирана, о котором речь пойдет ниже.

Борьба за трон в империи Юань и Северная Юань

Несмотря на то что преемники Хубилая, став императорами династии Юань, восприняли многие институты китайской государственности и права, основой их деятельности по-прежнему оставались чингизидские политические и правовые принципы. Соответственно, и в борьбе за власть претенденты опирались преимущественно на те принципы и нормы, которые применялись ранее в Монгольской империи.

Весьма любопытным представляется основание, по которому выбирали в ханы и, соответственно, императоры Юань преемника самому Хубилаю. На трон претендовали два внука покойного хана — старший, Каммала, и третий, Тэмур. Согласно Рашид ад-Дину, мать претендентов, Кокчин-хатун, сославшись на волю Хубилая, предложила претендентам процитировать билики, т. е. изречения Чингис-хана: «Так как Тимур-каан весьма красноречив и [хороший] рассказчик, то он красивым голосом хорошо изложил билики, а Камала из-за того, что он немного заикается и не владеет в совершенстве речью, оказался бессилён в словопрении с ним. Все единогласно провозгласили, что Тимур-каан лучше знает и красивее излагает [билики] и что венца и престола заслуживает он»⁹⁹. Надо сказать, что других примеров, когда в ханы выбирали лучшего знатока биликов Чингис-хана — равно как и монгольского имперского права вообще — нам неизвестно. Поэтому есть основания полагать, что если подобное «соревнование» двух претендентов имело место в действительности, то его целью стала демонстрация не знания Тэмуром наставлений Чингис-хана, а заикания его старшего брата и соперника: оно могло быть приравнено к физическому недостатку, наличие которого в чингизидской (и не только чингизидской) политической традиции лишало права претендовать на трон. Старшинство Каммалы, соответственно, во внимание

не принималось, и его младший брат, в ином случае совершивший бы узурпацию власти, стал наиболее легитимным претендентом на ханский титул. Таким образом, в данном случае монгольскому правящему роду удалось избежать силового захвата трона и борьбы за власть, что было весьма важно: ведь Хайду все еще продолжал бороться с империей Юань за монгольский трон.

Однако когда в 1307 г. умер Тэмур (Олджэйтү-хан, император Ченцзун), внешняя опасность, ранее сплотивавшая потомков Хубилая, исчезла, и его вдова Бурхан-хатун решила возвести на престол царевича Ананду, сына Мангалая и внука Хубилая, который к тому же являлся ее любовником. Однако заговор ханши провалился: царевич Аюрбарибада, племянник хана Тэмура, выступил против Ананды, казнил его и Бурхан-хатун, после чего вызвал из Монголии своего старшего брата Хайшана, который в 1308 г. и был возведен в ханы (Кулук-хан, император Уцзун)¹⁰⁰. Тем самым Аюрбарибада продемонстрировал признание в качестве права на трон старшинства своего брата, не дав повода для обвинения его в узурпации власти.

Новый хан в благодарность младшему брату сделал его своим наследником, поэтому после его смерти в 1311 г. Аюрбарибада на законных основаниях занял трон (Буянту-хан, император Жэньцзун). Однако Кулук-хан поставил условием, что сам он, в свою очередь, передаст трон его сыну — это обещание Буянту-хан не выполнил и перед своей смертью в 1320 г. провозгласил наследником собственного сына Шудибала (Гэгэн-хан, император Инцзун). Сам новый хан никаких обещаний не нарушал — более того, он вступил на трон в соответствии с завещанием своего отца. Однако его приход к власти был истолкован политическими противниками как узурпация, и в 1323 г. в результате заговора Шудибала погиб, пострадав, таким образом, за грехи родителя¹⁰¹.

Однако власть и на этот раз не была передана «законному» наследнику — сыну Кулук-хана. В результате переворота у власти оказался хан Есун-Тэмур. В соответствии с официальной монгольской историографией, он происходил от вышеупомянутого Каммалы, сына Хубилая¹⁰², однако монгольский историк Лубсан Данзан допускает интересную оговорку: «В некоторых историях говорится, что [это] был Арик-Буга-хаган»¹⁰³. Вероятно, это следует понимать, что Есун-Тэмур принадлежал к потомству Арик-Буги, о чем предпочли умолчать придворные историки потомков Хубилая. Есун-Тэмур был ставленником кочевой аристократии Монголии,

которой он управлял в качестве наместника Юань вплоть до провозглашения себя ханом. Соответственно, его выдвижение в качестве претендента отражало соперничество между монгольской знатью и придворными сановниками империи Юань непосредственно в Китае.

И если Есун-Тэмуру (император Тайдин-ди) удавалось сохранять власть до самой смерти в 1328 г., несмотря на то что приверженцы старшей ветви потомков Хубилая и не признавали законности его прав на трон, то после его смерти вновь возникли проблемы. Поборники степных традиций, возведшие на трон самого Есун-Тэмура, сразу после его смерти провозгласили в Шанду ханом его сына Раджабага, однако сановники и чиновники империи Юань в то же время объявили в Пекине новым монархом Ток-Тэмура, второго сына Кулук-хана (Дзайагату-хан, император Вэньцзун). Вероятно, происхождение от Хубилая (равно как и вышеупомянутое обещание Буянту-хана о передаче трона его племяннику, правда, невыполненное им) оказалось более серьезным аргументом в борьбе за трон: сторонники Ток-Тэмура разгромили его соперника, и Раджабаг спустя сорок дней после воцарения сдался на его милость и передал победителю императорскую печать¹⁰⁴, тем самым признав его права на трон, хотя и сам вступил на престол по завещанию своего отца, т. е. не менее законным образом.

Казалось, власть вернулась к законному наследнику — сыну Кулук-хана, которому обещал передать трон еще его дядя Буянту-хан (хотя и не выполнил своего обещания). Но и тут не обошлось без узурпации. Хошала, старший брат Ток-Тэмура (Хутукту-хан, император Минцзун), тут же предъявил права на трон и заявил, что уже был возведен в ханы в Монголии¹⁰⁵, тем самым обосновывая свое право на трон как собственным старшинством, так и тем, что уже прошел процедуру избрания и возведения в ханы. Младший брат был вынужден уступить, однако вскоре его сторонники отравили Хутукту-хана, и он сумел вновь занять трон.

Ток-Тэмур умер в 1332 г., и к этому времени борьба за престол империи Юань приняла такой жесткий характер, что некоторые представители ханского рода, казалось, имевшие все законные права на трон, предпочитали не заявлять о своих претензиях. Так, вскоре после смерти Дзайагату-хана всемогущий временщик Эл-Тэмур намеревался возвести в ханы его сына Эл-Тэгуса, однако мать царевича категорически отказалась дать согласие, поскольку опасалась, что ее сын вскоре будет убит.

Как оказалось, ее опасения имели под собой вполне реальные основания. На трон был возведен 6-летний Ринчинбал (Хутуктухан, император Нинцзун), сын Хошалы, однако буквально через месяц временщик Эл-Тэмур вызвал в столицу его старшего (12-летнего) брата Тогон-Тэмур, находившегося в то время в Корее. Несмотря на законность возведения в ханы Ринчинбала, Тогон-Тэмур заявил, что, как старший брат, имеет больше прав на трон, и с его ведома его младший брат был отравлен¹⁰⁶. Интересно отметить, что хотя Тогон-Тэмур (Ухагату-хан, император Шуньди) фактически узурпировал трон, погубив законного монарха, и, кроме того, пришел к власти в условиях глубокого политического и экономического кризиса в империи Юань, он сохранял трон в течение трех с половиной десятилетий.

Тем не менее именно при Тогон-Тэмуре монголы были изгнаны из Китая в 1368 г. Однако потомки Чингис-хана не оставили своих претензий на китайской трон: ряд ближайших преемников этого хана продолжали именовать себя императорами — правда, уже Северной Юань. В связи с утратой власти над Китаем авторитет ханов — прямых потомков Хубилая — среди подданных резко понизился, и в борьбу за власть включились потомки других ветвей рода Чингис-хана, которые некогда официально или негласно были отстранены от трона.

Как уже упоминалось выше, в 1251 г. на курултае семейство Угедэя, третьего сына и преемника Чингис-хана на троне Монгольской империи, было обвинено в ряде преступлений против «Золотого рода» и на этом основании лишено права занимать ханский трон. В результате претензии *всех* потомков Угедэя (включая и тех, кто не участвовал в нарушении монгольского законодательства, и даже тех, кто еще не родился!) на власть в империи и чингизидских государствах признавались незаконными.

Впрочем, правомерность этого решения всегда оставалась под вопросом. Как отмечалось выше, уже хан Мунке признал Хайду, внука Угедэя, одним из своих возможных наследников. Не препятствовало решение курултая 1251 г. потомкам Угедэя и в дальнейшем претендовать на троны в других государствах. Впрочем, их соперники в борьбе за власть неоднократно ссылались на незаконность притязаний Угедэидов на ханский трон в качестве повода для выступления против них. Так, как незаконные монархи, были убиты два монгольских хана из рода Угедэя — Гуйличи в 1408 г. и Адай в 1438 г. С ними расправились приверженцы потомков

Хубилая — единственных, по их мнению, законных претендентов на трон Монголии¹⁰⁷.

Интересно отметить, что монгольские летописцы из числа приверженцев династии потомков Хубилая впоследствии постарались вычеркнуть факт правления в Монголии представителей «незаконной» ветви Чингизидов: в монгольских хрониках имя Гуйличи вообще замалчивается, и Адай-хан фигурирует как потомок Хубилая¹⁰⁸.

Сходной с судьбой Угедэидов оказалась судьба еще одной ветви потомков Чингис-хана — семейства Арик-Буги, сына Тулуя (четвертого сына Чингис-хана). В 1260–1264 гг. он вел борьбу за власть со своим братом Хубилаем, потерпел поражение и попал в плен. В результате его потомство также оказалось фактически отстраненным от наследования ханского трона, однако в 1323–1328 гг. трон занимал вышеупомянутый Есун-Тэмур, который, как мы предположили, мог являться потомком Арик-Буги.

Семейство Арик-Буги традиционно пользовалось популярностью в Монголии, и когда потомки Хубилая — монгольские ханы и императоры Юань — были изгнаны из Китая и вынуждены довольствоваться одной только Монголией, потомки Арик-Буги сочли их намерения посягательством на свой родовой удел и начали междоусобную борьбу¹⁰⁹. В 1388 г. хан Тогус-Тэмур (Усхал-хан), потомок Хубилая, потерпел поражение от китайцев и был убит по приказу царевича Есудара, происходившего от Арик-Буги. Есудар захватил власть, и, хотя некоторое время спустя он был убит, с конца XIV в. и в течение всей первой четверти XV в. его родственники не без успеха боролись за власть над Монгольским ханством. Исследователи относят к потомкам Арик-Буги ханов Энхэ, Дэлбэг и Ойрадтая (Урадая), а возможно — и Гун-Тэмура, которые в официальной монгольской историографии все объявлены потомками Хубилая¹¹⁰. Естественно, это было сделано с целью умолчать о том, что потомки Арик-Буги, лишенные права занимать трон, в этот период успешно противостояли потомкам Хубилая, едва ли не чаще становясь ханами, чем последние.

Лишь благодаря среднеазиатскому сочинению XV в. «Шаджрат ал-атрак» («Родословное древо тюрков»), нам становится известна подлинная генеалогическая принадлежность ханов рубежа XIV–XV вв., претендовавших также на титул императоров Северной Юань¹¹¹. И, соответственно, более понятной выглядит непрекращающаяся жестокая борьба за трон в то время, когда представителям

правлящего рода, казалось, надо было сплотиться в борьбе за возвращение власти над Китаем, а вскоре — и в противостоянии другим претендентам на трон, не принадлежавшим к «Золотому роду» Чингис-хана.

ГЛАВА 2

ЧАГАТАЙСКИЙ УЛУС

XIII — НАЧАЛА XVI вв.

Противоречивый статус Чагатайского улуса, который в течение XIII в. то приобретал характер самостоятельного государства, то вновь становился владением Монгольской империи, привел к неопределенности в системе перехода власти. В результате именно в этом чингизидском государстве наиболее ярко столкнулись разные способы легитимации претензий на трон, что привело к сравнительно раннему переходу реальной власти от Чингизидов к представителям других родов — менее знатного происхождения.

Независимость или пребывание в составе империи? Проблема законности чагатайских правителей XIII в.

В середине XIII в. Чагатайский улус стал одним из центров борьбы между чингизидскими кланами за власть над Монгольской империей. Соответственно, его правителями были ставленники соперничавших претендентов, которые использовали разные основания для передачи власти над улусом своим сторонникам, нередко противопоставляя одно из них другому.

Так, основатель улуса, Чагатай, второй сын Чингис-хана, перед смертью в 1242 г. завещал трон своему внуку Кара-Хулагу¹¹². Формально улус не являлся самостоятельным государством, и его правитель должен был назначаться монгольским ханом, однако, во-первых, как раз в этот период в Монголии хана не было (после смерти Угедэя в конце 1241 г.), во-вторых, Чагатай являлся его официальным соправителем¹¹³, так что его воля была вполне законным основанием для передачи власти внуку.

Однако как только новым ханом стал Гуюк, сын Угедэя, он тут же противопоставил воле Чагатая новое основание претензий на власть — старшинство в роду, назначив вместо Кара-Хулагу правителем Чагатайского улуса своего друга и союзника Есу-Мунке — старшего из оставшихся к тому времени в живых сыновей

Чагатая. Свое решение Гуюк обосновал следующей фразой: «Как может быть наследником внук, когда сын находится в живых?»¹¹⁴ Неудивительно, что после того, как в Монголии сменилась власть, поменялся и правитель в Чагатайском улусе: новый монгольский хан Мунке объявил Есу-Мунке незаконным правителем и позволил Эргэнэ, вдове Кара-Хулагу, свергнуть его и казнить, а самой стать регентшей Чагатайского улуса¹¹⁵.

В 1260 г., когда началась междоусобная война Хубилая и Арик-Буги за монгольский трон, каждый из них назначил своего ставленника на трон Чагатайского улуса: Хубилай — Абишку, правнука Чагатая, а Арик-Буга — Алгуя, его двоюродного дядю. В результате появились два законных претендента на трон, каждый из которых считался узурпатором в глазах другого, поскольку не признавал законным того хана, который назначил его соперника. Абишка так и не доехал до своих новых владений, поскольку был перехвачен сторонниками Арик-Буги и брошен в тюрьму¹¹⁶. Алгуй же, сознавая двойственность своего положения, вскоре убедился, что Хубилай одерживает верх над братом, и в 1262 г. предал Арик-Бугу, тем самым получив подтверждение своего статуса и от Хубилая.

Тот факт, что назначение Алгуя произошло в ущерб Эргэнэ-хатун, вдове Кара-Хулагу, и ее сыну Мубарак-шаху (претензии которых поддерживало значительное число нойонов и военачальников Чагатайского улуса), было устранено женитьбой Алгуя на бывшей регентше и обещанием сделать Мубарак-шаха своим наследником. Обещание Алгуй сдержал, и после его смерти Мубарак-шах в 1266 г. был выбран чагатайскими нойонами новым правителем улуса¹¹⁷.

Однако монгольский хан Хубилай, считавший Чагатайский улус частью своей империи, не признал законности вступления Мубарак-шаха на трон и назначил собственного ставленника — Борак, приходившегося Мубарак-шаху двоюродным братом. Таким образом, вновь столкнулись два основания претензий на трон: завещание предыдущего правителя (поддержанное местной знатью) и воля вышестоящего монарха. Весьма характерно, что Борак, по видимому, сознавал, что его права на трон в глазах чагатайской знати не столь законны, поэтому, прибыв в улус, он не стал сразу выдвигать претензии на трон, а предпочел в течение некоторого времени обеспечить себе поддержку знати и войска и, лишь убедившись в прочности своего положения, решился сместить двоюродного брата и объявить себя правителем¹¹⁸. Таким образом, как

и в споре Хубилая с Арик-Бугой при относительно равных правах на трон в Чагатайском улусе 1266 г. победил тот, кто обладал большей военной силой.

В 1269 г. в долине реки Талас состоялся вышеупомянутый курультай правителей чингизидских улусов, выступивших против претензий Хубилая на власть над всеми регионами распадающейся Монгольской империи. В результате золотоордынский правитель Менгу-Тимур, чагатайский правитель Борак и Хайду, правитель улуса Угедэя, провозгласили себя независимыми монархами и приняли ханские титулы. Казалось, с этого времени положение Борака как главы Чагатайского улуса становится незыблемым, однако около 1271 г. против него выступил Хайду, к этому времени провозгласивший себя, как мы помним, монгольским ханом и, в свою очередь, предъявил претензии на сюзеренитет над чагатайским правителем. Борак пытался противостоять ему, но был разбит (при помощи золотоордынского хана Менгу-Тимура, союзника Хайду) и вынужден признать зависимость от Хайду, который, однако, не доверял ему и вскоре, по-видимому, приказал его отравить¹¹⁹.

Смуты в Чагатайском улусе в первой половине XIV в. и основания претензий Чагатаидов на власть

В дальнейшем в течение 35 лет потомки Чагатая признавали зависимость от Хайду и его наследников. Только в 1305 г. Дува, сын Борака, воспользовался междоусобицей потомков Хайду и не только вернул самостоятельность Чагатайскому улусу, но и присоединил к нему значительную часть владений рода Угедэя¹²⁰. Именно с этого времени можно говорить о самостоятельной политической истории Чагатайского улуса. Впрочем, самостоятельность отнюдь не повлекла стабильности.

Дува накануне своей смерти в 1307 г. пользовался высоким авторитетом в собственном улусе и среди других Чингизидов¹²¹, однако его оказалось недостаточно, чтобы обеспечить своим потомкам исключительное право на власть. И хотя сразу после Дувы трон унаследовал его старший сын Кунчек, против его власти выступила целая группа царевичей Чингизидов, по мнению которых больше прав на власть в улусе имели потомки Угедэя; возглавил восстание как раз один из них — Курсебе¹²². Мятежники были разбиты, однако вскоре, в 1308 г., скончался и Кунчек, и новым правителем стал Талигу — тоже Чагатаид, но не из рода Дувы. Возведение на

трон этого царевича (уже достигшего преклонного возраста) отражало несогласие значительной части Чингизидов и знати Чагатайского улуса с зарождающейся монополией потомков Дувы. Однако, по-видимому, сторонников у последних оказалось больше: в 1309 г. Талигу, только что разгромивший очередное восстание сторонников рода Угедэя, был разгромлен сторонниками сыновей Дувы, один из которых, Кепек, собственноручно убил его¹²³.

Фактически было совершено преступление, которое закрывало Кепеку путь к власти, но он поступил весьма мудро, сумев разом пресечь любые обвинения в узурпации трона. Вскоре после убийства Талигу он созвал курултай, на котором новым ханом был избран не он сам, а его старший брат Эсен-Буга, который в это время находился во владениях императоров Юань. Используя два фактора легитимации власти своего брата сразу (старшинство в роду и соблюдение процедуры избрания на курултае), Кепек пресек возможные обвинения в узурпации, а со временем его преступление — убийство родича — было забыто, и в 1318 г. он с соблюдением всех формальностей законно наследовал своему брату.

Но если внутри Чагатайского улуса у него были довольно прочные позиции, то отношения с другими чингизидскими монархами складывались напряженно: ни империи Юань, ни государству ильханов в Иране, ни Улусу Джучи (Золотой Орде) не было выгодно существование в самом центре Азии обширного и сильного государства. Поэтому, не начиная открытой войны против Кепека, соседние государи решили в свою очередь сыграть на несогласиях среди Чагатаидов и использовать тех, кого по-прежнему не устраивало сохранение власти в руках сыновей Дувы.

Их ставленником на трон стал царевич Ясавур, внук вышеупомянутого Алгуя, т. е. тоже потомок Чагатая¹²⁴. Удивительным образом его претензии в разное время поддерживали как персидский ильхан Олджайту, так и золотоордынский хан Узбек, которые находились в состоянии войны между собой. Позиции Ясавура были и в самом деле довольно сильными: прямой потомок Чагатая, чей прямой предок (дед) к тому же уже занимал трон, да еще и признаваемый в качестве законного претендента на международном уровне! Однако эти преимущества, вероятно, оказались бы существенными, если бы Кепек сам только что вступил на трон. А Ясавур начал войну с соперником в 1320 или 1321 г., когда тот уже несколько лет находился у власти и существенно укрепил свои позиции. Неудивительно, что претендент вскоре потерпел поражение и был убит¹²⁵.

Победа Кепека еще больше укрепила позиции его самого и семейства Дувы в целом. После смерти этого хана в 1326 г. трое его братьев последовательно вступали на трон, не встречая возражений со стороны знати. Однако недовольство чагатайских нойонов и военачальников правлением этого рода все силилось — прежде всего, из-за того, что ханы старались обеспечить себе поддержку со стороны оседлых подданных и к тому же все больше склонялись к исламу. А между тем, далеко не все они являлись такими энергичными и талантливymi, каким оказался сам Кебек.

В результате в 1334 г. начался мятеж против последнего из братьев — хана Тармаширина, закончившийся его свержением и убийством. Надо сказать, что мятежники подготовились к борьбе с ханом весьма основательно и выдвинули убедительные доводы для оправдания своих действий. Хан был обвинен в действиях, несовместимых с занятием ханского трона. В частности, представители монгольской кочевой знати упрекали его в том, что он проводил политику по «сращиванию» кочевой и оседлой знати, покровительствовал среднеазиатскому чиновничеству, купечеству, городам и сам принял ислам, который начал активно устанавливать в качестве официальной религии в своем государстве (даже сменив свое буддийское имя на мусульманское — Алла ад-Дин¹²⁶). Это позволило его соперникам обвинить Тармаширина в нарушении Ясы — правопорядка, установленного Чингис-ханом. Возглавил мятеж царевич Бузан, двоюродный брат Тармаширина (т. е. тоже потомок Дувы), а чтобы придать легитимный характер своим действиям, организовал курултай, на котором хан был обвинен в отходе от принципов Ясы и объявлен низложенным, а вскоре и убит¹²⁷.

Свержение последнего представителя семейства, в течение длительного времени находившегося у власти, как это нередко бывает, привело к династическому кризису. После свержения хана Тармаширина в 1334 г. ханы из рода Чагатая менялись едва ли не каждый год. В 1346 г. эмир Казаган, фактический правитель Мавераннахра, убив очередного хана, возвел на трон свою марионетку — хана Данишменда, который не был Чагатаидом, а являлся потомком Угедэя¹²⁸. Надо полагать, Казаган считал, что хан с сомнительной легитимностью будет во всем ему покорен. Однако по какой-то причине уже два года спустя сам временщик убил своего ставленника, обвинив его в том, что тот не принадлежит к династии законных правителей Чагатайского улуса, и возвел на трон следующего ставленника Баян-Кули — на этот раз из дома Чагатая¹²⁹.

В конце 1340-х гг. Чагатайский улус распался на две части, в каждой из которых (Мавераннахр и Могулистан), впрочем, у власти продолжали находиться Чагатаиды. Однако в силу политических причин между ними пролегла такая пропасть, что, когда Ильяс-Ходжа, правитель Могулистана, правнук чагатайского хана Дувы, в начале 1360-х гг. попытался стать ханом и в Мавераннахре, местная знать оказала ему упорное сопротивление как чужаку и в конце концов вытеснила из страны, возведя на престол другого Чагатаида, также правнука Дувы¹³⁰.

Именно в этот период в Чагатайском улусе имели место несколько примеров самозванства, столь редких в истории Чингизидов.

Самозванцы в борьбе за трон Чагатайского улуса

В Индии, при дворе делийского султана Мухаммада Тоглука на рубеже 1330–1340-х гг. появился человек, выдававший себя за чагатайского хана Тармаширина, свержение которого в 1334 г. положило начало длительной междоусобице в Чагатайском улусе. Хан был в том же году убит своим племянником Янги, однако это по понятным причинам не стало достоянием гласности и дало возможность самозванцу утверждать, что он, Тармаширин, якобы спасся. Причем, согласно рассказу Ибн Баттуты, его признали сначала лекарь, некогда лечивший настоящего хана, а затем родные сын и дочь Тармаширина. Однако подданные индийского монарха внушили ему, что если к человеку, выдавшему себя за хана, начнут стягиваться подданные из Чагатайского улуса, то они могут представлять опасность и для самого султана. В результате Мухаммад Тоглук велел самозванцу покинуть его двор. После долгих странствий тот оказался в Фарсе у местного правителя Абу Исхака Инджу, который и дал ему убежище¹³¹.

Необычностью самозванства лже-Тармаширина было то, что за все время, что он выступал в роли бывшего хана, он не предпринял ни одной попытки вернуть трон Чагатайского улуса. Он довольствовался выказываемым ему почтением и получаемыми дарами. Со своей стороны, его покровители также не подталкивали его к решительным действиям по «возвращению» трона, довольствуясь тем, что при их дворе есть претендент на трон, чье присутствие в известной мере гарантирует мирные отношения с Чагатайским улусом. Для Делийского султаната, который в свое время подвергся

нападениям самого Тармаширина (настоящего!)¹³², это было весьма актуально. Что же касается Абу Исхака, правителя Фарса (о претензиях которого на власть речь пойдет ниже), то он с охотой приютил лже-Тармаширина, чтобы иметь определенные гарантии безопасности в случае, если какой-либо потомок «Золотого рода» решит обвинить его в узурпации: ведь мнимый хан в любой момент мог быть провозглашен верховным правителем в его государстве, тем самым лишив врагов правителя Фарса повода упрекнуть его в узурпации! Кроме того, принимая претендента на чингизидский трон, Абу Исхак Инджу демонстрировал собственную приверженность к чингизидским традициям, столь актуальным в Центральной Азии еще и столетия спустя¹³³.

Другой самозванец, собственно, вряд ли может быть охарактеризован так с полной уверенностью — скорее, речь идет о претенденте на трон с сомнительным происхождением.

В 1347 г. в Могулистане (восточной части Чагатайского улуса, фактически отделившейся от западной, Мавераннахра, в результате смуты, начавшейся в середине 1330-х гг.) могущественный эмир Пуладчи-дуглат решил провозгласить собственного хана, в качестве которого возвел на трон 17-летнего Тоглук-Тимура. Юноша считался сыном одного из могульских эмиров по имени Широул. Однако, по утверждению Пуладчи, супруга эмира ранее была наложницей чагатайского царевича Эмиль-Ходжи б. Дувы-хана, после смерти которого, будучи уже беременной от него, вышла замуж за Широула¹³⁴. Однако по другой, более романтической, версии, отцом будущего хана был не царевич Эмиль-Ходжа, а его брат — Эсен-Бугахан, причем его наложница, мать Тоглук-Тимура, вышла замуж не после его смерти, а была отдана своему будущему мужу насильно супругой Эсен-Буги, позавидовавшей тому, что наложница беременна от хана, тогда как она, законная жена, остается бездетной¹³⁵.

Думается, противоречивые сведения могут отражать сомнения в чингизидском происхождении основателя Могулистана. Однако поскольку могущественный эмир Пуладчи официально объявил Тоглук-Тимура потомком Чингис-хана, никто не осмелился ему противоречить, а некоторое время спустя озвученная эмиром версия превратилась в факт, который «весь народ знал»¹³⁶. И впоследствии это позволило Тоглук-Тимуру претендовать на трон не только Могулистана, но и Мавераннахра: в течение ряда лет он старался объединить весь Чагатайский улус под своей властью. Да и в отношении прав на трон его потомков, управлявших Могулистаном

до конца XVII в., ни разу не высказывалось сомнений. Правда, сам Тоглук-Тимур, по-видимому, все же считал свое положение несколько ненадежным — именно по этой причине он решил опереться на поддержку влиятельного мусульманского духовенства и уже в первые годы своего правления стал принимать активные меры по распространению (можно даже сказать, насаждению) ислама в Могулистане¹³⁷, тем самым обеспечив духовенству столь высокий авторитет, что именно представители мусульманского святительского рода, как мы увидим ниже, в конце концов отобрали могульский трон у потомков Тоглук-Тимура!

Возвышение Тимуридов

Пример самого Амира Тимура и в особенности его наследников в борьбе за чингизидское наследие в Центральной Азии представляется весьма интересным и сложным, поскольку сочетает в себе сразу несколько факторов легитимации власти. Впрочем, главным среди них все же считалось именно родство с чингизидской династией и преемство от нее — причем не только в кровно-родственном, но и в политико-правовом смысле.

Сам Амир Тимур, как известно, не претендовал на верховную власть, довольствуясь статусом гургана и «скромным» титулом амир ал-умара, т. е. фактически первого министра и временщика при возводимых им на трон марионеточных ханах из дома Чингизидов, тем самым не давая повода упрекнуть себя в нелегитимном правлении¹³⁸. Тем не менее он всячески старался укрепить связи своего семейства с потомством Чингис-хана, поскольку и сам брал в жены чингизидских царевен, и женил на них своих многочисленных сыновей и внуков. В результате впоследствии многие из них либо добавляли к своим именам почетное прозвище «гурган», т. е. зять ханского рода, либо даже прямо ссылались на родство с Чингизидами — пусть и по женской линии.

Вместе с тем, во второй половине XV в., когда господство Тимуридов в Мавераннахре уже стало неоспоримым, они стали опираться еще на одну линию родства с домом Чингис-хана. В сочинении Хондемира, официального придворного историка поздних Тимуридов, происхождение их родного племени барлас выводится от Кажулай-багатура, который, согласно монгольским хроникам, являлся младшим братом Хабула — первого монгольского хана, родного прадеда Чингис-хана. Таким образом, не являясь

Чингизидами, потомки Тимура подчеркивали сравнительно близкое родство с ними, причем по мужской линии, а не женской. Несомненно, в условиях, когда представители многих аристократических родов Центральной Азии роднились с потомками Чингис-хана путем заключения браков, и их дети, соответственно, могли иметь толику крови «Золотого рода», близкое родство Тимуридов с ханской династией по мужской линии было призвано усилить их право на трон. Не ограничиваясь только констатацией этого родства, тимуридские историки также создали легенду о том, что между братьями Хабулом и Кажулаем якобы был заключен договор, согласно которому они становились соправителями: старший — ханом, младший — верховным военачальником¹³⁹. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с «удревнением» традиции фактического соправительства Тимура (а затем и его потомков) с ханами-Чингизидами, которая, «как выясняется», являлась реализацией давно заключенного соглашения между их родоначальниками. Однако подобная схема соправительства отнюдь не была изобретением тимуридских идеологов — напротив, они добились определенного доверия к ней именно за счет того, что она неоднократно практиковалась в самых различных государствах Азии. Так, она имеет явное сходство с соправительством в Хазарском каганате (сакральный правитель каган и главный военачальник бек или шад)¹⁴⁰ или Японии (император тэнно и фактический верховный правитель сёгун)¹⁴¹. Более того, подобное соправительство наблюдается и в чингизидских государствах: например, согласно персидскому историку Вассафу, при золотоордынском правителе Бату верховное командование войска-ми принадлежало его старшему брату Орду¹⁴².

Таким образом, легенда, сформулированная Хондемиром, не выглядит искусственной. Вместе с тем, ни в одном более раннем источнике о соправительстве Хабула и Кажулая нет ни слова, что дает основание усомниться, во-первых, в его истинности, во-вторых — в том, что его использовал для легитимации своей власти сам Тимур. Прежде всего, как уже отмечалось, он лично не стремился занять трон и до конца своего длительного фактического правления во всех своих указах (и даже на монетах со своим именем¹⁴³) ссылался на волю подставных ханов-Чингизидов. Однако имеются убедительные основания полагать, что он намеревался официально закрепить ханскую власть за своим родом: во-первых, после смерти второго своего ставленника Султан-Махмуд-хана он не возводил на трон нового Чингизида, а после смерти Тимура его

родной правнук Мухаммад-Джахангир при поддержке собственно дяди Халил-Султана (соответственно, внука Тимура) был провозглашен ханом Мавераннахра¹⁴⁴. Однако и в этом случае Тимур и его потомки делали ставку не на происхождение от близкого родича Чингис-хана, а именно на родство с Чингизидами по женской линии: Мухаммад-Султан-мирза, отец Мухаммад-Джахангира, был сыном внучки золотоордынского хана Узбека и, кроме того, был сам женат на внучке чагатайского хана Баян-Кули (она, правда, не была матерью самого Мухаммад-Джахангира)¹⁴⁵. Поэтому Тимур строго сохранял старинные тюрко-монгольские политические и правовые институты, используемые Чингизидами, — даже если это шло вразрез с нормами ислама и мусульманского права, поборником которого он себя считал¹⁴⁶.

Родство по мужской линии оказалось востребованным уже после того, как Мухаммад-Джахангир вместе со своим регентом Халил-Султаном были свергнуты Шахрухом — младшим сыном Тимура, к середине 1410-х гг. сосредоточившим в своих руках власть над всей империей Тимуридов¹⁴⁷. Шахрух не происходил от чингизидской царевны, не был и сам женат на представительнице «Золотого рода», соответственно, не имел даже малейших прав на верховную власть. Тем не менее он провозгласил себя бахадур-ханом и даже хаканом, т. е. «ханом ханов»¹⁴⁸, что заставило его искать дополнительные основания для легитимации подобных действий. Шахрух около полувека правил в Хорасане, а ведущим представителем именно хорасанской (гератской) исторической школы был Хондемир, так что, скорее всего, мы не ошибемся в том, что он в рассказе о Хабуле и Кажулае изложил концепцию легитимации власти рода Барлас, сформулированную либо Шахрухом, либо для него и впоследствии востребованную его преемниками.

Интересно отметить, что, выдвигая претензии на ханскую власть и даже подводя под них определенную идеологию, Шахрух, всегда, отличавшийся большой осторожностью, благоразумно подготовил и «путь отступления», если бы его претензии вызвали слишком активное противодействие со стороны Чингизидов из соседних государств. Вероятно, именно поэтому его старший сын Улугбек, назначенный правителем Самарканда (формально продолжавшего оставаться столицей Тимуридской державы), в течение всего своего сорокалетнего правления сохранял практику возведения на трон марионеточных ханов-Чингизидов — сначала Сатук-хана из рода могулистанских Чагатаидов (Тоглук-Тимуридов), затем — своего шурина

Султан-Али, сына Султан-Махмуда, второго ставленника Тимура, т. е. потомка Угедэя¹⁴⁹. А поскольку сам Улугбек был женат на сестре Султан-Али-хана, то, как гурган, имел основание претендовать на статус его фактического соправителя в качестве амира ал-умара.

Шахрух прожил семьдесят лет, из них пятьдесят он провел на троне Хорасана, около сорока — во главе всей державы Тимуридов и умер собственной смертью. Несмотря на то что практически в течение всего правления он был вынужден бороться за власть с многочисленными родственниками, включая (в последние годы жизни) родных внуков, борьба эта шла, как правило, за отдельные владения, тогда как на его верховенство, как старейшего представителя рода, не посягал ни один потомок Тимура. В силу этого он продолжал претендовать на «хаканский» титул, поскольку был достаточно могуществен, чтобы кто-то из Чингизидов, правивших в соседних государствах, позволил себе выразить открытое недовольство его претензиями и подкрепить его военной силой. Тем не менее в течение всего правления Шахруха и еще несколько лет после его смерти Улугбек и его преемники вплоть до начала 1450-х гг. продолжали возводить на трон в Самарканде подставных ханов из рода Чингис-хана, чтобы формально иметь законные основания противостоять соседним Чингидам — противопоставляя одного представителя «Золотого рода» другому.

Эта практика была прекращена лишь при Абу Саиде — потомке Мираншаха, другого сына Амира Тимура, пришедшем к власти в Самарканде в 1451 г., а на рубеже 1450–1460-х гг., подобно Шахруху, сосредоточившем в своих руках власть над всей империей Тимуридов — Мавераннахром, Хорасаном, Ферганой и пр. Подобно Тимуру и Улугбеку, Абу Саид являлся гурганом, т. е. был женат на представительнице ханского рода, и в качестве такового мог претендовать на фактическую верховную власть в государстве при номинальном хане из «Золотого рода». Однако он учел существенное изменение политической ситуации и пришел к выводу, что в новых условиях принадлежность к Чингидам уже не является единственным и обязательным условием легитимности власти. Поэтому он отказался от подставных ханов, объявив себя не только фактически, но и официально главой державы Тимуридов, т. е. бывшего Чагатайского улуса, и потребовав от соседних государей из рода Чингис-хана признать себя равными Чингидам по статусу.

Его политическое кредо весьма четко изложено в словах, приведенных (или приписанных Абу Саиду) кашгарским историком

Мухаммад-Хайдаром Дуглатом, который сам являлся близким родственником семейства Абу Саида (его мать и мать Бабура, внука Абу Саида, были родными сестрами). Как он пишет, Абу Саид заявил Чингизиду Юнус-хану, правителю Могулистана, на чьей дочери он был женат: «В начале выступления Амира Тимура эмиры не повиновались ему должным образом. А если бы он приказал их всех уничтожить, то это нанесло бы урон его собственным силам. Эмиры сказали ему: “Надо назначить хана, чтобы мы ему повиновались”. Тогда Амир Тимур возвел на ханство Суйургатмиш-хана, и эмиры выразили хану свою покорность. Амир Тимур держал хана под надзором, тюркские указы (фирманы) и тугра были от имени хана. Когда [Суйургатмиш] умер, вместо него назначили его сына — Султан-Махмуд-хана. После Амира Тимура до времени Мирзы Улугбека этот порядок соблюдался. Однако от ханства у [подставного хана] ничего не было, кроме имени [хан]. В конце своей жизни [этот подставной] хан в основном пребывал в Самарканде. А теперь, когда очередь царствования дошла до меня, моя независимость достигла такого предела, что я не нуждаюсь ни в каком хане. Сейчас я вытащил вас из платья бедности, надел на вас царский халат и отправляю вас в ваш родной юрт. Условия мои таковы: отныне, чтобы вы в противоположность предшественникам и прежним хаканам не делали такого заявления, как они, что, мол, “Мир Тимур и потомки Мир Тимура из рода в род — наши наукары”. Если прежде было так, то теперь не так. Теперь я самостоятельный государь, и другие считают себя моими наукарами. Теперь следует, чтобы вы из понятия “дружба” исключили бы слова “слуга” и “господин” и, подобно прежним ханам, не писали бы: “Тимуридским мирзам”, а соблюдали бы дружественную переписку. Впредь от сына к сыну этот порядок пусть будет соблюден»¹⁵⁰.

Как видим, сам Абу Саид даже не пытался обосновать свои права на верховную власть связью с Чингизидами — хотя бы через отдаленное родство. Справедливости ради, впрочем, следует отметить, что он и не претендовал на ханский титул: и он сам, и его сыновья и внуки в Самарканде, Бухаре, Бадахшане и Фергане довольствовались титулом мирзы («эмир-заде», т. е. сын эмира, князя). Аналогичным образом не пытались присваивать ханский титул и его более дальние родственники — правитель Хорасана Хусайн Байкара и его потомки, происходившие от Омар-Шейха, еще одного сына Амира Тимура. Формально властвуя в бывшем Чагатайском улусе, фактически они правили уже в новом политическом

образовании — империи Тимуридов, которая, несмотря на многочисленные заимствования из чингизидской политико-правовой традиции, все же была государством уже иного, нового типа, не признававшим никакой зависимости от другого иностранного государства. Более того, время от времени на службе у Тимуридов появлялись даже «казаки»-Чингизиды, безземельные представители «Золотого рода», служившие военачальниками у потомков Амира Тимура в обмен на земельные владения, денежное содержание и т.п.: как видим, уже сами потомки Чингис-хана становились официально вассалами бывших «нукеров» чагатайских ханов! В частности, такими «казаками» были Мухаммад Шайбани, одно время состоявший на службе у самаркандского правителя Султан-Ахмад-мирзы, сына Абу Саида, его родственники Хамза-султан и Махди-султан — на службе у бадахшанского Султан-Махмуд-мирзы (брата Султан-Ахмада) и др.¹⁵¹

Попытку повысить свой статус путем принятия более высокого титула предпринял Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, внук Абу Саида, изначально правивший в Фергане, но неоднократно претендовавший и на другие владения Тимуридов. Следуя принципу своего деда, он не только рассматривал правителей из числа потомков Чингис-хана как равных себе, но и не колебался идти на вооруженное противостояние с ними. В 1500 г. ему удалось отвоевать Самарканд у только что захватившего его Мухаммада Шайбани — потомка ханов Золотой Орды, причем Бабур представил это событие как законное возвращение столицы потомству Тимура, владевшему ей более сотни лет, из рук «чужака и врага»¹⁵², т. е. не принимая во внимание чингизидское происхождение своего соперника. Некоторое время спустя, около 1507 г., заставив Шайбани-хана отступить из своих афганских владений, Бабур, вновь торжествуя победу, принял титул падишаха, который сохранял до самой смерти, а затем передал своим преемникам — Великим Моголам, правителям Индии¹⁵³. Стоит и тут обратить внимание, что, несмотря на нежелание считаться с правами ханов-Чингизидов, Бабур все же принял не ханский титул, а, так сказать, более «нейтральный» титул падишаха, которым и в чингизидскую эпоху пользовались представители отдельных аристократических семейств¹⁵⁴. Несомненно, к такому решению Бабура подвигло опасение, что его претензии на ханский титул вызовут негативную реакцию других Чингизидов: ведь он находился в союзе и родстве с ханами Могулистана, поэтому не желал вызывать их гнев без особой причины. Вместе с тем

следует, вероятно, учитывать и другое обстоятельство — что, как уже говорилось выше, держава Тимуридов базировалась не только на чингизидских принципах, а также и на принципах мусульманской и персидской государственности: отсюда и персидский по происхождению титул Бабура. Вместе с тем, в течение всего своего правления он неоднократно ссыался на то, что имеет частичку чингизидской крови по материнской линии. Правда, как можно сделать вывод на основании его собственных «Записок», чаще всего он вспоминал о своем родстве с Чингизидами не в связи с обоснованием прав на трон, а когда ему нужна была поддержка или покровительство его родственников — могулистанских ханов...

Пример Тимуридов демонстрирует интересный и вместе с тем достаточно распространенный подход, когда, приобретя определенное положение и статус верховных монархов изначально лишь в силу собственного политического и военного могущества, в дальнейшем правители-узурпаторы (или же их преемники) старались легитимировать свое положение и правовыми методами. Так, если Абу Саиду в силу его могущества такие основания не требовались, то его преемники старались «задним числом» легитимировать не только собственное положение, но и статус своих родоначальников, справедливо полагая, что обвинение их предков в узурпации бросает тень и на них самих. Этот подход, как мы увидим ниже, весьма широко применялся в центральноазиатских ханствах XVIII–XIX вв., правители которых претендовали на правопреемство не только от Чингизидов, но и от потомков самого Тимура.

«Регионализм по-чагатайски»:

независимые правители отдельных частей улуса

В период распада имперских государств Чингизиды нередко становились ханами в каком-то конкретном регионе, при поддержке местной знати, населения, войск. Соответственно, регион начинал в какой-то мере считать хана «своим» государем, и, когда монарх, стараясь реализовать свои властные амбиции, покидал этот регион и начинал борьбу за власть в соседних регионах и государствах, у местного населения возникало чувство, что хан изменил своей «родине». Оно усугублялось тогда, когда хан в случае победы отдавал предпочтение при своем дворе не тем сановникам, которые помогли ему прийти к власти, а тем, которые признали его воцарение во вновь завоеванном регионе. Реакцией на такое отношение

ханов к интересам «родины» нередко становилась узурпация власти влиятельными эмирами-нечингизидами, которые либо формально, либо фактически занимали важное место в структуре управления соответствующего региона или же «регионального» государства.

Одним из ранних и весьма ярких примеров проявления этой тенденции стало возвышение рода Дуглат в Могулистане. Представители этого рода в конце 1340-х гг. способствовали отделению восточной части Чагатайского улуса от западной и приходу к власти представителя одной из ветвей Чагатаидов — Тоглук-Тимур-хана¹⁵⁵. Однако уже на рубеже 1350–1360-х гг. новый монарх, а затем и его сын Ильяс-Ходжа начали борьбу за восстановление единства Чагатайского улуса — естественно, под собственной властью¹⁵⁶. Следствием этой политики стали постоянные походы обоих правителей в Мавераннахр, участие в междоусобной борьбе чагатайских кланов, породнение Тоглук-Тимура с местной знатью и, соответственно, возвышение при нем именно мавераннахрских сановников — в ущерб его первым сподвижникам из Могулистана.

Дуглатский эмир Пуладчи, собственно и сделавший Тоглук-Тимура ханом, занимал при этом монархе пост улус-бека (верховного главнокомандующего, аналогичный должности бекляри-бека в Золотой Орде и постордынских государствах и амир ал-умара в Средней Азии). Пока он сохранял этот пост, Дуглаты мирились с ханской политикой, однако вскоре после его смерти его брат Камар ад-Дин умертвил нового хана Ильяс-Ходжу б. Тоглук-Тимура со всем его семейством (было убито 18 царевичей) и вскоре захватил всю полноту власти в Могулистане. Формальным поводом для его мятежа против хана (согласно летописным источникам) послужила якобы обида этого могущественного эмира на то, что Ильяс-Ходжа после смерти Пуладчи решил передать пост амир ал-умара его малолетнему сыну Худайдаду, а не самому Камар ад-Дину — следующему по старшинству брату¹⁵⁷.

Однако не приходится сомневаться, что реальной причиной узурпации Камар ад-Дина стало пренебрежительное отношение Ильяс-Ходжи к интересам Могулистана и в первую очередь самого клана Дуглатов. И как только хан потерпел серьезное поражение от эмиров Мавераннахра в так называемой «грязевой битве» (1365 г.), Камар ад-Дин воспользовался его ослаблением и расправился с ним¹⁵⁸. Поскольку вместе с ханом были убиты практически все его сыновья (уцелел лишь один Хызр-Ходжа, происхождение которого, впрочем, тоже вызывает сомнения), в Могулистане не

осталось законных претендентов на трон, Камар ад-Дин имел возможность узурпировать верховную власть. Это было сделать тем легче, что традиции ханской власти в этом регионе были еще сравнительно недавними, и представление о Могулистане как о ханстве не успело закрепиться в сознании населения. Вероятно, именно поэтому Камар ад-Дин, хотя и претендовал на верховную власть, ханский титул принимать не намеревался.

Естественно, его намерения вызвали негативную реакцию как в самом Могулистане, так и за его пределами. Против узурпатора выступили другие могульские эмиры, равные ему по статусу и вполне обоснованно считавшие, что имеют не меньше прав на власть¹⁵⁹. В то же время против Камар ад-Дина начал действовать Амир Тимур — фактический правитель Мавераннахра, который с 1370 по 1390 гг. организовал не менее семи походов против самозванного правителя Могулистана. Формально Тимур действовал от имени своего подставного хана Суюргатмыша и преследовал цель восстановить в Могулистане власть «Золотого рода», столь бесцеремонно захваченную узурпатором. Неслучайно в тимуридской историографической традиции Могулистан и его население презрительно именовались «джете», т. е. разбойники, грабители¹⁶⁰ — несомненно, имелись в виду не личностные качества могулов, а их мятеж против законной власти ханов Мавераннахра и их амир алумара Тимура. Весьма примечательно, что Амир Тимур, по-видимому, учел неудачный опыт хана Ильяс-Ходжи и поначалу не стал пытаться навязать Могулистану «чуждого» Чингизида или хотя бы наместника родом из Мавераннахра: одержав первую победу над Камар ад-Дином, он передал всю полноту власти другому могульскому эмиру — Кепек-Тимуру. Однако региональный фактор уже был задействован, и вскоре новый наместник тоже восстал против властителя Мавераннахра, что вызвало новый поход Тимура в 1371 г.¹⁶¹

В результате походов Амира Тимура многие местные эмиры были разгромлены, некоторые погибли, и в конечном счете, как ни странно, Камар ад-Дин (также терпевший поражения от Тимура) сумел укрепить свои позиции и обрел в конце концов всю полноту власти в Могулистане. Впрочем, Тимур не захотел отказываться от намерения присоединить восточную часть Чагатайского улуса к западной и совершил еще ряд походов против узурпатора (в 1375, 1377, 1383, 1389 и 1390 гг.)¹⁶². В результате Камар ад-Дин был вынужден бежать, нашел убежище у золотоордынского хана

Токтамыша, еще одного соперника Амира Тимура, пытался создать коалицию против правителя Мавераннахра, но не преуспел и после 1390 г. больше не фигурирует в источниках¹⁶³.

После падения Камар ад-Дина новым фактическим правителем Могулистана стал его племянник Худайдад, который, казалось бы, продемонстрировал отсутствие властных амбиций и признал ханом Хызр-Ходжу, уцелевшего сына Тоглук-Тимур-хана, при котором был утвержден в должности улус-бека — как и завещал его отец. Вплоть до своей смерти, датируемой по разным источникам от 1409 до 1425 гг., Худайдад поддерживал поочередно потомков Хызр-ходжи на троне, а перед смертью предложил очередному хану передать пост улус-бека своему сыну Мухаммад-шаху, что и было сделано¹⁶⁴.

Однако фактически отношения между восстановленными на троне ханами Могулистана и родом Дуглат были вовсе не столь идеальны. У Худайдада было много братьев и сыновей, которые владели обширными уделами, намного превосходившими землевладения самого ханского семейства. В этих владениях Дуглаты были полновластными правителями, совершенно не признававшими ханской воли. Свои права на эти владения Дуглаты обосновывали тем, что якобы получили эти земли еще от самого Чингис-хана¹⁶⁵, что давало им даже формальные основания не подчиняться ханам. Когда же в результате очередных смут ханская власть в Могулистане окончательно ослабла, клан Дуглат создал независимое обширное государство с центром в Кашгаре, которым управлял до 1514 г., когда один из могульских Чингизидов, Султан-Саид-хан, сумел разгромить Абу Бакра Дуглата и захватить Кашгар¹⁶⁶. Однако поскольку это владение уже в течение длительного времени воспринималось как независимое, сам Султан-Саид в результате стал основателем именно Кашгарского ханства, иногда называемого в историографии «Могулией» — в противовес прежнему Могулистану, которым до 1570-х гг. управляли потомки братьев Султан-Саида¹⁶⁷. Примечательно, что Дуглаты, лишившись независимого государства, продолжали играть важную роль при дворе Султан-Саид-хана и в политике его государства, и лишь после его смерти, в 1533 г., были частично истреблены, частично изгнаны из Кашгарии его наследником Абд ар-Рашид-ханом¹⁶⁸.

На примере Дуглатов можно увидеть, что политико-правовые воззрения населения Центральной Азии в постимперский период претерпели существенные изменения. Чингизиды, утратившие свои прежние империи, теперь рассматривались как ставленники

региональных элит и фактически считались «региональными монархами». А если они, по мнению поддерживавшей их знати, действовали в ущерб интересам соответствующего региона, это могло послужить основанием для отказа признавать власть «Золотого рода» и выдвижения «альтернативных» правителей — пусть и нечингизидского происхождения, но заботившихся о родных краях. Отныне Чингизиды должны были учитывать интересы отдельных регионов и даже в известной степени соотносить себя с ними. Именно такая позиция с одновременным отказом от имперских амбиций и позволила Султан-Саид-хану одержать победу над Дуглатами и вернуть Кашгарию под власть «Золотого рода»¹⁶⁹.

* * *

Захват Тимуридами всей полноты власти в Мавераннахре и их отказ со второй половины XV в. от практики возведения на трон даже подставных Чингизидов породили прецедент, впоследствии обращенный против них самих.

После смерти Абу Саида, последнего владельца объединенной империи Тимуридов (1469 г.), его владения оказались разделены между его многочисленными потомками. Одним из них стала Фергана, где правил Омар-Шейх б. Абу Саид, другим — Хисар и Бадахшан, которым управлял Султан-Махмуд б. Абу Саид. Оба эти правителя в течение длительного времени пребывали в своих владениях, стойко отражая попытки родичей (в том числе и друг друга) захватить их уделы. Однако в 1494 г. скончался Омар-Шейх, а годом позже и Султан-Махмуд, который в 1494 г. перебрался в Самарканд (после смерти своего старшего брата Султан-Ахмада).

Правителями стали внуки Абу Саида — Бабур б. Омар-Шейх в Фергане и Султан-Масуд б. Султан-Махмуд в Хисаре и Бадахшане. Поскольку оба юных Тимурида очень скоро включились в борьбу за имперское наследство своего деда, интересы собственных регионов отошли для них на второй план. Этим и воспользовались представители местных элит, которые примерно в одно время выступили против Тимуридов и захватили всю полноту власти в Фергане и Бадахшане.

Ферганский властитель Бабур уже в 1496 г. выступил в поход на Самарканд, а годом позже сумел на короткое время захватить столицу Тимура. Вместе с ним прибыл и ряд ферганских эмиров, среди которых первенствовал Ахмад Танбал, который являлся

крупным ферганским военачальником и даже некоторое время выполнял функции ее наместника в отсутствие правителя. Согласно самому Бабуру, после захвата Самарканда «султану Ахмаду Танбалу было оказано наибольшее из всех покровительство»¹⁷⁰. Однако не приходится сомневаться, что ферганский владетель, стремясь закрепиться на новом престоле, большее предпочтение оказывал представителям самаркандской знати (о чем он сам также пишет).

Такое положение не могло нравиться ферганским эмирам, которые не без оснований считали, что Бабур захватил Самарканд благодаря именно их помощи. Поэтому как только Бабур был вынужден покинуть Самарканд под натиском своих родичей — других внуков Абу Саида, ферганская знать во главе с Ахмадом Танбалом покинула город. Ферганский военачальник не сразу предпринял попытку захвата всей полноты власти в Фергане: сначала он попытался противопоставить Бабуру его младшего брата Джахангир-мирзу, от имени которого и стал править регионом с 1498–1499 г.¹⁷¹. Только благодаря поддержке своего дяди по материнской линии, могульского Султан-Махмуд-хана (потомка Тоглук-Тимура), Бабуру удалось вернуть себе власть, заставив Ахмада Танбала удалиться в собственные владения¹⁷².

Некоторое время спустя Бабур примирился со своим мятежным эмиром, брат которого даже командовал одним из отрядов в очередном походе Бабура на Самарканд в 1500 г.¹⁷³. Однако после того, как в 1501 г. этот Тимурид был окончательно вытеснен из Самарканда (на этот раз уже не родственниками, а Мухаммадом Шайбани-ханом), его брат Джахангир-мирза, в очередной раз оставленный управлять Ферганой, отказался вернуть старшему брату его трон — естественно, и на этот раз решение на самом деле было принято не юным мирзой, а Ахмадом Танбалом¹⁷⁴.

В течение некоторого времени Бабур и его сторонники пытались вернуть Фергану под его власть, однако Ахмад Танбал, демонстрируя заботу об интересах региона и противопоставляя ее властным амбициям Бабура, не желавшего довольствоваться ферганским владением, успешно противостоял ему. Бабур надеялся на поддержку дяди — могулистанского Султан-Махмуд-хана, правителя Ташкента, однако оказалось, что последний предпочел поддержать мятежного военачальника. Дело в том, что хан и сам стремился присоединить Фергану к своим владениям, и правление там юного Джахангир-мирзы вместе с фактическим узурпатором Ахмадом Танбалом устраивало его гораздо больше, нежели пребывание на

троне деятельного и воинственного Бабур¹⁷⁵. Не последнюю роль в решении Султан-Махмуд-хана сыграли дипломатические уловки самого Ахмада Танбала, направившего Бабуру послание, в котором он соглашался признать его власть, если они совместно выступят против ташкентского хана. И хотя Бабур отказался, несомненно, содержание этих переговоров было доведено до Султан-Махмуд-хана, получившего основания не доверять племяннику¹⁷⁶. Убедившись, что Бабур лишен поддержки, Ахмад Танбал решился на прямую узурпацию: Джахангир-мирза был схвачен им (равно как и их с Бабуrom младший брат Насир-мирза), а сам эмир стал фактическим правителем, назначив наместниками в крупные города Ферганы своих родственников¹⁷⁷.

Лишь в 1503 г. ташкентский Султан-Махмуд-хан, его брат Султан-Ахмад-хан и Бабур нашли возможность выступить против узурпатора. Ахмад Танбал пошел на очередную дипломатическую уловку, решив противопоставить двум ханам-Чингизидам еще одного потомка «Золотого рода»: он отправил послание новому самаркандскому владетелю Мухаммаду Шайбани-хану, призывая его на помощь, а взамен обещая признать его сюзеренитет. Шайбани-хан не преминул воспользоваться его приглашением и вскоре в битве при Ахси разгромил могульских ханов, которых к тому же взял в плен (Бабуру удалось бежать)¹⁷⁸.

Однако Ахмад Танбал не выполнил своего обещания и не признал власть узбекского хана. Его главные соперники были разгромлены, но и потери Шайбани-хана оказались серьезными, кроме того, у него появились другие дела, которые отвлекли его от Ферганы на некоторое время. В результате Ахмад Танбал сохранил власть над регионом и между ним и властителем Самарканда установились отношения, которые Мирза Хайдар (двоюродный брат Бабур) охарактеризовал как «волчий мир»¹⁷⁹. Усыпляя бдительность ферганского узурпатора, узбекский государь формально признавал Ахмада Танбала правителем Андижана, а его братьев Байзида и Тильбе-бека — соответственно, Ахси и Маргинана. Но не прошло и года, как Шайбани-хан выступил в поход на Фергану¹⁸⁰. Впрочем, по другим сведениям, Ахмад Танбал сам оказался виноват в нападении узбеков: получив Фергану от Шайбани-хана после победы при Ахси в качестве вассального владения, он не только не соблюдал обязанности вассала, но и предпринял поход на Ташкент, только что занятый узбеками¹⁸¹. Неудивительно, что это оказалось хорошим поводом для вторжения Шайбани-хана. Реальной же

причиной, несомненно, являлась незаконность претензий Ахмада Танбала на Фергану, поскольку он не являлся не только Чингизидом, но даже и Тимуридом.

Удивительно, но Ахмад Танбал, ожидавший со дня на день нападения Шайбани-хана, не принял никаких мер по защите своих владений. Более того, накануне нашествия узбеков он затеял свару с Мухаммад-Хусайном, дуглатом и союзными ему горцами-чагираками, с которыми в течение нескольких дней вел упорные бои в горах Бадахшана. Как раз в это время ему принесли весть, что Шайбани-хан выступил на Фергану и уже подошел к Кан-и Бадаму. Ахмад Танбал немедленно свернул военные действия и поспешно вернулся в Ферганскую долину. Однако вместо того, чтобы укрепить подвластные ему города, он вывел из них войска и сосредоточил все силы в Андижане.

Шайбани-хан двинулся на столицу Ферганы и приготовился к ее длительной осаде. Однако тут нервы Ахмада Танбала не выдержали томительного ожидания, и он во главе 10-тысячного отряда выступил навстречу численно превосходящим силам узбеков. Естественно, ферганское войско было разгромлено, и Ахмад Танбал с немногочисленными уцелевшими воинами вновь укрылся в Андижане. В связи с этим планы хана изменились, и он решил не откладывать захват Ферганы на будущий год, а завершить его в ближайшие же дни.

Мухаммад-Тимур-султан б. Шайбани-хан отправился на переговоры к Ахмаду Танбалу, предложив ему покориться хану и самому явиться к нему. Никаких обещаний сохранить Танбалу жизнь они не дали, но ферганский правитель, находясь в состоянии беспомощном и растерянном, все же подчинился и вместе с братьями вышел из города. Однако их всех тут же умертвили — как узурпаторов, оказавших сопротивление законному монарху. Андижан немедленно перешел в руки узбеков¹⁸². Семейство Ахмада Танбала попало в плен, и на одной из его дочерей женился Джанибек-султан: Шайбани-хан пожаловал ему в Управление Фергану, и этот брак должен был закрепить его легитимность именно на уровне региона, в котором были столь сильны сепаратистские настроения¹⁸³. Для укрепления родственных связей своего семейства с ферганской знатью хан приказал также выдать Ядгар-Султан-бегим, сестру Бабура, замуж за Абд ал-Латиф-султана б. Хамза-султана (на другой сестре Бабура, Ханзаде-бегим, был женат сам Шайбани-хан)¹⁸⁴.

Аналогичным образом для Тимуридов из-за их имперских амбиций оказались потеряны Хисар и Бадахшан: когда Султан-Масуд-мирза, местный правитель-Тимурид, вмешался в борьбу за самаркандский трон, фактическую власть в регионе захватил Хосров-шах. Он был родом из туркестанских кипчаков, однако в свое время примкнул к отцу Султан-Масуда, оказал ему ряд услуг, за что был возвышен им и получил обширные владения¹⁸⁵. Пользуясь тем, что сыновья его повелителя после его смерти покинули родовой удел и начали борьбу за Самарканд, Бухару и пр., Хосров-шах за короткое время сумел сосредоточить власть над Хисаром, Бадахшаном, Кундузом и Каратегином¹⁸⁶. Стремясь не лишиться своих владений, Хосров-шах пошел не просто на мятеж, но и на открытую расправу с прежними сюзеренами: в 1498 г. он приказал ослепить Султан-Масуд-мирзу, а годом-двумя позже, когда в Хисар бежал из Самарканда брат ослепленного Тимурида, Байсункур-мирза, он был отравлен Хосров-шахом.

К 1504 г. Хосров-шах стал независимым правителем Хисара, а в отношении других своих владений, Кундуза и Бадахшана, формально признавал вассалитет от Бади аз-Заман-мирзы б. Султан-Хусайн-мирзы, с которым, впрочем, постоянно воевал¹⁸⁷. Несмотря на авантюрный склад ума, склонность к интригам и вероломству (а возможно, и благодаря этим качествам!) Хосров-шах оказался неплохим правителем и за короткое время сделал свои владения процветающими. В 907 г. х. (1501/1502 г.), в эту эпоху междоусобиц и иноземных вторжений, он даже провел денежную реформу — полностью запретил обращение старых монет, заменив их на новые, собственного чекана, и упорядочил ценообразование, что вскорости привело к небывалой экономической стабильности региона¹⁸⁸. Естественно, при этом Хосров-шах не забывал собственные интересы и интересы своего семейства: своего брата Вали он назначил правителем Хуталляна, а другого брата, Баки, — Чаганиана. Сам Хосров-шах накопил огромные богатства, что в конце концов привлекло к нему столь нежелательное и опасное внимание Шайбани-хана.

Еще в сентябре 1503 г., вскоре после взятия Ташкента, хан впервые вторгся в Бадахшан, однако поскольку в это время начались заморозки и снегопады, Шайбани-хан поспешил увести войска обратно в Мавераннахр, тем более что в этот раз лишь проверял, насколько серьезным противником окажется Хосров-шах¹⁸⁹. Результаты разведки вполне удовлетворили хана, и поэтому годом

позже, после завоевания Ферганы, он снова повел свои войска на Бадахшан и вскоре без боя взял Хисар, столицу Хосров-шаха. Сам узурпатор в это время скрывался в Кундузе, где он хранил свои богатства, которые накапливал в течение долгих лет. Хосров-шах похвалялся, что с запасами, собранными в Кундузе, он сможет выдерживать осаду не менее 20 лет. Однако, услышав, что Шайбанихан осадил Хисар, он растерял всю свою самоуверенность и бежал из города, прихватив с собой несколько телег с драгоценностями¹⁹⁰. В течение некоторого времени он скрывался у Бабура, но бежал от него, опасаясь, что тот прикажет расправиться с ним за убийство своих двоюродных братьев — Султан-Масуд-мирзы и Байсункур-мирзы. Поэтому он отправился в Герат, к своему номинальному сюзерену Бади аз-Заману, надеясь получить от него помощь в противостоянии с Шайбаниханом. Однако Бади аз-Заман ограничился призывами к жителям Кундуза и Бадахшана встретить врага с оружием в руках, а те, не желая гибнуть за узурпатора, сдались узбекам¹⁹¹. Судьба братьев Хосров-шаха сложилась по-разному. Вали, правитель Хуталляна, покинул свое владение и бежал в Кабул, однако по пути был ограблен разбойниками и вынужден сдаться на милость Шайбанихана, который приказал его схватить и казнить. Другой же брат, Баки Чаганиани, благоразумно сдался узбекам без боя, в результате чего потерял свои владения, но сохранил жизнь и впоследствии поступил на службу к Бабуру¹⁹².

Сам Хосров-шах годом позже, в 1505 г., предпринял попытку восстановить свою власть в Кундузе и Хисаре. Получив от своего сюзерена Бади аз-Заман-мирзы небольшой конный отряд, он направился к Кундузу. По пути к нему присоединялись сторонники, и в результате он довольно неожиданно для наместников Шайбанихана оказался под Кундузом во главе значительных сил. Однако узбеки успели собрать войска и разгромили Хосров-шаха, в битве большинство его сподвижников были убиты, а самого узурпатора сбили с коня, связали и доставили в Кундуз. Его с позором провезли на осле по городу, которым он самовластно правил столько лет, затем обезглавили на кундузском базаре, а голову отправили Шайбанихану¹⁹³.

Однако власть узбеков в этих горных областях оказалась недолгой. Вскоре после ухода Шайбанихана, весной 1505 г. в нескольких городах начались антиузбекские выступления. В Бадахшане был убит ханский наместник и власть захватил некий Мубарак-шах, являвшийся потомком сановника прежних бадахшанских шахов.

Аналогичное происхождение имел и Зубайр Раги, предводитель восставших в Раге. В Рустаке восстание поднял бывший придворный самого Хосров-шаха — Мухаммад-курчи. Как видим, пример Хосров-шаха в свою очередь послужил прецедентом для других узурпаторов власти. С той только разницей, что Хосров-шаху удалось в течение ряда лет железной рукой удерживать в повиновении весь регион, тогда как новые узурпаторы перессорились между собой, вскоре перебив друг друга¹⁹⁴. Только к 1508 г. ситуация в регионе стабилизировалась, когда в Бадахшан прибыл Хан-мирза, считавшийся законным наследником бадахшанского трона: его бабка по матери, Шах-бегим (мать могулистанских Султан-Махмуд-хана и Султан-Ахмад-хана) являлась дочерью Султан Мухаммада Бадахши, последнего «зулкарнайна»¹⁹⁵. С этого времени Бадахшан вновь попал под власть Тимуридов, которые, как уже отмечалось выше, вплоть до середины XVII в. с переменным успехом противостояли натиску бухарских узбеков.

Пример с Хосров-шахом еще раз подтверждает тенденцию поддержки местным населением отдельных регионов правителей, пусть и нелегитимных, но заботящихся о нуждах и интересах региона, — в ущерб законным, потомственным монархам, которые жертвовали интересами подданных, пытаясь восстановить некие имперские образования, к XVI–XVII вв. уже фактически превратившиеся в фантомы. Оборона собственных владений, развитие экономики региона, противостояние внешним врагам стали представляться подданными более весомым основанием для претензий на власть, нежели высокое происхождение правителей и, как следствие, их претензии на расширение владений, что влекло постоянные траты, сокращение населения и т. д.

ГЛАВА 3

ГОСУДАРСТВО ИЛЬХАНОВ И ЕГО НАСЛЕДНИКИ

Государство ильханов в Иране оставалось единственным улусом Монгольской империи, практически до прекращения своего существования сохранявшим зависимость от монгольских ханов — императоров Юань. Однако это не означало, что в нем не происходило захватов трона, мятежей и переворотов. Напротив, за сравнительно короткую историю (1265–1350-е) в нем постоянно шла борьба за власть, которая не закончилась и после распада этого государства.

Соперничество потомков Хулагу в борьбе за власть над Ираном в XIII — начале XIV вв.

Проблемы, связанные с отсутствием четкого права престолонаследия у Чингизидов, в полной мере проявились и в Ильханате. Причем первые примеры борьбы за власть и попыток ее узурпации начались уже в XIII в. Пожалуй, только первые два ильхана, Хулагу и Абага, вступили на престол в полном соответствии с законом и при всеобщей поддержке, а потом началась череда междоусобиц, переворотов, из которых, впрочем, не все заканчивались успешно. Впрочем, победившие с помощью военной силы ильханы все же, пусть даже «задним числом», старались представить законные обоснования своих прав на власть.

Так, например, в 1284 г. царевич Аргун, внук Хулагу, совершил переворот, в результате которого был свергнут и убит его дядя Тохудар (Ахмад): свое право на трон он обосновал тем, что в правление своего отца Абаги управлял Хорасаном и в качестве наместника этой области формально являлся первым наследником прежнего ильхана¹⁹⁶. Кроме того, он постарался представить правление своего дяди незаконным в силу совершенных им преступлений: тот без суда казнил нескольких своих родственников — царевичей из рода Хулагу (на самом деле они были казнены за участие в заговоре

против ильхана с целью возведения на трон самого Аргуна)¹⁹⁷. Выше мы уже указывали, что за неправосудные решения права на ханский трон Монгольской империи приговором курултая был лишен целый род — Угедзиды.

В 1295 г. в результате очередного переворота на трон Ирана вступил Газан, сын Аргуна. Примечательно, что он представил те же самые доводы, что и его отец: то, что он являлся при отце наместником Хорасана и что его противник — ильхан Байду — без суда расправился с собственным предшественником Гайхату (дядей Газана)¹⁹⁸.

Из Монгольской империи Хулагуиды унаследовали не только систему управления, но и проблемы, связанные с неопределенностью престолонаследия: различные претенденты предъявляли разные обоснования своих прав на трон, соответственно, обвиняя противников в незаконности их претензий. В большинстве случаев им даже не нужно было самим изобретать эти обоснования — ведь имелись прецеденты, созданные во время междоусобиц в Монгольской империи середины XIII в.

Так, например, как мы помним, Гуюк в свое время низложил чагатайского правителя Кара-Хулагу и передал трон его дяде Есу-Мунке, мотивировав это тем, что последний — старший в роду. Хуладжу, представитель рода Хулагуидов — правящей династии монгольского государства ильханов в Иране, решил буквально последовать решению хана Гуюка. В 1289 г. он решил провозгласить себя ильханом, обосновав это тем, что он — сын Хулагу, основателя династии, тогда как находившийся на троне ильхан Аргун — всего лишь его внук и, следовательно, племянник самого Хуладжу. Он вступил в сговор с эмиром Наврузом и начал борьбу с племянником. Однако вскоре был разбит и, попав в плен, во всем обвинил Навруза, заявив, что сам и не помышлял бороться за трон¹⁹⁹.

Вообще, претензии на трон по праву старшинства среди Хулагуидов выдвигались неоднократно, поэтому представители той ветви рода, которая сумела утвердиться на троне, даже шли на генеалогические фальсификации, чтобы повысить свою легитимность. Так, например, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дин называет ильхана Абагу (деда своего покровителя Газана) старшим сыном Хулагу — основателя чингизидской династии правителей Ирана²⁰⁰. Соответственно, другие Чингизиды, бросавшие вызов Аргуну и Газану, характеризуются придворным историком как узурпаторы: именно в таком ключе он трактует события 1289 г., когда Аргун расправился

со своим двоюродным братом Джушкабом и еще несколькими царевичами-Хулагуидами, и 1302/1303 г., когда Газан подавил выступление царевича Алафранга и казнил многих его сторонников, включая представителей духовенства²⁰¹. Между тем, согласно сведениям ас-Сафадии, египетского хрониста середины XIV в., старшим сыном Хулагу был не Абага, а Джумкур, отец вышеупомянутого Джушкаба! Соответственно, последний имел даже некоторое преимущество перед Аргуном в борьбе за власть. Что же касается претензий на власть Алафранга, то он, как и Газан, был сыном ильхана (Гайхату), и его поддерживала группировка представителей мусульманского духовенства, соперничавшая за власть и влияние с той, к которой принадлежал историк Рашид ад-Дин, что обусловило победу над ним могущественной кочевой знати, поддержавшей Газана²⁰².

Династический кризис и проблема происхождения претендентов на трон в 1330–1350-е гг.

В 1335 г. в Иране пресеклась старшая ветвь потомков Хулагу и на трон вступил Арпа-хан, который вообще не принадлежал к Хулагуидам: он являлся потомком Арик-Буги, брата Хулагу. Несмотря на то что Арпа-хан занял трон на основе завещания своего предшественника Абу Саида и был официально признан в ханском достоинстве, его происхождение дало основание обвинить его в незаконном захвате трона. Хотя он попытался укрепить свое право на трон путем женитьбы на Сатибек — сестре Абу Саида, он понимал, что, пока живы потомки Хулагу и другие представители рода Чингис-хана в Иране, его положение не будет прочным.

Поэтому в качестве «дополнительного средства легитимации» он уничтожил всех имеющихся в Иране царевичей-Чингизидов, которые, подобно ему, могли выступить претендентами на трон. Согласно Хафизу Абру, Арпа-хан «мальчика из рода Конкуртая ибн Хулагу... с двумя другими царевичами, также из рода Хулагу-хана, [не заслуживающих] упоминания, приказал задушить». Та же судьба вскоре постигла еще одного отдаленного родича: «Из Мавераннахра царевич Таваккул-Кутлуг из рода Угедей-каана ибн Чингиз-хана с двумя сыновьями... укрепился в этой стране. [Когда] он с сыновьями прибыл в ставку, Арпа Ке'ун посчитал их более достойными падишахства, [чем он сам] и не простил им этого (убил их)»²⁰³. Как видим, потомок Арик-Буги постарался уничтожить всех потомков

боковых ветвей Хулагу и даже представителей других ветвей Чингизидов, весьма обоснованно полагая, что, коль скоро он сам сумел воссесть на трон, то и они могут последовать его примеру.

В результате против Арпа-хана вскоре выступил Муса — представитель боковой ветви Хулагуидов, заявивший, что имеет больше прав на трон, чем потомок Арик-Буги, чьи предки никогда в Ильханате не правили²⁰⁴, тем более что у него появилось еще одно веское основание объявить соперника незаконным правителем — расправа с многочисленными родственниками. Муса был поддержан могущественными эмирами, и Арпа-хан в 1336 г. был разгромлен и казнен. Однако и сам Муса, обвинивший предшественника в том, что тот по происхождению был недостойн трона, не был «чист» в генеалогическом отношении. Согласно средневековым персидским авторам, это был человек лет сорока, который занимался торговлей тканями; однако могущественный эмир Али-падишах из племени ойрат провозгласил его сыном Али б. Байду и возвел на трон ильханов²⁰⁵. Абу Бакр Ахари замечает, что «кроме имени у него ничего не было»²⁰⁶. Естественно, сомнительность происхождения стала вполне достаточным основанием для его политических противников, чтобы выступить против Мусы, который уже в 1337 г. был свергнут и убит.

Его сменил на троне некий «ребенок по имени Пир Хусейн из рода Анбарчи, которого нарекли Мухаммад-ханом». Официально Мухаммад-хан считался сыном Йулкутлуга б. Ил-Тимура б. Анбарджи б. Менгу-Тимура б. Хулагу, причем его «назначил на царство» (sic! — Р.П.) Хасан Бузург из племени джалаирав²⁰⁷.

Сулдузы, еще один могущественный аристократический род Ильханата, не пожелали оставаться в стороне от политической борьбы и, в противовес своим соперникам джалаирам, возвели на престол ставленника, который вряд ли получил бы признание, если бы Иран не охватил столь глубокий династический кризис. Этим ставленником была Сатибек, сестра Абу Саида, которую Хасан Кучак, глава сулдузов, объявил законной наследницей трона ильханов (кстати, сам Хасан приходился внуком могущественному эмиру Чопану, бывшему первым мужем Сатибек). Сатибек была возведена на трон в 1337 г. в качестве «правосудной султанши»²⁰⁸. Однако вскоре сам же Хасан Кучак в силу ряда причин перестал ей доверять²⁰⁹ и, стремясь противопоставить ильханам из дома Хулагу, провозглашенным его соперником Хасаном Бузургом, «нашел одного человека по имени Илийас. Говорили, что он [один] из детей Сукая (Сукай — сын Юшмута, одного из младших сыновей

Хулагу — Р.П.). Он дал ему имя Сулейман-хана и возвел на трон. [Правду] знает Аллах»²¹⁰.

Этому Сулейману при поддержке сулдузов вскоре удалось разгромить своего конкурента Мухаммад-хана, однако вместо него Хасан Бузург посадил на трон некоего Изз ад-Дина под именем ильхана Джахан-Тимура б. Алафранга б. Кейхату-хана. В «Родословии тюрков», сочинении XV в., Джахан-Тимур вообще назван эмиром, т. е. не членом ханского рода Чингизидов²¹¹. Наконец, уже в 1344 г., после смерти Сулейман-хана, брат и преемник Хасана Кучака, Малик Ашраф, «привел одного [человека] из племени торклийан, посадил на трон и велел читать в Арране хутбу с упоминанием его имени. Кроме имени Ануширван у того ничего больше не было»²¹².

Кстати, тот же Хасан Кучак чуть позднее, на рубеже 1330–1340-х гг., держал при своем дворе некоего «мальчика неизвестного рода и племени», которого сам он провозгласил царевичем Абу-л-Хайром: такой царевич действительно существовал, он был сыном ильхана Олджайту, но умер в детстве. Эмир намеревался использовать его в качестве «альтернативного» кандидата на трон — на тот случай, если с его ставленником, ильханом Сулейманом, что-то произойдет. Однако сам Сулейман выразил неудовольствие наличием претендента, тем более явно фальшивого — ведь в живых еще было много представителей знати, помнивших о смерти настоящего Абу-л-Хайра. Поэтому, чтобы не вызвать новой смуты среди своих сторонников, Хасан Кучак отправил мальчика к Сулейману, который приказал его умертвить²¹³.

Легко увидеть, как средневековые авторы дают понять, что сомневаются в том, что эти претенденты на трон действительно принадлежали к роду Хулагу. Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что эти сомнения призваны отразить позицию заказчиков произведений — правителей из рода Джалаиридов, узурпировавших власть в Иране у потомков Чингис-хана, о чем подробнее будет сказано чуть ниже. А исторические сочинения на Востоке всегда были прекрасным инструментом для продвижения политических идей, в том числе и обоснований прав на верховную власть²¹⁴.

Конец Чингизидов в Иране и приход «ближайших родичей»

Итак, в результате непрекращающихся междоусобиц были поголовно истреблены не только практически все потомки Хулагу,

но и другие персидские Чингизиды (как истинные, так и мнимые), и право на трон ильханов предъявили их ближайшие родичи — потомки Хасара, брата Чингис-хана.

Четверо братьев Чингис-хана — Хасар (Джучи-Хасар или Хабуту-Хасар), Белгутай, Хачиун и Тэмугэ-отчигин — оставили многочисленное потомство, которое, подобно потомкам самого Чингис-хана, со временем расселилось в различных тюрко-монгольских государствах, выделившись из состава Монгольской империи, и заняло видное место среди родоплеменной знати. При этом следует отметить, что потомки разных братьев основателя Монгольской империи обладали разным статусом. Согласно Рашид ад-Дину, за героизм, проявленный Хасаром в сражении с найманским Таян-ханом (1204 г.), Чингис-хан «соизволил его пожаловать и [выделил его] из всех братьев и сыновей братьев, дав ему и его детям в соответствии с установленным обычаем правом, вытекающим из положения брата и царевича, степень [высокого] сана и звания. И до настоящего времени (составление летописи Рашид ад-Дина относится к началу XIV в. — *Р.П.*) обычай таков, что уруг Чингис-хана из всех [своих] дядей и двоюродных братьев сажает в ряду царевичей только уруг Джочи-Касара; все же другие сидят в ряду эмиров»²¹⁵. Имеются и другие свидетельства того, что Чингис-хан выделял Хасара и его потомство. В частности, из источников известно, что Есунке-ака, один из сыновей Хасара, был любимцем Чингис-хана, состоял при нем даже тогда, когда собственные сыновья хана находились в походах²¹⁶; ему же посвящена надпись на так называемом «Чингизовом камне»²¹⁷. Согласно Рашид ад-Дину, Есунке и другие члены семейства Хасара пользовались большим уважением и влиянием при внуках Чингис-хана — ханах Мунке и Хубилае²¹⁸.

Таким образом, потомки Хасара фактически являлись ближайшими (не только по происхождению, но и по статусу) наследниками Чингизидов и, соответственно, могли претендовать на трон в случае пресечения их рода. Под этим предлогом они неоднократно начинали борьбу за власть на протяжении XIV–XV вв., когда в разных государствах, созданных потомками Чингис-хана, начинались династические кризисы. Потомки Хасара удачно использовали в своих интересах разного рода правовые нестыковки в вопросах престолонаследия, что позволяло им практически на равных бороться за власть с членами рода Чингизидов. Пример тому — история государства ильханов в Иране во второй половине XIV в.

Первым из потомков Хасара, выдвинувшим претензии на трон Ильханата, стал Туга-Тимур, который примерно с 1315 г. был правителем Мазандерана — одной из областей («вилайетов») в составе ильханского Ирана. Он происходил из рода Хасара²¹⁹, и его претензии на трон были основаны на заявлении его сторонников о том, что «в стране Ирак допущено много ошибок и она ослабла. Если все вместе направимся туда, то легко сможем захватить ту страну». После чего потомок Джучи-Хасара с согласия эмиров Хорасана, вельмож и знати был провозглашен ильханом (для своих тюрко-монгольских сторонников) и падишахом (для своих иранских приверженцев)²²⁰. Таким образом, законность прав Туга-Тимура на трон с самого начала выглядела весьма сомнительной: даже его сторонники не утверждали, что в Иране не осталось прямых потомков Хулагу (и Чингис-хана вообще), а всего лишь искали благовидный предлог, чтобы вторгнуться в богатые иранские владения. При этом сам претендент всячески старался подчеркнуть свой статус «падишаха»: «велел чеканить монеты и читать хутбу с упоминанием его имени»²²¹, что являлось атрибутом власти суверенного монарха. Кроме того, сознавая, по-видимому, незаконность своих претензий на трон, он постарался укрепить положение с помощью неоднократного проведения церемоний интронизации: сторонники Туга-Тимура провозгласили его ильханом весной 1336 г.²²², первая интронизация имела место в марте 1337 г., а уже месяцем позже, в апреле, он коронуется повторно — надо полагать, в присутствии большего числа представителей хулагуидской знати и военного командования²²³.

Сведения источников, относящиеся к периоду 1336 — первой половины 1337 гг., даже не позволяют сделать вывод, что Туга-Тимур изначально вообще намеревался претендовать на все наследие ильханов²²⁴. Однако вскоре у него такое намерение появилось: 10 июля 1337 г. сошел с политической сцены ильхан Муса — последний отпрыск дома Хулагуидов по мужской линии, в происхождении которого практически не высказывалось сомнений (с ним Туга-Тимур даже пытался заключить военный союз)²²⁵. Единственной претенденткой на трон на тот момент оставалась ханша Сатибек, чем и решил воспользоваться потомок Хасара.

Возникла правовая коллизия: кто же имел больше прав на трон — женщина, царевна Сатибек, являвшаяся сестрой, дочерью, внучкой и даже вдовой ильханов из рода Чингизидов, или же потомок брата Чингис-хана, но зато по прямой мужской линии?

Прямого ответа на этот вопрос в чингизидском законодательстве не было: вопроса, связанного с наследованием престола ханскими дочерьми попросту не возникало, поскольку в этом весьма многочисленном роду всегда можно было найти более-менее легитимного претендента на трон мужского пола. Представляется вполне логичным и юридически обоснованным, что после пресечения рода Хулагу на трон Ирана вполне могли претендовать члены других ветвей рода Чингизидов — в частности, представители династии Юань в Китае (являвшиеся ближайшими родственниками ильханов, поскольку обе династии происходили от Тулуя, четвертого сына Чингис-хана), члены правящего рода Чагатайского улуса и, наконец, царевичи из Золотой Орды.

Однако уже в первой трети XIV в. Монгольская империя (формально все еще продолжавшая существовать) довольно давно не была единым государством²²⁶, связи между ее отдельными улусами были разрушены, и фактически (подчеркнем — не на законодательном уровне!) закрепился обычай, в соответствии с которым трон в каждом чингизидском государстве занимали представители той ветви потомков Чингис-хана, за которой оно было закреплено при разделе империи в 1220-е гг. Именно поэтому Арпа-хану, не являвшемуся потомком Хулагу, понадобилась дополнительная легитимация власти в форме брака с Сатибек. И именно поэтому он очень быстро был разгромлен сторонниками еще одного претендента — ильхана Мусы, считавшегося прямым потомком Хулагу.

После нескольких неудачных попыток договориться с влиятельными иранскими эмирами — сначала Хасаном Кучаком, а затем Хасаном Бузургом, Туга-Тимур был вынужден отойти со своими войсками обратно в Хорасан и сосредоточиться уже не на завоевании других регионов, а на защите собственных владений²²⁷. Тем не менее некоторые влиятельные политические силы в распадающемся государстве ильханов соглашались признавать его законным монархом — однако отнюдь не по причине его легитимности, а как раз наоборот: слабый и не вполне законный ильхан представлялся им наиболее подходящим монархом. В частности, Туга-Тимура признавал ильханом Муизз ад-Дин Хусайн из рода Куртов, правитель Герата (он даже женился на дочери Туга-Тимура, от которой родился его наследник — Гийас ад-Дин Пир-Али), признавали его претензии на трон и другие хорасанские и мазандеранские эмиры²²⁸. Несколько сложнее складывались отношения у Туга-Тимура с еще одной политической группировкой, претендовавшей на власть

в Хорасане, — движением сербедаров, которые, воспользовавшись смутами в Иране, захватили ряд областей и даже стали возводить на трон собственных султанов. Поскольку они действовали именно во владениях Туга-Тимура, он потребовал, чтобы они признали его власть — как ильхана и падишаха. Однако духовный лидер сербедаров Хасан Джури отвечал ему, что они готовы повиниться ильхану лишь при условии, что он будет основывать свое правление на мусульманских принципах (а фактически — на учении, проповедуемом самим Джури), иначе они будут враждовать с ним²²⁹. Подобное заявление было простой формальностью, поскольку сербедары изначально видели в монгольских правителях Ирана безбожников, предпочитавших «ненавистную чингизханову ясу» положениям шариата, и даже принятие Хулагуидами ислама не изменило (по мнению сербедарской верхушки) этого положения²³⁰.

Туга-Тимур прекрасно понимал истинное положение дел и, надеясь на численное превосходство своих войск (согласно Ибн Баттуте, в его распоряжении было до 50 000 воинов, а по сведениям Мирхонда — и все 70 000²³¹), выступил против сербедаров, однако те, даже оказавшись в меньшинстве, сумели разгромить потомка Хасара и убили в сражении его брата Али, после чего ряд хорасанских удельных правителей признал свой вассалитет от правителя сербедаров — «султана» Ваджих ад-Дина Масуда²³².

Тем не менее поражение не заставило отказаться Туга-Тимура ни от претензий на трон ильхана, ни от попыток подчинить себе сербедаров. В 1344 г. войска Ваджих ад-Дина Масуда выступили против эмиров Мазандерана, продолжавших сохранять верность потомку Хасара, однако были на этот раз разгромлены, а сам «султан» попал в плен к одному из них и был казнен. Несмотря на сокрушительное поражение, государство сербедаров не исчезло, однако преемники Ваджих ад-Дина Масуда в течение длительного времени уже не осмеливались принимать титул султанов и признали власть Туга-Тимура, который, впрочем, довольствовался номинальным сюзеренитетом, официально признав, что все их владения будут сохранены за ними и впредь. Собственных сил у самозванного ильхана хватало лишь для сохранения контроля над Гурганом²³³. Нет сомнения, что, если бы Туга-Тимур принадлежал к роду Хулагу, он мог бы, опираясь на свое происхождение, объединить хорасанских феодалов в борьбе против мятежников, которые даже не принадлежали к аристократии. Однако в глазах знати и сам Туга-Тимур мало отличался от сербедаров, поскольку, не будучи

Чингизидом, претендовал на ильханский трон. Номинально признавать его своим правителем хорасанские аристократы могли себе позволить, но сплотиться вокруг него и выступить против общего врага, победа над которым существенно усилила бы позиции потомка Хасара, — на это они пойти не могли.

В течение ряда лет во главе сербедарского государства стояли опытные полководцы, что и заставляло Туга-Тимура воздерживаться от решительных действий против них. Однако, когда в 1353 г. решительный и воинственный предводитель сербедаров Шамс ад-Дин Али убит и на трон вступил не блиставший военными талантами Яхья Керраби, самозванный ильхан предпринял попытку изменить ситуацию. Он пригласил лидеров сербедаров к себе в ставку, чтобы перезаключить с новым правителем мирный договор и обсудить условия вассалитета. В персидской историографической традиции утверждается, что переговоры были лишь поводом, а на самом деле Туга-Тимур намеревался уничтожить всю сербедарскую верхушку, однако в результате все вышло наоборот: во время пира по знаку Яхьи Керраби его соратники напали на Туга-Тимура и его сановников и перебили их всех. С этим событием, имевшим место 16 зулкада 752 г. х. (13 декабря 1353 г.), принято связывать прекращение существования государства ильханов в Иране²³⁴. Весьма символично, что последним ильханом стал не Чингизид, а потомок Хасара, т. е. монарх с сомнительной легитимностью — фактически узурпатор.

Трудно сказать, осмелились бы сербедары на подобное деяние, если бы Туга-Тимур был законным ильханом-Чингизидом²³⁵. Вполне возможно, что они использовали бы другой способ устранения монарха или заручились бы поддержкой кого-либо из его конкурентов — вероятно, поначалу именно с такой целью они вели переговоры с чагатайскими ханами Казаном и Баян-Кули.

Как бы то ни было, несмотря на то что, воспользовавшись растерянностью, наступившей в Мазандеране после смерти Туга-Тимура и его приближенных, сербедары на некоторое время сосредоточили в своих руках контроль над этой областью, вскоре семейство последнего ильхана сумело отвоевать эту территорию, фактически превратив ее в наследственное владение. Первым правителем Мазандерана был эмир Вали или Вали-бек — дальний родственник Туга-Тимура, соответственно тоже происходивший из рода Хасара. После гибели самозванного ильхана он оттеснил от власти его сына Лукмана и захватил Мазандеран. Однако он,

в отличие от покойного родственника, не претендовал на титул ильхана: в источниках он фигурирует всего лишь как эмир и правитель «вилаята» Мазандеран с центром в Астрабаде. Также характерно, что он не пытался, подобно Туга-Тимуру, подчинить себе сербедаров, а взаимодействовал с ними как с равноправными союзниками²³⁶. В первые годы своего правления (1353–1359) он, стремясь сохранить независимость своих владений, признавал сюзеренитет отдаленных правителей-Чингизидов — сначала чагатайского хана Баян-Кули, а после его смерти — золотоордынского хана Джанибека (который и сам умер примерно в одно время с чагатайским правителем). Выгода от такого вассалитета была весьма ощутимой: с одной стороны, эти монархи-Чингизиды считались более законными монархами, чем гератские Курты или иранские Джалаиры, с другой — будучи далеко от Мазандерана, они не могли реально использовать свои права сюзеренов. Лишь после того, как погиб Яхья Керраби и Вали сумел вернуть под свою власть все владения, утраченные после гибели Туга-Тимура, он перестал нуждаться в сюзеренах²³⁷. С 1360 по 1384 гг. правил самостоятельно, противостояя как гератским Куртам, так и усиливающемуся среднеазиатскому завоевателю Амиру Тимуру, в борьбе с которым, однако, потерпел поражение, лишился всех своих владений и погиб²³⁸.

Преемниками Вали-бека по воле Амира Тимура стали потомки Туга-Тимура — сначала его сын Лукман, а потом внук Пир(Пирак)-падшах, которые до самой смерти Тимура оставались верными вассалами²³⁹ — правда, по-видимому, не его самого, а чагатайских ханов, которых Железный Хромец возводил на престол в Самарканде в качестве марионеточных монархов. Надо полагать, подчинение ханам-Чингизидам потомки бывшего ильхана, пусть и самозваного, не считали зазорным. Это подтверждается тем фактом, что вскоре после смерти Тимура, когда его потомки предприняли попытки править без ханов из рода Чингис-хана (даже подставных), Пир-падшах немедленно захотел выйти из-под их власти. Правда, он потерпел поражение и в 1407 г. был вынужден бежать из своих владений, годом позже попробовал вернуть власть, но потерпел поражение и умер в 1410 г. в изгнании. Его сын Султан-Али, правнук Туга-Тимура, в том же 1410 г., подобно отцу, попытался отвоевать Мазандеран, но потерпел поражение и погиб в сражении с войсками Тимуридов²⁴⁰. На этом история претензий потомков Хасара на власть в государстве ильханов завершилась.

На политическую сцену вышли представители других династий, которые имели еще меньше оснований считаться преемниками Чингизидов.

Эпоха «региональных» династий

Распад ильханата стал причиной возвышения ряда родов, представители которых либо правили в той или иной части Ирана до прихода туда рода Хулагу, либо же назначались на должности наместников областей ильханами, а затем, пользуясь смутами в государстве, закрепляли эти владения за своими семействами. Когда стало очевидно, что столичные власти не могут контролировать периферию государства, многие влиятельные правители той или иной области в составе монгольского Ирана сочли более выгодным захватить всю полноту власти над своими владениями, нежели признавать кого-то из противоборствовавших Чингизидов.

Естественно, претендовать на прямое происхождение от Чингис-хана (или даже от его родных братьев) они не могли: хорошее знание генеалогии правящих родов тюрко-монгольского происхождения заранее обрекло бы любую такую попытку на провал. Однако некоторые претендовали на принадлежность к роду Чингизидов по женской линии.

К 740 г. х. (1339/1340 г.) Шайх Хасан Бухург, предводитель могущественного рода Джалаириров, счел, что никто из представителей «Золотого рода» не обладает достаточно сильной легитимностью — в силу либо сомнительности происхождения (как ильханы Муса, Сулейман и Джахан-Тимур), либо вообще не являясь потомками Чингис-хана по мужской линии (как Сатибек или Туга-Тимур) и, свергнув собственного ставленника Джахан-Тимура, захватил власть²⁴¹.

В последующей историографической традиции происхождение Джалаириров иногда выводилось от Чингис-хана²⁴². Однако историки либо сознательно фальсифицировали генеалогию этого семейства, либо просто не знали, что на самом деле Джалаириры являлись родственниками «Золотого рода» лишь по женской линии. Хусайн-гурган, отец Хасана Бузурга, как следует из его титула, являлся ханским зятем (был женат на Олджейтей-хатун, дочери ильхана Аргуна, которую «унаследовал» от собственного отца), сам же Хасан Бузург женился на Дильшад-хатун, правнучке еще одного ильхана — Гайхату²⁴³. Таким образом, он имел некоторое отношение

к династии Хулагуидов и решил использовать это обстоятельство в борьбе за трон.

Судя по данным нумизматики, уже сам Хасан Бузург претендовал на ханский титул²⁴⁴, о его претензиях «на ильханство» упоминает и автор «Муизз ал-ансаб»²⁴⁵. Но если основатель династии еще не чувствовал себя настолько надежно, что апеллировал также к поддержке египетского султана ан-Насира (от имени которого поначалу даже чеканил монету), то уже его сын и преемник Султан Увайс (от Дильшад-хатун) именовал себя не только ханом, но и «султаном верховным» — как и последующие Джалаиры. Даже в своем монетном чекане они заимствовали монетную формулу ильханов-Хулагуидов — своих предшественников и родичей²⁴⁶. Для многих представителей династии был также характерен эпитет «бахадур-хан», которым широко пользовались Хулагуиды и другие чингизидские династии²⁴⁷.

Претендуя на кровное родство с Чингизидами, Джалаиры выступили и продолжателями их политико-правовых традиций. В Иране в период их господства продолжал действовать правопорядок, установленный Чингис-ханом и известный под названием «яса»: в хрониках упоминается, что преступников и изменников потомки Хасана Бузурга «предавали йасе» — точно так же как и их предшественники Хулагуиды. Аналогичным образом они сохранили и административную систему ильханов, продолжая назначать даругачи — заместников областей, взимать налоги в соответствии с ранее существовавшей системой и т. д.²⁴⁸.

Тем не менее, с точки зрения приверженцев чингизидской традиции, Джалаиры были узурпаторами, соответственно, борьба с ними в интересах свергнутой ими чингизидской династии являлась законной и необходимой. Поэтому когда Амир Тимур (Тамерлан) в середине 1380-х гг. начал войну с Султаном Ахмадом Джалаиром — фактически из-за нападений последнего на границы его владений — формальным поводом послужил отказ иранского владетеля признать зависимость от Амира Тимура и, соответственно, его хана-Чингизида Суюргатмыша и чеканить монету от их имени²⁴⁹. Вскоре Амиру Тимуру и удалось добиться успехов в борьбе с Джалаирами и заставить Султана Ахмада спастись бегством, после смерти среднеазиатского завоевателя джалаирский правитель вернул власть, и его потомки продолжали царствовать до 1431 г., потерпев поражение и погибнув в борьбе уже с туркменским государством Кара-Коюнлу, которое даже не претендовало на чингизидское наследие²⁵⁰.

Джалаиры сохраняли чингизидские традиции в системе управления и правовом регулировании в своих владениях, как и их основные соперники в 1340–1350-х гг. — род Сулдуз, сосредоточивший в это время контроль над Азербайджаном. Несмотря на то что и этот род также был в родстве с Чингизидами по женской линии (могущественный эмир Чопан, глава этого рода, в 1320-е гг. был женат на вышеупомянутой Сатибек-хатун), однако его представители, в отличие от Джалаириров, до самого своего падения в 1357 г. практиковали возведение на трон марионеточных Чингизидов. Неслучайно, что именно когда в 1356 г. умер последний ставленник Малика Ашрафа (брата вышеупомянутого Хасана Кучака), и он не успел найти себе нового представителя рода Чингис-хана, в Азербайджан тут же вторгся золотоордынский хан Джанибек, который легко разгромил Ашрафа: многие сторонники покинули его, увидев, что он, не имея собственного хана, противостоит Чингизиду — пусть даже и иностранному, золотоордынскому²⁵¹.

Интересно отметить, что именно с родом Сулдуз связан один из самых ранних, по-видимому, примеров самозванства в тюркомонгольских государствах. В 1337 г. в Иране появился некий человек, объявивший себя Тимур-Ташем — сыном Чопана, влиятельного государственного деятеля в государстве ильханов в Иране. Чопан и многие члены его семейства (в том числе и Тимур-Таш) погибли в конце 1320-х гг. в результате репрессий, обрушенных на них ильханом Абу Саидом. Однако в 1337 г. Хасан Кучак, сын Тимур-Таша, ставший в это время одним из нескольких влиятельных временщиков в разваливающемся государстве Хулагуидов, нашел «бродягу, похожего на его отца» по имени Кара-Джари, которого выдал за спасшегося Тимур-Таша²⁵². Дело в том, что, несмотря на свое влияние и энергичность, сам Хасан Кучак был слишком молод (ему в это время было около двадцати лет), поэтому вряд ли сумел бы убедить других эмиров, включая и собственных родственников, поддержать его в борьбе за власть. Действуя же от имени своего «отца», который уже в 1320-е гг. был весьма влиятельным сановником (наместником ильхана в Руме — Малой Азии), он мог с большим успехом достичь своей цели. Однако годом позже лже-Тимур-Таш, убедившись, что многие принимают его за настоящего эмира, выступил против своего «сына», который в любой момент мог его разоблачить, попытался убить его, но попытка оказалась неудачной, и самозванцу пришлось бежать. Хасан Кучак тут же объявил, что на самом деле это никакой не его отец, а «туркманский нищий»,

причем, нисколько не смущаясь, признал: «Это дело [объявление самозванца Тимур-Ташем — *Р.П.*] было моей хитростью». Самозванец бежал в Тебриз, где объединился с ойратскими эмирами, которые, несмотря на разоблачение, сочли возможным поддержать его претензии, надеясь, что это поможет им в борьбе за власть. В самом деле, вскоре ойратам, действовавшим от его имени, удалось взять под контроль Багдад и практически весь Ирак. Однако и с ними у авантюриста возникли разногласия, он попытался спастись бегством, но был схвачен и казнен в 1339 г.²⁵³ Тем не менее тот факт, что именно за представителя этой династии выдавал себя авантюрист и даже сумел добиться некоторых успехов, свидетельствует о ее значительной роли в Иране в период распада ильханата.

Представители «кратковременной» династии Инджуидов, правившей в Фарсе в 1336–1357 гг., не пытались претендовать на ханское достоинство, довольствуясь титулом эмиров, т. е. оставляли возможность в случае опасности признать власть более вышестоящего монарха. Тем не менее, с 1342 г. они чеканили монеты с собственными именами, что свидетельствовало об их самостоятельности. В своей деятельности они, несмотря на свое персидское происхождение, пытались сочетать тюрко-монгольские и мусульманские политико-правовые традиции (ведь, как отмечают уже средневековые историки, их могущество и было связано с их «инкорпорацией» в чингизидскую государственную систему²⁵⁴), однако это не спасло их: в 1357 г. Фарс был захвачен династией Музаффаридов, что продемонстрировало слабое «усваивание» чингизидской государственности и права в этом регионе²⁵⁵.

Сами Музаффариды представляли собой династию, полностью отказавшуюся от чингизидского наследия и опиравшуюся исключительно на принципы мусульманской государственности и права. Музаффариды были иранской династией, по некоторым сведениям, арабского происхождения, которая «терпела» власть монголов по необходимости и сразу же после их ослабления захватила всю полноту власти в регионе, и ранее, при Хулагуидах, находившемся под ее контролем. Обосновавшись сначала в Йезде, родоначальник Музаффаридов, Мубариз ад-Дин Мухаммад, в течение короткого времени захватил весь Фарс, провозгласил себя султаном и признал власть каирского халифа из династии Аббасидов, всячески игнорируя претензии монгольских правителей на установление сюзеренитета²⁵⁶. Однако полвека спустя, в 1380-е гг., Музаффариды, чьи владения оказались раздроблены между различными представителями

династии, ведшими постоянные междоусобицы, были вынуждены признать сюзеренитет Амира Тимура, который, как известно, действовал от имени хана-Чингизида Суюргатмыша. Таким образом, формально Фарс был возвращен под власть «Золотого рода». Однако сразу после первого ухода Тимура обратно в Среднюю Азию Музаффариды отказались подчиняться ему, и в начале 1390-х гг. Железный Хромец вновь вторгся в Фарс — что интересно, под предлогом наказания Музаффариды Шах-Мансура за его преступления против собственных родственников, у которых тот поотнимал уделы, а некоторых еще и ослепил. В 1393 г. Шах-Мансур был разгромлен и убит в битве, а его уцелевшие родичи были арестованы Амиром Тимуром и отправлены Самарканд, а Фарс опять попал под власть тюрко-монгольских правителей — на этот раз потомков Тимура²⁵⁷. Таким образом, формально чагатайскому завоевателю удалось покончить с династией узурпаторов и восстановить власть «Золотого рода» в этом регионе.

Наиболее своеобразным государственным образованием на территории распавшегося государства ильханов являлось государство сербедаров, просуществовавшее в Хорасане в 1336–1381 гг. Изначально они позиционировали себя как религиозных последователей шейха-проповедника Хасана Джури и строили свое государство на принципах мусульманского вероучения — причем именно в том варианте, в котором его преподносил сам их духовный глава. Соответственно, чингизидские политико-правовые принципы и нормы не только отвергались ими, но и провозглашалась борьба с теми правителями, которые их придерживались. Подобная политика послужила поводом для противостояния с последними ильханами, Борджигинами, и другими постхулагуидскими претендентами на власть²⁵⁸. Как отмечалось выше, сербедарам удалось в течение ряда лет успешно противостоять попыткам самозванного ильхана Туга-Тимура (потомка Хасара, брата Чингис-хана) подчинить их себе, а в 1353 г. они даже смогли покончить с ним. Тем не менее, несмотря на свой успех и свое религиозное рвение, предводители сербедаров не могли не считаться с политической ситуацией в Иране и Центральной Азии, где власть чужаков-монголов, несмотря на династический кризис, продолжала считаться законной, а сами они воспринимались как мятежники. Поэтому, стремясь сохранить и приумножить свои завоевания, правители сербедаров старались лавировать между различными монгольскими правителями и их приверженцами. В частности, они заключили фактически равноправный мирный

договор с правителем Чагатайского улуса Казаном, который после его гибели, вероятно, перезаключили и с его номинальным преемником Баян-Кули-ханом²⁵⁹.

Как и в случае с Музафаридами, тюрко-монгольские правители воспринимали сербедаров как узурпаторов. Впрочем, в этом они не расходились и с другими, даже чисто мусульманскими правителями Ирана, для которых «висельники» (так переводится «сербедар») были незаконными правителями. Соответственно, когда последний сербедарский правитель Али-Муайад, опасаясь вторжения мазандеранского правителя Вали-бека (потомка Хасара, т. е. члена рода Борджигин), обратился к Амиру Тимуру, тот вторгся в Хорасан и, захватив его в 1381 г., арестовал самого правителя, которого, продержав несколько лет в заключении, в конце концов приказал умертвить²⁶⁰.

Таким образом, и в этом регионе власть Чингизидов (в лице их фактических соправителей Тимуридов) была восстановлена. Их власть над Хорасаном (порой считавшимся в большей степени частью Чагатайского улуса, нежели иранским регионом) сохранялась вплоть до завоевания его персидским шахом Исмаилом Сефевии в 1510 г. Однако и после этого бухарские Шайбаниды и Аштарханиды продолжали предпринимать попытки вырвать его из-под власти иранских властителей, опираясь на прежние прецеденты контроля над ним.

ГЛАВА 4

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Улус Джучи, чаще именуемый в историографии Золотой Ордой, являлся самым обширным и при этом самым отдаленным из улусов Монгольской империи. Этот улус к тому же возглавили потомки старшего из сыновей Чингис-хана, по имени которого это государство и получило свое официальное название. Как следствие, этот улус быстрее других обособился и вскоре добился фактической, а затем и формальной независимости от монгольских ханов.

И уже с этого времени в Золотой Орде постоянно шла борьба за власть, в ходе которой претенденты использовали самые разнообразные средства, чтобы расправиться с противниками и подчеркнуть собственные права на трон.

Узурпации, положившие начало самостоятельности Золотой Орды

Правители Улуса Джучи, начиная с момента его формирования в качестве отдельного улуса, обладали особым высоким статусом в Монгольской империи: сам Джучи — как старший сын Чингис-хана, Бату — как его прямой преемник, а также в силу собственных заслуг. Однако хотя Бату и считается фактическим основателем Золотой Орды, заложившим основы ее могущества и будущей независимости, сам он за все свое почти тридцатилетнее пребывание на троне (1227–1256) никогда не предпринимал попыток выйти из-под власти монгольских ханов: это ему было просто-напросто невыгодно, ведь он занимал высочайшее положение и в самой Монгольской империи, не сильно уступая по статусу ее монарху²⁶¹. Вероятно, такое же положение он намеревался сохранить и за своими преемниками: его сын Сартак, а затем и внук Улагчи утверждались в качестве правителей Улуса Джучи монгольским ханом Мунке (оба в 1256 г.).

Такая ситуация очень не устраивала Берке, брата Бату, который уже в последние годы его правления стал весьма влиятельным

царевичем в Улусе Джучи, пользовался значительной поддержкой местной знати и имел все основания претендовать на трон правителя. Однако у монгольского хана Мунке имелась личная неприязнь к Берке, и, возможно, именно поэтому он предпочел видеть на троне сначала Сартака, а затем — даже малолетнего Улагчи, а не влиятельного и энергичного Берке.

Есть серьезные основания полагать, что в скоропостижной смерти Сартака был повинен именно Берке. Затем, через год, в 1257 г., точно так же неожиданно скончался и юный Улагчи²⁶². У Берке, казалось, были все шансы занять трон, однако Боракчин, вдова Бату, являвшаяся регентшей при Улагчи, не пожелала выпускать из рук бразды правления и начала склонять золотоордынскую знать к возведению в правители своего второго сына Тукана. Но она допустила роковую ошибку, решив опереться не на местную знать (которая, впрочем, в большинстве своем поддерживала Берке) и даже не на хана Мунке, а на его брата Хулагу — властителя Ирана. В отчаянной попытке сохранить хотя бы часть своей прежней власти, правительница предложила иранскому правителю фактически стать регентом Золотой Орды!

О переписке Боракчин с Хулагу стало известно Берке, и, естественно, он не преминул обвинить правительницу в измене. И она в значительной степени подтвердила его обвинения: поняв, что ее замысел раскрыт, она пыталась бежать и добраться до Ирана, под защиту Хулагу. Тут даже наиболее преданные семейству Бату нойоны убедились в ее измене. И когда Боракчин была перехвачена по пути, ни у кого не было сомнений в том, что она заслужила смерть²⁶³.

После казни Боракчин у Берке не оставалось уже никаких влиятельных соперников, несмотря на то что живы были другие сыновья Сартака. Однако брат Бату вполне отдавал себе отчет, что Мунке никогда не утвердит его правителем Золотой Орды из-за личного к нему негативного отношения. Когда же Берке узнал, что хан отправился в поход против империй Сун в Южном Китае, он решился на крайне рискованный шаг: самовольно провозгласил себя правителем Золотой Орды, фактически узурпировав власть²⁶⁴.

В самом Улусе Джучи Берке, как уже отмечалось, пользовался безусловной поддержкой большинства знати и значительной части населения — в первую очередь, всех мусульман, поскольку и сам исповедовал ислам. Соседние страны не посмели вмешиваться во внутренние дела могущественного улуса Джучидов. Таким

образом, единственная опасность для власти нового правителя могла исходить только от монгольского хана Мунке: известный своей приверженностью законам, он мог сурово расправиться с узурпатором, бросившим вызов его власти! Однако Мунке, находясь в Китае, скончался, а последовавшая после его смерти междоусобица его братьев — Хубилая и Арик-Буги — позволила Берке не только сохранить власть, но и окончательно избавиться от контроля со стороны монгольских властей. Одним из последствий его политики, по-видимому, стала расправа с монгольскими сборщиками налогов на Руси в 1262 г.: в отечественной историографии эти события в течение долгого времени трактовались как народно-освободительное восстание против власти ордынских ханов²⁶⁵, и лишь немногие исследователи обращали внимание, что были изгнаны и частично перебиты чиновники, направленные на Русь именно из Каракорума. Таким образом, эти события не только не преследовали антиордынских целей, но и, напротив, способствовали укреплению контроля Улуса Джучи над русскими землями — в ущерб власти монгольского хана.

Несмотря на то что Хубилай достаточно быстро одержал победу над братом, у него так и не появилось возможности вновь вернуть контроль над Улусом Джучи. В отместку за то, что Берке в 1263 г. развязал войну с Хулагу, монгольский хан приказал перебить ордынских подданных в Самарканде и Бухаре, где Джучиды имели владения со времен Чингис-хана. Сами владения, естественно, были конфискованы в пользу хана, равно как и джучидские владения в Китае. Они были возвращены Улусу Джучи лишь несколько десятилетий спустя, когда золотоордынский хан Токта пошел на союз с империей Юань и номинальное признание верховенства ее монарха Тэмур²⁶⁶. Но это оказалось единственным негативным последствием захвата власти Берке и отказа подчиняться монгольскому хану. Думается, положительных последствий для него было гораздо больше.

Таким образом, Берке, захватив (по сути — узурпировав) власть в Улусе Джучи, стал фактически его первым самостоятельным правителем при полной поддержке со стороны местной знати и значительной части населения. Несомненно, в течение довольно долгого времени он не чувствовал себя вполне уверенно из-за недовольства достаточно многочисленных сторонников семейства Бату, поэтому для укрепления своей власти и признания со стороны этой «оппозиции» пошел на то, что объявил своим «наследным принцем»

Менгу-Тимура, внука Бату (сына того самого Тукана, которого покойная Боракчин пыталась провозгласить правителем в ущерб Берке)²⁶⁷.

Соответственно, после смерти Берке именно Менгу-Тимур возглавил Улус Джучи — хотя и не без некоторого сопротивления со стороны различных политических группировок²⁶⁸. Впрочем, тот факт, что приход этого царевича к власти не повлек значительных междоусобиц и мятежей, свидетельствует о его признании большей частью золотоордынской знати, что, впрочем, вполне объяснимо: ведь он стал правителем не только по завещанию своего предшественника, но и как прямой потомок, внук великого Бату.

Вероятно, именно это позволило ему продолжить линию Берке и провозгласить себя правителем, не соотнося свои действия с волей монгольского хана. Хубилай попытался хоть как-нибудь исправить ситуацию и прислал Менгу-Тимуру ярлык, в котором назначал его правителем Золотой Орды²⁶⁹. Конечно, этот жест никого не мог обмануть: фактически Хубилай сам признал, что смиряется с фактом прихода к власти внука Бату и лишь признает его воцарение. Тем не менее Менгу-Тимур принял этот ярлык: не взяв на себя никаких обязательств по отношению к центральной власти, он приобрел легитимность в глазах хана и правителей других монгольских улусов, а это укрепляло его позиции и внутри Золотой Орды. Отныне его слово и фактически, и формально становилось законом для всех подданных Джучидской державы.

И Менгу-Тимур не преминул этим воспользоваться: выше уже говорилось о том, что в 1269 г. на курултае в долине реки Талас он вместе с другими чингизидскими правителями провозгласил себя ханом Улуса Джучи, тем самым и формально объявив о самостоятельности своего улуса. Однако, по-видимому, такое намерение у него возникло задолго до таласских событий. Ведь уже в 1267 г. он выдает русской православной церкви первый тарханный ярлык, освобождавший ее от налогов и повинностей в пользу Золотой Орды²⁷⁰, — а выдача ярлыков являлась исключительной прерогативой ханов!

Таким образом, мы можем с полным основанием утверждать, что Золотая Орда стала самостоятельным государством благодаря тому, что два ее правителя, Берке и Менгу-Тимур, не побоялись пойти на захват власти, который в глазах законных монархов, несомненно, являлся узурпацией и мятежом. И только поддержка собственных подданных, а также в какой-то степени — и соседних

чингизидских правителей позволила им не только сохранить свою власть, но и оставить по себе репутацию законных правителей, много сделавших для своего государства.

Ногай: из временщиков в ханы

Почти сорокалетняя военная и политическая деятельность Ногая — правнука Джучи, известного ордынского военачальника и временщика — составляет целую эпоху в истории Золотой Орды. Неудивительно, что его личности посвящен целый ряд специальных исследований²⁷¹. В том, что он начал борьбу за власть и, в общем-то, предпринял попытку ее узурпации, поставив Золотую Орду на грань распада, его биографы в целом согласны, возникает только вопрос, с какого именно времени его действия можно квалифицировать как попытку узурпации трона.

По мнению Г. В. Вернадского, Ногай после смерти Берке в 1266 г. сам предъявил претензии на ханский трон, но, уступив Менгу-Тимуру, разделил с ним власть в качестве фактического соправителя²⁷². Несомненно, если бы Ногай и в самом деле попытался тогда провозгласить себя ханом, его можно было бы обвинить в попытке узурпации: ведь он являлся потомком незаконного сына Джучи (пусть даже и самого старшего по возрасту), а среди Чингизидов было распространено негласное правило, что потомки ханского рода от наложниц имели куда меньше прав на престол, чем законные сыновья. Однако анализ источников не позволяет согласиться с утверждением Вернадского: ни один источник не упоминает о попытке Ногая стать правителем Улуса Джучи после смерти Берке. Тем не менее, по-видимому, он мог поддержать кого-то из конкурентов Менгу-Тимура, и тот, заняв трон, не простил ему этого, освободил от обязанностей военачальника и фактически отправил в ссылку в его семейные владения в Причерноморье²⁷³.

Но именно в этот период Ногай начинает вести практически самостоятельную внешнюю политику: он вступил с переписку (от собственного имени) с египетским султаном Бейбарсом, активно вмешивался в политические события в Византии, Болгарии, Сербии, подчинил своему влиянию местных правителей. Можно ли считать, что он хотя бы отчасти узурпировал полномочия верховного правителя? Однозначного ответа на этот вопрос мы дать не можем. Например, что касается переписки с иностранными государями, такие полномочия были у ряда крупных золотоордынских региональных

правителей — например, даруги Крыма вели переписку и с египетскими султанами, и с венецианскими дожами²⁷⁴, и их действия никоим образом не вызвали обвинений в узурпации.

А вот уже вернувшись к активной деятельности после смерти Менгу-Тимура в 1280-е гг., Ногай стал предпринимать действия, которые можно считать не вполне законными. Именно при его непосредственном участии царевичи Тула-Буга, Алгуй, Тогрул и Кунчек организовали заговор и свергли законно избранного хана Тула-Менгу. По одним сведениям, он был объявлен «помешанным» и в качестве такового неспособным занимать трон²⁷⁵; по другим сведениям, его свержению придали характер добровольного отречения: он якобы склонялся к суфизму и сам пожелал отказаться от власти и сосредоточиться на духовной жизни²⁷⁶. Нельзя не отметить, что насильственному захвату власти в целом бы придан характер законности, однако нет сомнения, что переворот прошел без междоусобиц и мятежей, во многом благодаря могуществу и влиятельности его главных действующих лиц — Ногай и Тула-Буги. Кроме того, Ногай формально оставался в стороне, предоставив действовать своим сообщникам, которые и стали править Золотой Ордой при номинальном верховенстве Тула-Буги.

Всего несколько лет спустя между Ногаем и новым ханом возник конфликт, и в 1291 г. временщик (к этому времени занимавший пост бекляри-бека, т. е. верховного главнокомандующего войсками Золотой Орды), хитростью захватил хана вместе с его соправителями и предал в руки своего сообщника — царевича Токты, сына Менгу-Тимура, сказав ему: «Вот этот завладел царством отца твоего и твоим царством», тем самым обвинив плененного монарха в незаконном захвате трона²⁷⁷. Примечательно, что от самой казни свергнутых правителей Ногай предпочел устраниваться — несомненно, чтобы впоследствии не давать повода обвинить себя в незаконной расправе с членами дома Чингис-хана²⁷⁸.

Эта предусмотрительность оказалась отнюдь не лишней, поскольку уже в середине 1290-х гг. он рассорился и очередным своим ставленником — ханом Токтой, начав против него гражданскую войну. С 1296 г. Ногай стал чеканить собственную монету, причем не только со своим именем, но и с именем своего старшего сына Джуки, тем самым формально объявив его своим наследником²⁷⁹. Чеканка монеты означала претензию на верховную власть, тогда как провозглашение соправителем и наследником собственного сына в какой-то степени нарушало чингизидскую правовую

традицию — ведь даже вступление на престол наследника по завещанию должно было быть подтверждено решением курултая.

Именно с этого времени появились все основания обвинять Ногаю в узурпации власти. Именно поэтому, несмотря на все его влияние и могущество, он в течение нескольких лет противостояния с Токтой (1296–1299), даже нанеся ему ряд поражений, не смог добиться своего признания в качестве хана ни от большинства золотоордынской знати, ни от соседних чингизидских правителей, ни от итальянских колоний Крыма. Принимая во внимание эти обстоятельства, заключим: неудивительно, что свое последнее поражение, приведшее к его гибели, Ногай потерпел из-за того, что его прежние сторонники оставили его и перешли на сторону законного монарха.

Из законных претендентов на престол в «историографические» узурпаторы: казус Тукель-Буги / Ток-Буги

Сомнительность и противоречивость разнообразных источников, на которые опирались позднесредневековые восточные авторы, писавшие о Золотой Орде (включая и «устную степную историографию»), порой приводили к весьма любопытным результатам, порождая исторических персонажей, которых в действительности, скорее всего, даже не существовало.

Так, в сочинении «Чингиз-наме» (или «Тарих-и Дост-султан») хивинского историка Утемиш-хаджи, составленном при дворе хивинского хана в середине XVI в., значительная часть главы, посвященной правлению золотоордынского хана Токты, представляет собой рассказ о воцарении некоего Баджира Тук-Буги, который, будучи «черным человеком» (т. е. представителем «черной кости», нечингизидского происхождения), осмелился провозгласить себя ханом, воспользовавшись тем, что после хана Токты не осталось потомства, поскольку тот якобы уничтожил всех золотоордынских Чингизидов, чтобы передать трон своему сыну, а тот умер раньше отца. Однако, как оказалось, Узбек, племянник Токты, чудесным образом спасся от резни и к моменту смерти дяди проживал на Кавказе (в «Черкесском вилайете»). Его сторонники в Золотой Орде устроили заговор против узурпатора и убили его, тем самым вернув власть в государстве Чингизидам в лице Узбека²⁸⁰.

Сведения Утемиш-хаджи дублируются еще двумя авторами — Кадыр-Али-бием Джалаири, автором «Джами ат-таварих»

«Сборник летописей», составленный в г. Касимове в самом начале XVII в.), и крымским историком XVIII в. Абд ал-Гаффаром Кырыми²⁸¹. Не исключено, что Кадыр-Али-бий, имевший связи с бухарскими Шайбанидами²⁸², мог получить доступ к сочинению придворного историка их хивинских родичей и пересказать его. Либо же оба автора опирались на одни и те же степные предания о хане Узбеке. Что касается Абдал-Гаффара Кырыми, он непосредственно опирался на текст Утемиш-хаджи²⁸³.

Однако казахстанский исследователь В. П. Юдин, введший «Чингиз-наме» в научный оборот, отнесся к данному сообщению с полным доверием²⁸⁴. Его не смутило даже то, что в процессе исследования он столкнулся с многочисленными противоречиями и нестыковками — например, почему Тук-Буга именуется «Баджир» (сам В. П. Юдин трактует это как «башкир»), но при этом Утемиш-хаджи называет его уйгуром? Исследователь попытался устранить это противоречие, предположив, что «Баджир», т. е. «башкир» — это этноним, а «уйгур» — конфессиональная принадлежность: дескать, уйгуры были буддистами, следовательно, Тук-Буга был башкиром по национальности и буддистом по вероисповеданию²⁸⁵. Однако подобная версия представляется слишком уж натянутой — и потому, что сам Утемиш-хаджи в своем сочинении именует буддистов «неверными колдунами и жрецами»²⁸⁶, и потому, что башкиры, согласно свидетельствам современников, в начале XIV в. уже исповедовали ислам²⁸⁷.

Тем не менее сведения Утемиш-хаджи и предположения В. П. Юдина нашли отражение в ряде научных работ. Так, например, Д. де Виз и В. В. Трепавлов использовали сведения о Баджире Тук-Буге в своих работах, не задаваясь, впрочем, вопросом о том, насколько они историчны, а просто констатируя наличие такой версии²⁸⁸. А вот некоторые авторы из Башкирии не только с полным доверием воспринимают сведения о Тук-Буге, но и расценивают их как свидетельство значительной роли башкир в политической жизни Золотой Орды²⁸⁹.

Ранее мы уже высказывали мнение о том, что «башкир» Тук-Буга, по всей видимости — это в действительности Тукель-Буга, один из сыновей хана Токты, который был убит своим двоюродным братом Узбеком в результате военного переворота, приведшего последнего на ханский трон²⁹⁰. Почему же вместо ханского сына и законного претендента на трон в исторических источниках появился узурпатор власти, «черный человек», посмеявшийся провозгласить себя

ханом? Думается, дело в том, что авторы не хотели бросать тень на репутацию хана Узбека, с именем которого связывались (и до сих пор связываются) и расцвет Золотой Орды, и ее обращение в ислам. Естественно, его образ сильно пострадал бы в глазах потомков, если бы историки (причем мусульманские!) прямо написали, что ради вождельного трона он убил своего двоюродного брата, который был ханским сыном и вполне легитимным претендентом на престол. А вот расправа с незаконным правителем, посмевающим нарушить традиции «чингизизма» и объявить себя ханом в ущерб представителям «Золотого рода», — это вполне законно. Таким образом, под пером авторов XVI–XVIII вв. царевич Тукель-Буга превратился в узурпатора Тук-Бугу — не то башкира, не то уйгура.

«Историографические» самозванцы: концепция В. П. Юдина

Выше мы уже описали несколько случаев самозванства в тюрко-монгольских государствах. Однако далеко не всегда тот или иной деятель был обвинен в самозванстве своими современниками или средневековыми авторами, писавшими «по горячим следам». В некоторых случаях обвинения в самозванстве выдвигаются даже современными исследователями, которых, в отличие от придворных историков тюрко-монгольских правителей, вряд ли можно заподозрить в каком-то «политическом заказе». Поэтому остается только гадать, чем руководствуются такие авторы, предлагая «нетрадиционный» взгляд на происхождение того или иного правителя и, соответственно, связанные с ним политические события. Примером такого подхода является концепция вышеупомянутого казахстанского советского исследователя В. П. Юдина, которую без преувеличения можно назвать экстравагантной.

В одной из своих работ он упоминает о том, что «Исатай из племени кыйат и Алатай из племени сиджут, сторонники золотоордынского хана Узбека, который сам был лже-Чингизидом, убили его соперника-нечингизида Ток-Бугу, пытавшегося “узурпировать” ханскую власть». Далее исследователь развивает эту мысль, отмечая, что хан Узбек, не будучи потомком Чингис-хана, подобно другим самозванцам, сочинил легенду о своем происхождении от одного из прежних золотоордынских ханов²⁹¹. Однако В. П. Юдин нигде не уточняет, на каком основании он делает вывод, что Узбек был самозванцем. Лишь ниже, в своем примечании к сочинению

«Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, исследователь еще раз отмечает: «Обстоятельства появления Узбека в Золотой Орде очень сходны с появлением Туглук-Тимур-хана и Хызр-Ходжа-хана и многих других правителей, которых выдавали за действительных представителей династии и возводили на трон. В Русском государстве такими были Лжедмитрий и самозванцы, выдававшие себя за Петра III. В источниках мы не находим бесспорных фактов, которые бы говорили о том, что Узбек на самом деле был сыном Тогрылчи и, следовательно, потомком Бату. Вполне возможно, что линия потомков Бату пресеклась на Токте, а Узбек был самозванцем, который со временем, однако, сумел овладеть полнотой власти»²⁹², — при этом В. П. Юдин ссылается почему-то на М. Г. Сафаргалиева, у которого ничего подобного мы не находим, — напротив, он вполне однозначно упоминает о принадлежности Узбека к роду Бату, скрупулезно воспроизводя его генеалогию на основе восточных источников²⁹³.

Итак, ни одной ссылки на источники, которые хотя бы косвенно подтверждали утверждение о самозванстве Узбека, В. П. Юдин не приводит, что не мешает ему, впрочем, столь энергично отстаивать свою позицию с помощью новых (столь же не подкрепленных убедительными доводами) утверждений. Не пытается он никак прояснить и позицию эмиров Исатая и Алатая, которые, по его мнению, расправились с одним узурпатором, Тук-Бугой, чтобы возвести на престол другого — Узбека. Зачем им это было нужно, когда сам же В. П. Юдин отмечает (опираясь на «Чингиз-наме»), что в живых оставалось большое количество потомков Джучи, т. е. легитимных претендентов на трон Золотой Орды?

Не ограничиваясь «обвинением» в самозванстве Узбека, В. П. Юдин аналогичным образом объявляет самозванцами целую династию Туга-Тимуридов — правителей сначала Золотой Орды, а затем и многих постордынских государств, включая Крымское, Казанское, Астраханское, Казахское и Бухарское ханства. Правда, тут, в отличие от казуса с Узбеком, у него имеются некоторые аргументы в пользу своей позиции — а именно противоречивость сведений о происхождении ханов Синей (в ряде источников — Белой) Орды, в частности Урус-хана. В свое время еще Ч. Ч. Валиханов, сам являвшийся потомком казахских ханов, отмечал скудность сведений о происхождении своих предков и хронологии их прихода к власти (не высказывая, впрочем, сомнений в их происхождении от Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи)²⁹⁴. В. П. Юдин же, ссылаясь на противоречивость, запутанность и хронологическую

неопределенность сообщений источников об этой династии, допускает истинность генеалогии ханов Синей (Белой) Орды второй половины XIV в., отраженной в источниках, выводящих ее от Туга-Тимура, однако дает понять, что склонен считать ее сомнительной. Поэтому он и характеризует Туга-Тимуридов как «неизвестную династию» уже в заголовке своей статьи, посвященной этому вопросу, а хан Урус (основатель казахской ханской династии), по его мнению, «врывается» в историю казахских степей, не имея предшественников»²⁹⁵.

Наконец, В. П. Юдин находит еще целую династию узурпаторов в Золотой Орде — род Кият, представители которого, согласно Утемишу-хаджи, управляли Синей (Белой) Ордой в течение трех поколений в 1320-е — начале 1360-х гг. (Исатай/Иса — Джир-Кутлу — Тенгиз-Буга). И если в своих ранних работах он считает, что называть их узурпаторами можно с большой долей условности²⁹⁶, то в более поздних уже перестает оговаривать условный характер использования данного термина применительно к Киятам и вполне однозначно утверждает, что после смерти хана Бердибека они узурпировали власть в левом крыле Золотой Орды в ущерб представителям ханского рода Джучидов²⁹⁷. В особенности этот термин применим к последнему представителю династии — Тенгиз-Буге, который, согласно «Чингиз-наме», жестоко обращался с подчиненными ему восточными царевичами-Джучидами и в конце концов намеревался уничтожить их всех, возведя на трон одного из них в качестве подставного хана, однако царевичи предупредили его и сумели первыми уничтожить узурпатора²⁹⁸. Непонятно, правда, почему все-таки исследователь считает Тенгиз-Бугу узурпатором, если тот не намеревался объявить ханом самого себя, а планировал править через легитимного хана-Чингизида — пусть даже и собственную «марионетку»...

Построения и выводы В. П. Юдина представляются, таким образом, несколько экстравагантными, поэтому неудивительно, что они не получили поддержки со стороны других исследователей²⁹⁹.

«Исторические» и «историографические» самозванцы в Золотой Орде в эпоху «Замятни великой»

Как мы уже имели неоднократные случаи убедиться, количество узурпаторов многократно увеличивалось в условиях политической

нестабильности. Порой в эти же периоды появлялись и лица, в чьем происхождении возникали сомнения — причем опять же не только у современников, но и у исследователей гораздо более позднего времени. Несколько подобных примеров мы встречаем во время «Замятни великой» — золотоордынской смуты 1360–1370-х гг., едва не поставившей государство на грань исчезновения.

В частности, «не повезло» в историографии двум золотоордынским ханам начального периода «Замятни великой» — Кульне (1358–1360) и Наурусу (1360): их «обвинили» в самозванстве весьма авторитетные ученые — Г. Е. Грумм-Гржимайло, известный своими солидными изысканиями в области монголоведения в первой половине XX в., и Л. Н. Гумилев, являвшийся весьма популярным и читаемым автором в конце того же века³⁰⁰. Никаких аргументов в пользу своего утверждения они не приводили, соответственно, не давалось ими и никаких ссылок на источники, послужившие основанием для признания Кульны и Науруса самозванцами, выдававшими себя за членов ханского рода. По всей видимости, и Г. Е. Грумм-Гржимайло, и Л. Н. Гумилев либо могли добросовестно заблуждаться³⁰¹, либо же сознательно утрировали неопределенность сведений о происхождении обоих ханов, чтобы подчеркнуть, насколько глубоким был политический кризис в Золотой Орде в 1360–1370-е гг.³⁰².

Версия Г. Е. Грумм-Гржимайло и Л. Н. Гумилева не нашла значительной поддержки в историографии. Большинство авторов работ по истории Золотой Орды и русско-ордынских отношений просто нейтрально пишут о кратковременном царствовании Кульны и Науруса, не задаваясь вопросом об их происхождении (хотя, будь они самозванцами, исследователи, несомненно, отметили бы это). Некоторые специалисты даже пытаются восстановить генеалогическую принадлежность этих ханов³⁰³, фактически опровергая утверждения об их самозванстве.

Пожалуй, единственным самозванцем, которого таким признают и средневековые авторы, и большинство современных исследователей, является Кильдибек. В 1361 г. в Золотой Орде при поддержке ряда влиятельных эмиров появился «неизвестный человек», выдававший себя за Кильдибека, одного из внуков знаменитого Узбек-хана. Появление претендента вызвало удивление, поскольку было известно, что Кильдибек был убит во время захвата власти Бердибеком в 1357 г. или чуть позже³⁰⁴. Муин ад-Дин Натанзи прямо пишет, что эмиры под видом Кильдибека провозгласили ханом

«неизвестного человека».³⁰⁵ Утемиш-хаджи приводит недоуменные высказывания ордынцев в связи с воцарением этого хана: «Все говорили: “Кельдибека убил Бердибек. Как же он воскрес?!”»³⁰⁶

Любопытно отметить, впрочем, что хотя самозванство лже-Кильдибека подтверждается даже современниками событий и средневековыми авторами более позднего времени, некоторые современные исследователи склоняются к мысли, что Кильдибека все же следует считать законным представителем династии Бату, а его «самозванство» заключалось лишь в том, что он, будучи племянником Джанибека, выдавал себя за его сына³⁰⁷.

Как бы то ни было, многие из непосвященных в заговор все же поверили в его «чудесное спасение». Скоро они заплатились за свою доверчивость: когда лже-Кильдибек захватил трон, многие влиятельные сановники поспешили к его двору, чтобы изъявить верность, но самозванец, боясь, что многие из них знали настоящего Кильдибека и могут разоблачить его, приказал их устранить³⁰⁸. Результатом стало то, что от него отшатнулись даже те, кто изначально поддерживал самозванца, и год спустя он погиб в очередной междоусобице³⁰⁹. Сам факт упоминания его «самозванства» в русских летописях и восточных исторических сочинениях, на наш взгляд, весьма показателен: по-видимому, кому-то из столичных аристократов все же удалось уцелеть и разоблачить лже-Кильдибека.

Приход к власти Кильдибека, пожалуй, следует считать кульминацией династического кризиса: беспрецедентное воцарение на троне Золотой Орды самозванца свидетельствует о полном недоверии знати и населения к законным представителям ханского рода и необходимости некоторого «инкубационного периода». Нет сомнения, что при таком «переходном» хане ордынская знать намеревалась избрать тот или иной путь дальнейшего развития государства, после чего самозванец, скорее всего, был бы устранен, и на смену ему пришел бы законный Джучид, олицетворявший собой соответствующее политическое движение.

Аналогичные процессы можно наблюдать и в других странах в разные времена — так, в древней Персии после гибели царя Кира II появилось сразу несколько его самозванных братьев; в Англии конца XV в. на трон, занятый Тюдорами, претендовали многочисленные лже-Ричарды и лже-Эдуарды; в Московском царстве в Смутное время появилось не только несколько царей Лжедмитриев, но и многочисленные самозванные «царевичи». Все эти примеры объединяет одно: за каждым самозванцем стояли законные

претенденты на трон. Вступление на трон самозванца представляло собой своеобразное «доведение ситуации до абсурда»: максимально «раскачав» политическую ситуацию в стране, сторонники легитимных претендентов публично разоблачали самозванцев и тут же предлагали альтернативу в лице законных монархов, которые вступали на трон, приветствуемые и поддерживаемые большинством населения. Естественно, наиболее подходящим для той или иной группировки являлся такой представитель правящего рода, который разделял бы их видение дальнейшего развития страны.

Трудно сказать, кто мог бы явиться легитимным ставленником Яглы-бая, если бы его «проект» с Кильдибеком был доведен до логического конца. Откочевка его сторонников-эмиров и провозглашение ими вскоре хана Абдаллаха (из дома Бату) не позволили сыну Тоглу-бая реализовать свой замысел: Кильдибек вскоре погиб в борьбе с Мюридом. Возникает вполне закономерный вопрос: зачем сарайским эмирам во главе с Яглы-баем понадобилось устраивать авантюру с самозванцем Кильдибеком, если были живы реальные потомки Узбека — Абдаллах, Мухаммад-Булак и др.? Как представляется, ответ заключается в том, что эти царевичи находились под контролем Мамаю, которому сарайские эмиры поначалу, видимо, не были готовы доверить главенство из-за его близости к Джанибеку и Бердибеку (см. наш следующий очерк). Лишь оказавшись в безвыходной ситуации после гибели Кильдибека, они были вынуждены смириться с тем, что фактическая власть в Золотой Орде перейдет к Мамаю.

Мамай: «суперзлодей» в истории Золотой Орды

Вышеприведенные примеры «историографического» самозванства, как правило создавались одним-двумя современными авторами и, как правило, не разделялись широким кругом исследователей. Исключение составляет миф о знаменитом золотоордынском государственном деятеле эпохи «Замятни великой» — Мамае, на образ которого на протяжении веков насаивались все новые и новые негативные черты. Нами уже было посвящено специальное исследование проблеме формирования в историографии образа Мамаю как узурпатора³¹⁰, поэтому ниже мы кратко воспроизведем лишь основные свои выводы по данному вопросу.

Средневековые авторы нередко именовали Мамаю ханом или царем, но, как мы предположили, либо добросовестно заблуждались

относительно его статуса, либо же намеренно старались повысить его, чтобы представить победу над ним Дмитрия Донского на Куликовом поле более значительной³¹¹. А прямое обвинение его в узурпации власти прозвучало впервые на рубеже 1980–1990-х гг. в работах Л. Н. Гумилева, всячески стремившегося представить русско-ордынские отношения как союз. А противостояние московского государя Дмитрия Ивановича (впоследствии Донского) с Мамаем он объяснял тем, что Мамай являлся узурпатором власти, союзником католического Запада, и московский государь, выступив против него, якобы поступил как истинный друг и союзник законного хана-Чингизида Токтамыша³¹².

Можно было бы задать немало вопросов и привести множество возражений в связи с различными натяжками и противоречиями в концепции Л. Н. Гумилева, однако все это, как уже отмечалось, было сделано нами в другой работе. Теперь же для нас важно, что для многих последующих историков и публицистов красивая версия Льва Николаевича оказалась весьма убедительной и впоследствии неоднократно использовалась ими — несмотря на то, что они знали о так называемых «мамаевых» ханах³¹³.

В какой-то мере примыкает к версии об узурпаторстве Мамаея еще одна концепция — о создании Мамаем самостоятельного государства на обломках Золотой Орды, фактически распавшейся в эпоху «Великой замятни». В исследовательской литературе появляются работы о «Мамаевой Орде»³¹⁴ и даже так называемом «эмирате Мамаея»³¹⁵, что с правовой точки зрения также может оцениваться как мятеж и узурпация.

Таким образом, Мамай из законного бекляри-бека, чей статус подтверждался всеми ханами, которых он поддерживал (а фактически возводил на престол), усилиями историков и популяризаторов их идей превратился в очередного «узурпатора» на золотоордынском троне (по версии Л. Н. Гумилева и его последователей) либо же создателя на золотоордынском пространстве собственного независимого государства (по версии В. А. Кучкина).

Наконец, последний из интересующих нас примеров опять же связан с золотоордынскими правителями и к тому же имеет прямое отношение к Мамаю, поскольку касается тех ханов, которые возводились им на престол. В ряде своих недавних работ казанский историк и этнограф Д. М. Исхаков, анализируя отдельные произведения средневекового татарского фольклора, сделал интересные наблюдения относительно происхождения «мамаевых ханов». Исследователь

обратил внимание на упоминание, в частности, в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сысулу» имен правителей Туляка и Габдулы, причем с ханскими титулами — эти имена совпадают с именами ханов, возводившихся Мамаем на престол Золотой Орды. Сравнив эти сведениями с данными ряда других средневековых источников (анонимного татарского исторического сочинения XVII в. «Дефтер-и Чингиз-наме», а также ряда других татарских летописей и родословных-шеджере), Д. М. Исхаков обнаружил, что деятельность Туляка и Габдулы также связана с одним из регионов Золотой Орды, а именно — с Волжской Булгарией. Все это позволило исследователю высказать осторожное суждение о том, что Габдула и Туляк (т. е. «Мамаевы» ханы Абдаллах и Мухаммад-Булак) могли на самом деле быть не Чингизидами, а представителями булгарской княжеской династии, а также — родственниками покровительствовавшего им Мамаю³¹⁶. Безусловно, такая версия противоречит как ряду источников, сообщающих о принадлежности указанных правителей не просто к роду Чингизидов, но также и к ветви Бату, т. е. наиболее легитимному правящему семейству Золотой Орды, так и мнению большинства исследователей данной эпохи в истории Золотой Орды³¹⁷. Однако, в отличие от приведенных выше версий В. П. Юдина, Г. Е. Грумм-Гржимайло и Л. Н. Гумилева, она базируется на тщательном анализе различных исторических и источников и потому заслуживает внимания как интересный пример возможности использования эпических и литературных произведений в качестве источников «альтернативной» информации, нередко противоречащей уже устоявшимся в исторической науке мнениям и стереотипам. Т. е., как следует из подназвания одной из работ самого Д. М. Исхакова, возможности представить «новый взгляд на известные проблемы».

Эмиры-«сепаратисты» в эпоху смуты

Как было описано выше, в Иране после распада государства Ильханов местные династии предпринимали попытки создания «региональных» независимых государств. Аналогичные попытки имели место и в Золотой Орде в период «Замятни великой».

Около 1361 г. сразу несколько областных наместников провозгласили себя самостоятельными правителями: Пулад-Тимур, бывший ханский наместник в Волжской Булгарии, эмир Тагай в Мохше, Хаджи-Черкес в Хаджи-Тархане и Сегиз-бей в Запьянье, причем некоторые из них даже стали чеканить собственную монету.

Как и иранские региональные лидеры, эти узурпаторы использовали различные формы легитимации своей власти. Так, например, Тагай и Сегиз-бей, пользуясь слабостью ханской власти, в течение ряда лет вели себя как независимые правители, однако при этом благоразумно не старались претендовать на верховную власть и при первом же появлении вблизи их владений достаточно сильного хана-Чингизида (это оказался Абдаллах, первый ставленник знаменитого Мамаю) признали его власть, что позволило им сохранить не только жизнь, но и должности правителей³¹⁸. Правда, позднее, в 1378 г., хан Арабшах из династии, соперничавшей со ставленниками Мамаю за золотоордынский трон, разгромил и убил Тагая, однако в данном случае, несомненно, следует видеть в этих событиях не расправу с узурпатором, как полагают некоторые исследователи³¹⁹, а борьбу со сторонниками хана-конкурента³²⁰.

Весьма интересным представляется случай с Пулад-Тимуром, правившим Волжской Булгарией в 1361–1367 гг., которого некоторые исследователи характеризуют как «выдающегося государственного деятеля Булгара периода обособления»³²¹. В самом деле, он уже в начале «Великой замятни» весьма энергично взялся за строительство собственного улуса, причем выбрал стратегически важный регион: русские летописцы отмечают, что «Булат Темир, князь Ординский, Болгары взял и все грады по Волзе и улусы поимал и отня весь Воложский путь»³²², таким образом, контролируя волжские торговые коммуникации. Естественно, обладая столь важным и богатым источником дохода, он мог себе позволить противостояние и с ослабевшими ханами-Джучидами, и с другими эмирами-сепаратистами. Однако Пулад-Тимур проявил не только практическую хватку, захватив торговые пути на Волге, но и политический здравый смысл: на своих монетах он, помимо собственного имени, чеканил также и имя хана Джанибека. Последний факт в течение довольно длительного времени смущал историков-нумизматов, которые готовы были считать, что Пулад-Тимур, подобно Мамаю, возводил на трон марионеточных ханов — Джанибека II, а возможно, и Джанибека III³²³. Однако сравнительно недавно было убедительно доказано, что на монетах имени хана сопутствует эпитет «покойный», таким образом, имеется в виду единственный хан Джанибек, правивший еще до «Великой замятни», в 1342–1357 гг. которому, предположительно, подчинялся Пулад-Тимур в качестве наместника в Волжской Булгарии и которого, по всей видимости, считал последним законным ханом Золотой Орды³²⁴. Как бы то ни

было, с одной стороны, формально Пулад-Тимур не объявлял себя верховным правителем, но с другой — его попытка легитимировать свою власть ссылкой на волю давно умершего хана никого не могла обмануть. Неудивительно, что после первой же серьезной неудачи (поражения эмира от русских войск на р. Пьяна в 1367 г.) на него обрушился очередной сарайский хан, Азиз-Шейх, который разгромил и казнил Пулад-Тимура как бунтовщика против центральной власти и узурпатора³²⁵.

Нуждается в дополнительном изучении личность и деятельность еще одного золотоордынского узурпатора эпохи «Великой замятни» — Хаджи-Черкеса, правителя Хаджи-Тархана (Астрахани). В отличие от Пулад-Тимура и остальных «региональных сепаратистов», он, судя по имеющимся данным, сделал ставку именно на самостоятельное правление, причем не ограничиваясь исключительно находящимся в его власти уделом Хаджи-Тархана, которым он управлял в качестве наместника-даруги, по некоторым сведениям, еще с 1340-х гг.³²⁶. Хаджи-Черкес чеканил монету от собственного имени и даже принимал активное участие в междоусобицах. Впрочем, ханом он себя не именовал (на чеканенных им монетах присутствует титул «эмир правосудный»³²⁷), так что его можно было обвинить в отделении региона от Золотой Орды, но не в претензиях на ханский трон. Кроме того, есть некоторые основания полагать, что в 1367–1368 гг. Хаджи-Черкес выдвинул в качестве претендента на престол царевича-Чингизида Тимур-бека (из крымской ветви потомков Туга-Тимура, сына Джучи), с которым вначале вторгся в крымские владения небезызвестного Мамаю, а затем двинулся на Сарай, который его ставленнику даже удалось захватить на короткое время³²⁸. О каких-то других совместных действиях этого эмира с Чингизидами сведений не имеется. Успешно лавируя между различными претендентами на трон, владетель Хаджи-Тархана сумел в течение длительного времени противостоять не только другим эмирам и их ставленникам (например, Абдаллаху — хану, поставленному Мамаем), но и Чингизидам. В 1373 г. против него выступил Урус, хан Синей Орды (еще один потомок Туга-Тимура), уже успевший захватить Сарай. Хаджи-Черкес сумел оказать ему сопротивление, а вскоре против самого Уруса выступил новый претендент на сарайский трон — Ильбек, сын Шибана (пятого сына Джучи), и хану не удалось ни разгромить астраханского узурпатора, ни даже добиться хотя бы формального признания его власти³²⁹. До самой смерти в 1375 г. Хаджи-Черкес оставался независимым

правителем Хаджи-Тархана, что является удивительным примером для того времени: ни одному другому эмиру, претендовавшему на независимость, не удавалось продержаться столь долго. Обстоятельства его кончины достоверно неизвестны, но, согласно одной из версий, он был разгромлен и убит сторонником Мамая — эмиром Салчи, который был сыном одного из прежних наместников Хаджи-Тархана, а по матери — еще и внуком хана Джанибека. Таким образом, на смену узурпатору пришел новый правитель, не только лояльный законным ханам, но и состоящий с ними в родстве³³⁰.

Иностранные ставленники на троне Золотой Орды в конце XIV — первой половине XV вв.

Многолетняя смута в Золотой Орде привела к тому, что ее правители, ранее сами принимавшие решения о кандидатах на троны других государств, теперь сами стали вступать на трон по воле иностранных правителей.

Первые попытки обращения Джучидов за помощью к иностранным государям при условии признания зависимости от них относятся к эпохе правления известного золотоордынского хана Токтамыша, государя с непростой судьбой и противоречивой политикой. Выступив поначалу фактически как узурпатор, намеревавшийся захватить трон Синей Орды (восточной части Золотой Орды), который занимал вполне законный хан Урус³³¹, Токтамыш все же сумел прийти к власти и на рубеже 1370–1380-х гг. был в законном порядке провозглашен и признан ханом Золотой Орды, объединив ее после длительной смуты, известной в русских летописях под названием «Замятни великой». Правда, ему пришлось для этого заручиться поддержкой иностранного правителя — знаменитого среднеазиатского государственного деятеля Амира Тимура (Тамерлана).

Сохранившиеся до нашего времени источники, содержащие сведения о Токтамыше и Тимуре, не позволяют дать четкого и однозначного ответа о характере их взаимоотношений. Сочинения придворных историков Тимура и Тимуридов, естественно, отзываются о Токтамыше как о правителе, получившем власть и трон при помощи Тимура в обмен на признание вассалитета от него, а затем «вышедшем из повиновения», «взбунтовавшемся» против своего сюзерена³³². Золотоордынских исторических сочинений, как известно, не сохранилось, однако в татарских эпических произведениях политическая ситуация представлена совершенно противоположным

образом: Амир Тимур представлен могущественным правителем, но не столь знатным, как Токтамыш, и, следовательно, его посягательства на власть и владения хана — всего лишь незаконные действия³³³. В связи с этим трудно дать политико-правовую оценку отношениям Токтамыша и Тимура. С чисто формальной точки зрения Тимур не мог стать сюзереном золотоордынского хана, поскольку сам номинально являлся подданным ханов Чагатайского улуса — Суюргатмыша, а затем его сына Султан-Махмуда (которых, правда, он же и возвел на престол), а Токтамыш зависимости от этих ханов не признавал. Поэтому говорить о формальной зависимости хана Золотой Орды от чагатайского временщика было бы некорректным. Вместе с тем, конечно же, не следует и считать, что Амир Тимур, помогая Токтамышу захватить трон Золотой Орды, выполнял свой «вассальный долг» (да еще и безропотно вернул ряд золотоордынских областей, захваченным им во время «Замятни»), поскольку, опять же, он юридически являлся подданным монарха совершенно другого чингизидского государства — Чагатайского улуса (Мавераннахра)³³⁴.

Как известно, Токтамыш во второй половине 1380-х гг. порвал со своим покровителем и начал боевые действия против него, в результате двух кампаний (1390–1391 и 1395–1396) потерпел сокрушительное поражение и фактически был свергнут с трона, на который Амир Тимур возводил своих ставленников — Тимур-Кутлуга и Койричака. В отличие от Токтамыша, эти два хана являлись куда более явными ставленниками чагатайского правителя, и поэтому их положение было довольно сложным. Неудивительно, что до конца 1390-х гг. Токтамыш не без успеха боролся за возвращение трона в Золотой Орде: знать, армия и население предпочитали поддерживать своего законного хана, пусть даже он и не проявил себя как талантливый полководец и опытный администратор.

Поэтому правление обоих ставленников Тимура в 1390-е гг. было весьма непродолжительным. Так, Тимур-Кутлуг-хан в течение приблизительно 1392–1393 гг. признавался ханом в Синей Орде, однако, видя, что население не признает ставленника Амира Тимура, его главный сподвижник, мангытский эмир Идигу (знаменитый впоследствии золотоордынский временщик — Едигей русских летописей), предпочел пойти на сделку с Токтамышем, обеспечив себе практически безраздельную власть в Синей Орде в обмен на отказ от поддержки нелегитимного хана Тимур-Кутлуга³³⁵. Еще более трагичной оказалась судьба второго ставленника Амира

Тимура — хана Койричака, возведенного на трон в Сарае после разгрома Токтамыша в 1395 г. на р. Кондурча. Имея в своем распоряжении лишь «отряд узбекских храбрецов», этот ставленник чагатайского временщика³³⁶, несмотря на то что был потомственным Чингизидом и к тому же сыном легитимного хана Уруса, после ухода своего покровителя очень скоро был свергнут и либо убит, либо бежал к Амиру Тимуру³³⁷.

Однако в конце 1390-х гг. и сам Токтамыш, в очередной раз свергнутый с трона (на этот раз — Тимур-Кутлугом, уже официально возведенным в ханы на курултае и, следовательно, признанным законным монархом), решился на рискованный шаг: он выразил готовность признать зависимость от своего союзника, литовского великого князя Витовта, с которым он в 1398 г. заключил договор о разделе сфер влияния между Литвой и Золотой Ордой. Этот договор, дошедший до нас в составе русских летописей, весьма важен для понимания правового характера отношений между Токтамышем и Витовтом, сложившихся по его условиям, поэтому считаем целесообразным воспроизвести его (вернее, его русский летописный перевод-пересказ) полностью: «Поидемъ пленити землю Татарскую, победимъ царя Темиръ-Кутлуя, возьмемъ царство его и разделимъ богатство и именеіе его, и посадимъ во Орде на царстве его царя Тахтамышя, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтракани, и на Заяицкой Орде, и на всемъ приморіи, и на Казани; и то будетъ все наше и царь нашъ, а мы не точию Литовскою землею и Полскою владети имамаы, и Северою, и Великимъ Новымъ городомъ, и Псковомъ, и Немцы, но и всеми великими княженіи Русскими, и со всехъ великихъ князей Русскихъ учнемъ дани и оброки имати»³³⁸.

Само намерение «посадить во Орде» хана Токтамыша (пусть даже и под предлогом возвращения ему трона, которым он прежде владел на законном основании — «на царстве его») уже свидетельствует о том, что этот хан признавал свое зависимое положение от литовского государя. Откровенная констатация того, что в Орде будет править «царь наш», подтверждает эту зависимость — не говоря уж о том, что Токтамыш соглашался передать под контроль Литвы значительные территории, ранее либо входившие в состав Золотой Орды, либо же являвшиеся вассальными по отношению к ней. Интересно также отметить, что Витовт перед битвой на Ворскле 1399 г., которой так трагически для него и многих его родственников, литовских князей, завершилась поддержка Токтамыша, предпринял попытку подчинить себе Орду мирным путем.

предложив правившему в ней на тот момент хану Тимур-Кутлугу также признать себя его, Витовта, вассалом — платить регулярную дань в Литву и чеканить на своих монетах портрет Витовта³³⁹. Как известно, прибытие золотоордынского бекляри-бека Идигу с войсками прервало переговоры, а затем Тимур-Кутлуг и Идигу нанесли Витовту и Токтамышу сокрушительное поражение. Однако, на наш взгляд, подобное предложение, выдвинутое Витовтом, свидетельствует о том, что сам Токтамыш в случае победы над своими противниками готов был согласиться на такие условия — следовательно, великому князю литовскому было безразлично, кто именно из ордынских ханов будет признавать себя его вассалом и выполнять соответствующие вассальные обязанности.

До заключения этого договора Токтамыш не был узурпатором: несмотря на поражение и бегство из своих владений, он не был официально лишен престола и, по сути, боролся за восстановление своих законных прав на трон. Однако его готовность ради прихода к власти заручиться поддержкой иностранного государя-нечингизида и даже признать себя его вассалом оттолкнула от него многих прежних сторонников и уже не позволила ему вернуть контроль в государстве, как это удавалось прежде, даже после сокрушительных поражений от Амира Тимура. Фактически поставив себя вне закона своим договором с Витовтом, Токтамыш прожил последние годы жизнью изгнанника и в конечном счете погиб в случайной стычке то ли с Идигу, то ли с очередным золотоордынским ханом Шадибеком.

По всей видимости, утрата Токтамышем (в глазах его бывших подданных) легитимных прав на трон и власть в полной мере распространилась и на его потомков: многочисленные сыновья Токтамыша, боровшиеся за власть в первой четверти XV в., опирались исключительно на поддержку иностранных государей и, как следствие, на троне долго не задерживались: Джалал ад-Дин (ставленник Литвы) правил около года, Карим-Берди (ставленник Москвы) — четыре года, Кебек (ставленник Литвы) — менее года, Джаббар-Берди (ставленник Литвы) — около года. При этом наиболее откровенно поддержка того же Витовта выразилась в отношении царевича, упоминаемого в польско-литовских средневековых источниках с загадочным именем Vexbut или Betsabul, которого, по мнению исследователей, можно отождествить с Кебеком, сыном Токтамыша. В 1414 г. Витовт прямо в своей столице Вильно провел церемонию его коронации, одев его в богатую шубу

и шапку (что, в соответствии с восточным протоколом, считалось символическим актом закрепления вассалитета) и отправил в поход во главе ордынцев, осевших к этому времени в Литве³⁴⁰. Неудивительно, что этот «монарх», столь откровенно признавший вассалитет от литовского государя, не сумел обрести поддержку потенциальных подданных и был разгромлен своим сводным братом Карим-Берди³⁴¹.

Таким образом, подобно своему родоначальнику, «Тохтамышевичи», формально не будучи отстранены от трона, фактически поставили себя в положение узурпаторов, поскольку боролись за трон с конкурентами, которые уже были признаны в ханском достоинстве своими подданными, да еще и опирались на поддержку иностранных, нечингизидских государей, зависимость от которых зачастую не была тайной для их противников. Поэтому некоторые из «Тохтамышевичей» предпринимали определенные действия, чтобы обрести большую легитимность в глазах своих подданных. Так, Джаббар-Берди (по другим сведениям — Кадыр-Берди), один из младших сыновей Токтамыша, вступил в союз с Нур ад-Дином — старшим сыном Идигу, которого назначил своим беклярибеком, в результате чего получил поддержку значительной части могущественного племени мангыт (при этом Нур ад-Дин в известной степени противостоял своему отцу, поддерживавшему другого хана — Чокре)³⁴². Соответственно, это нашло признание и в официальной документации. Так, в ярлыке крымским землевладельцам Туглу-баю и Хызру (1420 г.) хан Улуг-Мухаммад ссылается на аналогичный документ «хана, старшего брата», которого исследователи склонны считать Джаббар-Берди³⁴³. По-видимому, отказ от поддержки литовского князя и ориентация на золотоордынских феодалов сделали этого монарха более легитимным в глазах подданных, нежели его брата.

В некоторых случаях государя, пришедшие к власти при поддержке иностранных правителей, осознавая, что это подрывает законность их правления в глазах подданных, вероломно разрывали отношения со своими покровителями и начинали проводить «националистическую» политику, нередко даже выступая против своих прежних союзников-созеренов. В Золотой Орде такими правителями были, в частности, ханы Улуг-Мухаммад и Сайид-Ахмад. Улуг-Мухаммад, второй раз пришедший к власти при прямой поддержке литовского государя Витовта, в конце правления последнего вел активные переговоры с Ливонским орденом — врагом Литвы, а после

смерти Витовта сам вмешался в гражданскую войну между претендентами на литовской великокняжеский стол, поддерживая одного из них в ущерб другому. Аналогичную политику проводил и его соперник — Сайид-Ахмад б. Кебек, внук Токтамыша: подобно своему отцу, он был возведен в ханское достоинство непосредственно в литовских владениях и направлен в Крым. Однако, обретя поддержку части местной знати и населения, Сайид-Ахмад отмежевался от своих западных покровителей и демонстративно стал опираться именно на местные политические группировки. Это позволило внуку Токтамыша на рубеже 1430–1440-х гг. стать наиболее могущественным из противоборствующих ханов Золотой Орды и во второй половине 1440-х гг. самому активно вмешаться в литовскую политику — на стороне одного из претендентов на великокняжеский трон против другого. Ярким показателем того, что этот иностранный ставленник сделал правильный выбор, отказавшись от поддержки литовцев, стало то, что он, в отличие от своего отца и многочисленных дядьев, находился на троне около двух десятилетий — с 1432 (1433) по 1452 (1453) гг.³⁴⁴.

Кое-что о «самозванстве» хана Ахмада

Наверное, один из наиболее ранних и при этом весьма известных примеров «историографического» обвинения в самозванстве — это «Послание владычье на Угру к великому князю», литературный памятник Московской Руси конца XV в., созданный ростовским епископом Вассианом. Призывая московского великого князя Ивана III к борьбе с золотоордынским ханом Ахмадом, автор «Послания» убеждает государя, что тому не следует бояться выступать против «царя» (так на Руси титуловали веками золотоордынских ханов), поскольку тот является незаконным правителем! Причем речь идет не только о современном Ивану III и епископу Вассиану хане Ахмаде, но и о его предшественниках, начиная с Батыя, который пришел по-разбойничьи и захватил всю землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, хотя он и не царь и не из царского рода. Мы ведь тогда прогневили бога, и он прогневался на нас и наказал нас³⁴⁵. Таким образом, Вассиан Рыло объявляет всех золотоордынских монархов (начиная с Батыя, который был первым правителем этого государства, известным на Руси) узурпаторами, сумевшими установить свою незаконную власть над Русью лишь за грехи самих русских.

Тенденциозность этого произведения и его политическая направленность уже неоднократно подчеркивались исследователями³⁴⁶. Соответственно, обвинение золотоордынских ханов в худородстве и, следовательно, узурпации власти являлось всего лишь доводом его автора в пользу активизации борьбы против них, обоснованием правомерности противостояния с бывшими сюзеренами русских князей. Не игнорируя основную, политическую, составляющую этого произведения, мы тем не менее имеем основания считать «Послание на Угру», содержащее своеобразный исторический экскурс в прошлое русско-ордынских отношений, — одним из первых примеров историографии, в котором все (!) ханы-Чингизиды объявлялись незаконными монархами, т. е. узурпаторами.

В данном случае интересно обратить внимание на тот факт, что, в отличие от Мамая, чей негативный образ и многочисленные обвинения против него стали формироваться уже после его поражения и гибели, Ахмад позиционировался как незаконный правитель еще накануне решающего противостояния с ним. Это тем более показательно, что всего несколькими годами ранее стояния на Угре Иван III предположительно мог признавать себя вассалом Ахмада. Дело в том, что в 1476 г. Ахмаду удалось временно захватить Крым, прогнать местного хана из рода Гиреев и возвести на трон своего племянника Джанибека. Вскоре после этого он отправил на Русь своего посла Бочука, доставившего Ивану III послание-ярлык, в котором Ахмад-хан сообщал о своей победе в Крыму, требовал выплаты дани и вывода из Касимова царевича Даниара б. Касима, внука Улуг-Мухаммада³⁴⁷.

Московский государь находился в это время в сложной политической ситуации: он был вынужден противостоять польско-литовскому натиску и в то же время готовился к окончательному покорению Новгорода. В таких условиях портить отношения с ханом Золотой Орды ему было совершенно ни к чему. Неслучайно именно в этот период, в марте 1475 г., Иван III, рискуя вызвать гнев своего союзника, крымского хана Менгли-Гирея, отказался порвать отношения с Ахмад-ханом и продолжал обмениваться с ним послами³⁴⁸. Поэтому и на этот раз он принял ханского посла радушно и отправил обратно вместе с собственным посланцем — Матвеем Бестужевым. Есть основания полагать, что в трудных политических условиях Иван III пошел на уступку хану: собрал дань и временно «вывел» Даниара из Касимова. Естественно, позднейшие русские

летописцы предпочли скрыть столь неудобный для великого князя факт³⁴⁹.

И вот всего несколько лет спустя прежний сюзерен уже позиционировался как самозванец и узурпатор, чьи предки, в течение двух с лишним веков обладавшие сюзеренитетом над русскими землями, также объявлялись незаконными правителями! Несомненно, политическая ситуация с 1476 г. должна была радикально измениться, чтобы русские «данники» позволили себе столь громкие обвинения. Впрочем, также следует принять во внимание, что если «Послание на Угру» и было отправлено еще до начала войны с ханом Ахмадом, то его широкое распространение, несомненно, имело место уже после победы над ним и приобретения Московским великим княжеством независимости от Золотой Орды.

Кроме того, нельзя не принять во внимание тот факт, что «Послание на Угру» обвиняло в самозванстве не только золотоордынских ханов, но и крымских — ведь они происходили из того же ханского рода, что и Ахмад (более того — от одного общего предка, Туга-Тимура, сына Джучи). А между тем крымские ханы в это время являлись союзниками Ивана III, и ему, соответственно, совершенно не нужно было портить с ними отношения подобными обвинениями. И даже века спустя крымские Гирей в официальной российской документации именовались царями, т. е. законность их правления не подвергалась сомнениям.

Таким образом, можно считать обвинение хана Ахмада в самозванстве не частью какой-то большой кампании по дискредитации всей династии Чингизидов («царское» происхождение которых признавалось даже за теми представителями рода, которые находились на русской службе³⁵⁰), а «разовой акцией», имевшей не столько политическое, сколько эмоциональное значение: автор «Послания», епископ Вассиан Рыло, всего лишь старался укрепить дух Ивана III в противостоянии с ханом Золотой Орды, используя для этого весьма эффективный прием.

ГЛАВА 5

ПОСТОРДЫНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

XV–XVIII вв.

Начиная с середины XV в. Золотая Орда распалась на ряд государств и государствовподобных образований. Большинство из них возглавили потомки отдельных ветвей рода золотоордынских ханов, в некоторых утвердились представители других правящих династий. Поэтому наравне с теми же основаниями претензий на власть, которые применялись и в Золотой Орде, в постордынских государствах оказались востребованными и новые способы легитимации власти. Нередко одни и те же претенденты на престол могли использовать «старые» и «новые» способы одновременно.

«Белые ханы»: московские государи как повелители тюрко-татарских ханств в XV–XVII вв.

Установление прямой власти иностранных правителей-сюзеренов в тюрко-монгольских государствах являлось давней практикой во взаимоотношениях «степных империй» и империй оседлых. Например, еще в 629 г. Ли Шиминь — Тай-цзун, император китайской династии Тан, официально стал и каганом тюрков, установив своеобразную «личную унию», в результате которой Тюркский каганат на полвека стал частью Китая³⁵¹. Аналогичные механизмы применяли порой и иностранные сюзерены чингизидских государств, когда считали, что сохранение их независимости или автономии не отвечает имперским интересам.

В отечественной истории наиболее известны случаи с постордынскими государствами — Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, после присоединения которых к Московскому царству Иван IV Грозный прибавил к своим титулам также титулы «царь Казанский» и «царь Астраханский», а его сын Федор Иванович — «царь Сибирский». То, что эти титулы не просто отражали факт покорения и присоединения указанных ханств к Москве.

подтверждается особым статусом присоединенных территорий, которые в течение длительного времени имели статус особых административно-территориальных единиц в составе России — «царств», обладавших определенной автономией, хотя и управлявшихся наместниками московских царей. Таким образом, в данном случае также можно говорить о своеобразной «личной унии», и именно личность государя объединяла Московское царство и эти три «царства» в рамках единого государства, которое уже со второй половины XVI в. некоторые исследователи не без оснований характеризуют как империю³⁵².

Интересно отметить, что, став монархами в чингизидских государствах, сами московские цари не обременяли себя заботами о легитимации собственной власти в глазах своих новых тюрко-монгольских подданных. Уже с конца XV в. все свои территориальные приобретения или даже установление сюзеренитета над восточными государствами и народами московские Рюриковичи обосновывали исключительно одним фактором — божьей волей. Так, например, уже Иван III после завоевания Казани, установления над ней своего протектората и возведения на трон собственного ставленника Мухаммад-Амин-хана писал сибирскому хану Ибаку и ногайским мирзам: «И божьим милосердием того своего недруга царя Алегама достали есмя..., и землю его взяли есмя, и посадили есмя на том юрте на Казани своего брата и сына Магмет-Аминя царя»³⁵³. Аналогичное обоснование законности своей власти в завоеванных и присоединенных государствах приводил и его внук Иван IV, фактически поддерживая репутацию завоевателя новых «царств», т. е. именно узурпатора их тронов!

Присоединение Сибирского ханства к России в конце XVI в. повлекло радикальные перемены в системе управления. После нескольких веков владычества ханов-Чингизидов новым монархом — «царем Сибирским» — стал московский государь, а в Сибири был сформирован институт воевод-наместников. Безусловно, прямая аннексия чингизидского государства Московским царством не была признана ни местными династиями, ни соседними государствами Чингизидов. Соответственно, представители сибирской правящей династии Шибанидов начали борьбу за восстановление независимости своего государства и в течение первых двух третей XVII в. выдвигали своих претендентов на престол — сыновей и внуков Кучума: Алея, Каная, Ишима, Аблая, Девлет-Гирея, Кучука³⁵⁴. С точки зрения чингизидской государственности и права, это были

вполне законные правители, возводившиеся в ханское достоинство на курултае — пусть и поддерживало их не более нескольких сотен подданных, да и отдельные сибирские роды и племена в целях личной выгоды то признавали власть этих эфемерных ханов, то вновь переходили «под руку» Москвы³⁵⁵.

Однако с точки зрения новых, московских, властей это были несомненные узурпаторы, претендовавшие на власть над территориями Московского царства. Соответственно, во всех официальных документах сибирские претенденты именовались исключительно «царевичами», т. е. султанами (а иногда «бродячими царевичами» и даже «государевыми изменниками»), и в ханском достоинстве их Москва не признавала³⁵⁶. Исключение составляет, впрочем, первый из претендентов — хан Алей, сын Кучума, последнего легитимного в глазах московских властей сибирского хана из династии Шибанидов. В 1608 г. он попал в плен к русским и до самой своей смерти в 1632 г. прожил в России. Именно он в российских официальных документах и дипломатической переписке именовался «царем», т. е. ханом. А. В. Беляков полагает, что такое титулование давало московским властям возможность и юридически, и фактически не признавать претензии на власть родственников Али, пока сам он был жив. Однако В. В. Трепавлов сомневается в таком объяснении, поскольку русскому царю, уже принявшему титул царя Сибирского, не требовалось «искусственного дублирования» аналогичным титулом султана-Шибанида³⁵⁷.

Однако самим новым подданным и вассалам московских царей (которых они называли «белыми царями» или «белыми падишахами»), не обладавшим столь сильной верой в покровительство христианского бога, такого фактора легитимации было явно недостаточно. И чтобы новый монарх с формальной «чингизидской» точки зрения не выглядел узурпатором, они сами изобретали понятные им обоснования его власти. Так, например, ногайские мурзы и сибирские беки-Тайбугиды, стремясь придать легитимный характер сюзеренитету Ивана IV над бывшими постордынскими юртами, называли его Чингизидом, к чему сам он, впрочем, ничуть не стремился³⁵⁸. Тем не менее, определенное преемство с прежними ханами Иван Грозный демонстрировал — возможно, за счет принятого в 1547 г. им титула царя. Как известно, ордынских и постордынских ханов в средневековой русской традиции именовали именно царями, так что Иван IV, приняв этот титул, становился равным им и, вероятно, в какой-то степени имел право на преемство их власти.

Это, в частности, подтверждается фактами выдачи в 1550-е гг. Иваном Грозным ярлыков своим ногайским, башкирским и сибирским вассалам: правом издания таких актов пользовались исключительно ханы-«цари», следовательно, присвоив себе такую прерогативу, Иван IV становился легитимным их преемником. Подтверждение этого преемства выразилось в выдаче в 1600 г. ярлыка царем Борисом Годуновым, причем уже не вассалу нечингизидского происхождения, а потомственному хану-Чингизиду — касимовскому правителю Ураз-Мухаммад-хану, потомку казахских ханов³⁵⁹.

Любопытно отметить, что хотя сами «царства» уже в начале XVIII в. были упразднены как автономные единицы и на их территории была распространена губернско-уездная система, титулы «царя Казанского, Астраханского, Сибирского» сохранялись в титуле российских императоров вплоть до падения империи³⁶⁰.

Крымские ханы как вассалы Османской империи: преимущества и проблемы нового фактора легитимации

Установление османского сюзеренитета над Крымским ханством официально принято датировать 1478 г.³⁶¹, однако реально османы стали вмешиваться в политику вассального чингизидского государства лишь в первой четверти XVI в. Надо полагать, именно к этому времени они почувствовали прочность своего контроля над ханством, что и отразилось, в частности, на их активном участии в возведении тех или иных претендентов на ханский трон. Однако сами крымцы, как оказалось, не были готовы к тому, что судьбу их престола определяют иностранные государи. Поэтому в Крымском ханстве нередко имели место случаи, когда подданные выступали против ханов из дома Гиреев, являвшихся ставленниками иностранных монархов.

Так, в Крымском ханстве в 1524 г. на трон по воле османского султана был возведен хан Саадат-Гирей I, который провел всю молодость в Стамбуле и не скрывал своего преклонения перед турецким стилем управления, обычаями и образом жизни. Кроме того, он пришел к власти, предательски умертвив законно избранного крымской знатью хана Гази-Гирея I. Неудивительно, что подданные не приняли его и в течение всего его восьмилетнего правления неоднократно организовывали против него заговоры и мятежи. В результате хану пришлось отречься от престола³⁶².

Точно так же не повезло и другому турецкому ставленнику — хану Фатх-Гирею I, который в 1596 г. был вынужден практически против своей воли занять трон после смещения уважаемого им старшего брата — Гази-Гирея II. Жители Крымского ханства не признали свержения популярного хана, а вскоре в Стамбуле был отправлен в отставку султанский везир, рекомендовавший Фатх-Гирею на трон. В результате самим же османским властям пришлось отменить решение о воцарении своего ставленника — правда, сделали они это весьма оригинальным образом: вопрос о законности претензий на трон обоих ханов, Гази-Гирея и Фатх-Гирея, был передан на рассмотрение кафинского муфтия, который в конечном счете отдал предпочтение старшему из братьев. В результате младший в глазах подданных окончательно превратился в узурпатора и мятежника, за что и был казнен³⁶³.

Зачастую «османский фактор» служил поводом для противостояния ханов и их наследников. Дело в том, что в Крымском ханстве существовал особый институт калга-султана — своеобразного соправителя-наследника, которого назначал хан при своем вступлении на престол, либо же после смерти или отстранения предыдущего калга-султана, но вместе с тем утверждал курултай и одобрял номинальный сюзерен — султан Османской империи³⁶⁴. Вследствие сложной политической ситуации в Крымском ханстве в результате политики взаимных уступок и компромиссов довольно часто случалось так, что калга-султаном назначался не только не тот царевич, которого хан сам желал видеть своим наследником, но и напротив — соперник монарха в борьбе за трон. Поэтому были нередки случаи, когда калга-султаны открыто выступали против своих ханов-соправителей: Ислам-Гирей — против своего дяди Сахиб-Гирея в 1532–1537 гг.³⁶⁵, Алп-Гирей — против своего брата Мухаммад-Гирея II в 1584 г.³⁶⁶, Фатх-Гирей — против своего брата Гази-Гирея II в 1596 г.³⁶⁷ и т. д. И в таком случае многое зависело от политической ориентации каждого из соперников: иногда победу одерживали лояльные к османскому сюзерену правители, иногда, напротив — те, кто выступал за большую автономию ханства.

Особенно ярко жители Крымского ханства выражали свое неприятие османских ставленников после смещения популярных ханов. Так, например, в 1683 г. был низложен один из самых любимых в Крыму ханов, Мурад-Гирей, и на трон по воле османов был возведен его двоюродный брат Хаджи-Гирей II. Подобно Саадат-Гирею I, он всячески демонстрировал лояльность по отношению

к Османской империи и к тому же лишил крымскую знать ряда привилегий, что вызвало открытое восстание против него. Восставшие созвали курултай, на котором объявили хана низложенным (причем к этому решению присоединился даже калга-султан — соправитель хана), выступили против него и заставили бежать из Крыма³⁶⁸.

Нелегитимным правителем в глазах своих подданных стал еще один крымский монарх — Кара-Девлет-Гирей, назначенный ханом по воле османских властей. Причиной его воцарения стало беспокорство Стамбула по поводу того, что в Крыму к этому времени уже несколько десятилетий у власти находилось семейство Селим-Гирея I: он сам правил четыре раза, а ему наследовали его многочисленные сыновья. Соответственно, турки опасались, что эта династия станет воспринимать Крымское ханство как свое семейное достояние и начнет подумывать об отказе от сюзеренитета Османской империи. Поэтому в 1716 г. ханом был объявлен Кара-Девлет-Гирей — старейший представитель рода, приходившийся Селим-Гирею двоюродным братом. Несмотря на то что в Крыму была официально проведена церемония избрания и интронизации хана, ни сами крымские подданные, ни ногайцы — вассалы крымских ханов — не подчинялись ему, заявляя, что с предками этого хана у них издавна были нелады и что на трон вновь следует вернуть потомство Селим-Гирея. В результате Кара-Девлет-Гирей фактически даже не успел реализовать свои властные полномочия, официально пробыв ханом не более трех месяцев³⁶⁹.

«Оборотной стороной медали» стала ситуация, когда на крымский престол возводились султаны из рода Гиреев, имевшие право на трон в силу происхождения, признанные местным населением и прошедшие официальную процедуру утверждения на курултае — но при этом не получившие одобрения со стороны сюзерена.

После признания Крымским ханством вассалитета от Османской империи еще в последней четверти XV в. установился такой порядок вступления хана на трон, при котором сначала османский султан назначал крымского монарха своим специальным фирманом-указом, а лишь затем осуществлялась официальная церемония его «избрания» и коронации в Крыму. И хотя в ряде случаев — особенно на раннем этапе османского сюзеренитета над Крымом — этот порядок представлял собой простую формальность³⁷⁰, османы порой весьма болезненно реагировали на нарушение своей прерогативы и отдавали приказ жестоко расправляться с ханами, посмевшими

«избраться» без санкции своего сюзерена. В 1523 г. после неожиданной гибели Мухаммад-Гирея I на трон Крымского ханства вступил его сын Гази-Гирей I, избранный, как положено, собранием крымской знати. Султан Сулейман I Великолепный тут же издал фирман о незаконности его избрания и назначении ханом Крыма Саадат-Гирея I (брата Мухаммад-Гирея), который по приезде в Крым немедленно приказал казнить племянника как мятежника и узурпатора³⁷¹. Та же судьба постигла еще одного хана, избранного и возведенного на трон до получения официального одобрения османского султана — Токтамыш-Гирея. В 1608 г., после смерти своего отца, знаменитого Гази-Гирея II, он был избран его преемником и поднят на белом войлоке в соответствии с тюркской кочевой традицией, причем, по некоторым сведениям, это было сделано даже на основании предварительной договоренности его отца с османскими властями. Однако султан не признал воцарения сына и продолжателя традиций довольно независимого Гази-Гирея и предпочел ему его дядю — Саламат-Гирея, который до этого много лет протомился в османской тюрьме. Объявленный незаконным правителем, Токтамыш-Гирей лишился поддержки крымской аристократии, был свергнут и убит³⁷². Неудивительно, что правление Гази-Гирея и Токтамыш-Гирея даже не нашло отражения в большинстве произведений официальной крымской историографии³⁷³. Соответственно, утверждение крымского хана с середины XVI в. превратилось из простой формальности в юридически значимый акт, и те ханы дома Гиреев, которые по-прежнему не стремились немедленно после формального избрания на курултае получить подтверждение своих прав на трон от сюзерена, могли быть обвинены в мятеже против него³⁷⁴.

Ханы-самозванцы как одно из последствий османского сюзеренитета над Крымом

В конце XVI в. одна пленная полячка (по некоторым преданиям — едва ли не из рода Потоцких) в ханском гареме родила сына, отцом которого объявила Фатх-Гирея, который в 1596 г. занимал крымский трон, но вскоре был смещен и казнен своим братом Гази-Гиреем II. Однако сам Фатх-Гирей свое отцовство отрицал и повелел отправить ребенка в Ак-Мечеть, где тот был отдан на воспитание одному из местных пастухов, за что впоследствии получил прозвище Мустафа-чобан, т. е. пастух Мустафа. Никаких попыток претендовать на родство с ханским домом он, естественно,

и не предьявлял, однако в 1623 г. хан Мухаммад-Гирей III приказал вызвать его в Бахчисарай и официально подтвердил принадлежность бывшего пастуха к роду Гиреев, повелев отныне именоваться Девлет-Гиреем. А вскоре назначил его своим нураддин-султаном — вторым наследником после калга-султана (этот пост занимал ханский брат Шахин-Гирей). Столь странные действия хана объясняются тем, что он вступил в конфронтацию со всеми остальными представителями своего семейства, которые отказались ему повиноваться, покинули ханство и пребывали при дворе османского султана. Поэтому ему практически поневоле пришлось признать своим родичем Мустафу-чобана³⁷⁵.

Впрочем, вскоре после получения поста нураддин-султана новоявленный Девлет-Гирей погиб в бою с турками, владычество которых пытался сбросить его покровитель-хан. Однако после этого невольного самозванца осталось двое сыновей, при рождении получивших имена Кул-Булад и Чул-Булад, переименованные, соответственно, в Фатх-Гирея и Адил-Гирея. Этим новоявленным царевичей остальные члены ханского семейства презрительно именовали «Чобан-Гиреями» и своими родственниками не считали. Поэтому ничего удивительного, что после свержения своего благодетеля Мухаммад-Гирея III в 1628 г. они перебрались в Османскую империю, султан которой признал их членами рода Гиреев.

А в 1666 г. Адил-Гирей, к негодованию всего крымского правящего семейства, был возведен на трон в Бахчисарае. Султан Мехмед IV назначил его ханом, тем самым показывая гордым крымским Чингизидам, что он имеет полное право даровать ханский титул кому пожелает — независимо от происхождения. Таким образом, этот предположительно самозванный Чингизид оказался на троне исключительно благодаря вмешательству влиятельной внешней силы — турецкого султана, являвшегося сюзереном Крымского ханства. Поскольку хан, чингизидское происхождение которого многими оспаривалось, занял трон исключительно по милости османского монарха, он волей-неволей должен был сохранять лояльность своему сюзерену — в отличие от природных Гиреев, имевших легитимные права на ханский титул, влиятельных сторонников и многочисленные войска в Крыму. Адил-Гирей был вынужден лавировать между своими турецкими покровителями и могущественными крымскими аристократами, но в итоге все-таки вызвал неудовольствие турецкого султана, был низложен и умер год спустя в ссылке³⁷⁶.

В заключение стоит отметить, что этот пример довольно трудно классифицировать как самозванство, поскольку претенденты на трон не предъявляли прав сами, а явились в какой-то степени разменной монетой в руках различных политических сил.

От османского сюзеренитета к российскому: особенности легитимации последних Гиреев

В 1760–1780-е гг. началась завершающая стадия борьбы Османской и Российской империй за контроль над Крымским полуостровом. Это немедленно отразилось на судьбе монархов из рода Гиреев, которые, уже привыкнув получать инвеституру из рук турецких султанов, вдруг встали перед необходимостью вступать в подобные же отношения и с российскими императорами.

Во время войны с Османской империей русские войска оккупировали практически весь Крымский полуостров и в 1771 г. организовали избрание ханом своего ставленника — Сахиб-Гирея II. Естественно, в турецких хрониках он изображен как самый настоящий предатель и узурпатор, поскольку в это время Крым формально все еще находился в вассальной зависимости от Османской империи³⁷⁷. Турецкие власти в течение всего правления Сахиб-Гирея не признавали его в качестве хана и постоянно держали при себе собственных ставленников на престол, которых следовало немедленно интронизировать по освобождению Крыма от русских войск — сначала Максуд-Гирея, затем Девлет-Гирея IV³⁷⁸.

Однако когда по итогам русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был подписан Кучук-Кайнарджийский мирный договор, в соответствии с первым пунктом которого Крымское ханство официально выводилось из-под османского сюзеренитета и признавалось независимым государством — правда, под фактическим российским протекторатом³⁷⁹. И с этого времени роли Российской и Османской империй в отношении Крыма поменялись на противоположные: теперь турецкие ставленники на крымском троне выглядели узурпаторами и мятежниками в глазах российских властей. Таким мятежником, в частности, стал Девлет-Гирей IV, который в 1775 г. согнал с трона Сахиб-Гирея и потребовал у Османской империи расторгнуть мирный договор с Россией, однако вскоре он и сам был свергнут русским ставленником Шахин-Гиреем. Аналогичным образом, в качестве мятежника и узурпатора предстал в глазах российских властей Бахадур-Гирей II, свергший с трона своего

брата Шахин-Гирея, но вскоре изгнанный им при помощи русских войск³⁸⁰.

Наконец, когда Крымское ханство в 1783 г. было официально упразднено, а его территория вошла в состав Российской империи, османы предприняли еще несколько попыток восстановления этого чингизидского государства во главе со своими вассалами-Гиреями. Османская империя объявила России очередную войну (1787–1791), во время которой претендентами на крымский престол выступали Шахбаз-Гирей и Бахт-Гирей, имевшие, в соответствии с чингизидской традицией, законные права на престол как сыновья ханов (первый был сыном Арслан-Гирея, второй — Крым-Гирея)³⁸¹. Однако поскольку победителем в войне оказалась Россия, никакие права этих претендентов не помогли им стать легитимными правителями ханства, окончательно прекратившего свое существование.

Кочевники Великой Степи — потомки мусульманского святого: религиозный фактор легитимации правителей Ногайской Орды

Для правителей Монгольской империи XIII в. было характерно отношение к религии, которое сегодня назвали бы толерантным. Хотя официальной религией Чингис-хана и его ближайших преемников было тенгрианство, ряд Чингизидов по различным причинам принимали иные религии, и это отнюдь не становилось основанием для лишения их прав на трон. Таким образом, приверженность к той или иной религии не являлась фактором ни легитимности, не делегитимации претендентов. Однако после того, как уже в конце XIII–XIV вв. три западных улуса распавшейся Монгольской империи (государство ильханов в Иране, Золотая Орда, Чагатайский улус) приняли в качестве официальной государственной религии ислам, для обеспечения наиболее полной легитимности монархов требовались не только принадлежность к «Золотому роду» и официальное избрание на курултае, но и официальное одобрение влиятельного мусульманского духовенства. В результате ослабления авторитета Чингизидов некоторые наиболее влиятельные политические деятели посчитали, что последнего фактора может оказаться вполне достаточно, чтобы предъявить претензии на трон и ханский титул в ущерб Чингизидам. При этом, как отметил в свое время еще В. В. Бартольд, чингизидский (генеалогический)

и мусульманский (религиозный) факторы легитимации зачастую использовались одновременно, обеспечивая законность прав на престол тех правителей и династий, которые в силу происхождения или способа прихода к власти не могли считаться легитимными³⁸². В результате сочетания этих факторов порой порождали весьма причудливые формы претензий на верховную власть.

На рубеже XIV–XV вв. всесильный золотоордынский временщик Идигу (Едигей русских летописей) положил начало формированию собственного автономного улуса — Мангытского юрта, впоследствии трансформировавшегося в Ногайскую Орду. Лишь номинально признавая власть золотоордынских ханов, Идигу и его потомки фактически являлись самостоятельными правителями, собирая в свою пользу налоги, формируя собственные войска и выбирая собственных правителей — биев.

Претендовать на равный с золотоордынскими ханами статус ногайские правители не могли, поскольку не имели возможности противопоставить их чингизидскому происхождению равное основание на власть. Идигу был женат на Джаныке, дочери или сестре хана Токтамыша, своего сначала соратника, а потом и злейшего врага, и, соответственно, имел право на статус гургана, но это мало что значило. По какой-то причине в Улусе Джучи (в отличие от Чагатайского улуса) титул ханских зятьев не пользовался особой популярностью, и мужья ханских дочерей в источниках обычно не фигурировали. Даже знаменитый временщик Мамай, будучи женат на дочери хана Бердибека, не использовал это родство как козырь в борьбе за власть, предпочитая демонстрировать лояльность к дому Бату и опираться на собственную военную силу.

Кроме того, хотя средневековый автор Абд ар-Раззак Самарканди упоминает о том, что от Джаныке у Идигу родился сын по имени Султан-Махмуд³⁸³, о его деятельности нет никаких упоминаний: вполне вероятно, что он не пережил своего отца. Таким образом, претендовать на верховную власть, ссылаясь на родство с ханским семейством, Идигу и его потомки не могли³⁸⁴. Поэтому им было нужно иное основание, которое и было найдено.

Согласно степным преданиям, когда Нур ад-Дин, старший сын Идигу, убил хана Токтамыша (это случилось в 1406 или 1407 г.), его стали упрекать в посягательстве на жизнь представителя «Золотого рода». В ответ на эти упреки Нур ад-Дин заявил, что он сам имеет не менее знатное и благородное происхождение, являясь потомком Баба-Туклеса — под этим именем в Дешт-и Кипчаке фигурировал

почитаемый в степи проповедник Ходжа-Ахмад, в свою очередь, возводивший родословную к первому арабскому халифу Абу Бакру, тестю пророка Мухаммада³⁸⁵.

Однако для того, чтобы это происхождение (естественно, вымышленное) вызывало не меньшее уважение, чем генеалогия Чингизидов, необходимо было усилить значение самих мусульманских ценностей и, соответственно, роль святителей. Несмотря на усилия сначала Берке в середине XIII в., а затем и хана Узбека в первой половине XIV в., население Золотой Орды не слишком активно принимало ислам — особенно обитатели восточного крыла государства Джучидов. Вероятно, это и послужило причиной активной исламизации Золотой Орды самим Идигу, о чем сообщают как восточные, так и западные источники³⁸⁶.

Соответственно, у потомков Идигу появилось новое основание для борьбы за власть: амбициозных мангытов уже не устраивал даже тот факт, что они стали бессменными бекляри-беками при ханах-Чингизидах. Согласно эпосу «Идегей», уже Нур ад-Дин стал требовать от отца, чтобы тот либо сам стал ханом, либо возвел на престол его, Нур ад-Дина³⁸⁷. Аналогичным образом, в одном татарско-ногайском шеджере ханом также назван бий Муса³⁸⁸, фигурирующий в исторических сочинениях с довольно-таки неопределенным титулом «Хаким Дешт-и Кипчака»³⁸⁹. Но это — эпические произведения, к информации которых следует относиться с осторожностью.

А единственная попытка присвоения ногайским правителем ханского титула датируется весной или летом 1537 г. — это сообщение бия Сайид-Ахмада в послании великому князю московскому, что он сел «во цареву место», т. е. фактически приравнял себя по статусу к ханам-Чингизидам, попытавшись ввести также и соответствующую иерархию, распределив между родственниками посты калги, бекляри-бека и пр. Однако его претензий на равенство ханам из «Золотого рода» никто из государей не признал, поэтому уже осенью того же 1537 г. Сайид-Ахмад вернулся к практике подставных ханов и возвел на трон некоего Хан-Булата³⁹⁰. Надо думать, что претендент на престол счел свое положение достаточно устойчивым, поскольку к этому времени потомки Идигу укрепили созданную при нем легенду о своем происхождении от почитаемого мусульманского святителя браками с представительницами сословия сайидов — потомков пророка Мухаммада по линии его дочери Фатимы³⁹¹.

Соответственно, статус ногайских правителей в Дешт-и Кипчаке постоянно возрастал: со временем потомков Идигу стали именовать не просто биями, а улу-биями, т. е. великими князьями, или даже титулом «бий-хазрат», весьма удачно переводимым русскими толмачами как «княжое величество»³⁹². Имеются основания полагать, что ногайские правители претендовали на статус ханских соправителей и в Казанском ханстве³⁹³. Однако они так и не смогли в полной мере использовать свое мнимое происхождение от мусульманского святого (а позднее — и реальное родство с почитаемыми мусульманскими религиозными деятелями) для закрепления за собой ханского титула и были вынуждены продолжать практику возведения марионеточных ханов, которые в русских источниках нередко именовались «ногайскими ханами».

Таким образом, хотя ногайские правители и использовали религиозный фактор в качестве обоснования своей власти, до середины XVI в. они оставались «вписанными» в чингизидскую систему политико-правовых отношений, поддерживая различных претендентов на трон из «Золотого рода» и становясь при них бекляри-беками. Эта практика имела два важных следствия. Во-первых, не противопоставляя себя другим постордынским государствам как чуждое, базирующееся на других основаниях, Ногайская Орда получила возможность вмешиваться в дела различных чингизидских улусов — от Большой Орды и Крымского ханства на западе до Синей Орды («государства кочевых узбеков») и Казахского ханства на востоке. Во-вторых, статус бекляри-беков создавал определенные гарантии политической устойчивости ногайских биев. Приобретая его, они, с одной стороны, были защищены от обвинений со стороны Чингизидов в посягательстве на верховную власть, с другой — имели определенное преимущество и перед собственными родственниками — ногайскими мурзами, которые, происходя (как и бии) от Баба-Туклеса, формально имели те же права на трон Мангытского юрта, но, не будучи беклярибеками кого-либо из ханов, лишались некоторых преимуществ в борьбе за этот трон³⁹⁴.

Думаем, во многом это связано с особенностями религиозной ситуации в Улусе Джучи: хотя ислам и стал его официальной государственной религией, многие регионы в течение долгих веков отличались «религиозным индифферентизмом». Поэтому претендентам на власть, опиравшимся на религиозный фактор, приходилось комбинировать его с некоторыми чингизидскими политико-правовыми средствами, в свою очередь, опиравшимися на старинные.

еще доимперские традиции управления и права кочевых племен Евразии, а потому более привычные, доступные и убедительные для кочевых подданных «новых» монархов.

Ханские наместники или узурпаторы? Проблема статуса сибирских «князей» Тайбугидов

На рубеже XV–XVI вв. произошел государственный переворот в Тюменском юрте, в результате которого в 1495 г. был убит один хан-Шибанид, Сайид-Ибрахим (Ибак), затем пару лет спустя таинственно скончался его преемник Мамук, и, наконец, взошедший на престол Кулук(Кутлук)-султан сначала остался фактически без власти, а затем был вынужден удалиться в Бухарское ханство, к своим дальним родственникам — Шайбанидам. Этот переворот связывают с деятельностью клана местных сановников Тайбугидов, которые и стали новыми правителями. Если вспомнить, какую политику вели вышеназванные ханы, то становится очевидным, что приход к власти Тайбугидов также является ответом на имперские амбиции ханов-Чингизидов в новых условиях: Ибак в 1480–1490-е гг. неоднократно пытался занять трон Золотой Орды, а Мамук и Кулук-султан совершали походы на Казань, соответственно, в 1496 и 1505 гг., причем действия этих ханов были неудачны. В результате влиятельные представители региональной элиты стали тяготиться постоянными внешнеполитическими авантюрами своих монархов, стоившими многочисленных людских и материальных затрат — да еще и авантюрами неудачными, так что затраты даже не могли компенсироваться богатой добычей. Соответственно, выступив поборниками интересов родной страны, они свергли и изгнали непопулярных ханов, ставивших собственные амбиции выше интересов подданных.

Некоторые авторы полагают, что Тайбугиды не претендовали на верховную власть над Сибирью. Во-первых, еще в первые десятилетия XVI в. (т. е. уже после вышеописанного переворота), согласно источникам, Шибаниды продолжали пребывать в своих тюменских владениях. Во-вторых, узурпация Тайбугидов ставится под сомнение еще и потому, что они так и не приняли ханского титула, довольствуясь статусом «князей» (беков). Соответственно, сторонники такой концепции приходят к выводу, что Тайбугиды в течение всего своего правления формально являлись лишь бекляри-беками при хана-Шибанидах — хотя и с довольно широкими

полномочиями и, возможно, при отсутствии ханов в самой Сибири³⁹⁵. Однако некоторые их дальнейшие действия заставляют предполагать, что Тайбугиды все же решились именно на узурпацию.

Прежде всего, уже в 1530-е гг. никаких ханов-Шибанидов в Сибири, согласно источникам, уже не было, а сибирские «князья» в течение нескольких поколений передавали верховную власть в своем роду по наследству — как самостоятельные монархи³⁹⁶. Кстати, именно в правление Тайбугидов за Тюменским юртом закрепляется название Сибири, что, возможно, как раз и связано со сменой династии и переносом столицы из Чинги-Туры (совр. Тюмень) в Искер, другим названием которого и было «Сибирь»³⁹⁷.

Кроме того, именно в правление Тайбугидов начинают формироваться легенды, призванные обосновать их право на верховную власть. Не имея оснований связать свое происхождение с Чингисханом и его родом, сибирские «князья» стали заявлять, что их родоначальник Тайбуга был одним из ближайших сподвижников Чингисхана и получил право на управление Сибирью непосредственно от него, что, безусловно, являлось сильным доводом в борьбе за власть с другими сибирскими аристократическими родами. Не довольствуясь этим, Тайбугиды возвели свою родословную к некоему хану Онсому, правившему Сибирью еще до Чингисхана, который впоследствии убил его сына Иртышака. Именно от Иртышака и происходил Тайбуга, давший имя династии³⁹⁸. Таким образом, не принимая ханского титула официально, Тайбугиды «намекали» на свое ханское происхождение, неслучайно в русских летописях правители Сибири из этой династии именуются то «князьями», то «царями»³⁹⁹.

Наконец, «князья» проводили совершенно самостоятельную внешнюю политику. В 1555 г. Едигер Тайбугид отправил в Москву посольство, предлагая признать вассалитет от царя Ивана IV и платить ему дань. Предложение было принято, причем Иван Грозный пожаловал сибирскому правителю не просто грамоту, а именно ярлык — т. е. ханский указ нижестоящему лицу⁴⁰⁰. С одной стороны, конечно, признание вассалитета и принятие ярлыка свидетельствует о том, что Едигер не считал себя полностью суверенным государем⁴⁰¹. Однако с другой стороны сам факт перехода в подданство другого монарха без учета мнения Шибанидов, на наш взгляд, полностью опровергает мнение о том, что Тайбугиды хотя бы номинально сохраняли лояльность Чингизидам и не претендовали на верховную власть в сибирском регионе.

Естественно, в глазах ханов-Шибанидов новые сибирские правители являлись узурпаторами власти, мятежными подданными. А переговоры Едигера с Москвой, вероятно, подорвали репутацию «князей» в глазах их приверженцев: теперь и сами Тайбугиды, подобно свергнутым ханам, могли быть обвинены в нарушении и даже предательстве интересов региона! Воспользовавшись этой ситуацией, бухарские Шайбаниды, будучи старшими родственниками свергнутых сибирских ханов, оказали им поддержку войсками и оружием, что позволило Шибанидам в лице Кучума и его брата Ахмад-Гирея в течение 1555–1562 гг. разгромить и уничтожить Тайбугидов, восстановив на троне законную династию⁴⁰².

«Ханы» Башкирии XV–XVI вв.

По вполне понятным причинам не нашли отражения в придворной историографии какого-либо чингизидского ханства события в XV–XVI вв. в Башкирии. А между тем, по некоторым сведениям, представители местной элиты не просто желали отделить свой регион от чингизидских владений, но и сами неоднократно предъявляли претензии на трон. Причина их действий — та же самая, что заставила активизироваться региональных лидеров в Иране и Золотой Орде: их не устраивала постоянная смена ханов, постоянный переход власти над их регионом из одних рук в другие и, как следствие, радикальные смены политического курса и репрессии против тех представителей знати, которая поддерживала предыдущий «режим». Сведения о таких правителях сохранились лишь благодаря башкирскому эпосу, преданиям, а также шежере — родословным, передававшимся из поколения в поколение⁴⁰³.

Согласно мнению некоторых исследователей истории Башкирии, в XV — начале XVI вв. на ханский титул предъявляли претензии, в частности, Бачман (Южная Башкирия, последняя четверть XV в.), Алтакар, победивший и убивший его после длительной борьбы, а в районе современной Уфы в то же время правил Тура-хан (Ураз-хан), упоминаемый в источниках как брат Бачмана, который тоже был убит «между теми же замешаниями»⁴⁰⁴. Ряд авторов предполагает ногайское происхождение упомянутых «ханов»⁴⁰⁵, другие считают, что они могли принадлежать к кипчакским родоплеменным образованиям⁴⁰⁶. В некоторых работах высказывались предположения даже о чингизидском происхождении этих правителей⁴⁰⁷. На наш взгляд, однако, следует согласиться

с мнением, что эти башкирские претенденты на власть, упоминаемые в преданиях и шежере, не имели четких реальных прототипов, а представляли собой некие собирательные образы⁴⁰⁸. В первой половине XVI в. власть перешла к другим правителям, которые уже более четко идентифицируются, благодаря указаниям летописных сочинений и актовых материалов. Сначала это был «Акназар-султан» (или хан), затем — «Исмаил-хан», которых В. В. Трепавлов с полным основанием отождествляет, соответственно, с будущим знаменитым казахским ханом Хакк-Назаром и будущим не менее знаменитым ногайским бием Исмаилом, отметив при этом, что оба они (равно как и их преемники — Ахмад-Гирей-султан, Динбай-мурза и др.) являлись наместниками Ногайской Орды в Башкирии⁴⁰⁹.

В эпитафических памятниках и шежере эти правители фигурируют либо как ханы, либо как «улуг-бии»⁴¹⁰. Нетрудно увидеть в этой титулатуре «перекличку» с золотоордынской и постордынской традицией: называя себя ханами, башкирские предводители бросали вызов потомкам Джучи, постоянно сменявшим друг друга в борьбе за владения в Поволжье и Приуралье, а принимая титул «улуг-биев» — соответственно, правителям Ногайской Орды, потомкам Идигу, не менее активно стремившимся установить контроль над Башкирией.

Собственно говоря, нет уверенности, что появление башкирских «региональных» ханов в XV–XVI вв. — реальный факт, а не позднее созданный миф, игравший идеологическую роль в последующих антироссийских движениях в Башкирии в XVII–XVIII вв. Причем стоит отметить, что даже во время восстаний XVII–XVIII вв. башкиры не выдвигали из своей среды ханов, а приглашали Чингизидов из других государств — Казахского ханства, сибирских «бродячих царевичей» (потомков разгромленного при Иване Грозном и его сыне Федоре хана Кучума), представителей «Золотого рода» из Каракалпакии и т. д. Ряд историков вообще не упоминает о деятельности таких ханов, полагая, что в рассматриваемый период власть над Башкирией принадлежала тюменским (сибирским) ханам-Чингизидам — потомкам Шибана, которые в той или иной степени делили ее с ногайскими мурзами, закрепляя свои позиции в Поволжье и Приуралье брачными узами с представительницами ногайского правящего семейства⁴¹¹. Другие полагают, что предводители «башкирских конфедераций» могли существовать и играть определенную политическую роль, однако выражают

сомнения в том, что они обладали ханскими титулами⁴¹². Высказывалось также мнение, что деятели, впоследствии упоминаемые в шежере как ханы, в свое время были всего лишь влиятельными родоплеменными предводителями и занимали позиции карачи-беев в сановной иерархии Казанского ханства, т. е. были вполне лояльны ханам-Чингизидам⁴¹³. Тем не менее в рамки выявляемой нами тенденции возможность существования таких узурпаторов вполне укладывается. Как, собственно, и упомянутая замена самозванных «ханов», не имевших права на этот титул в силу происхождения, более легитимными правителями — заместителями чингизидского (Хакк-Назар, Ахмад-Гирей) и маньтского (Исмаил, Динбай и др.) происхождения. Аналогичная ситуация имела место, например, в Чагатайском улусе, который после длительного правления узурпаторов-Тимуридов был вновь возвращен под власть потомков «Золотого рода» из золотоордынской династии Шибанидов.

«Приглашенные» монархи: сибирские и казахские Чингизиды в Башкирии XVII–XVIII вв.

Переход Башкирии под власть московских князей, а затем царей повлек коренную перестройку системы управления, а главное — установление налогов, сборов и повинностей, заселение башкирских земель русскими служилыми людьми, крестьянством и даже монастырями⁴¹⁴. Конечно, не стоит идеализировать государственное устройство и социально-экономический строй башкир в период чингизидского и ногайского владычества, однако прежние правители все же были ближе к башкирским политическим, экономическим, религиозным традициям, нежели новые власти. Поэтому неудивительно, что с сер. XVII в. в Башкирии началась целая серия восстаний, продолжавшихся в общей сложности более столетия. Восстания эти в отечественной историографии трактовались как национально-освободительные движения, однако нельзя отрицать, что башкиры не только стремились освободиться от русского владычества, но и предпринимали попытки восстановления прежнего государственного устройства и правления. На это указывает тот факт, что во время восстаний в Башкирию в качестве предводителей восставших неоднократно приглашались Чингизиды, признававшиеся башкирами в качестве ханов либо же, как мы увидим ниже, выдававшие себя за них самозванцы.

Ни для кого, включая самих провозглашенных ханов, не было секретом, что их роль чаще всего бывала номинальной, а реальной властью над восставшими и находившимися под их контролем регионами обладали представители башкирской знати. Более того, соглашаясь даже номинально стать во главе восстания, эти ханы автоматически становились мятежниками и узурпаторами в глазах русских властей, в подданстве которых с сер. XVI в. находилась Башкирия. Тем не менее многие представители «Золотого рода» соглашались на предложение башкир, поскольку видели возможность либо, однажды приняв ханский титул, бороться за него в дальнейшем уже и в других постордынских землях либо же (если они к этому времени уже считались ханами) присоединить Башкирию к своим владениям.

Так, во время восстаний в середине XVII в. восставшие башкиры делали ставку на потомков сибирского хана Кучума, разгромленного в конце XVI в. московскими войсками. Его потомки до 1670-х гг. старались вернуть себе трон Сибирского ханства, поэтому их враждебность по отношению к Москве, несомненно, выглядела привлекательным качеством претендентов в глазах башкир. Кроме того, выбор именно Кучумовичей как номинальных предводителей восстаний мог объясняться рядом политико-правовых факторов, благодаря которым обосновывалась легитимность сибирских Шибанидов как законных ханов в Башкирии. Тут могло учитываться и то, что их предки (правда, не прямые) владели тронем Золотой Орды и в качестве таковых являлись правителями всего Поволжья, в том числе и Башкирии — Хызр, Тимур-Ходжа, Мюрид, Азиз-Шейх, Пулад, Ильбек, Каганбек, Арабшах. В конце XV — начале XVI вв. на трон Золотой Орды и Казанского ханства претендовали уже прямой предок Кучумовичей — Ибак (дед Кучума) и его братья — Мамук и Агалак. Наконец, в 1540-е гг. наместником ногайских властей в Башкирии являлся Ахмад-Гирей — старший брат Кучума⁴¹⁵. Являясь, таким образом, потомственными наследниками ханского трона, Кучумовичи обладали в глазах башкирских родоплеменных вождей и еще одним ценным свойством: они не имели тесных связей с Башкирией, не могли опереться на какие-либо местные силы и, следовательно, в случае провозглашения их ханами всецело зависели бы от тех, кто их поддерживал.

Впрочем, следует отметить, что и в Башкирии далеко не все восставшие готовы были признавать именно потомков Кучума в качестве своих предводителей. Так, например, в 1663 г. во время

очередного антимосковского восстания башкиры Сибирской дороги призвали Кучука, правнука Кучума, тогда как башкиры Ногайской и Казанской дорог обратились за поддержкой не к Кучумовичам, а к калмыкам Шукур-Дайчина и Аюки⁴¹⁶. Тем не менее значительная часть башкир с готовностью признавала претензии на ханскую власть сыновей и внуков Кучума. Правда, был ли их статус монархов официально закреплен церемонией интронизации именно в Башкирии, сведений не имеется. Вполне возможно, что башкиры признавали Кучумовичей ханами по итогам их интронизации в самой Сибири, где они могли формально проводить курултаи, на которых официально возводились в ханское достоинство.

Таким образом, в глазах башкир сибирские Шибаниды в течение длительного времени оставались наиболее легитимными претендентами на ханский трон. Обращение башкирских вождей к другим восточным монархам — казахским, каракалпакским или ойратским ханам — началось только после того, как Кучумовичи сошли с политической сцены.

Поскольку башкирские восстания закачивались поражениями, мы не можем судить о том, в какой форме башкиры представляли себе положение ханов-Кучумовичей в случае создания независимого государства. Однако есть основания полагать, что о сильной ханской власти речи не шло: башкирские феодалы, несомненно, намеревались сохранять сильную политическую власть и влияние при номинальных ханах, которые, как уже отмечалось, не имели тесных связей и твердой опоры в Башкирии. Именно это, скорее всего, и послужило причиной того, что башкиры столь длительное время последовательно поддерживали «сибирских претендентов» на ханский трон.

Башкирское восстание 1704–1711 гг., названное по именам его главных вождей Алдар-Кусюмовским, характеризовалось активным участием в нем истинных и мнимых Чингизидов (последним посвящен следующий раздел настоящей главы). В начале восстания в Башкирию были приглашены казахские ханы Батыр (некоторые исследователи отождествляют его со знаменитым ханом Тауке — фактически последним ханом всех трех казахских жузов), Зангир и Оболгаир (которого, вероятно, можно отождествить с известным впоследствии казахским ханом Младшего жуза Абу-л-Хайром — тем самым, который первым из казахских ханов принял русское подданство⁴¹⁷). Кроме того, в 1708 г. среди предводителей восстания упоминался некий Хази (Хаджи?), считавшийся потомком Кучума:

восставшие имели грандиозные планы по захвату Казани и возведению Хази на трон вновь создаваемого ханства⁴¹⁸.

В некоторых случаях башкиры обращались не только к сравнительно близким в географическом положении сибирским Шибанидам, но и более «дальним» государям. Так, во время восстания 1704–1711 гг. восставшие обратились за поддержкой к крымскому хану, что не могло не обеспокоить Москву⁴¹⁹. Во время восстания 1735–1739 гг. в Башкирии вновь оказался казахский хан Абу-л-Хайр, правитель Младшего жуза. Уже около пяти лет считавшийся подданным российских императоров, он появился в Башкирии в 1736 г. под предлогом оказания помощи русским в подавлении волнений⁴²⁰. Однако, связанный с башкирской знатью узами родства (одна из жен Абу-л-Хайра была башкиркой), на самом деле хан имел намерение сделать башкирским ханом своего сына Ходжа-Ахмада⁴²¹. Учитывая его статус российского подданного (причем крайне ненадежного!), имперские власти не сочли возможным воздействовать на него силой оружия, и поэтому начальнику оренбургской пограничной комиссии В. Н. Татищеву пришлось применить все свои дипломатические способности, чтобы убедить хана вернуться в Казахстан. Тем не менее годом позже Абу-л-Хайр вновь появился в Башкирии, на этот раз намереваясь стать башкирским ханом лично. Только летом-осенью 1738 г. после долгих переговоров и ряда политических уступок В. Н. Татищеву вновь удалось убедить Абу-л-Хайра покинуть Башкирию, да еще и оставить Ходжа-Ахмада в Оренбурге в качестве аманата, т. е. заложника⁴²².

Самозванцы в башкирских восстаниях первой половины XVIII в.

Среди претендентов на власть над Башкирией в рассматриваемый период были не только те представители ханского рода, в происхождении (и, соответственно, законности прав на трон) которых приглашавшие их башкирские вожди были уверены. Во время восстаний XVIII в. и в этом регионе имели место случаи самозванства.

В 1707–1708 гг. одним из предводителей восставших являлся некий Мурат Кучуков, являвшийся, согласно расследованиям российских чиновников, уфимским уроженцем, т. е. башкиром, и одним из реальных руководителей восстания⁴²³. Однако чтобы усилить свое влияние по сравнению с другими вождями восставших.

он стал выдавать себя за царевича-Чингизида под именем Султан-Мурада или Султан-Хаджи.

Интересно отметить, что, похоже, сами башкиры не очень-то понимали, на родство с какой ветвью «Золотого рода» претендовал самозванец. По одним данным, он выдавал себя за сына сибирского царевича Кучука — последнего потомка Кучума, предъявлявшего претензии на трон Сибирского ханства⁴²⁴. Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что он претендовал на связь с северокавказской ветвью крымского правящего рода Гиреев⁴²⁵. Наконец, по еще одной версии он считался сыном каракалпакского (т. е. представителя одной из ветвей казахских Чингизидов) хана Кучука⁴²⁶. К тому же, окончательно запутывая и самих участников восстания, и следствие, начавшееся после его подавления, он именовал себя «прямым башкирским салтаном», кроме того, среди восставших стали распространяться слухи, будто он еще и святой, а видеть его могут лишь наиболее высокопоставленные вожди восставших⁴²⁷.

Самозванец вел активную дипломатическую деятельность, стараясь привлечь к участию в восстании народы Северного Кавказа (добываясь и их признания его власти как потомка Чингис-хана), а также вел переговоры с Крымским ханством и Османской империей о переходе башкир в их подданство. Однако его сомнительный статус вызвал настороженное отношение со стороны этих монархов, и его поездки в Бахчисарай и Стамбул оказались неудачными. А по возвращении он потерпел поражение в бою с русскими войсками, был ранен, взят в плен и казнен в Казани⁴²⁸.

Одним из наиболее ярких и нетипичных, на наш взгляд, примеров самозванства является башкир Миндигул Юлаев, более известный под прозвищем Карасакал, т. е. «чернобородый»⁴²⁹. На протяжении ряда лет он умудрялся выдавать себя за двух разных претендентов на трон, причем сначала — за Чингизида, а потом — за представителя джунгарского ханского семейства!

Его карьера началась в 1739 г. во время очередного башкирского восстания, когда он объявил себя ханом Султан-Гиреем. Причем, как и его предшественник Мурат Кучуков, также весьма неопределенно отсылался о своем происхождении, называя себя потомком то крымского ханского рода, то сибирского хана Кучума⁴³⁰. Подобно тому же Мурату Кучукову, он старался использовать свое «происхождение» для укрепления власти над восставшими, а также для привлечения к антироссийскому восстанию тюркских народов Крыма, Кавказа, Кубани, а также казахов. При этом для нахождения

общего языка с представителями разных народов он и самого себя называл то кубанцем, то «турченином», то ногайцем, демонстрировал хорошее знание основ ислама, а также личную храбрость.

Восстание в Башкирии было подавлено в 1739 г., однако сам Карасакал со своими сторонниками оказывал имперским войскам сопротивление еще и в следующем году, продолжая находить приверженцев — несмотря на то что русские власти достаточно быстро установили его подлинное имя и распространяли эту информацию среди башкир, призывая не поддаваться на посулы самозванца⁴³¹. Тем не менее под натиском превосходящих сил противника он все же был вынужден скрыться и найти убежище в казахском Младшем жузе — у уже неоднократно упоминавшегося хана Абу-л-Хайра. И вот тут-то он примерил на себя другую ипостась — уже не султана-Чингизида, а ойратского князя Лубсан-Шоно. Однако поскольку этот этап его деятельности больше относится к истории монгольских ханств, мы подробнее рассмотрим его в соответствующей главе.

Трудно определить причину, по которой самозванные претенденты на трон выдавали себя за правителей, никогда не существовавших. Вряд ли они и поддерживавшие их влиятельные деятели слишком плохо разбирались в генеалогии Чингизидов. Скорее, напрашивается обратное объяснение: они прекрасно разбирались в семейных взаимоотношениях «Золотого рода», отлично знали, кто из его представителей жив, кто умер, чтобы рисковать, выдавая претендента за лицо, о смерти которого было известно. Принимая во внимание разнообразие семейных связей (взятие в жены вдов и, соответственно, усыновление их детей от предыдущего брака, признание законными детей от наложниц, усыновление дальних родственников бездетными владельческими Чингизидами и т. д.⁴³²), можно было надеяться, что население с доверием примет информацию о ранее неизвестном потомке Чингис-хана и поддержит его претензии на власть.

Самозванцы из постордынских государств без претензий на трон: мнимые Чингизиды на московской службе

Обратившись к жизнеописаниям самозванцев в мировой истории, мы обнаружим, что с течением времени все больше из них затевало свои авантюры не для того, чтобы вести кровопролитную

борьбу за власть, а чтобы добиться внимания, привлечь к себе интерес, богатых покровителей и в конечном счете разбогатеть, вести безбедное существование. Эта тенденция вполне логична и объяснима: ведь борьба за трон чаще всего кончалась разоблачением и гибелью претендента либо его казнью как государственного преступника. Если же целью самозванства было всего лишь «вытрясти» немного денег из доверчивых жертв, то такое деяние рассматривалось не более чем мошенничество и грозило в худшем случае тюремным заключением, а то и вообще принуждением вернуть полученное. В качестве примеров можно привести многочисленных претендентов на роль «чудесно спасшегося» французского короля Людовика XVII (на самом деле умершего в тюрьме в годы Великой Французской революции), лже-потомков Николая II, «экзотических» самозванцев — «индейского принца» Елеазара Уильямса, Джорджа Салманазара, «принцессу Карабу» и пр.⁴³³

Конечно, в отличие от «цивилизованной» и «меркантильной» Европы, в тюрко-монгольских государствах главной целью самозванцев оставалась борьба за власть: претенденты на ханские троны не так дорожили жизнью и стремились к богатству, как их западные «коллеги». Однако в ряде случаев мы с удивлением наблюдаем, что и лже-Чингизиды порой демонстрировали похвальный практицизм и довольствовались улучшением своего материального положения, отказываясь от рискованной борьбы за власть.

Большое количество самозванцев, предпочитавших «хождению во власть» увеличение собственного благосостояния, объявилось среди татарской служилой аристократии в Московском государстве. Первым исследовал этот феномен на основе исторических источников А.В. Беляков, назвавший таких авантюристов «ложными Чингисидами», хотя (как он сам отмечает) факты подобного самозванства фиксировались историками и ранее.

Оказывается, целый ряд татарских дворянских родов и даже, как ни странно, не только татарских, в XVI и особенно XVII вв. претендовал на происхождение от Чингис-хана. Так, род Аничковых считал своим предком некоего царевича Береке, якобы выехавшего на службу еще к Ивану Калите в первой трети XIV в. и крестившегося под именем Аникея. Дворянские роды Серкизовых и Старковых считали себя потомками ордынского царевича, выехавшего из Золотой Орды на службу к Дмитрию Донскому; претендовали на «царское» (т. е. ханское) происхождение рязанские роды, возводящие генеалогию к миру Салахмиру, — Крюковы, Шишкины,

Апраксины, Дувановы, Хитрово и др. Род Мустафиных позиционировал себя как потомков астраханского царевича Муртазы б. Мустафы, жившего в конце XVI в. Род Тевкелевых, давший России несколько видных военных деятелей и дипломатов, также заявлял о своем чингизидском происхождении, выдумав для этого некоего царевича Девлет-Мухаммада, якобы являвшегося сыном касимовского хана начала XVII в. Ураз-Мухаммада. Род Чанышевых также выдумал себе предка — некоего Алтун-хана. Род Булатовых считал своим предком Якуба, сына первого казанского хана Улуг-Мухаммада и т. д.⁴³⁴.

Но самое удивительное, что на происхождение от чингизидских правителей претендовали некоторые княжеские и боярские роды, которые, судя по родословным, вообще не были татарскими по происхождению! Так, например, роды Булгаковых, Голицыных и Куракиных называли в качестве своего предка некоего Ивана Ивановича Шею-Булгака, представителя золотоордынского ханского рода, выехавшего в начале XV в. на службу к великому князю рязанскому Олегу Ивановичу. А между тем, согласно родословцам российского дворянства, эти семейства вообще относились к Гедиминовичам, т. е. являлись потомками литовского великокняжеского рода⁴³⁵!

При этом ни один из этих служилых родов, претендовавших на чингизидское происхождение, никогда не предъявлял претензий на троны постордынских государств, тем более, что после присоединения к Москве Казанского, Астраханского и Сибирского ханств такие требования были бы бессмысленны. Не пытались они и использовать чингизидское происхождение для повышения своего значения в политической жизни Московского государства. Зачем же в таком случае они вообще шли на такие фальсификации, давая повод уличить себя в самозванстве?

Дело в том, что в рамках действовавшей в Московском царстве системы местничества высокое происхождение давало право на получение, соответственно, и высоких придворных должностей, которые являлись весьма выгодными синекурами: выполняя необременительные обязанности при царе, их обладатели могли рассчитывать на крупное жалование, обладание богатыми земельными владениями, получение дополнительных почестей, льгот и привилегий. Это-то и интересовало тех, кто в XVI–XVII вв. пытался выдавать себя за потомков «Потрясателя Вселенной»: Чингизиды в местнической системе занимали очень высокое положение, выше

них были только сами цари и члены их семьи, равными им — представители родовитого московского дворянства, знатные иноземцы, остальные боярские и княжеские роды (включая удельных Рюриковичей и Гедиминовичей) были гораздо ниже⁴³⁶. Соответственно, признание того или иного рода чингизидским позволяло надеяться на получение самых престижных придворных должностей, самых высоких больших вознаграждений, самых обширных вотчин и поместий. О том, чтобы добиваться влияния, благосостояния и уважения собственными заслугами выходцы из Золотой Орды и постордынских ханств в это время уже не думали⁴³⁷.

Как же эти самозванцы рассчитывали убедить московские власти в своем чингизидском происхождении? По-видимому, они делали ставку на то, что многие чингизидские родословные (шежере) могли исчезнуть — погибнуть сначала в результате завоевания постордынских юртов Московским царством, а затем и в самой Москве во время Смутного времени. Ведь известно, что как раз после Смуты, пользуясь гибелью документальных архивов, многочисленные худородные и мелкопоместные дворяне, а иногда даже — простолюдины и холопы — записывали себя в боярские и дворянские списки как представителей знатных родов, и зачастую их было невозможно уличить в фальсификации. По-видимому, на такие же подделки шли и претенденты на родство с Чингизидами.

Однако происхождение от Чингис-хана было слишком высоким и потому слишком заметным, чтобы подобные аферы прошли незамеченными — подобно мнимому дворянству или фальшивому боярству. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось, Чингизиды весьма тщательно сохранили свои генеалогии от поколения к поколению, помнили многие поколения своих предков и сложные семейные связи между разными ветвями «Золотого рода». Таким образом, им даже не нужны были документы, чтобы понять, является ли претендент настоящим потомком Чингис-хана или же самозванцем.

Тем не менее этот пример самозванства представляется интересным и необычным, так как позволяет проследить, как со временем менялись представления тюрко-монгольской знати о прерогативах и возможностях, которые давала принадлежность к «Золотому роду». Если раньше, претендуя на родство с Чингизидами, можно было надеяться при удаче занять ханский трон, теперь же такие претензии ограничивались желанием получения жалований и поместий, содержания и пр.

ГЛАВА 6

КАЗАХСТАН XVIII — НАЧАЛА XX вв.

Формально являясь одним из наследников Золотой Орды, Казахское ханство очень быстро приобрело значительное влияние в центральноазиатском регионе, активно участвуя в политической жизни не только Дешт-и Кипчака, но и ханств Средней Азии, взаимодействуя с монгольскими государствами, Могулистаном, а со временем — и с Китаем. Соответственно, в борьбе за власть над казахами у претендентов появились новые основания для претензий на трон, в результате чего в политическую борьбу в Казахстане активно включились такие могущественные государства, как ойратское ханство Джунгария, империя Цин, Хивинское и Кокандское ханства, Бухарский эмират и, наконец, Российская империя, в состав которой в конечном счете и вошел Казахстан.

Принятие казахами российского подданства и его последствия для претендентов на трон

Казахстан попал в вассальную зависимость от России в 1731 г.⁴³⁸. Как известно, первым казахским ханом, который извлек желание принять российский сюзеренитет, стал Абу-л-Хайр, хан Младшего жуза. Причем он не делал тайны из причин такого решения: при поддержке Российской империи он надеялся укрепить свою власть над казахами всех трех жузов. Почему же его власть нуждалась в поддержке могущественной «третьей силы»?

Дело в том, что он происходил от Усека, девятого сына Джанибека, одного из основателей Казахского ханства, жившего во второй половине XV в., и был первым ханом в своем роду. Другие же казахские ханы принадлежали к более старшим ветвям потомства Джанибека и нередко наследовали власть из поколения в поколение. Соответственно, Абулхайр, несмотря на собственные несомненные таланты военачальника и правителя, властность, энергичность и амбиции, воспринимался ими как не вполне достойный власти над всеми казахскими жузами, племенами и родами.

Наиболее последовательным его противником стал его дальний родственник — султан Борак. Он являлся потомком Джадька, одного из старших сыновей Джанибека, и несколько его прямых предков (а также родной брат) уже правили казахами в качестве ханов. Поэтому Борак с самого начала противился избранию Абу-л-Хайра в ханы, а в 1748 г., после нескольких попыток российских властей примирить соперников, убил его. Дело убийцы рассматривали бии — выборные народные судьи, перед которыми он сумел оправдаться, упирая на то, что «ево-де [Абу-л-Хайр-хана — Р.П.] род против нашего силою не будет, ибо-де наша фамилия честная и многолюдная»⁴³⁹. Более того, год спустя Борак сам был избран ханом⁴⁴⁰, не получив, впрочем, признания в этом достоинстве со стороны российской администрации.

Однако подобные примеры по мере интеграции Казахстана в российское имперское политико-правовое пространство становились все реже. Зато вмешательство имперской администрации борьбу за власть в казахских жузах становилось все более и более активным.

В первые десятилетия после принятия российского подданства большинство казахских султанов и родоплеменных старейшин выказывали недоверие тем правителям, которые присягали русским императорам — Абу-л-Хайру, Абу-л-Мамбету, другим ханам и султанам⁴⁴¹. Справедливости ради, впрочем, отметим, что к их делегитимизации это не привело (как в случае с Токтамышем и его сыновьями в Золотой Орде), однако дало основания некоторым казахским Чингизидам не подчиняться им и самим предъявлять претензии на верховную власть.

Когда же в конце XVIII в. имперские власти стали не просто утверждать казахских ханов, избранных на курултаях, но и предписывать казахам, кого именно из султанов-Чингизидов следует избирать, это вызвало негодование населения Казахстана. Это негодование подогревалось еще и тем, что российские власти с показным пренебрежением относились к традиционной процедуре избрания. Так, например, в 1795 г. султан Ишим, внук Абу-л-Хайра, был фактически назначен ханом Младшего жуза по совместному решению симбирского и уфимского губернаторов, а в официальной процедуре избрания участвовала лишь незначительная часть представителей знати жуза⁴⁴². Среди казахов возникла серьезная оппозиция хану, которую возглавлял влиятельный батыр Сырым Датулы (Срым Датов), с именем которого связывают казахское освободительное

движение 1783–1797 гг.⁴⁴³. В 1797 г. хан Ишим был убит сторонниками Сырыма, который не скрывал, что расправился с ханом как проводником русской политики в Казахстане — более того, после убийства хана заговорщики искали также его чиновников из числа русских ставленников, не трогая других обитателей ханской ставки⁴⁴⁴. При сходных обстоятельствах произошло воцарение, а затем и убийство еще одного хана Младшего жуза — Джанторе, который был утвержден российской администрацией, но не получил поддержки в Степи и вскоре был убит своим двоюродным братом и соперником Каратаем, выступившим в качестве поборника казахских национальных интересов⁴⁴⁵.

Подобно тому как османские султаны не признавали вступления на престол ханов Крымского ханства, кандидатуры которых не получили предварительно их одобрения, в Казахстане русские власти также неоднократно сталкивались с проблемой появления ханов, кандидатуры которых не устраивали имперское правительство и, соответственно, в его глазах являлись незаконными. Не секрет, что русским властям не были нужны на казахском троне влиятельные и энергичные монархи из наиболее авторитетных семейств ханского рода. Поэтому они старались поддерживать кандидатуры с меньшими правами на трон — таковыми в глазах казахов являлись хан Абу-л-Хайр и его потомки, потомки Усека (одного из младших сыновей Джанибека — основателя Казахского ханства). Поэтому неудивительно, что значительная часть казахских родов и племен отказывалась признавать воцарение этих русских ставленников и избирала собственных ханов — из других ветвей династии казахских Туга-Тимуридов. Такими ханами были, в частности, представители двух ветвей рода Джадька, старшего брата Усека.

Вскоре после смерти Абу-л-Хайра в 1748 г. ряд казахских родов и племен Младшего жуза, не желавшие подчиняться потомкам Усека, выбрали своим ханом Батыра из рода Джадька. В дальнейшем прямые потомки Батыра — его сын Каип, внуки Абу-л-Гази и Ширгази (сыновья Каипа), правнуки Арингази (сын Абу-л-Гази), Джангази (сын Ширгази) и Аип б. Жолбарыс⁴⁴⁶ — также официально избирались на курултаях ханами Младшего жуза или его отдельных родоплеменных подразделений, однако в глазах российских властей законными претендентами не являлись⁴⁴⁷.

Другую ветвь возглавлял хан Борак — убийца Абу-л-Хайра, который вскоре после его смерти, в 1749 г., был избран ханом частью племен Среднего и Старшего жуза. Естественно, его власть также

не была признана российскими властями — равно как и власть его сыновей Даира и Хан-Ходжи⁴⁴⁸.

В заключение рассмотрим еще один интересный казус с «частичным признанием» прав казахского правителя. В 1815 г. в Букеевском ханстве (Внутренней Орде) — небольшом казахском государстве, изначально созданном как вассал Российской империи, умер его основатель хан Букей, внук знаменитого казахского хана Абу-л-Хайра. Его наследником, согласно завещанию, являлся его старший сын Джангир, которому в год смерти отца было одиннадцать лет, поэтому на время его малолетства правителем Внутренней Орды был утвержден султан Шигай, брат Букея, который еще в последние годы правления старшего брата фактически управлял ханством в связи с нездоровьем Букея⁴⁴⁹. Это утверждение произошло в официальном порядке — уральским военным губернатором Волконским на основании прошения знати ханства⁴⁵⁰.

Регентство Шигая — случай довольно редкий в тюрко-монгольских государствах и исключительный в истории казахских ханств. Сам институт регентства в «степных империях» был достаточно распространен, однако весьма редко регентами при малолетних ханах являлись их родственники-Чингизиды, поскольку и сами имели право на трон. Обладание статусом регента давало им значительный «административный ресурс» в борьбе за ханский трон⁴⁵¹ — достаточно вспомнить примеры Тулуя, оттягивавшего избрание в ханы Монгольской империи своего брата Угедэя, или монгольского царевича Барс-Болада, который в первой половине XVI в. объявил себя правителем до совершеннолетия своего племянника Боди-Алаг-хана и сохранял регентские полномочия, пока законному монарху не исполнилось, по некоторым сведениям, сорок с лишним лет⁴⁵²! В связи с этим легко можно понять, почему чаще всего регентами при малолетних правителях назначались либо представительницы ханского семейства (бабки, матери, тетки юных ханов), либо же сановники нечингизидского происхождения, которые не могли претендовать на престол Чингизидов.

На протяжении всего своего регентства Шигай боролся за ханский титул, используя все доступные ему средства: созывал курултай для своего избрания, обращался к российским имперским властям, даже обвинял своего племянника Джангира в самовольном присвоении ханских прерогатив, чтобы тот был лишен права занимать трон⁴⁵³. Однако все его попытки оказались неудачны, и, когда Джангир в 1822 г. прибыл в ханство, чтобы вступить в права

наследования, Шига́й не имел достаточно влияния, чтобы противостоять ему.

Однако он не пожелал сдаваться, несмотря на то что Джангир был возведен в ханы волеизъявлением императора Александра I. Шига́й решил противопоставить воле сюзерена старинные правовые традиции Чингизидов и, апеллируя к тому, что был избран в ханы на курултае, обратился на суд к Ширгази, хану Младшего жуза⁴⁵⁴. Однако Джангир, чтобы не проиграть дяде, поступил точно так же. Впрочем, Ширгази, которому самому оставалось уже буквально несколько месяцев до отставки (в результате реформы 1824 г., упразднившей ханскую власть в Младшем жузе), не смог решить их спора. Сначала он выдал представителям Шига́я документ о том, что не будет ему препятствовать добиваться ханского титула, затем выдал аналогичный документ и представителям Джангира. А чуть позже, чтобы его не обвинили в двоедушии, издал третий акт, в котором прямо заявлял, что не будет препятствовать обоим претендентам добиваться желаемого ханского титула⁴⁵⁵.

В результате конечное решение осталось за имперскими властями. Проведя расследование в Букеевской Орде, представители российской администрации установили, что Шига́й подделал ряд документов относительно обвинений против Джангира и поддержки знатью его самого. Поэтому в июне 1823 г. высочайшей грамотой Джангир был официально признан ханом Внутренней Орды.

Данный случай привлек наше внимание несколько противоречивым статусом Шига́й-султана. Он был признан российскими властями как регент, т. е. являлся вполне легитимным временным правителем ханства, и даже самому законному хану Джангиру было предписано повиноваться ему и выказывать уважение⁴⁵⁶. Однако когда Шига́й попытался расширить свои полномочия и организовать свое избрание в ханы — в соответствии с чингизидскими традициями, но вопреки воле имперских властей, — его действия в стали рассматриваться уже как некое подобие узурпации, что и послужило поводом для его отстранения от власти даже в качестве регента.

Двойное подданство казахских ханов в XVIII–XIX вв.

Российская политика в Казахстане нередко вызывала недовольство влиятельных казахских султанов, которые имели все основания считаться наиболее легитимными претендентами на трон.

но по той или иной причине не получали одобрения российских властей — как это описывалось выше. В результате в Казахстане появились правители, которые принимали ханскую инвеституру от одних иностранных правителей, юридически являясь вассалами других. Т. е. российские вассалы, в глазах официального сюзерена имевшие статус всего лишь султанов, могли рассчитывать на признание в ханском достоинстве со стороны Китая (империи Цин) или же монархов среднеазиатских ханств, которые с радостью шли на такой шаг, желая дестабилизировать политическую обстановку в центральноазиатских владениях Российской империи.

Так, китайская империя Цин формально врагом России не являлась, однако между двумя державами существовало соперничество в отношении ряда центральноазиатских владений, включая и казахские жузы (в особенности Старший). Обе империи старались не давать друг другу повода для открытия военных действий, и некоторые казахские претенденты на трон этим пользовались.

Уже знаменитый Аблай, который в 1771 г. был провозглашен ханом представителями всех трех казахских жузов, но долго не получал утверждения в ханском достоинстве от российских властей⁴⁵⁷, решил апеллировать к китайскому богдыхану, которого именовал в своих посланиях «Верховным великим ханом», себя признавал его «албату», т. е. податным. Китайские власти, желая воспользоваться возможностью распространить свою власть на казахов, с готовностью признали за Аблаем ханский титул, заодно присвоив ему также и княжеский титул в цинской имперской иерархии⁴⁵⁸. Русские власти, не желая перехода казахов под влияние Китая, в свою очередь, утвердили за Аблаем ханское достоинство — правда, только в одном Среднем жузе⁴⁵⁹. Тем самым из узурпатора и субъекта двойного подданства Аблай официально превратился в хана-вассала Российской империи, что, впрочем, не мешало ему осуществлять практически абсолютную власть над подвластными казахами, что отмечал в свое время еще его правнук Чокан Валиханов⁴⁶⁰.

Российские власти в знак признания заслуг Аблая сразу же после его смерти признали и утвердили в ханском достоинстве его сына Вали. Однако признание со стороны России не помешало новому хану тут же вступить в контакт с империей Цин и, подобно отцу, заручиться подтверждением своего ханского статуса и от китайских властей, а в 1800 г. император Цзяцин официально утвердил его сына Габбас-султана в качестве наследника Вали, пожаловав ему титул гуна⁴⁶¹. Впрочем, поскольку официальное

подтверждение его в ханском статусе со стороны России состоялось позже, чем со стороны Цин, российские власти не поставили под сомнение его законность и лояльность и даже напротив — в течение всего его правления неоднократно поддерживали даже в конфликтах с собственными подданными⁴⁶². Любопытно отметить, что Вали-хан, как бы оправдывая доверие сюзерена, сам постоянно общал российским властям о своих контактах с Китаем⁴⁶³.

Китайским титулом «ван» обладал еще один влиятельный казахский правитель Среднего жуза — султан Абу-л-Файз, также присягнувший на подданство России и вместе с тем выражавший верноподданство империи Цин. Его же сыновья, не обладавшие ханскими титулами, получили от цинских властей менее высокие титулы: Бопу — тайджи (царевича), а Джучи — гуна (князя)⁴⁶⁴.

Представители других султанских родов остались недовольны предпочтением российских властей роду Аблая и, в свою очередь, постарались найти поддержку со стороны китайцев. Весьма активно в этом направлении действовали сыновья уже неоднократно упоминавшегося султана (затем хана) Борака — Даир и Хан-Ходжа. Первый из них соперничал еще с Аблаем за власть в Среднем жузе, подчеркивая, что, в отличие от последнего, является ханским сыном, внуком, правнуком и т. д.⁴⁶⁵. Не добившись желаемого, Даир самовольно провозгласил себя ханом, обратившись за признанием к китайскому императору⁴⁶⁶. Его брат Хан-Ходжа после смерти отца был усыновлен в четырехлетнем возрасте вышеупомянутым султаном Абу-л-Файзом, после смерти которого, в 1783 г. был избран в ханы, получив также китайский титул вана, т. е. имперского князя⁴⁶⁷. Примечательно, что, хотя русские (оренбургские) власти и не признавали его в ханском достоинстве, они в течение всего его правления поддерживали с ним контакты — так же, как и империя Цин⁴⁶⁸. После смерти Хан-Ходжи, в 1799 г., указом императора Цзяцина его наследником с ханским титулом был признан его сын Джан-Ходжа, естественно, также в глазах российских властей считавшийся узурпатором⁴⁶⁹.

Последним ханом в подвластных России казахских владениях, попытавшимся сделать ставку на Китай, стал Губайдулла — сын Вали и внук Аблая. Он был избран в ханы Среднего жуза по смерти отца, в 1822 г., однако как раз в это время был введен в действие «Устав о сибирских киргизах», которым упразднялась ханская власть в Среднем жузе. Поэтому, даже не попытавшись получить подтверждение своего ханского достоинства от российских

властей, он сразу же после избрания отправил прошение об утверждении ко двору императора Цин, какое и было удовлетворено⁴⁷⁰. Между тем российские власти уже успели начать административную реформу в Среднем жузе и назначили Губайдуллу ага-султаном одного из вновь созданных округов. Тем не менее он продолжал ожидать цинское посольство, которое и прибыло летом 1824 г., чтобы официально короновать хана. Тогда русские власти силой заставили Губайдуллу подписать и передать китайским послам заявление о сложении с себя ханского титула, после чего неблагонадежный вассал был взят российской администрацией под арест⁴⁷¹. Еще в 1830-е гг. российская администрация выражала обеспокоенность по поводу контактов султанов из дома Аблая и других бывших ханских семейств с империей Цин и получения от нее титулов, которые в глазах русских имперских властей являлись незаконными и свидетельствовали не только об узурпации власти, но и фактически о государственной измене⁴⁷².

После вынужденного отказа Губайдуллы власти империи Цин попытались возвести на ханский трон еще одного своего ставленника — Алтынсары, внука Абу-л-Файз-султана, который титуловался ханом и регулярно обменивался посланиями с пекинским двором вплоть до 1855 г., когда решил уступить ханский титул своему племяннику Шотану (Шортану). Последний в течение некоторого времени воспринимался Цинами как узурпатор, однако позднее они признали и его в ханском достоинстве. Впрочем, в отличие от потомства ханов Аблая и Абу-л-Хайра, эти последние ставленники империи Цин на казахском троне большим влиянием не пользовались и проводниками китайской политики в Казахстане так и не стали. Шотан вообще проживал вне пределов Русского Казахстана: его владения располагались в областях Тарбагатай и Кобдо, подконтрольных империи Цин⁴⁷³.

Сложные отношения складывались у России и с Хивинским ханством. В конце 1810-х русско-хивинское противостояние едва не вылилось в открытый вооруженный конфликт⁴⁷⁴. Именно к этому времени относятся первые попытки хивинского хана Мухаммад-Рахима I Кунграта возвести на казахский трон своих ставленников. Сначала это был Ширгази, сын хана Каипа и внук хана Батыра, род которых противостоял потомкам Абу-л-Хайра в борьбе за власть в Младшем жузе. По сведениям русского дипломата капитана Н. Н. Муравьева, побывавшего в Хивинском ханстве в 1819—1820 гг., Ширгази несколько не скрывал зависимость от хивинских

властей и даже лично привозил дары (фактически дань) хану Мухаммад-Рахиму⁴⁷⁵. После смерти Ширгази хивинский хан объявил ханом Младшего жуза его сына Джангази (Маненбая), который признавался ханом в ущерб собственному двоюродному брату, самовольно избранному казахами хану Арингази, кандидатура которого равным образом не устраивала ни русских, ни хивинцев⁴⁷⁶. Естественно, поскольку Казахстан официально был подвластен России, креатуры Хивинского ханства рассматривались как узурпаторы власти и не признавались российскими властями⁴⁷⁷.

На рубеже 1810–1820-х гг. отношения между Россией и Хивой несколько разрядились. Однако несмотря на то, что их состояние в 1820–1830-х гг. обычно расценивается как «потепление»⁴⁷⁸, в Казахстане в течение всего этого периода шла борьба за власть между ханами — российскими и хивинскими ставленниками. Хивинский хан сумел воспользоваться непростой ситуацией в Казахстане, где в результате реформ 1822–1824 гг. был упразднен институт ханской власти, и поддержал последнего из законных, признававшихся Россией ханов — Ширгази Айчувакова, внука Абу-л-Хайра. Ширгази был отстранен от власти в 1824 г., но уже в 1827 г. по воле хивинского хана Алла-Кули был вновь избран в ханы казахами, признававшими зависимость от Хивы. Русские власти не применили никаких санкций к этому «узурпатору», поскольку уже к 1830 г. союз между Алла-Кули и Ширгази расстроился, и с этого времени бывший хивинский ставленник неизменно демонстрировал лояльность по отношению к России. Неофициально Ширгази до самой смерти в 1845 г. продолжал признаваться отдельными казахскими родовыми подразделениями в ханском достоинстве, и российские власти этому не препятствовали⁴⁷⁹.

Несмотря на неудачный опыт взаимодействия с Ширгази, хивинские ханы и в дальнейшем делали ставку на представителей рода Абу-л-Хайра, поскольку среди них было немало султанов, недовольных реформами 1822–1824 гг. Так, в 1830 г. ханом западных казахских родов Младшего жуза был объявлен ставленник хивинского хана Каипгали — правнук Абу-л-Хайра. При подстрекательстве своего покровителя он начал борьбу против лояльных России казахских правителей и в первую очередь — против Джангира, хана Букеевского ханства (Внутренней Орды), поддержав восстание Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, однако оно было разгромлено русскими войсками. Потерпев в 1840-е гг. ряд неудач, он в конце концов был лишен ханского титула самим же хивинским ханом⁴⁸⁰.

В то же время, в 1837 г., Саукым, еще один правнук Абу-л-Хайра, был поставлен ханом над присырдарьинскими казахами, номинально являвшимися подданными России, но реально входившими в сферу влияния Хивинского ханства. Последним из хивинских ставленников на троне Младшего жуза стал Иликей (Ермухаммад), провозглашенный в 1844 г. ханом вместо своего скончавшегося дяди Саукыма. Стремясь приобрести большую легитимность, Иликей получил указ о признании его в ханском достоинстве и от хивинского хана Рахим-Кули, и от бухарского эмира Насруллаха, однако в конечном счете предпочел добровольно отказаться от ханствования и перейти на российскую службу⁴⁸¹. Уже накануне установления российского протектората над Хивой, ок. 1869 г., хан Мухаммад-Рахим II назначил правителем подчиненных ему казахов и каракалпаков султана Садыка — сына знаменитого Кенесары, в свое время возглавившего мощное движение против российских имперских властей в Казахстане⁴⁸².

Впрочем, и в самом Хивинском ханстве, которое пыталось возводить своих ставленников на казахский трон в ущерб интересам Российской империи, имели место несколько случаев признания подданства иностранных монархов. Так, в 1856 г. против хивинских ханов из династии Кунгратов восстало казахское и каракалпакское население Приаралья, которое решило возвести на трон собственных ханов. При этом они сделали ставку на казахских султанов: одним из претендентов стал Батыр — потомок хана Борака, убившего Абу-л-Хайра, другим — султан Зарлык, происхождение которого точно не установлено⁴⁸³. Примечательно, что претенденты на трон обратились за поддержкой к бывшему хану Иликею, который с 1852 г. официально принял русское подданство, — надо полагать, в перспективе восставшие видели переход под сюзеренитет Российской империи⁴⁸⁴. Впрочем, восстание вскоре было разгромлено хивинским ханом, так что остается только строить предположения о политической ориентации его предводителей.

Однако политические игроки в Центральной Азии, имевшие причины выступать против российского продвижения в регионе, отнюдь не составляли какой-то сплоченной коалиции. Напротив, они враждовали друг с другом куда в большей степени, нежели с Россией (что, вероятно, во многом и явилось причиной успеха российского завоевания среднеазиатских ханств во второй половине XIX в.). И эта вражда в полной мере отразилась на политике в отношении тех или иных казахских правителей.

Так, в первые десятилетия XIX в. бухарские эмиры, боровшиеся с соседним кокандским ханством, старались дестабилизировать ситуацию в нем, признавая ханские титулы некоторых султанов, которые возглавляли казахов Старшего жуза, являвшихся кокандскими подданными. Так, около 1814 г. бухарский эмир Хайдар признал ханом Токай-торе, обосновавшегося в Туркестане, а несколько позже аналогичным образом — Тентек-торе в Чимкенте и Сайраме (оба претендента предположительно являлись внуками или правнуками знаменитого казахского хана Аблая). Последняя такая попытка была предпринята уже в 1858 г. — тогда бухарский эмир Насрулла, пользуясь очередным витком смуты в Кокандском ханстве, поддержал претензии на ханский трон некоего султана Аликена⁴⁸⁵. Примечательно, что в данном случае легитимация претендентов на трон из числа прямых потомков Чингис-хана формировалась путем признания их прав правителями нечингизидского происхождения, о претензиях которых на власть мы подробнее поговорим в следующей главе.

Ликвидация чингизидской монополии на верховную власть в Казахстане в XIX в.

Ярким примером политики «замещения» владетельных Чингизидов в вассальных государствах нечингизидскими правителями являются административные преобразования Российской империи в Казахстане. В 1822–1824 гг. специальными положениями (в частности «Уставом о сибирских киргизах», разработанным М. М. Сперанским) в Среднем и Младшем жузах был ликвидирован и институт ханов. При этом, упразднив ханскую власть, российская администрация сохранила в Казахстане следующий уровень правителей — султанов: на уровне округов — ага-султанов в Среднем жузе и султанов-правителей в Младшем жузе, на уровне волостей — волостных султанов⁴⁸⁶.

Казалось бы, можно видеть в этих действиях российских властей некоторый «реверанс» в сторону Чингизидов, тем более что окружные и волостные султаны должны были избираться «сеймами» выборщиков — практически как прежние ханы на курултае! Однако уже в 1820-е гг. волостные султаны-Чингизиды стали «разбавляться» султанами нечингизидского происхождения (т. е. султанами по должности, а не по происхождению), а в 1836 г. нечингизид Шорман Кучуков (капитан русской службы, пользовавшийся уважением и в степи) был избран ага-султаном Баян-аульского округа⁴⁸⁷.

К 1860 г. из волостных правителей осталось лишь 11 Чингизидов, тогда как 62 остальных были представителями «черной кости»⁴⁸⁸. Признаваемые и утверждаемые российскими властями, «новые» султаны в глазах потомственных Чингизидов являлись, конечно же, «черной костью» и, соответственно, узурпаторами власти, исконно принадлежавшей «Золотому роду». Причем подобное отношение выказывали даже лояльные к имперским властям султаны-Чингизиды — например, Чокан Валиханов, который в 1862 г. принял участие в выборах старшего султана Атбасарского округа и выиграл эти выборы, однако не был утвержден сибирским генерал-губернатором, отдавшим предпочтение его сопернику — нечингизиду Ердену Сандыбаеву⁴⁸⁹.

Полагаем, что подобная политика властей преследовала цель окончательно дискредитировать и без того шаткий авторитет Чингизидов в Казахстане и в конце концов вообще отменить традиционные институты управления, а также привилегии Чингизидов. Это и было окончательно сделано в результате реформ 1867–1868 гг., когда полуавтономные казахские жузы прекратили существование и весь Казахстан был разделен на области и уезды в составе Российской империи под властью российских же чиновников.

Таким образом, в Казахской степи фактически начала складываться новая казахская элита, чьи права и привилегии основывались уже не на происхождении от ханского рода, а на личных заслугах, за которые они награждались имперскими чинами, званиями, орденами и медалями. Поскольку, получая награды от имперских властей, представители «новой элиты» в большей степени зависели от них, руководители региональной администрации, в ведении которых находились казахи, нередко готовы были поддерживать их в противовес потомкам Чингис-хана даже с нарушением предписаний закона.

В результате принятия положений 1867–1868 гг. казахские султаны-Чингизиды лишились возможности занимать должности окружных и волостных султанов (пусть даже и путем борьбы на выборах с представителями «черной кости»), которые были отменены. Более того, привилегированное положение потомков Чингис-хана, в частности налоговый иммунитет, было отменено. Во «Временном положении об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» от 21 октября 1868 г. содержался исчерпывающий перечень лиц, которые освобождались от уплаты налогов:

«§ 186. Льготы от платежа кибиточного сбора и других повинностей, дарованные семействам покойных хана Ширгазы Айчувакова и султанов Баймухамета Айчувакова, Ахмеда и Арслана Джантюриных, равно как и семействам киргизов, убитых и раненых в 1844 году в отряде, действовавшем против мятежного Султана Кенесары Касымова, остаются в своей силе.

§ 187. От платежа кибиточного сбора освобождаются также потомки бывших ханов Валия и Букея, по прямой линии, пользовавшиеся льготами от платежа ясака за определенное число скота»⁴⁹⁰.

Таким образом, большинство казахских султанов было приравнено по статусу к основной массе казахов, проигрывая в правах и привилегиях даже представителям менее знатных родов, отличенных российскими чинами или наградами. Учитывая, что далеко не все казахские султаны обладали и значительным состоянием, подобные изменения их статуса имели для них весьма негативные последствия, заставив ряд султанов более активно участвовать в деятельности органов волостного управления либо же делать карьеру на российской службе.

Далеко не многие представители ханского рода достигли высокого положения в имперской чиновной иерархии. Тем не менее известно несколько казахских султанов, дослужившихся до высоких военных чинов. К ним относятся, в частности, генерал от кавалерии султан Гази Валиханов (был также членом Русского географического общества⁴⁹¹), полковник Губайдулла Джангиров (князь Чингиз), проявивший себя отважным воином и полководцем во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.⁴⁹², а также вышеупомянутый Ч. Валиханов, дослужившийся до звания штабс-ротмистра, однако более известный как ученый и разведчик, совершивший в 1858–1859 гг. миссию в китайский Восточный Туркестан⁴⁹³. Немного выйдя за рамки хронологии данного исследования, можно вспомнить и А. Букейханова — казахского ученого и политического деятеля, депутата Государственной Думы, лидера партии «Алаш» и затем руководителя правительства «Алаш Орды»⁴⁹⁴.

Казалось бы, можно сделать вывод, что лишение представителей «белой кости» сословных привилегий в 1860-е гг. стало логическим завершением длительной политики имперских властей по ограничению полномочий казахской элиты и окончательной интеграции Казахстана в состав России наравне с другими регионами. Однако такой вывод был бы не вполне корректным. Отмена особого

статуса потомков Чингис-хана в Казахстане, как можно увидеть, происходила в эпоху «Великих реформ» в Российской империи, когда аналогичные процессы по превращению сословного общества в единую совокупность подданных императора (пусть и с фактическим сохранением многих сословных привилегий дворянства) происходили во всех регионах России. Таким образом, можно рассматривать эволюцию статуса «белой кости» в Казахстане не только как отмену прав, привилегий и льгот представителей этого сословия, но и как повышение статуса остальных слоев казахского населения, получивших больше возможностей для участия в политической жизни, деятельности органов управления и пр.

В заключение стоит отметить, что даже после формальной отмены привилегированного статуса потомков Чингис-хана они продолжали пользоваться традиционным уважением в Казахской степи. В частности, известно высказывание казахского политического деятеля Кунанбая Ускенбаева, отца выдающегося казахского просветителя Абая Кунанбаева (отметим, что Кунанбай и сам в свое время занимал пост окружного султана, хотя и принадлежал к «черной кости»): «В нашей мирской жизни все решают Чингизиды, в религиозной — ходжи»⁴⁹⁵. Эти слова были произнесены в 1879 г., т. е. уже спустя значительное время после формальной отмены особого статуса Чингизидов. Таким образом, официальная отмена привилегированного положения потомков Чингис-хана в силу традиционного почтения к ним со стороны населения Казахстана не лишила их былого уважения в степи на бытовом уровне, хотя их политическое значение с этого времени фактически было утрачено.

Национально-освободительная борьба или реставрация ханской власти? К вопросу о характере движения Кенесары Касымова

Выше мы рассмотрели немало примеров провозглашения казахских султанов-Чингизидов ханами при полном соблюдении чингизидских традиций, но вопреки воле российских имперских властей, которые воспринимали их как узурпаторов и, соответственно, в ханском достоинстве не признавали. Нескольким особняком среди них стоит Кенесары Касымов. Деятельность Кенесары стала привлекать внимание историков уже вскоре после его смерти (он погиб в 1847 г., а первые исследования, посвященные его жизни

и деятельности, появились уже в начале 1870-х гг.) и имеет на сегодня весьма обширную историографию. В течение длительного времени его движение рассматривалось (и рассматривается в современном Казахстане) именно как национально-освободительная борьба казахского народа против российского имперского владычества. Рассмотрим, однако, насколько справедливо подобное мнение.

На наш взгляд, в действиях Кенесары наиболее отчетливо проявилось стремление восстановить упраздненные политико-правовые институты Казахского ханства, причем, хотя сам он провозглашал намерение возродить ханство своего деда Аблая, однако во многих его действиях усматривается также и подражание политико-правовым традициям еще Золотой Орды. Так, он стал издавать собственные указы-ярлыки и восстановил ханскую систему налогов и повинностей, в его аппарате появились специальные институты, занимавшиеся финансовыми и международными вопросами, — в чем нельзя не увидеть аналогов золотоордынских диванов.

Безусловно, не следует видеть в деятельности Кенесары Касымова последовательную идейную политику возрождения традиционных институтов казахской государственности и права. В первую очередь, этот властный и честолюбивый потомок Чингис-хана старался реализовать собственные амбиции и поэтому приобрел власть путем вооруженной борьбы, раз не смог добиться ее мирным путем на основании договоренности с представителями имперских властей⁴⁹⁶. Борьба за возрождение прежних институтов власти и права явилась для Кенесары всего лишь удачным поводом для вовлечения в свое движение широких общественных масс из представителей разных слоев казахского общества — с целью провозгласить себя (впервые после своего деда Аблая, умершего в 1781 г.) верховным ханом всех казахов, а не только какого-то родоплеменного подразделения или жуза⁴⁹⁷. Поначалу он, стремясь привлечь больше сторонников, отменил часть сборов и повинностей, в результате чего даже некоторые роды, формально продолжавшие признавать российское подданство, фактически стали поддерживать Кенесары, выплачивая ему зякет⁴⁹⁸.

Стремясь подчинить себе и родичей-султанов, и родоплеменных предводителей, Кенесары активно проводил политику сдержек и противовесов. Чтобы обеспечить зависимость от себя султанов-Чингизидов, хан лишил крупных феодалов права собирать налоги самостоятельно: теперь это делали ханские чиновники, после чего

собранное распределялось между ханскими родственниками⁴⁹⁹. Это также заставляет провести параллель в действиях Кенесары с политикой наиболее могущественных золотоордынских ханов. Чтобы ослабить влияние племенных предводителей и биев, хан, напротив, упразднил совет старейшин, заменив его ханским советом, а себя к тому же провозгласил и верховным судьей в государстве⁵⁰⁰. Неудивительно, что многие казахские султаны, недовольные политикой Кенесары, выступили против него, и их своеобразным кредо стала защита российских имперских интересов в Казахстане, тогда как кредо самого Кенесары являлось восстановление независимого государства, основанного на политико-правовых принципах, действовавших в прежнем Казахском ханстве. По сути, участие российских войск в действиях против Кенесары было минимальным, в основном против него выступали его же родичи-султаны, так что в какой-то степени события 1836–1846 гг. в Казахстане можно рассматривать и как междоусобную борьбу различных ветвей рода местных потомков Чингис-хана.

Как видим, движение Кенесары Касымова имело весьма сложный характер, сочетая черты как реваншистского (стремление возродить уже давно упраздненные административные и правовые традиции, уходящие корнями в золотоордынские времена), так и национально-освободительного (борьба с имперскими властями в Казахстане) движения⁵⁰¹. Кенесары, чье избрание в ханы состоялось в полном соответствии с чингизидскими правовыми традициями, в глазах российских властей был узурпатором вдвойне: и как не утвержденный имперской администрацией, и как посмевшийся провозгласить себя ханом уже после того, как институт ханской власти в Казахстане был отменен. Соответственно, против него выступили как русские войска, так и лояльные к имперской власти султаны-Чингизиды, подписавшие официальное обращение к российским властям, что считают Кенесары мятежником⁵⁰². Однако в глазах своих приверженцев Кенесары оставался законным монархом, что позволило ему сохранять титул и оказывать сопротивление превосходящим силам противника в течение шести лет, а затем после поражения и гибели казахи оплакивали его как последнюю надежду на счастливую жизнь⁵⁰³. Тот факт, что его поддерживали представители разных жузов, родов и племен, равно как и его апелляция к чингизидским политико-правовым традициям как к старинным казахским обычаям, позволяет утверждать, что он использовал национальный фактор как средство для достижения ханской власти.

Антироссийские восстания казахов в 1869–1870 и 1916 гг. как попытки возрождения традиционных институтов власти

Реформа управления в Казахстане, проводившаяся в 1867–1868 гг., привела к полной отмене традиционных казахских институтов власти и управления. Был упразднен институт султанов, отменено разделение на жузы, роды и племена — им на смену пришли области и уезды, возглавлявшиеся российскими чиновниками. Причин этой реформы было несколько. Во-первых, конечно, нельзя не отметить, что она происходила в общем контексте так называемых «Великих реформ» императора Александра II 1861–1874 гг. и, соответственно, были приняты меры по дальнейшей инкорпорации Казахстана в состав «обновленной» Российской империи. Во-вторых, в какой-то степени на радикальность реформ могли повлиять многочисленные восстания в разных частях Казахстана в 1830–1850-е гг. (в особенности движение Кенесары Касымова). Наконец, еще одной причиной стало то, что именно в 1860-х гг. Российская империя начала активную политику присоединения территорий Старшего жуза и ханств Средней Азии. Именно на новоприобретенных территориях Старшего жуза, вошедших в состав Туркестанского генерал-губернаторства, впервые и были опробованы новые механизмы управления, которые затем были использованы повсеместно на всей территории Казахстана⁵⁰⁴.

Безусловно, столь откровенное попрание национальных политических и правовых институтов и традиций казахов не могло не вызвать недовольства. В течение 1869–1870 гг. на территории Казахстана произошло несколько восстаний против российской администрации, причем восставшими были провозглашены даже несколько ханов. Снижение авторитета Чингизидов (для чего много было сделано российскими властями) привело к тому, что эти претенденты даже не принадлежали к потомкам Чингис-хана, т. е. являлись узурпаторами⁵⁰⁵. В частности, такими ханами в разных родах были избраны Беркен Усманов, Сейл Туркебаев, Кузбай Апасов, Конал Артанов и Мамбеталий⁵⁰⁶. Из них наиболее легитимным являлся Беркен Усманов, который был внуком знаменитого батыра Сырыма Датулы, женатого на внучке хана Абу-л-Хайра; неслучайно два других кандидата на трон, которым восставшие предлагали стать ханами, отказались в его пользу⁵⁰⁷. Остальные «ханы» не имели даже такой связи с «Золотым родом».

Восстания 1869—1870 гг. не были массовыми движениями, действия отдельных претендентов на трон не были скоординированы, поэтому имперские власти сумели достаточно быстро их подавить. Можно сделать вывод, что большинство казахского населения к этому времени уже было подготовлено к принятию российских реформ и не поддержало «ревнителей старины», которые старались добиться власти под предлогом защиты национальных культурных, политических и правовых ценностей. Более того, известно, что многие участники восстания действовали не столько против представителей российских властей, сколько против собственных баев, аксакалов и пр., что давало основание советским историкам говорить не только о национально-освободительном, но и о классовом (народном) характере восстания⁵⁰⁸.

Однако, как оказалось, сторонников возрождения традиционных институтов власти и управления в Казахстане было гораздо больше, чем можно было подумать по итогам движений 1869—1870 гг. Это наглядно показало мощное восстание, охватившее Казахстан и Среднюю Азию в 1916 г. Его события хорошо известны по источникам, также им посвящено большое количество исследований. Подробно проанализированы причины и ход восстания, его движущие силы, последствия и пр. Однако практически не уделено внимания историко-правовому аспекту — т. е. как строили восставшие свои институты власти, чем регулировались их взаимоотношения между собой и с мирным населением, каковы были их цели в государственном и правовом отношении в случае победы. А между тем попытки воссоздания восставшими национальных государственно-правовых институтов (в первую очередь — института ханской власти) подтверждаются и официальными документами, и свидетельствами современников, в том числе и его участников. Это позволяет склониться к мнению, что восстание 1916 г. носило националистический и даже в какой-то степени реваншистский характер: восставшие требовали отделения от Российской империи и возрождения независимого Казахского ханства⁵⁰⁹.

Прежде всего, восставшие старались уничтожить административный аппарат, введенный имперскими властями, который все еще воспринимался ими как чуждый⁵¹⁰. Одновременно восстанавливалась (по крайней мере, отчасти) прежняя, традиционная, административно-территориальная система казахского общества. Так, например, восставшие группировались по родам и племенам (а именно это деление казахов старались разрушить русские имперские

власти). Их армия строилась на основе десятичной системы (тысяча — сотня — десяток), что было характерно для тюрко-монгольских государств еще в древние времена⁵¹¹. По воспоминаниям Алиби Джангильдина, активного участника восстания, восставшие учредили суд, выносивший решения на основе казахских правовых обычаев⁵¹².

В областях, охваченных восстанием, была отменена система налогообложения, введенная русскими имперскими властями, и вместо нее были установлены натуральные налоги и повинности — существовавшие ранее, но с учетом военного положения. А. Джангильдин дает характеристику этой налоговой системы: «Вот положим, аул, десять кибиток стоят. Этот аул должен дать на каждого бойца на месяц пуд муки и одного барана, не считая крупы, риса... Кроме того, должны дать одежду: сапоги, кафтаны, теплые шубы, башлыки — полное обмундирование. Такой комплект должны дать десять кибиток. Лошадей давали исключительно баи. Каждый должен дать лошадь и седло»⁵¹³.

Однако самым ярким признаком националистического и реваншистского характера восстания стало восстановление в областях, охваченных восстанием, института ханской власти. В Тургайской области было выбрано сразу несколько ханов, которых выдвигали соответствующие роды и племена — даже в этом отношении казахи следовали своей старинной традиции XVIII — начала XIX вв., когда один или несколько родов могли выбрать себе собственного хана⁵¹⁴. Так, хан Абдугаппар Джанбусынов был избран кипчаками, а его сподвижник Оспан Шолаков — аргынами и т. д.⁵¹⁵. А. Джангильдин описывает государственное устройство восставших следующим образом: «Решили организовать в Тургайской области ханство. Во главе стоит хан. Он является как бы законодателем, и должны быть министры, одновременно они же были советниками 12 человек. Во главе каждой тысячи солдат стоит начальник. Он назывался мынбасы. Он должен был заботиться о снабжении продовольствием, о военной подготовке. Мынбасы подчинялись командующему армии восстания сардару (главнокомандующему). Сардаром был назначен Амангельды Иманов»⁵¹⁶.

Происхождение этих ханов (равно как и десятка других) доступные нами источники не освещают, но, скорее всего, они, как и «ханы» 1869–1870 гг., не принадлежали к потомкам Чингис-хана. В частности, про Абдугаппара Джанбусынова известно лишь, что он был крупным феодалом-скотоводом, участвовал в барымте и был

избран волостным управителем⁵¹⁷. Хан Нуржан Кияшев был братом бывшего волостного управителя, а еще один, Джумагазий Журганов, — народным судьей⁵¹⁸. Таким образом, занимая чиновничьи должности в волостном и аульном управлении, они получили возможность влиять на восставших с помощью «административного ресурса», приобретенного благодаря имперским властям, против которых они теперь «возмущали народ»⁵¹⁹!

Кроме того, отдельные ханы даже не были казахами. В докладе одного из командиров российских имперских войск начальнику Генерального штаба содержится сообщение о еще более «экзотическом» хане: «Прибыл третий нижний чин местной Иргизской команды Банников, бежавший из баубского скопища мятежников. Он доложил, что ночью 4-го декабря во время нападения на лагерь мятежников там было два хана, причем один из них *русский*»⁵²⁰. Как видим, в условиях «национально-освободительной» борьбы ни принадлежность к роду Чингис-хана, ни даже казахское происхождение отнюдь не являлось определяющим фактором в глазах восставших при избрании в ханы! Сохранив воспоминание о самом институте ханской власти, население Казахстана, по всей видимости, не помнило, какие именно требования в свое время предъявлялись к кандидатам в ханы, или сознательно игнорировало их в новых политических условиях.

Статус ханов, провозглашенных во время восстания, недостаточно изучен. По словам того же А. Джангильдина, «хан самостоятельно не мог решать вопросы. Двенадцать министров составляли совет, который решал все вопросы. Фактически решали вопросы 2–3 человека»⁵²¹. Вызывает также большой интерес статус А. Иманова, носившего звание сардара, или «главнокомандующего над всеми восставшими киргизами»⁵²². Советские историки, учитывая, что впоследствии А. Иманов перешел на сторону советской власти, именно его характеризовали как фактического руководителя восстания. Однако, согласно отчетам и докладам российских имперских чиновников о восстании 1916 г., А. Иманов являлся лишь «помощником» хана Абдугаппара⁵²³. Впрочем, влияние А. Иманова среди восставших, его активная роль в боевых действиях позволяют провести параллель (хотя и достаточно условную) с системой соправительства в позднесредневековых тюрко-монгольских государствах, когда верховный главнокомандующий (бекляри-бек, амир ал-умара) являлся фактическим, а иногда — и официальным соправителем хана. Аналогичным образом, известно, что у хана Оспана

Шолакова был визирь, а киргизский «хан» Мокуш Шабданов назначил одного из своих братьев главнокомандующим⁵²⁴.

Кто именно подал идею восстановления института ханской власти? В советской историографии эту инициативу было принято приписывать «баям и муллам»⁵²⁵. Однако ханы никоим образом не способствовали укреплению позиций ислама и мусульманского духовенства, не предоставляли особых льгот и баям — напротив, согласно вышеприведенному свидетельству А. Джангильдина, богатая верхушка казахского общества была обложена дополнительными сборами. По-видимому, восстановление института ханской власти было предпринято руководством восставших вне зависимости от их социальной принадлежности: ханы были нужны как официальные предводители, символ возрождения независимой казахской государственности. Можно согласиться с мнением, что хан «был по сути дела “ширмой” для привлечения широких масс»⁵²⁶. Следовательно, восстановления прежней системы власти желали не только «реакционные элементы», но и основная масса казахского населения, сочувствовавшего восстанию.

Однако, по-видимому, восстановление ханской власти в Казахстане, где этот институт был упразднен почти 100 лет назад, было воспринято как анахронизм и не встретило поддержки ни со стороны социал-демократов, которые вскоре взяли курс на сближение с большевиками, ни со стороны «казахских буржуазных националистов», которые в 1918 г. провозгласили в Казахстане автономию — Алаш-Орду. Деятельность отдельных ханов вызывала еще и откровенно враждебную реакцию местного населения. Так, например, Тришин, хан Кызылжарской волости, убил нескольких аульных аксакалов, которых подозревал в поддержке русских властей, и с ним хотели расправиться их родственники; спасли его от мести, как ни странно, русские, отбив у «хана» у его соотечественников и поместив под охрану в лазарет⁵²⁷.

Ухудшение отношения народа к ханам не было для них секретом, поэтому многие узурпаторы очень быстро сошли с политической сцены. Например, в Иргизском уезде было избрано девять ханов, все они попали в руки властей, причем восемь сдались добровольно⁵²⁸. Оспан Шолаков, один из ближайших соратников хана Абдугаппара и А. Иманова, не только сам сдался русским властям, но и привел к покорности возглавляемых им аргынов, поддавшись на уговоры своих сородичей — представителей Алаш-Орды⁵²⁹. Абдугаппар Джамбусынов впоследствии также поддерживал

Алаш-Орду и боролся против установления в Казахстане советской власти⁵³⁰. Попытки реставрации национальных казахских государственных и правовых институтов во время восстания 1916 г., таким образом, оказались кратковременными и в значительной степени анахроничными. А вскоре реваншистский характер восстания также утратил актуальность в связи с изменившейся ситуацией: после Февральской, а затем и Октябрьской революций в России, в состав которой в качестве АССР был включен и Казахстан, впоследствии превратившийся в союзную республику.

Антисоветские восстания 1929–1930 гг. и последние ханы казахов

Даже существенное изменение политического режима не привело к окончательному забвению в Казахстане идеи ханской власти. Последнее в истории Казахстана национально-освободительное движение, в рамках которого появлялись претенденты на трон, имело место уже на рубеже 1920–1930-х гг. — на этот раз уже против советской власти. Восстания 1929–1930 гг. были следствием непродуманной политики сплошной коллективизации в Казахстане. Основной силой восстания явилось среднее и бедное крестьянство, однако во главе восстания стояли люди с более высоким статусом, которые увидели в этом движении возможность занять еще более значительное положение⁵³¹.

В сентябре 1929 г. в Каракалпакии представители местного казахского и каракалпакского населения провели курултай, на котором избрали ханом Жалел-Масума Исматуллаева, а командующим — Барлыкбая Нурымова (опять связка «хан — бекляри-бек!»), после чего бросились громить партийные и советские учреждения, однако вскоре в районный центр прибыл небольшой отряд ОГПУ, частично разогнав, частично арестовав восставших⁵³².

В октябре-ноябре 1929 г. в Костанайском округе также началось восстание, участники которого провозгласили своей целью свержение советской власти, восстановление института ханской власти и аульных аксакалов. Ханом был избран один из активных участников восстания Омарбай Бармаков. Примечательно, что в восстании, равно как и в принятии решений, участвовали не только казахи, но и русские крестьяне, а также сами представители советской власти: несколько коммунистов, комсомольцев, членов аульных советов и комбедов. Наравне с новоизбранным ханом

восстание возглавили первый секретарь Тургайского ревкома и начальник районного отдела милиции. Тем не менее и это восстание было подавлено уже к середине ноября, а большинство его участников схвачено⁵³³.

В феврале следующего, 1930 г. началось восстание казахов Сырдарьинского округа, выступавших под лозунгами «Долой советскую власть!» и «Да здравствует ханская власть!». Ханом был избран некий Султанбек Шолакулы, среди восставших, как и в Костанайском округе, были представители советских органов власти и милиции. Уже 15–16 февраля восставшие были окружены и разгромлены, а хан Султанбек погиб вместе с несколькими сотнями своих новых подданных. Очень коротким оказалось восстание в соседнем районе того же Сырдарьинского округа, где восставшие избрали некоего Серик-хана, однако его движение было подавлено сразу, а сам хан и его соратники были схвачены и расстреляны без суда⁵³⁴.

Однако наибольшего размаха достигло восстание на западе Казахстана (Актюбинск, Кустанай, Кызыл-Орда), где восставших возглавил хан Айжаркын Канаев, который уже был провозглашен ханом во время восстания 1916 г. и являлся одним из самых активных соратников хана Абдугаппара и сардара А. Иманова⁵³⁵. Его движение, начавшееся в конце февраля 1930 г., оказалось настолько значительным, что советским властям пришлось бросить против них не только отряды ОГПУ и милиции, но и части кавалерийской дивизии, а несколько позднее — даже самолеты и бронепоезда. Хан Айжаркын погиб в сражении 20 марта 1930 г., однако боевые действия продолжались до апреля и закончились не победой одной из сторон, а мирными переговорами, причем делегацию представителей советских властей на этих переговорах возглавил Алиби Джангильдин — еще один бывший соратник хана Абдугаппара и А. Иманова⁵³⁶!

Как видим, идея восстановления ханской власти на протяжении веков оказывалась тесно связанной с другой идеей — национально-освободительной борьбы. Как мы могли убедиться, со временем участники освободительных движений забывали принципы избрания ханов, требования к ханам, даже порядок избрания. Однако сам институт ханской власти продолжал ассоциироваться у них с независимостью, сохранением национальной самобытности и традиций. При таком подходе не было необходимости обращаться исключительно к потомкам Чингис-хана, и на ханский трон вполне могли рассчитывать менее знатные, но более патриотичные (или практичные) лица.

ГЛАВА 7

ХАНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVI — НАЧАЛА XX вв.

В Центральной Азии на протяжении XVI–XX вв. возникали, исчезали и возрождались многочисленные государства. Одни из них претендовали на преемственность от «степных империй» Чингизидов, соответственно, используя элементы их государственности и права. Другие прямо противопоставляли собственное политическое устройство и правовую систему чингизидскому наследию.

Однако практически во всех этих государствах в качестве важного фактора обеспечения легитимации власти использовался ислам. Апелляция к мусульманским принципам и нормам либо поддержка влиятельного духовенства, поначалу являвшиеся всего лишь дополнительным фактором по отношению к другим, со временем трансформировалось в своеобразную «национальную идею», став знаменем борьбы с «неверными» иностранными империями, претендовавшими на власть над тем или иным центральноазиатским регионом.

Не ставя перед собой цель изложения политической истории государств Центральной Азии в описываемый период, сосредоточимся на наиболее ярких примерах приходивших к власти, которые в значительной степени могут быть охарактеризованы как узурпации.

Ставленники иностранных монархов на тронах центральноазиатских государств (XVI–XVIII вв.)

Иностранные государи предпринимали попытки установления сюзеренитета и над чингизидскими государствами Средней Азии — поначалу также в виде поддержки представителей местных династий, которые готовы были пойти на подчинение иностранному монарху в обмен на помощь в борьбе за трон. Именно таким образом персидские шахи из династии Сефевидов старались взять под

контроль Бухарское ханство. Первая попытка была предпринята после гибели Мухаммада Шайбани-хана в битве при Мерве (28 ноября 1510 г.), когда созданная им обширная среднеазиатская «империя» практически распалась и представляла собой легкую добычу.

В 1511 г. персидский шах Исмаил Сефевид принял присягу верности от Тимурида Бабура, который был объявлен правителем Мавераннахра. Бабур явился в Чагатайский улус и вскоре при помощи персидских войск вытеснил оттуда Шайбанидов. Однако последние, потерпев военное поражение, сумели одержать политическую победу: они обвинили Бабура в подчинении иноземному монарху, признании вассалитета, а главное — в принятии шиизма, чего местное суннитское население, конечно, простить своему прежнему правителю не могло. В результате Шайбаниды сумели привлечь на свою сторону население Чагатайского улуса и, объединившись с казахскими султанами против общего врага, уже в 1512 г. изгнали Бабура из Мавераннахра окончательно⁵³⁷.

Следующую попытку установить сюзеренитет над среднеазиатскими владениями Сефевиды предприняли на рубеже XVI–XVII вв., поддерживая членов династии Шайбанидов, свергнутой в 1601 г. своими родичами Аштарханидами.

Сначала в том же 1601 г. они возвели на трон Балха Мухаммад-Ибрахим-хана Шайбанида, однако он не получил поддержки среди населения (за свою приверженность к Сефевидам и шиизму), стал править чрезмерно суровыми методами и вскоре был свергнут и убит аштарханидскими правителями Баки-Мухаммадом и Вали-Мухаммадом⁵³⁸.

В 1602 г. еще один шайбанидский царевич Мухаммад-Салим-султан при поддержке персидских кызылбашей вторгся в пределы Бухарского ханства, обратившись к местному населению с призывами восстать против Аштарханидов. Однако новые правители Бухары успели организовать отпор и нанесли ставленнику Сефевидов поражение, заставившее его бежать в Иран. В 1605 г. аналогичную попытку предпринял еще один претендент на бухарский трон из рода Шайбанидов — Джахангир-султан, но тоже неудачно: население, которое, казалось, должно было сохранять верность династии, правившей в ханстве целое столетие, не поддержало претендента, сблизившегося с давними врагами Мавераннахра — персами-шиитами. Последнее вторжение в Бухарское ханство Мухаммад-Салим-султан и Джахангир-султан предприняли на рубеже 1607–1608 гг., однако и на этот раз они были разбиты войсками

хана Вали-Мухаммада, поскольку поддержали претендентов лишь эмигранты из Бухарского ханства⁵³⁹.

Видя, что Шайбаниды дискредитировали себя в глазах бывших подданных, Сефевиды попытались сделать ставку на представителя уже новой, Аштарханидской, династии. Они поддержали претензии на трон Рустам-Мухаммад-султана б. Вали-Мухаммад-хана, старавшегося захватить престол в Балхе. При персидской поддержке он вторгся в границы Балхского владения в 1611, 1612, 1620 гг. и т. д. Однако, будучи и представителем свергнутой и изгнанной из Бухары ветви Аштарханидов (его отец был в 1611 г. убит собственными племянниками Имам-Кули-ханом и Надир-Мухаммад-ханом), и ставленником иностранных монархов, он не преуспел в своих попытках. Поэтому в 1036 г. х. (1626/1627 г.) шах Аббас I по договору с балхским правителем Надир-Мухаммадом повелел Рустам-Мухаммаду прекратить набеги на Балх и даровал ему в управление область в собственных владениях⁵⁴⁰. Последние попытки Сефевидов подчинить установить контроль хотя бы над частью Бухарского ханства относятся уже к XVIII в. В 1711 г. на трон Балха был возведен привезенный из Герата Абдаллах, представитель боковой ветви бухарской династии Аштарханидов, после которого вплоть до 1737 г. в этом ханстве управляли также марионетки персидских шахов, власть которых не признавали многие местные родоплеменные вожди и представители мусульманского духовенства⁵⁴¹.

В другом центральноазиатском государстве Чингизидов — Могулистане (в историографии также именуется Кашгарией или Восточным Туркестаном) попытались установить контроль ойратские правители Джунгарского ханства. Для этого они поддержали ряд претендентов из местной династии потомков Чагатая (второго сына Чингис-хана), которые старались отнять трон у своих родственников, причем разные правители ойратов поддерживали разных претендентов на престол. Так, ойратский Очирту-хан в 1667 г. поддержал мятеж Юлбарса, старшего сына-кашгарского хана Абдаллаха, против отца, а в то же время еще один влиятельный ойратский правитель Элден-тайши выступил на стороне Исмаила, дяди Юлбарса⁵⁴². В конечном счете на троне в Яркенде (который в это время считался столичным городом Кашгарии) утвердился Юлбарс, поддержанный Сэнгэ-хунтайджи, верховным правителем Джунгарии, но после ряда поражений отрекся в пользу собственного сына, которого вскоре сменил Исмаил⁵⁴³. В 1682 г. новый джунгарский

правитель Галдан возвел на трон Кашгарии Мухаммад-Амин-хана (свергнув при этом его родного брата Абд ар-Рашида)⁵⁴⁴.

Ставленники ойратских правителей стали официально их вассалами и даже платили этим монархам-нечингиздам дань⁵⁴⁵. Это не могло не вызвать возмущение мусульманского населения Кашгарии, которое, как мы увидим ниже, предпочло потомкам Чингис-хана, поставившим страну в зависимость от иностранных монархов, да еще и иноверцев (ойраты исповедовали буддизм) других монархов — представителей династии кашгарских ходжей, являвшихся в течение долгого времени духовными лидерами Кашгарии⁵⁴⁶.

В некоторых случаях имели место и попытки иностранных монархов сделать ханами правителей-«чужаков», поскольку местные династы отказывались идти на признание вассальной зависимости от зарубежных сюзеренов. Так, бухарский хан Убайдаллах I, захватив в 1538 г. Хорезм (его бухарские Шайбаниды рассматривали как часть своих владений, а хивинских ханов — как мятежников против законных властей Бухары), назначил ханом-вассалом собственного сына Абд ал-Азиза. Естественно, «чужой» правитель (хотя он был Чингизидом и относительно близким родственником хивинской династии Арабшахидов) не нашел поддержки у местной знати и населения. После нескольких выступлений Арабшахидов против него Абд ал-Азиз в 1539 г. был вынужден вернуться к отцу, а Убайдаллаху пришлось согласиться на возвращение трона представителю местной династии, довольствуясь лишь номинальным признанием зависимости Арабшахидов от него⁵⁴⁷.

Возможность «отомстить» Бухаре появилась у хивинских ханов в начале XVIII в., когда в Бухарском ханстве правила уже другая династия — Аштарханиды. Воспользовавшись тем, что в правление хана Абу-л-Файза Бухарское ханство превратилось в конфедерацию практически независимых владений, хивинский хан Ширгази в 1722 г. предпринял попытку создать вассальное Самаркандское ханство, на трон которого возвел своего двоюродного брата Раджаб-султана. Претендента, несмотря на его «чужеродность», тем не менее признали некоторые влиятельные представители региональной знати, заинтересованные в приобретении полной независимости от Бухары⁵⁴⁸. Годом позже Раджаб даже сам выступил в поход против Абу-л-Файза, хотя эта акция и не увенчалась успехом⁵⁴⁹. В дальнейшем Раджаб всячески старался привлечь на свою сторону население ханства, однако бухарцы на его письма «не обратили никакого внимания»⁵⁵⁰. Тем не менее при поддержке влиятельного племени

кенегесов и хивинского хана Раджаб-хан еще в течение нескольких лет противостоял Бухаре⁵⁵¹.

«Чужие» ханы на хивинском троне в XVI–XVIII вв.

Политическая ситуация в Хивинском ханстве на протяжении всей его истории отличалась нестабильностью. Постоянные конфликты между членами местной правящей династии Арабшахидов перемежались войнами с бухарскими Шайбанидами, упорно считавшими Хиву своим уделом.

В результате многочисленных междоусобиц две ветви Арабшахидов (потомки ханов Ильбарса и Хасан-Кули) к середине XVI в. оказались в изгнании, найдя убежище в соседнем Бухарском ханстве. Юридически их никто не лишал права на трон, но, поскольку они в течение долгого времени не бывали в Хорезме, их связи с родным государством, правящим домом и знатью становились все менее прочными, а сами они приобретали статус «казаков» — своеобразных царевичей-изгоев, лишенных владений. В начале XVII в. два представителя этих семейств — Хосров-султан, потомок Ильбарса, и Салих-султан, потомок Хасан-Кули — попытались захватить власть, они не нашли поддержки у местного населения, оба были схвачены своим родственником Араб-Мухаммад-ханом и казнены за попытку свержения законного монарха⁵⁵².

Эта тенденция продолжилась в Хивинском ханстве и в XVIII в. и даже приобрела определенное правовое закрепление. Представители остранных от власти ветвей рода Арабшахидов с начала XVIII вв. сформировали в Приаралье едва ли не «альтернативное» ханство, где при поддержке местного узбекского и каракалпакского населения проводили официальные церемонии интронизации и приобретали, таким образом, право претендовать на хивинский трон. Естественно, в глазах ханов, правивших в столице, они являлись узурпаторами, однако эту точку зрения далеко не всегда разделяли знать, армия и население Хивы. Один из них, Ишим-султан, потомок хана Агатая (правил в Хиве в середине XVI в.), был поддержан аральскими узбеками и каракалпаками, враждебными Хиве, и в начале 1710-х гг. не без успеха противостоял законно избранному хану Ядгару⁵⁵³. Другой претендент, Шах-Тимур, имел еще больше прав на трон, поскольку не только его далекие предки, но и родной отец и еще несколько близких родственников управляли

Хивинским ханством — хотя и принадлежали к ветви рода, ранее выехавшей из Хивы⁵⁵⁴. Неудивительно, что его претензии в течение 1720–1730-х гг. поддерживали не только в Приаралье, но и в самой Хиве. Долгое время он являлся своеобразным средством сдерживания самовластия местных легитимных ханов: сановники и родоплеменные вожди угрожали хивинским ханам, что если те не станут более покладистыми, то на трон будет возведен именно Шах-Тимур⁵⁵⁵.

Несколько более удачной оказалась судьба представителей еще одной «чужой» династии — казахских ханов в Хивинском ханстве. На протяжении 1720–1780-х гг. казахские ханы и султаны, потомки Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи (причем из двух разных ветвей его потомков), соперничали за трон с законной хивинской династией Арабшахидов — потомков Шибана, пятого сына того же Джучи. Несмотря на то что сторонники «местной» династии раз за разом свержали или даже убивали казахских «чужаков», те постоянно приходили вновь и находили все большее число сторонников среди местного населения и знати⁵⁵⁶. Это убеждает нас в том, что правление «посторонней» династии, если оно являлось достаточно продолжительным, могло создать определенный прецедент, который в некоторых случаях мог привести и к окончательной смене династии.

Самозванцы в Бухаре и Хиве XVI–XVII вв.

Постоянная борьба за трон в Бухарском ханстве во время правления Шайбанидов (1500–1601), не утихнувшая и после того, как эта династия была свергнута другой — Аштарханидами, привела к небывалому для тюрко-монгольских государств всплеску самозванчества. Причем появлялись как самозванцы, выдававшие себя за подлинных Чингизидов, так и те, кто не имел «реального прототипа». Вероятно, подобный феномен объясняется тем, что только в условиях постоянных междоусобиц, когда политическая ситуация менялась с калейдоскопической скоростью, ни правящие элиты, ни население не имели возможности оперативно узнавать о гибели тех или иных реальных претендентов на трон и поэтому готовы были верить самозванцам.

В 1558 г. в городе Чарджуй, входящем в состав Бухарского ханства, появился некий «сайид-заде», который выдавал себя за сына Бурхан-султана (Шах-Бурхан-хана) — шайбанидского правителя

Бухары, умерщвленного своим родичем Абдаллахом II годом раньше. Чарджуй к этому времени был только что взят бухарским ханом, и противников его власти в городе оставалось довольно много. Они-то и решили сделать правителем мнимого султана, выдав его за сына одного из влиятельных противников Абдаллаха⁵⁵⁷. Ханский наместник в Чарджуе был убит, а самозванец посажен на трон. Однако хану не пришлось даже беспокоиться о самозванце: его сторонники в самом городе выступили против бунтовщиков и перебили их, и новому наместнику оставалось лишь вступить в город и восстановить порядок⁵⁵⁸.

В 1588 г. в Ташкенте, лишь недавно перешедшем под контроль Абдаллах-хана II, вспыхнуло восстание его противников — узбекских султанов-Шайбанидов, которые заключили союз с казахскими султанами и выступили против хана. В противовес Абдаллаху восставшие выдвинули собственного претендента на трон — казахского султана Джан-Али, внешне похожего на бывшего ташкентского правителя Баба-султана (Баба-хана), который до самой своей смерти в 1582 г. был наиболее упорным противником и опасным соперником Абдаллаха II в борьбе за верховную власть. Однако бухарскому хану удалось вовремя мобилизовать свои силы, и мятежники понесли поражение⁵⁵⁹. Это, кажется, единственный случай, когда один потомок Чингис-хана выдавал себя за другого — пусть даже и более влиятельного⁵⁶⁰.

Примерно в то же время, в конце 1580-х гг., каракалпакские вожди, воспользовавшись междоусобной борьбой в Бухарском ханстве, провозгласили ханом некоего самозванца, выдав его за недавно скончавшегося Шайхим-султана (внука бухарского хана Абу Саида из династии Шайбанидов). Самозванец около года боролся за ханский трон, совершив в союзе с каракалпаками и казахским Абу-Лайс-султаном несколько походов в окрестности Самарканда. Однако в конце концов «ложь его стала явной, [и] ему отрезали голову, подобно барану, и избавили себя от [источника] того беспокойства»⁵⁶¹.

Еще один случай претензий считается «вымышленным» Чингизидом имел место в Бухарском ханстве, но в гораздо более поздний период — в эпоху смуты, начавшейся после смерти Абдаллаха II в 1598 г. Его сын и наследник Абд ал-Мумин-хан, как уже упоминалось, перебил большое количество своих родственников, в которых видел соперников в борьбе за трон. Многие из уцелевших Шайбанидов, естественно, сочли такие действия хана преступными

и отказались повиноваться ему, закрепившись в своих уделах в качестве самостоятельных правителей. Вскоре Абд ал-Мумин был убит, однако удельные правители, почувствовав вкус независимости, отказались повиноваться и сменившему его на троне Пир-Мухаммаду II. В этих условиях в Балхе (втором по значению городе Бухарского ханства) ханом был провозглашен некий Абд ал-Амин под именем Исфанд-султана. Он был объявлен сыном Ибадаллах-султана, брата Абдаллаха II, хотя было известно, что у этого султана был единственный сын — Ядгар-Мухаммад-султан, который умер в возрасте трех или четырех лет еще при жизни своего отца. Однако это обстоятельство не смутило балхских эмиров, и они объявили семнадцатилетнего претендента законным наследником Ибадаллах-султана, вдова которого, Джахан-ханум, подтвердила происхождение Исфанд-султана⁵⁶². Любопытно, что законность его правления признал бухарский хан Пир-Мухаммад II, который пришел к власти в весьма сложной обстановке и для сохранения пусть даже призрачного единства государства Шайбанидов был вынужден признавать фактическую самостоятельность удельных правителей — даже такого явного самозванца и узурпатора власти⁵⁶³.

В течение трех лет самозванец удерживал власть над Балхом, Кундузом и др. областями, не подчиняясь бухарским ханам и чеканя собственную монету. Однако в конце концов в 1601 г. он пал жертвой заговора, составленного при прямой поддержке персидского шаха Аббаса I Сефеви, который возвел на балхский трон своего ставленника — Мухаммад-Ибрахим-хана, в шайбанидском происхождении которого сомнений не было⁵⁶⁴.

На рубеже XVI–XVII вв. династия Шайбанидов была свергнута своими соперниками — Аштарханидами. В условиях смутного времени появилось еще несколько самозванцев, выдававших себя за уцелевших членов этой династии. В 1601–1602 гг. в Фергане сторонники Шайбанидов выдвинули нескольких самозванцев, объявив их сыновьями Абд ас-Саттар-султана б. Баба-хана, который, как и его отец, был убит в 1580-е гг. Абдаллахом II. Им удалось нанести поражение балхскому правителю Вали-Мухаммаду Аштарханиду, после чего они двинулись на Ташкент и отбили его у казахских султанов. Однако на помощь последним явились их родственники, которые перебили армию самозванцев, погибших в сражении⁵⁶⁵.

Чуть позднее, в 1603 г., еще один самозванец, выдававший себя опять же за сына Баба-хана — на этот раз Абд ал-Гаффара (настоящий Абд ал-Гаффар был убит несколькими годами ранее казахским

Таваккул-Мухаммад-ханом), был возведен в ханы каракалпаками в противовес казахским Чингизидам. В течение двух лет лже-Абд ал-Гаффар правил каракалпаками, а затем овладел Ташкентом, Туркестаном, Саураном и другими областями, успешно противостоя натиску казахских ханов Бахадура и Ишима. Лишь в 1605 г. казахские предводители «пришли близко к Ташкенту с целью [напасть на] Абд ал-Гаффар-султана, схватили некоего человека и выяснили истинное положение Абд ал-Гаффара». После этого Ишим-хан, внезапно напав на его ставку, покончил с самозванцем⁵⁶⁶.

Гораздо меньше примеров самозванства было в Хиве — главном сопернике бухарских Шайбанидов и Аштарханидов. На протяжении XVI–XVIII вв. нам известны лишь два подобных случая. В середине XVI в. мервский хан Абу-л-Мухаммад из династии хивинских Арабшахидов лишился единственного сына, погибшего в сражении с персидскими кызылбашами. Поскольку других наследников у хана не было, его владение после его смерти должно было перейти к представителям другой ветви рода. Тогда ханские приближенные отыскивали некую цыганскую танцовщицу, которая утверждала, что родила ребенка от хана. Ребенок был доставлен к Абу-л-Мухаммаду, который официально признал его своим сыном. После смерти Абу-л-Мухаммада, ок. 1567 г., мальчик вступил на престол под именем Нур-Мухаммад-хана (Нурум-хана), хотя многие хивинские султаны отказывались признавать его законным потомком Чингис-хана и презрительно именовали «Лули-бече», т. е. цыганенком. Впрочем, несмотря на постоянные покушения на его власть со стороны султанов-Арабшахидов, он в течение длительного времени (более 20 лет) удерживал власть над Мервом, пользуясь поддержкой со стороны бухарского хана и персидского шаха. Лишь в начале 1590-х гг. под натиском бухарских войск он был вынужден покинуть пределы Хивинского ханства и остаток жизни провел в эмиграции, при дворе персидского шаха⁵⁶⁷.

Таким образом, в данном случае речь идет не совсем о самозванстве, поскольку именно сам хан, потомок «Золотого рода», официально признал ребенка своим сыном. Такая процедура, в какой-то мере близкая акту усыновления, была широко распространена в средневековой Европе под названием «легитимации» и использовалась для того, чтобы дети, родившиеся вне брака, не считались незаконными, поскольку последние не имели никаких прав и не могли рассчитывать на более-менее приличное положение в обществе. Многие легитимированные «бастарды» становились владельческими

князьями, а в средневековой Италии — даже и государями, основателями династий. А тот факт, что правителю с сомнительным происхождением удавалось так долго удерживать власть (при наличии большого числа представителей династии Арабшахидов, в чьем происхождении сомнений не возникало), объясняется, думаем, тем, что Нур-Мухаммад предпочитал отсиживаться в доставшемся ему уделе, отражая посягательства других членов хивинского ханского семейства, вовсе не думая принять участие в междоусобицах, чтобы расширить свои владения⁵⁶⁸.

В 1694 г. молодой хивинский хан Эренг-Мухаммад из династии Арабшахидов погиб во время конной прогулки, упав с лошади (по крайней мере такова была официальная версия его смерти). Его мать, туркменка Тохта-ханым, чтобы не упустить из рук власть, возвела на престол сына своего старшего брата, приходившегося, соответственно, двоюродным братом покойному хану и очень похожего на него. Около года он пребывал на троне под именем Эренг-хана, но вскоре узбекскую знать Хивинского ханства насторожило то, что хан стал оказывать покровительство туркменам, а узбеков подверг гонениям. Они восстали против самозванца, убили его и казнили Токта-ханым⁵⁶⁹.

Бадахшан: возрождение государственности в XVII в.

Распад Чагатайского улуса и существенное изменение политической карты Средней Азии способствовали появлению новых независимых государств, причем их правящие элиты претендовали на возрождение прежней государственности еще домонгольского периода — фактически противопоставляя себя Чингизидам и их преемникам Тимуридам и перечеркивая их правление в регионе. Такая ситуация имела место, в частности, в довольно своеобразном регионе — Бадахшане.

Расположение этого горного государства и его экономическая специфика (источник добычи рубинов, знаменитый на всю Центральную Азию) в течение веков обеспечивали Бадахшану особое положение, в том числе и сохранение у власти местной династии, которая, как утверждали ее представители, прямо происходила от Александра Македонского; по некоторым сведениям, бадахшанские правители даже носили титул «зулкарнайн»⁵⁷⁰. Однако во второй половине XV в. Тимуриды захватили этот регион, и одна ветвь этого

семейства сменила прежнюю династию. С конца XV до середины XVII в. за этот регион боролись сначала представители разных ветвей рода Тимуридов, затем в борьбу с потомками Тимура вступили новые завоеватели Чагатайского улуса — Шайбаниды, потомки Чингис-хана, которых с начала XVII в. сменили их преемники на троне Бухарского ханства — Аштарханиды. Таким образом, с середины XV до середины XVII в. Бадахшан являлся составной частью Чагатайского улуса и, подобно остальным регионам в составе этого государства, ареной борьбы за власть различных правящих династий и политических сил.

Область постоянно переходила из рук в руки, пока наконец в 1657 г. правителем не был избран некий Яри-бек, принявший титул Яри-бек-хана, т. е. бросивший вызов власти как бухарских ханов-Чингизидов, так и беков (эмиров) Тимуридов. Интересно отметить, что одним из поводов избрания именно этого кандидата послужило его происхождение: он «был наследственным пиром», т. е. одним из предводителей почитаемого в Бадахшане суфийского ордена⁵⁷¹. Однако важно отметить, что, в отличие, например, от кашгарских ходжей (речь о которых пойдет ниже), религиозный фактор в данном случае не сыграл решающей роли — несмотря на то что позиции ислама (в его исмаилитском варианте) были сильны в Бадахшане с XI в. и по меньшей мере до начала XX в. включительно⁵⁷².

Новые правители, пришедшие к власти именно в связи с тем, что политика прежних, «чуждых», сюзеренов, нарушала интересы населения Бадахшана, постарались укрепить свои права на власть именно опорой на местные традиции. Поэтому представители династии Яри-бек-хана еще в XIX в. утверждали, что также являются потомками Александра Македонского (т. е. имеют родственные связи с прежней династией шахов-«зулкарнайнов»)⁵⁷³, несмотря на то что на самом деле предки основателя династии прибыли в Бадахшан из-под Самарканда лишь за два-три поколения до его избрания в ханы⁵⁷⁴. Тем не менее в результате сочетания ряда факторов (принадлежность к суфийскому ордену, претензии на родство с прежними шахами Бадахшана, избрание как аналог курултая) сам Яри-бек-хан пробыл на троне около полувека, а его потомки управляли Бадахшаном в течение многих поколений. Естественно, среднеазиатские властители, претендовавшие на преемственность от Чингис-хана и Тимура, рассматривали бадахшанских правителей как узурпаторов и по определению находились во вражде с ними.

Однако, несмотря на многочисленные попытки завоевания, династия сумела сохранить власть вплоть до 1873 г., когда Бадахшан был присоединен к Афганистану⁵⁷⁵.

Рассмотренный пример отражает особую тенденцию политического развития некоторых регионов, прежде составлявших часть той или иной «степной империи». Сначала эти регионы при разных обстоятельствах входили в состав имперских государственных образований и в течение какого-то времени добровольно или насильственно пребывали в их составе. Распад империй Чингизидов приводил к постоянной смене монархов, их борьбе за престол, в результате которой страдали интересы и населения регионов. Чтобы положить конец попыткам вовлечь бывшие имперские владения в борьбу Чингизидов, региональная элита просто-напросто отказывалась признавать их власть. А единственным эффективным способом выйти из-под контроля «Золотого рода» являлось появление «альтернативных» правителей нечингизидского происхождения, которые тем не менее в глазах местного населения были законными, поскольку являлись его представителями и, соответственно, защищали интересы именно конкретного региона.

Таким образом, речь идет не о некоей национально-освободительной борьбе, а всего лишь о проявлениях «регионализма». В результате готовность правителей нечингизидского происхождения (т. е. узурпаторов в соответствии с чингизидскими политико-правовыми традициями) защищать интересы региона и противостоять борющимся за власть законным ханам-Чингизидам превратилась в еще один фактор легитимации власти.

Потомки Чингис-хана и Тимура: новые ханские династии в Бухаре, Хиве и Коканде (XVIII–XIX вв.)

Мухаммад Шайбани и его родственники Шайбаниды окончательно вытеснили последних потомков Амира Тимура из Чагатайского улуса к 1525 г. и, казалось бы, восстановили *status quo*, вернув власть в этом бывшем улусе Монгольской империи «Золотому роду». Однако на рубеже XVIII–XIX вв. новые династии нечингизидского происхождения захватили власть в трех государствах, ранее входивших в Чагатайский улус, т. е. снова, и на этот раз окончательно, узурпировав права «Золотого рода» на престол. Однако интересно отметить, что при этом правители этих ханств

опирались не только на чингизидскую, но и на тимуридскую традицию, хотя Тимуриды и сами, как известно, с юридической точки зрения считались узурпаторами.

Еще в середине XVIII в. фактически управлявший Бухарой аталык Мухаммад-Рахим из племени Мангытов сверг одного за другим трех ханов из династии Аштарханидов и в 1756 г. наконец решился провозгласить ханом себя самого, хотя сам не принадлежал к Чингизидам даже по женской линии. Тем не менее он считал себя достаточно могущественным, чтобы созвать курултай и, подобно потомкам «Золотого рода», формально избраться на нем в монархи Бухары⁵⁷⁶.

Несмотря на свое могущество и формальное избрание на курултае, Мухаммад-Рахим Мангыт предпринял определенные шаги по легитимации своей власти. Прежде всего он женился на дочери одного из свергнутых им ханов — Абу-л-Файза Аштарханида, что в какой-то мере связало его с «Золотым родом», по крайней мере в статусе «гургана». Примечательно, впрочем, что именно этот фактор легитимации практически не принимался во внимание бухарскими историками при обосновании ими правомерности воцарения Мухаммад-Рахима⁵⁷⁷. В большей степени они апеллируют к согласию на его избрание 92 узбекских племен, представители которых одобрили его воцарение на курултае, кроме того, узурпатор заручился поддержкой духовенства, объявившего, что воцарение нового хана угодно Аллаху.

Тем не менее перед своей смертью в 1758 г. он решил избрать преемника, руководствуясь именно принципом принадлежности к дому Чингис-хана — правда, весьма и весьма условно. Единственная дочь Мухаммад-Рахима была сначала женой Абд ал-Мумин-хана из династии Аштарханидов (первого ставленника Мухаммад-Рахима и, соответственно, второго из трех ханов, свергнутых им), а после его смерти стала женой своего двоюродного брата Нарбута-бия Мангыта, и от этого брака родился сын Фазыл. Хотя в биологическом отношении этот единственный внук Мухаммад-Рахима не имел чингизидской крови⁵⁷⁸, самозванный хан, вероятно, исходя из того, что его дочь прежде была ханской супругой, присвоил внуку титул «тура», которым обладали только Чингизиды, и провозгласил его своим наследником. Однако, во-первых, права малолетнего Фазыла (к моменту смерти деда ему было шесть лет) были слишком спорны, во-вторых, его отец не сумел противостоять более сильному родичу — Даниял-бию, дяде Мухаммад-Рахима, захватившему

власть после смерти племянника. Фазыл-тура вместе с отцом в качестве своеобразной «компенсации» был отправлен в город Карши в качестве наместника, а сам Даниял, в отличие от племянника, не пожелал прослыть узурпатором и вернул власть Чингизидам в лице Абу-л-Гази-хана (чья родословная, впрочем, довольно противоречиво представлена в различных источниках)⁵⁷⁹. Даниял-бий и его сын Шах-Мурад (кстати, женившийся на вдове своего двоюродного брата Мухаммад-Рахима — дочери Абу-л-Файз-хана) продолжали считаться лишь аталыками и фактически правили Бухарой, прикрываясь именем Абу-л-Гази-хана⁵⁸⁰. Лишь когда после смерти Шах-Мурада на престол вступил его сын от ханской дочери — Хайдар-тура, он счел себя достаточно легитимным наследником, чтобы отказаться от практики возведения на престол марионеточных Чингизидов⁵⁸¹.

Несмотря на то что формально Бухара конца XVIII — начала XX вв. не являлась ханством, официально именуясь эмиратом⁵⁸², фактически нередко ее правители из династии Мангытов уже с 1820-х гг. (начиная с эмира Насруллаха) титуловались ханами⁵⁸³, а последний из них, Сайид-Алим-хан, и официально присоединил этот титул к своему имени. Все они подчеркивали, что в их жилах текла кровь Чингизидов, и это позволяло им считаться «тура», т. е. лицами, имевшими право на ханский трон и верховную власть в бывшем чингизидском государстве⁵⁸⁴. Свой статус они подчеркивали также набором полномочий, присущих именно ханам: законодательная деятельность (в форме издания актов высшей юридической силы — ярлыков, которые прежде имели право издавать только независимые верховные правители-ханы), установление налогов и сборов, не предусмотренных мусульманским правом, сохранение чингизидской системы администрации⁵⁸⁵. Эти полномочия бухарские эмиры, а также и другие правители из «новых» среднеазиатских династий сохраняли вплоть до прекращения существования их государств в первой четверти XX в.

Кроме того, чтобы придать больший вес своим правам, мангыты возродили и отдельные тимуридские традиции — в частности, введенный с 1800 г. эмиром Хайдаром процесс интронизации с использованием Кок-Таш («синего трона») Тимуридов, который не использовали сменившие их ханы — Шайбаниды и Аштарханиды⁵⁸⁶.

В начале XIX в. произошла смена династии и в Хиве, где в 1804 г. был свергнут хан Абу-л-Гази⁵⁸⁷ (по странному совпадению — тезка и современник последнего бухарского хана-Чингизида!) и на трон вступил Ильтурзар, потомственный фактический

правитель ханства — инак (градоправитель) города Хивы из племени кунгратов. Как и Мухаммад-Рахим Мангыт, хорезмский узурпатор не считал нужным заботиться о формальном обосновании своих прав на трон. Единственным его объяснением стала «неспособность» хана-Чингизида к управлению, что и послужило формальным поводом для его смещения, после чего с одобрения хивинской знати кунгратский аристократ был провозглашен новым ханом — снова практически при таких же условиях, что и Мухаммад-Рахим Бухарский⁵⁸⁸. Как и Тимуриды ранее, основатель новой ханской династии официально объявил об отмене всех налогов, сборов и повинностей, установленных в Хорезме со времен Чингис-хана и не соответствующих нормам шариата⁵⁸⁹. Однако, подобно бухарским Мангытам, новые хивинские ханы сохраняли такие чингизидские политико-правовые традиции, как избрание ханов на курултае, административное управление и издание ханами ярлыков — актов высшей юридической силы⁵⁹⁰.

Неизвестно, собирался ли Ильгузар в дальнейшем найти законные основания для своей узурпации: он погиб лишь два года спустя после своего воцарения, в 1806 г., утонув при переправе через реку во время очередного военного похода. Интересно, что его брат, Мухаммад-Рахим Кунграт, унаследовав власть от брата, поначалу не решился последовать его примеру и вернул на трон свергнутого Абу-л-Гази-хана, однако в том же 1806 г. сверг его окончательно, создав курултай, который и избрал его в ханы⁵⁹¹.

Впрочем, оба узурпатора (и снова — как Мухаммад-Рахим Мангыт!) постарались найти связующее звено с «Золотым родом»: Ильгузар был женат на дочери казахского султана Болекея, являвшегося короткое время хивинским ханом в 1770–1771 гг., а Мухаммад-Рахим после смерти брата также женился на ней (согласно тюрко-монгольским, а не мусульманским обычаям!). В дальнейшем на дочерях казахских Чингизидов женились также сын Мухаммад-Рахима — Алла-Кули-хан — и сын последнего Мухаммад-Амин II⁵⁹². Однако эти браки и даже возможная принадлежность к Чингизидам по женской линии все же не давали Кунгратам формального права на ханский титул. Это осознавали и они сами, и соседние государи. В частности, Российская империя в попытках подчинить Хивинское ханство неоднократно несколько раз пыталась разыграть «чингизидскую карту» в борьбе с узурпаторской династией Кунгратов. Так, во время неудачного «зимнего похода» на Хиву в 1839–1840 гг. оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский держал

при себе казахского султана-Чингизида Бай-Мухаммада Айчувакова, чтобы возвести его на хивинский трон после завоевания ханства⁵⁹³. В 1841 г. во время переговоров с хивинским ханом Алла-Кули, когда последний в качестве свидетелей привел нескольких казахских султанов, признававших его власть, член российской посольской миссии М. Аитов упрекнул их в том, что их предки не так давно сами правили Хивой, а теперь они позволяют помыкать собой узурпаторам⁵⁹⁴. Бухарские Мангыты, имея такое же отношение к роду Чингизидов, что и хивинские Кунграты, все же не посмели провозгласить себя ханами. Почему же хорезмские узурпаторы пошли на это?

По-видимому, следует принять во внимание несколько обстоятельств. Во-первых, еще со времен Чингис-хана и его ближайших преемников племя кунграт обладало высоким статусом в Монгольской империи и ее улусах как особое «хатунское племя»: еще до Чингис-хана его предки брали в жены кунгратских девушек, а сами отдавали кунгурам в жены своих дочерей. Это способствовало укреплению кровнородственных связей кунгратов и ханского рода Борджигин и, соответственно, обеспечивало статус и влияние кунгратской знати в различных улусах Монгольской империи⁵⁹⁵. Не исключено, что это обстоятельство могло подвинуть Кунгратов Хивы притязать на более высокий статус, чем бухарские Мангыты (хотя в хивинской историографии это основание права кунгратов на верховную власть не фигурирует), тем более что именно кунграты (династия Суфи) с середины XIV по начало XVI вв. являлись хорезмскими правителями под властью сначала золотоордынских Джучидов, а затем и Тимуридов⁵⁹⁶. Второе же обстоятельство — это географическое положение Хивы и всего Хорезмского оазиса: удаленное от других среднеазиатских государств, защищенное пустынями, населенными воинственными туркменскими племенами, это ханство в течение длительного времени сохраняло независимость благодаря именно природным факторам, а не собственному военному могуществу. Рискнем предположить, что Кунграты осмелились принять ханский титул во многом именно в надежде, что труднодоступность Хивы не позволит ни Чингизидам, ни другим правителям Центральной Азии оспаривать их претензии военными мерами, тогда как признание на дипломатическом уровне Кунгратов в рассматриваемый период не слишком интересовало. Наконец, хивинские ханы-Кунграты (как, впрочем, и другие среднеазиатские правители) оказались неплохими политиками и интриганми:

разнообразными средствами они сумели добиться признания себя в ханском достоинстве со стороны соседних туркменских племен, «великих держав» (Российской и Британской империй) и даже казахских Чингизидов, которых они время от времени даже сами принимали в свое подданство.

Наиболее интересным представляется пример с Кокандским ханством, которое, в отличие от Хивы и Бухары, до начала XIX в. вообще не имело собственных ханов. Тем не менее представители узбекской династии Минг, управлявшие собственно Кокандом и с начала XVIII в. фактически установившие контроль над всей Ферганой, не только присвоили себе ханский титул, но и даже в большей степени, чем бухарские эмиры, обосновывали свои права на трон как потомки и правопреемники Тимуридов.

Как и в ранее рассмотренных примерах, первый правитель, провозгласивший себя ханом, Алим-хан, не слишком беспокоился о легитимации своей власти: ему было достаточно сильной армии, централизованной власти и покорности других ферганских родов и племен. А вот его брату и преемнику Омар-хану уже потребовались основания для обоснования законности своего правления, поскольку он намеревался управлять не только Ферганой, но и претендовал на владения бухарских и хивинских монархов. Естественно, для этого ему понадобилось представить себя более законным правопреемником прежних монархов, нежели бухарские Мангыты и хивинские Кунграты⁵⁹⁷.

Именно при Омар-хане возникает историографическая легенда о происхождении кокандской династии Минг от некоего Алтун-Бишиха — мифического сына Захир ад-Дина Бабура, правившего, как известно, в Фергане до его изгнания Шайбанидами и основания империи Великих Моголов в Индии. Потомки Алтун-Бишиха, согласно кокандской историографии, правили в Фергане аж с XVI в. (хотя известно, что в действительности до XVII в. включительно она входила в состав Бухарского ханства). Как и бухарские Мангыты, кокандские Минги последовательно проводили идею о большей законности прав на престол Тимуридов, нежели Чингизидов — выходцев из Золотой Орды. А поскольку Бабур по материнской линии принадлежал к ханам Могулистана, т. е. чагатайской ветви «Золотого рода», то новые кокандские ханы представляли в глазах подданных и соседних правителей как прямые наследники законной династии⁵⁹⁸. Тем не менее в переговорах с китайским императором кокандский Мадали-хан, сын Омар-хана, заявлял: «Моя

родословная плоть от плоти доходит до самого Чингиз-хана хана, и я потомок ханов во плоти»⁵⁹⁹. Несомненно, происхождение от Тимура (по некоторым сведениям, платившего в свое время дань империи Мин) в глазах правителей Китая не было столь значимым, сколь происхождение от Чингиз-хана, что и предопределило выбор генеалогии кокандским ханом в переговорах.

Ссылка на происхождение не только от Чингиз-хана, но и от Тимура — весьма специфическое явление, имевшее место в политической жизни Средней Азии XVIII и в особенности XIX в. Согласно наблюдению казахстанского исследователя Т.К. Бейсембиева, среднеазиатские правители этого периода стали пропагандировать идею, которую он назвал «возрождением чагатайской государственности». Ее суть заключалась в том, что две последние ханские династии — Шайбаниды и Аштраханиды — были незаконными: они происходили от Джучи, основателя Золотой Орды, и, следовательно, не имели права на трон в улусе, принадлежавшем потомкам его брата Чагатая, которые сначала поддерживались, а затем были сменены на троне Тимуром и его родом⁶⁰⁰. Соответственно, новые правители (Мангыты, Кунграты, Минги), свергнув этих «пришлых» ханов, стали восстановителями чагатайской государственности, разрушенной джучидскими династиями.

Эта идеология представляется до некоторой степени противоречивой — ведь называя Аштарханидов узурпаторами, бухарские эмиры все же носили приставку «тура», на которую приобрели право путем браков с царевнами именно из этой династии, да и хивинские Кунграты также породнились не с центральноазиатскими Чагатаидами, а с казахскими ханами — тоже Джучидами! С другой стороны, эта идея представляет большой интерес с политико-правовой точки зрения — ведь в своих интересах постчингизидские правители Средней Азии совершенно исказили сам принцип «чингизизма». В имперскую эпоху принадлежность к «Золотому роду» давала право стать ханом в любом государстве на пространстве бывшей Монгольской империи. Правители же XVIII–XIX вв., напротив, стали утверждать, что только конкретная ветвь Чингизидов, потомки Чагатая, имела право царствовать в ханствах Средней Азии, тогда как воцарение в них представителей других ветвей незаконно. Изначальной целью создания «чингизизма» было существование (или восстановление) империи под общей властью потомков Чингиз-хана и возможность сохранения власти за «Золотым родом», даже если одна из его ветвей, правящая в конкретном государстве, пресечется.

В трактовке же Мангытов, Кунгратов и Мингов эта идея стала орудием своеобразного «изоляционизма» среднеазиатских постчингизидских правителей, поскольку позволяла им не допускать к борьбе за власть в Средней Азии любое семейство Чингизидов за исключением потомков Чагатая (к этому времени благополучно вымерших). В результате Чагатаиды, провозглашенные единственными законными правителями Средней Азии, были противопоставлены всем остальным чингизидским династиям. И, как ни парадоксально, в новой трактовке более легитимными правителями этого региона стали считаться Тимуриды, а не сменившие их чингизидские династии более позднего времени⁶⁰¹. И хотя, согласно исследованиям Т. К. Бейсембиева, эта концепция получила наибольшее развитие в конце XVIII—XIX вв., ее истоки, несомненно, берут начало из куда более ранней историографии. Например, уже Бабур в своих «Записках» себя представляет как потомственного властителя Мавераннахра, тогда как хан-Чингизид Мухаммад Шайбани, пришедший в Среднюю Азию из Восточного Дешт-и Кипчака, бывших золотоордынских владений, характеризуется как «чужак и враг»⁶⁰².

Преемниками Чагатаидов и Тимуридов и стали объявлять себя среднеазиатские правители постчингизидского периода. Весьма интересно отметить, что эта преемственность продвигалась не только на чисто политическом, идеологическом или даже историографическом, но и, так сказать, филологическом уровне. Среднеазиатские правители конца XVIII — начала XX вв. широко использовали чагатайский вариант тюркского языка («счагатайский тюрки») в литературе и разговорной речи, ранее широко распространившийся из Средней Азии по многим тюрко-монгольским государствам, но со временем вытесняемый среднеазиатским вариантом фарси⁶⁰³. Они покровительствовали поэтам, продолжавшим традиции классической среднеазиатской поэзии (заложенные Алишером Навои и др.). Например, кокандский Омар-хан, при котором собственно и началось создание традиции правопреемства династии Минг от Тимуридов, в 1820 г. направил османскому султану Махмуду II среди других подарков и поэтическую антологию, в которую вошли произведения Алишера Навои, Лутфи, Фузули и... самого Омар-хана, который, таким образом, демонстрировал не только политическое, но и культурное преемство от Тимуридов⁶⁰⁴.

Итак, идея чингизидского правления в единой империи к XVIII—XIX вв. трансформировалась в новую идеологию, отвечающую интересам «региональных» государств, стремившихся выйти

из-под власти Чингизидов. Для этого были использованы различные инструменты:

- идеологические (формирование концепции правопреемства именно от Чагатайской династии в ущерб правам на трон потомков золотоордынских Чингизидов);
- политико-правовые (сохранение ханских титулов, системы управления, налогов, источников права — в первую очередь, ханских указов-ярлыков, — и пр. от чингизидских времен, т. е. опять же прямое правопреемство, а не разрушение прежних государственных традиций и формирование новых);
- культурные (использование в качестве официального государственного языка чагатайского тюрки, покровительство ученым и поэтам, создание литературных антологий, открывавшихся произведениями чагатайских и тимуридских поэтов и т. д.).

Безусловно, мы не можем утверждать, что именно этот инструментарий обеспечил в полной мере нечингизидским правителям легитимацию сначала в XV–XVI, а затем и в XVIII — начале XX вв. (Минги правили до 1876 г., Мангыты и Кунграты — до 1920 г.). Конечно же, следует учитывать и кризис дома Чингизидов, утрачивавших авторитет в результате собственных междоусобиц, распада государств имперского типа, неспособности адаптировать свои политические взгляды и претензии к изменявшимся условиям. Другим важным обстоятельством стало все возрастающее влияние вождей кочевых племен, на которых были вынуждены опираться последние ханы-Чингизиды, постепенно уступая им фактическую власть в своих государствах. Со временем именно эти родоплеменные аристократы сами стали выбирать, кого возводить на престол (приглашая даже Чингизидов из Казахстана на троны Бухары, Хивы и Ферганы), пока не сочли, что в результате их действий авторитет «Золотого рода» упал настолько, что их может безболезненно сменить другая династия, прежде воспринимавшаяся Чингизидами как «черная кость».

Зачем же в этих условиях новые династии апеллировали к чингизидским традициям — либо прямо, либо опосредованно, через тимуридские? Ведь в глазах «Золотого рода» предъявляемых ими оснований было все равно недостаточно для формального признания прав Мангытов, Кунгратов, Мингов, и для Чингизидов они являлись узурпаторами, дерзнувшими нарушить монополию «Золотого рода» на ханский титул и верховную власть. Думаем, что эти сложные политико-идеологические конструкции были адресованы

не Чингизидам (которые для новых династий были уже «пройденным этапом»), а в какой-то мере иностранным державам, которые могли не разбираться в тонкостях перехода власти в тюрко-монгольских государствах, и в особенности другим родоплеменным аристократическим кланам внутри собственных государств. Ведь захват трона в результате свержения Чингизидов породил опасные прецеденты, которые могли быть обращены и против самих узурпаторов: любой могущественный клан в Бухарском, Хивинском или Кокандском ханстве мог последовать примеру, соответственно, Мангытов, Кунгратов и Мингов, свергнуть их и точно так же захватить трон и объявить себя ханами. Поэтому, едва укрепив свои позиции на тронах, новые правители постарались противопоставить себя другим равным по статусу аристократическим кланам, возвыситься над ними, ссылаясь на родство с Чингизидами, преемство от них. Впрочем, в полной мере отдавая себе отчет, что чингизидское происхождение перестало являться главным и единственным основанием для претензий на трон, узурпаторские династии задействовали и другие факторы легитимации — равно как и их противники.

Персидское и российское завоевание Средней Азии: проблемы законности правления иностраных вассалов

В 1740 г. знаменитый персидский завоеватель Надир-шах также завоевал Хорезм и казнил местного монарха. Поскольку никому из представителей местной династии он доверять не мог, на трон Хивинского ханства был возведен некий Тахир, потомок свергнутого бухарского хана Вали-Мухаммада⁶⁰⁵. Тахир, по всей видимости, родился в Иране, проживал до своего воцарения в Герате и носил титул «мирза», что вообще ставит под вопрос его статус султана-Чингизида. Тем не менее выбор Надир-шаха пал именно на него. При поддержке персидских войск Тахир был провозглашен ханом и в течение нескольких месяцев пытался распространять в Хорезме шиизм, жестоко расправляясь с инакомыслящими⁶⁰⁶. Его правление представлялось незаконным и вместе с тем жестоким, поэтому хивинцы предпочли призвать в качестве хана казахского султана Нурали (сына знаменитого хана Абу-л-Хайра), который с соблюдением всех церемоний был провозглашен ханом, а Тахир, не получивший поддержки от персов, сдался ему в плен и был казнен⁶⁰⁷.

Надир-шах постарался учесть свою ошибку и своим следующим ставленником в Хиве назначил уже более легитимного правителя — Абу-л-Мухаммад-султана, сына прежнего хана Ильбарса III (казненного самим же шахом!). Чтобы подчеркнуть его законность и привлечь население Хивы на его сторону, шах повелел ему именоваться Абу-л-Гази II (в честь знаменитого хивинского хана середины XVII в.). Однако и этот претендент был воспринят как незаконный правитель; он продержался несколько лет на троне лишь благодаря персидским войскам. Сразу после смерти Надир-шаха и начавшейся в Иране анархии он был свергнут и убит хивинцами, которые предпочли ему в качестве своего монарха очередного казахского султана⁶⁰⁸. Впоследствии в борьбу за хивинский престол вмешалась еще одна иностранная держава — Бухарское ханство. В 1748 и 1757 гг. эмир Мухаммад-Рахим, фактический правитель Бухары, содействовал возведению на трон, соответственно, казахского султана Каипа и хивинского принца-изгнанника Тимура-Гази. В 1771 и 1779 гг. брат Тимура-Гази, Артук-Гази⁶⁰⁹, и еще один родич, Пулад-Гази, также вступали на хивинский престол при поддержке Бухары. Все эти ханы вызывали недовольство местной знати приверженностью «к подножию престола эмира», в результате чего в Хиве каждый раз «происходила смута», приводившая к свержению бухарских ставленников, причем трое были изгнаны, а Тимур-Гази убит хивинской знатью⁶¹⁰.

Аналогичная ситуация имела место и в постчингизидских государствах — в частности, в ханствах Средней Азии второй пол. XIX в., когда российская имперская политика стала неотъемлемой частью политико-правового развития. Если правитель того или иного ханства, даже являясь потомственным монархом и занимая трон не один год, признавал зависимость от российских властей, у его подданных (по крайней мере, у части) могло возникнуть основание для признания его нелегитимным и выдвижения другого претендента на трон.

Так, вскоре после признания Бухарой вассалитета от Российской империи, в 1868 г. сын бухарского эмира Музаффера, Абд ал-Малик (Катта-тура), восстал, объявив свое выступление «священной войной» против русских и, соответственно, против своего отца, принявшего их сторону⁶¹¹. В 1873 г. туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман захватил Хиву и предпринял попытку начать переговоры с ханом Мухаммад-Рахимом II, бежавшим из города при приближении русских войск, население Хивы провозгласило

ханом его брата Атаджана-тура. Только под давлением русских новый правитель был вынужден написать брату-хану письмо с просьбой вернуться в столицу и вновь принять бразды правления⁶¹². Даже в Кокандском ханстве, которое не успело надолго попасть в зависимость от России (став вассалом России в 1868 г., оно было упразднено уже в 1876 г. и преобразовано в Ферганскую область), в 1875 г. претендент на ханский трон Султан-Мурад-бек, брат хана Худояра, в соответствии с фетвой казиев был обвинен в том, что является «человеком русских», был захвачен «воинами ислама» и вскоре умерщвлен по обвинению в том, что «продался русским»⁶¹³. Пострадал и сам Худояр, вынужденно признавший протекторат Российской империи. В том же 1875 г. против него выступил его собственный сын Наср ад-Дин, который объявил отца «всецело продавшимся неверным и лжившимся тем, что он получил от них титул светлейшего хана», и провозгласил ханом себя самого (правда, вскоре, подобно отцу, и он был вынужден признать российский протекторат)⁶¹⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что даже потомственные Чингизиды, избиравшиеся в ханы в соответствии с традицией на курултае, либо их преемники, также считавшиеся законными монархами, в случае признания зависимости от иностранного сюзерена теряли легитимность в глазах своих подданных. Это служило формальным поводом для их свержения и даже убийства, хотя в ряде случаев реальные причины для мятежных действий против монархов могли быть иными.

Кашгарские ходжи:

святители — светские монархи — вассалы иностранных правителей

Активная исламизация Могулистана (также именуемого в источниках и исследованиях Кашгарией или Восточным Туркестаном) началась еще в середине XIV в., ее принято связывать с приходом к власти первого могулистанского хана Тоглук-Тимура, сомнительность происхождения которого мы уже отмечали выше. Имея спорные права на трон, этот хан был вынужден привлекать на свою сторону самые разные круги населения Могулистана, в том числе и духовенство, а сделать это можно было лишь демонстрируя собственное рвение в распространении ислама. Соответственно, и Тоглук-Тимур вошел в историю даже как не просто ревностный,

а прямо-таки жестокий поборник ислама в Могулистане⁶¹⁵. Неудивительно, что позиции мусульманского духовенства в восточной части Чагатайского улуса существенно укрепились, что послужило причиной притока и других его представителей в этот регион.

В первой половине XVI в. весьма почитаемым в Бухаре шейхом являлся один из руководителей ордена Накшбандийя — Ахмад ал-Касани по прозвищу Махдум-и Азам, возводивший свое происхождение к шиитским имамам, потомкам халифа Али и, соответственно, к самому пророку Мухаммаду⁶¹⁶. Его сыновья Мухаммад-Амин (по прозвищу Ходжа-и Калан или Ишан-и Калан) и Мухаммад Исхак-Вали прибыли в Кашгарию и после ряда неудач добились высокого статуса при дворе местных ханов — потомков Тоглук-Тимура⁶¹⁷. Так, если могущественный Абд ал-Карим-хан еще изгонял ходжу Мухаммада Исхак-Вали из своих владений, то уже его брат и преемник Мухаммад-хан не только позволил ходже вернуться, но и объявил себя самого его мюридом⁶¹⁸. Потомство Мухаммад-Амин-ходжи получило в кашгарской историко-религиозной традиции название «белогорских ходжей», или просто «белогорцев» (актаглык), тогда как потомки Мухаммада Исхак-Вали стали именоваться, соответственно, «черногорскими ходжами», или «черногорцами» (каратаглык). Между ними началось соперничество за влияние, местное население, включая и членов ханского семейства, разделилось на приверженцев обеих «партий», и вскоре приверженность к «белогорцам» или «черногорцам» стала служить поводом для междоусобиц в Кашгарии⁶¹⁹.

Ок. 1670 г. на трон вступил хан Исмаил, считавшийся приверженцем черногорских ходжей, поэтому он начал репрессии против их соперников и вскоре изгнал из страны белогорского ходжу Хидаяталлаха, более известного под именем Аппак-ходжи. Изгнанник не смирился со своим положением и начал борьбу за возвращение в Кашгарию, что возымело довольно неожиданные последствия. В поисках могущественного покровителя Аппак-ходжа обратился не к мусульманским государям и даже не к другим авторитетным представителям мусульманского духовенства (вероятно, убоявшись, что они, видя в нем конкурента, могли отказаться помогать ему). а... к Далай-ламе V — главе буддийской церкви! И, что еще более удивительно, последний не только благожелательно отнесся к нему, но и отправил к своему «паладину» — джунгарскому Галдану Бошугту-хану, дав сопроводительное письмо, в котором писал: «Хан! Аппак — великая личность, которую Исмаил изгнал из

Кашгара. Вам надлежит послать войска, чтобы восстановить его положение!»⁶²⁰. В результате ок. 1678 г. войска буддийского правителя Галдана вторглись в Кашгарию, хан Исмаил был свергнут и увезен пленником в Джунгарию, а на трон возведен сам Аппак-ходжа, не имевший никакого отношения к династии Чингизидов⁶²¹, однако пользовавшийся большим авторитетом в силу своего происхождения и положения в ордене Накшбандий⁶²².

Воцарение Аппака, естественно, было вызовом чингизидской традиции, однако вполне вписывалось в политическую ситуацию — кризис власти Чингизидов, упадок их авторитета в глазах подданных и увеличение числа факторов легитимации власти, позволявшее представителям нечингизидских родов претендовать на ханский трон. Соответственно, происхождение от халифа Али и высокий духовный авторитет сделали возможным воцарение Аппак-ходжи — влиятельного представителя мусульманского духовенства. Вместе с тем, следует учитывать и позицию его покровителя — джунгарского Галдана Бошугту-хана, который, стремясь установить собственный контроль над Кашгарией, но при этом сам не будучи Чингизидом, не считал целесообразным возвести на кашгарский трон потомка Чингис-хана, имевшего, согласно тюрко-монгольским политическим традициям, более высокое происхождение, нежели сам хан Джунгарии. Соответственно, Аппак в его глазах выглядел более подходящим претендентом, поскольку опирался на серьезный фактор легитимации — религиозный авторитет, но при этом, не будучи связан с Чингизидами, не мог претендовать на более высокое положение, чем сам Галдан⁶²³.

Вместе с тем, бросив вызов чингизидской традиции, Аппак поначалу, видимо, не считал религиозный фактор легитимации, на который он опирался, достаточно серьезным противовесом происхождению от Чингис-хана. Только этим соображением можно объяснить, что вскоре после своего воцарения он добровольно сложил с себя светскую власть и возвел на трон Мухаммад-Амина — племянника свергнутого Исмаил-хана, а сам взял в жены его сестру Падшах-ханым⁶²⁴. По прошествии некоторого времени новый хан решил совершить поход против ойратов, причем победил их, захватив до тридцати тысяч пленных, в том числе и несколько влиятельных джунгарских вождей. Трудно сказать, что побудило хана, который на троне держался не очень прочно, и контролировал даже не всю Кашгарию (в ряде владений независимо правили его родичи), выступить против могущественного Джунгарского ханства. Скорее

всего, его подстрекнул к этому Аппак-ходжа⁶²⁵, который надеялся, что хан в результате этого мероприятия либо потерпит поражение, либо вызовет гнев ойратов, тем самым еще более ослабив и без того пошатнувшийся авторитет Чингизидов в Могулистане. Когда же этого не произошло, ходжа взбунтовал своих сторонников против Мухаммад-Амина, который был вынужден бежать из Яркенда и вскоре погиб, убитый одним из собственных приближенных⁶²⁶.

На освободившийся трон около 1692 г. вновь вступил Аппак-ходжа, уже более уверенно опиравшийся на религиозный фактор, чем ранее, тем более что и соперников среди Чингизидов ему не находилось, несмотря на то что несколько потомков «Золотого рода» все еще пребывали в Кашгарии и претендовали на трон. Аппак умер в марте 1694 г., уже в качестве светского властителя передав трон своему старшему сыну Яхье-ходже (до этого времени управлявшему Кашгаром в качестве наместника отца), которого еще при жизни торжественно возвел на трон с титулом «ходжахан», несмотря на то что наследник не имел ни капли чингизидской крови⁶²⁷. Однако Яхья-ходжа полгода спустя после воцарения был убит вместе с двумя сыновьями в результате заговора Падшах-ханым, намеревавшейся закрепить трон за своим сыном Махди — младшим сыном Аппака, имевшим всего пять лет от роду⁶²⁸. Несомненно, ханша считала, что его позиции будут достаточно прочны в силу происхождения от халифа Али по мужской линии и от Чингис-хана по женской, однако просчиталась: спустя еще полгода и сама она была убита⁶²⁹.

Воспользовавшись династическим кризисом белогорских ходжей, могулистанские Чингизиды попытались взять реванш: младший брат Мухаммад-Амин-хана, Мухаммад-Мумин, более известный как Акбаш-хан, захватил Яркенд, истребил множество фанатиков — сторонников белогорских ходжей — и вступил на трон. Чтобы создать противовес влиятельным белогорцам и самому опереться на религиозный фактор, он женился на вдове Яхьи-ходжи и к тому же решил призвать в Яркенд старейшину соперничавшего с ними клана черногорских ходжей — Даниель-ходжу. Однако в последний момент хан передумал и, уже получив согласие ходжи, не позволил ему приехать. Укрепившись в Яркенде, Акбаш-хан решил подчинить своей власти и Кашгар, однако местные жители, объявив своим ханом Ахмад-ходжу (третьего уцелевшего сына Яхьи-ходжи), призвали на помощь киргизов и сами выступили на Яркенд. Акбаш-хан потерпел поражение, причем разные источники

по-разному сообщают о его последующей судьбе. Шах-Махмуд Чурас в «Анис ат-талибин» сообщает, что киргизы убили его, и это стало божьим наказанием хану за то, что он не пригласил в Яркенд Даниель-ходжу, как обещал⁶³⁰. Мухаммад Садык Кашгари утверждает, что Акбаш покинул Яркенд и выехал в Индию вместе со своим племянником Махди-ходжой⁶³¹. Как бы то ни было, Акбаш оказался последним Чагатаидом на троне Кашгарии, после которого династия, по-видимому, пресеклась⁶³². В том же 1695 г. сторонники «Золотого рода» в Яркенде попытались преодолеть династический кризис, поступив точно так же, как поступали хивинцы после пресечения династии Арабшахидов: они призвали на трон казахского Чингизида — султана Ишима. Однако он, будучи «чужаком» в Могулистане, так и не сумел упрочить свое положение и должен был покинуть город под давлением сторонников ходжей⁶³³. В результате с 1695 г. в Яркенде укрепился Даниель-ходжа, представитель черногорцев, а в Кашгаре — его противник Ахмад-ходжа, лидер белогорцев, который, впрочем, вскоре был пленен ойратами, которые захватили Кашгар в союзе с признавшим их покровительство Даниель-ходжой⁶³⁴.

В 1713 г. вызвавший гнев своих покровителей-ойратов Даниель-ходжа был, в свою очередь, схвачен увезен в Джунгарию⁶³⁵, откуда был отпущен только через семь лет, в 1720 г. После этого до самой своей смерти в 1735 г. он оставался правителем Кашгарии и умер, передав власть своим четырем сыновьям, старший из которых, Джахан-ходжа, получил Яркенд и был признан братьями в качестве хана⁶³⁶. Несомненно, разделение было произведено по воле джунгарских властей, которые опасались сильно укрепившегося к этому времени авторитета ходжей, признаваемых местным населением уже в качестве законных, потомственных монархов. Тем не менее своей цели они не достигли: между черногорскими ходжами соперничества не возникло, напротив, они начали укреплять свои города и увеличивать войска. Осведомители доносили джунгарским властям, что эти приготовления ведутся против них, и тогда ойраты в 1754 г. арестовали яркендского хана Джахан-ходжу⁶³⁷.

Арест хана-ходжи послужил предлогом для выступления его родственников против ойратского владычества, причем весьма своевременным: Джунгарское ханство в это время само переживало династический кризис и было вынуждено признать вассальную зависимость от империи Цин. В отличие от ойратов, китайские власти решили действовать не грубой силой, а путем интриг: стремясь

подорвать легитимность черногорцев, они направили в Кашгарию их главных соперников — белогорских ходжей Бурхан ад-Дин-ходжу и Хан-ходжу, сыновей бывшего кашгарского правителя Ахмад-ходжи⁶³⁸. За короткое время при поддержке цинских властей, ойратов и местного населения белогорцам удалось подчинить всю Кашгарию, однако зависимость от империи Цин ослабляла их легитимность в глазах подданных, и они решили в очередной раз опереться на религиозный фактор, но же в другой форме.

Кашгарские ходжи: вожди национально-освободительной борьбы

Выше мы уже достаточно подробно описали процесс прихода к власти в кон. XVII в. кашгарских ходжей, которые уже в сер. XVIII в. были вынуждены признать вассальную зависимость от империи Цин. Однако когда враждебные Китаю черногорские ходжи были изгнаны из Восточного Туркестана и на троне оказался лояльный маньчжурам белогорец Бурхан ад-Дин-ходжа, в кашгарской политике произошли существенные изменения. Понимая, что сильно проигрывает по сравнению с изгнанными противниками, ставленник Китая решил напомнить своим подданным о своем происхождении от почитаемых святых и... призвать население к борьбе против своих прежних покровителей — китайцев. Это было тем проще сделать, что китайцы являлись «неверными», следовательно, борьба с ними должна была стать общим делом для всех мусульман Кашгарии — независимо от того, сторонниками какой династии ходжей они являются. В результате в 1758 г. белогорские ходжи сумели превратить религиозный фактор в национальный и возглавили восстание против империи Цин. Однако уже в 1759 г. восстание было подавлено, Бурхан ад-Дин и его брат Хан-ходжа бежали в Бадахшан, где их в том же году убил местный правитель Султаншах — за эту услугу китайские власти еще долго выплачивали его потомкам, бадахшанским шахам, специальную пенсию⁶³⁹.

Наверное, действия ходжей были, в принципе, правильными, поскольку население Кашгарии или Восточного Туркестана (или Синьцзяна, как этот регион именуется сегодня) издавна характеризовалось разобщенностью и отсутствием четкой этнической и национальной идентичности⁶⁴⁰. Более того, в силу давнего влияния мусульманского духовенства на все сферы жизни государства и общества Восточного Туркестана (особенно после установления

теократической монархии ходжей) четко отделить светскую власть от религиозной было практически невозможно⁶⁴¹. Таким образом, фактически по умолчанию опора на религиозный фактор становилась едва ли не единственным средством признания законности претендента на власть. Другое дело, что у них не хватило ни войск, ни времени, чтобы привлечь мусульманское население региона к борьбе с империей Цин, почему они и потерпели поражение.

Большинство ходжей погибло во время восстания, из семи сыновей Бурхан ад-Дин-ходжи уцелел только один, Сарымсак (Саали-ходжа), многочисленные потомки которого нашли убежище в Коканде. Китайцы прекрасно понимали, насколько важна роль ходжей как потенциальных предводителей антицинского движения. Поэтому они уступили Кокандскому ханству право сбора отдельных пошлин в Восточном Туркестане и предоставили ряд дополнительных привилегий — исключительно за то, чтобы ханы Коканда установили надзор за ходжами и не допускали их попыток вернуть себе трон Кашгарии⁶⁴².

Однако время от времени отношения между Кокандом и империей Цин осложнялись, и тогда ханы использовали ходжей как средство давления на Китай. В течение 1820–1860-х гг. сыновья и внуки ходжи Сарымсака раз за разом предпринимали попытки свергнуть цинское господство в Восточном Туркестане и восстановить свою власть. И, как ни странно, хотя раз за разом терпели поражения, при очередной попытке вновь находили большое количество сторонников, которых вели на борьбу против китайцев. Несомненно, такую тенденцию можно объяснить исключительно тем, что ходжи являлись символом религиозной борьбы, в глазах населения Кашгарии являвшейся также и борьбой против иностранного владычества — владычества «неверных» китайцев. Неслучайно в исследовательской литературе этот период характеризуется как «джихад ходжей»⁶⁴³.

Так, в мае 1826 г. Джахангир(Джангир)-ходжа б. Сарымсак, за несколько лет до этого бежавший в киргизские степи из-под надзора кокандского хана, не пожелавшего поддержать его идею «священной войны» в Восточном Туркестане⁶⁴⁴, практически без боя захватил Кашгар, при ликовании народа был провозглашен правителем с титулом Сайид-Джахангир-султана и восстановил мусульманские институты управления по кокандскому образцу. Проводя сравнительно либеральную внутреннюю политику, он сумел обеспечить себе поддержку практически всего населения государства, включая даже

тех, кто ранее целиком стоял на стороне цинских властей, а мусульманское население других областей, все еще контролировавшихся маньчжурами, готовило заговоры в пользу ходжи. Джахангир-ходжа также пытался создать коалицию из мусульманских государей Центральной Азии против империи Цин, однако сумел добиться только присылки отряда из Коканда. В 1827 г. китайское войско численностью в 70 000 чел. вступило в пределы Кашгарии. Но хотя ходжа мог выставить до 200 000 воинов, его воины не имели достаточного опыта войны с регулярной китайской армией, были плохо вооружены. Тем не менее Джахангир, подобно своему деду Бурхан ад-Дин-ходже, объявил газават и призвал всех «правоверных» выступить против иноземцев. В первом же сражении ходжа был разгромлен, но не сложил оружия: он бежал к киргизам и в 1828 г. во главе их конницы сумел даже разгромить одно из китайских воинских соединений. Однако вскоре один из кашгарских наместников, преданный маньчжурам, изменническим образом захватил ходжу, который был брошен в тюрьму и через несколько лет предан казни⁶⁴⁵.

Следующая попытка ходжей вернуть власть в Кашгарии была предпринята уже не по их собственному желанию, а по прямому указанию кокандского хана. В 1829 г. Мухаммад-Али-хан, стремившийся распространить свое влияние на Восточный Туркестан, вызвал из Бухары Мэд(Мухаммад)-Юсуф-ходжу, старшего брата Джахангир-ходжи, и отправил его на завоевание Восточного Туркестана, бросив при этом клич ко всем правоверным мусульманам помочь кашгарским единоверцам освободиться от китайского ига. В результате в сентябре 1830 г. Мэд-Юсуф-ходжа выступил на Кашгар во главе армии кокандцев, ташкентцев, горных таджиков и кашгарских эмигрантов, достигшей общей численности 40 000 человек, причем во главе ее стояли высшие ханские военачальники. Т. е. на этот раз Кокандское ханство под предлогом помощи единоверцам прямо заявляло о своем вмешательстве во внутренние дела империи Цин, признавая права белогорского ходжи на кашгарский трон.

Как и его брат, Мэд-Юсуф-ходжа с триумфом вошел в Кашгар и был провозглашен правителем, а кокандские военачальники в ближайшие же дни захватили Янысар, Яркенд и Хотан, причем действовали настолько решительно, что китайские войска даже не решились сразу оказать им сопротивление. Казалось, совместные действия двух мусульманских государей — кокандского хана и кашгарского ходжи — позволили вырвать Восточный Туркестан из рук китайцев. Однако далеко не все среднеазиатские правители

разделили идеи священной войны с иноверцами: в самый разгар восстания в Кашгарии на границы Кокандского ханства обрушились войска Бухарского эмирата, и кокандским войскам было приказано вернуться в ханство. Мэд-Юсуф-ходжа, не обладая отвагой брата, не стал дожидаться ответных действий китайцев и поспешил в Коканд, пробыв на троне предков всего три месяца⁶⁴⁶.

Начиная с 1842 г. Кокандское ханство сотрясали внутренние смуты и междоусобицы, ханы — ставленники разных кланов — менялись на престоле каждые два-три года. Естественно, в таких условиях Коканду было не до помощи Кашгарии в борьбе с Китаем. Не могли кокандские власти допустить и самостоятельных действий ходжей, поскольку это ухудшило бы и без того непростые отношения с империей Цин. Однако как раз в это время на политическую сцену выступило следующее поколение белогорских ходжей, которое в свою очередь решило попытаться счастья.

В 1847 г. началось движение, получившее название «бунта семи ходжей»: именно столько потомков Аппака вторглось в Кашгарию с намерением вернуть наследие предков. Главными их предводителями стали три сына Мэд-Юсуф-ходжи — Мухаммад-Амин-ходжа, более известный под именами Ишан-хан-тура и Катта-хан (старший хан) и его братья Вали-хан-тура и Кичик-хан-тура. Судя по приставке «тура», которая традиционно принадлежала только потомкам Чингис-хана⁶⁴⁷, претенденты считали себя не только ходжами, но и «природными» ханами. Поэтому, подобно дяде и отцу, легко захватив Кашгар и несколько других городов, они, в отличие от старших родственников, не позаботились о привлечении симпатий населения и его поддержке. Первые же дни правления ходжей ознаменовались грабежами, их двор составили не представители местной знати, а выходцы из Коканда, а первым государственным деянием, которое они совершили, стало создание собственных гаремов. Соответственно, они упустили время, за которое можно было бы организовать оборону от китайцев, поэтому приход последних оказался для ходжей неожиданностью. Катта-хан узнал о выступлении китайцев, когда сам находился в походе на Яркенд; он тут же бросился обратно в Кашгар, однако жители города, недовольные предпочтением, которое правитель оказывал кокандцам, заперли перед ним ворота. Как и их отец семнадцатью годами раньше, ходжи поспешили под защиту Коканда⁶⁴⁸.

Несмотря на неудачный опыт трех братьев, кокандские власти продолжали покровительствовать им: с их помощью можно было

продолжать оказывать дипломатическое давление на империю Цин и требовать у нее новых уступок в торговой и политической сфере⁶⁴⁹. При поддержке кокандских ханов Вали-хан-тура сделал еще три попытки вторжения в Кашгарию, однако все они оказались неудачными: в 1851 г. он осадил Яркенд, но амбань, китайский наместник, разгромил его и заставил бежать; а в 1855 и 1856 гг. Вали-хан-тура вместе со своим братом Кичик-ханом-тура даже не попали в Кашгарию, поскольку не смогли преодолеть маньчжурские пограничные пикеты⁶⁵⁰.

Видя, что население Кашгарии в силу как военных неудач, так и личных качеств сыновей Мэд-Юсуф-ходжи утратило к ним доверие, они тем не менее не отказались от борьбы за власть. Правда, когда во время следующего восстания, в 1857 г., Вали-хан вступил в Кашгар, он действовал уже не от имени себя и братьев, а от имени двоюродного брата — Бузрук-хана-тура б. Джахангир-ходжи. Это оказало надлежащий эффект, поскольку Бузрук-хан пользовался большим уважением в память о своем отце, а кроме того, не успел испортить себе репутацию, поскольку не участвовал в предыдущих авантюрах своих родственников. Однако, захватив от его имени Кашгар, Вали-хан стал править в нем сам и оставил по себе самую мрачную память. Еще во время восстания 1847 г., когда он владел городом Янысаром, он ознаменовал свое правление жестокими казнями, теперь же, когда в его власти оказалась вся Кашгария, масштабы его зверств также возросли. Он казнил представителей знати, торгового сословия и простолюдинов — как за правонарушения, так и по собственному произволу. Сохранился, например, рассказ о том, что он отрубил голову сыну кузнеца, принесшего ему саблю, лишь для того, чтобы проверить остроту клинка. Кроме того, как и в 1847 г. он окружил себя кокандцами, стал заставлять местных жителей одеваться по ферганской моде и чаще посещать мечети, что также не могло улучшить отношение населения к нему. Наконец, Вали-хан-тура пристрастился к курению гашиша и, одурманивая себя, выдумывал все новые и новые жестокости. В том же 1857 г. им был казнен по подозрению в шпионаже прусский ученый и путешественник А. Шлагенвейт, судьба которого выяснилась лишь несколько лет спустя⁶⁵¹. Из голов своих жертв Вали-хан-тура по примеру Чингис-хана, Амира Тимура и их потомков приказал соорудить на берегу реки башню, которая росла едва ли не ежедневно.

Впрочем, интересно отметить, что, несмотря на все свои пороки, он прекрасно осознавал, что его положение ходжи обеспечивает

ему покорность и послушание его подданных. И он не только злоупотреблял им, заставляя кашгарцев сносить свои беспричинные жестокости, но и мог использовать в политических и военных целях. Так, направив в поход на Яркенд своего военачальника Тилля-хана, он также объявил его ходжой (т. е. признал своим родичем), и население города открыло бы перед ним ворота без боя, если бы яркендский хаким не уверил горожан, что Тилля-хан — никакой ни ходжа, а сын мясника.

Естественно, такой правитель долго у власти оставаться не мог. Поэтому как только китайцы вступили на территорию Кашгарии, население не выразило готовности защитить Вали-хана-тура, и только очередная серия жестоких расправ заставила их приступить к обороне. Когда же китайцы достигли Кашгара, войска ходжи стали в массовом порядке дезертировать. Увидев, что воинов у него не осталось, и сам Вали-хан-тура также бежал⁶⁵².

Последним правлением этот ходжа настолько подорвал собственную репутацию, что когда в 1864 г. он в очередной раз появился в Кашгарии, то местное население, которое «испытало много горя от ходжей», даже не дожидаясь китайских войск, выступило против него⁶⁵³. Кажется, ходжам уже не суждено вернуться во владения своих предков, и даже их происхождение и религиозный авторитет не помогут им в этом.

Однако в том же 1864 г. в Восточном Туркестане началось мощное антицинское восстание, причем сразу в ряде городов, в каждом из которых был провозглашен собственный независимый правитель. В Куче дунганское население возвело на трон потомка почитаемого средневекового мусульманского святителя Рашид ад-Дин-ходжу, принявшего титул Хан-ходжи (в знак претензий не только на ханскую власть, но и на происхождение от пророка Мухаммада⁶⁵⁴); Уч-Турфан возглавил его двоюродный брат Бурхан ад-Дин-ходжа, Аксу — Джалал ад-Дин-ходжа, Хотан — Хабибула (Хаджи-падшах)⁶⁵⁵. Можно было бы не упоминать всех этих правителей, большинство которых сошло с политической сцены уже в 1865–1867 гг., однако нельзя не обратить внимания на два момента. Во-первых, каждый из правителей именно себя считал главой всей Кашгарии и готов был воевать с другими, чтобы заставить их признать себя верховным правителем. Во-вторых, как видим, практически все новые правители имели титул «ходжа», хотя по происхождению не принадлежали ни к белогорцам, ни к черногорцам. Это заставляет предполагать, что правители-узурпаторы считали себя равными

прежним правителям Кашгарии по статусу, а также — предводителями газавата, священной войны с «неверными», т. е. китайцами. Таким образом, они использовали опыт ходжей, старавшихся в свое время объединить население Кашгарии под своей властью, опираясь именно на религиозный авторитет. В глазах новых претендентов на верховную власть, оказывается, уже не надо было иметь происхождения от почитаемых мусульманских святителей (не говоря уж о крови рода Чингизидов), чтобы занять трон и, объединив подданных, повести их за собой на «священную войну»⁶⁵⁶.

Вскоре в Кашгарию прибыл известный среднеазиатский авантюрист — казахский султан Садык, сын мятежного хана Кенесары, боровшегося в 1830–1840-е гг. с российскими властями в Казахстане. Садык вступил в борьбу с маньчжурскими войсками, но, чтобы увеличить число своих сторонников, а заодно и придать легитимность своим действиям, он направил послание кокандскому хану (чьим подданным в то время номинально считался), прося прислать в Кашгарию кого-либо из белогорских ходжей. В результате в регион в начале 1865 г. был направлен Бузрук-хан-тура, номинально объявленный верховным правителем Кашгарии. Садык надеялся, что ходжа своим религиозным авторитетом сумеет объединить оставших жителей Кашгарии и позволит ему, Садыку, обрести от его имени всю полноту светской власти, надеясь, таким образом, в очередной раз использовать религиозный фактор как фактор национального объединения и закрепления собственной власти⁶⁵⁷. Однако роль фактического правителя Кашгарии кокандские власти отвели не Садыку, а кокандскому сановнику Якуб-беку. Казахскому султану пришлось смириться со своим подчиненным положением, он подчинился Якуб-беку, однако вскоре взбунтовал против него часть войск, был разгромлен и бежал в Хиву⁶⁵⁸.

Бузрук-хан-ходжа, по-видимому, прекрасно понимая, что реальной власти у него нет, даже не попытался стать национальным лидером Кашгарии. Формально именуясь ханом, он передоверил все дела Якуб-беку, тогда как сам, подобно своим родичам, поднимавшим восстания десятилетиями ранее, вел образ жизни, весьма далекий от благочестивого. В его дворце день и ночь играла музыка, появлялись мужчины и женщины легкого поведения и т. д. Кроме того, он позволил вовлечь себя в заговор кипчакских и киргизских военачальников Кашгара против всемогущего временщика, после раскрытия которого последние его сторонники были частично перебиты, частично изгнаны из Кашгара⁶⁵⁹.

На словах предупреждая ходжу о недопустимости подобного поведения, Якуб-бек втайне вел переговоры с его двоюродным братом — Ишан-ханом-тура, который вскоре прибыл в Кашгар и был торжественно провозглашен новым правителем, Бузрук-хану-тура же пришлось удалиться. Однако новый правитель скончался три месяца спустя, и, хотя Якуб-бек на его похоронах изображал бурную скорбь, в народе пошли слухи, что именно он отравил ходжу. Когда же еще через два месяца скончался и Вали-хан-тура, который вполне откровенно не ладил с Якуб-беком, то уже ни у кого не было сомнений в виновности временщика. Наиболее законным претендентом на престол оставался Хаким-хан-тура — сын Ишан-хана-тура, однако Якуб-бек избавился от него, отправив наместником в город Маралбаши, а затем — в Турфан⁶⁶⁰.

Некоторое время спустя Бузрук-хан-тура вернулся в Кашгар, вновь став номинальным ханом. Однако за время его отсутствия Якуб-бек успел продемонстрировать способность управлять самостоятельно, и его последующие завоевания, учитывая образ жизни и склонности ходжи, никто не пытался приписать номинальному хану. В результате в 1867 г. Якуб-бек фактически низложил Бузрук-хана-тура и заставил покинуть Кашгарию — под благовидным предлогом совершения хаджа в Мекку⁶⁶¹.

Последняя попытка белогорских ходжей вернуть себе власть над Кашгарией относится к 1877 г., когда после смерти Якуб-бека началась борьба за власть между его сыновьями. Хаким-хан-тура увидел в этих событиях возможность захватить трон, от которого его бесцеремонно отстранили двенадцать лет назад, и вмешался в борьбу. Несмотря на то что его родичи-ходжи уже успели себя дискредитировать как неспособные и неэффективные правители, у ходжи нашлись сторонники, которые провозгласили его правителем в ущерб Бек-Кули-беку, старшему сыну Якуб-бека. Ходжа обосновался в Аксу, куда вскоре подошел Бек-Кули-бек и, подобно отцу, сумел одержать победу над потомком белогорских ходжей, разгромив его и заставив бежать. Хаким-хан-тура добрался до Ташкента, где на некоторое время попал под арест русских властей, однако вскоре был выпущен и получил разрешение поселиться в Ферганской области, до конца жизни пользуясь уважением населения и живя на народные пожертвования как потомок прежних властителей Кашгарии⁶⁶².

Следует согласиться с мнением, что белогорские ходжи в XIX в. не сумели преуспеть в своей деятельности, поскольку не пытались

адаптироваться к изменившимся условиям, уповая на то, что их происхождение является главным основанием претензий на власть и должно привлечь к ним население всего Восточного Туркестана⁶⁶³. Они не смогли эффективно использовать религиозный фактор, превратив его в фактор национального единства и освободительной борьбы против «неверных», поскольку, во-первых, не сумели предстать в глазах населения Кашгарии ревнителями его интересов, а во-вторых, постоянно соперничали за власть между собой. В результате уже с середины XIX в. они перестали считаться законными претендентами на трон, существенно уступая другим, не имевшим такого значительного фактора легитимации, как религиозный.

Восточный Туркестан (Синьцзян) еще в течение долгого времени оставался болевой точкой китайских властей: восстания против империи Цин, а затем — и против республиканского Китая поднимались здесь до середины XX в. — достаточно вспомнить, например, комкульское восстание 1931–1934 гг., Восточно-Туркестанскую Республику во главе с Алиханом-тура, существовавшую в 1944–1949 гг., движение Осман-батыра, подавленное лишь к 1951 г. При чем предводители этих восстаний также использовали уроки своих предшественников, превращая религиозный фактор в фактор национальной борьбы. Последним, по хронологии, примером такого рода является провозглашение алтайскими казахами в 1943 г. Осман (Оспан)-батыра ханом в соответствии с древними обычаями, в том числе и поднятием на белом войлоке. Причиной присвоения ему столь высокого статуса стала его борьба за независимость всех китайских подданных, исповедующих ислам⁶⁶⁴.

Из духовных властителей в узурпаторы: претензии ходжей на власть в среднеазиатских ханствах

Ситуация в Могулистане в какой-то степени была уникальной: приверженность местного населения и знати к «белогорцам» и «черногорцам» позволила ходжам захватить светскую власть и даже создать собственные ханские династии. Однако аналогичные попытки предпринимались и в западной части бывшего Чагатайского улуса, где позиции мусульманского духовенства также были весьма сильны, что позволяло потомкам почитаемых святителей задействовать религиозный фактор борьбы за власть.

Так, по одной из версий, Абу-л-Гази, последний бухарский хан, считавшийся Чингизидом, был всего лишь сыном дочери хана Абу-л-Файза Аштарханида, тогда как его отцом являлся сайид или ходжа Абд ар-Рахим. Несмотря на то что до воцарения этот монарх имел весьма скромное положение («в тумане Ханкар занимался земледелием»), всесильный бухарский аталык Даниял-бий счел его происхождение более достойным, чем свое или своего внучатого племянника Фазыл-тура, и возвел его на трон⁶⁶⁵. Неудивительно, что начиная уже с эмира Хайдара (который и первым среди Мангытов стал именоваться тура — потомком Чингис-хана) бухарские эмиры стали называться сайидами, потомками пророка Мухаммада⁶⁶⁶, таким образом, закрепляя свое право на власть в глазах не только светских конкурентов, но и духовных.

В течение длительного времени кокандские бии из племени Минг (будущие властители Кокандского ханства) были вынуждены бороться за власть с представителями теократической монархии — ходжами, управлявшими Северной Ферганой с центром в Чадаке, династии ходжей также правили в Чусте и Тура-кургане⁶⁶⁷. Ташкент, некогда являвшийся столицей Чагатаидов Могулистана, затем — владением одной из ветвей династии бухарских Шайбанидов и, наконец, ханов казахского Большого жуза⁶⁶⁸, в конце XVIII в. попал под власть Юнус-ходжи, превратившего его в самостоятельное государство⁶⁶⁹. В среднеазиатской традиции этот правитель именовался хакимом⁶⁷⁰, в русской — «владельцем»⁶⁷¹, но фактически осуществлял именно ханскую власть, причем не только в самом Ташкенте, но и претендовал на другие среднеазиатские владения, а после смерти передал власть своим сыновьям — опять же как светский государь⁶⁷². Соперничество ферганских ходжей за светскую власть (хотя и в форме теократии) с родоплеменными кланами было столь упорным, что, когда оно закончилось победой кокандского бия Алима, он в ознаменование этой победы даже принял ханский титул, чтобы показать, что теперь возвысился не только над другими биями, но и над потомками мусульманских святых⁶⁷³.

Однако, победив «теократические государства» Ферганы и Ташкента, кокандские государи столкнулись с появлением узурпаторов, пытавшихся отнять у них власть в собственном ханстве на основании религиозного фактора.

В 1822 г., после смерти Омар-хана, его старшая сестра Афтайим, супруга Масум-хан-тура (потомка Махдум-и Азама), потребовала передать трон своему сыну Чини-тура, который через нее

приходился внуком Нарбута-бию, племянником Алим-хану и Омар-хану и, соответственно, старшим двоюродным братом их сыновьям. Не принадлежа к ханскому роду по мужской линии, этот претендент мог опереться на религиозный фактор: традиционный в Средней Азии пietet к роду Махдум-и Азама давал ему значительное число сторонников в борьбе за трон⁶⁷⁴.

В 1847 г. кокандские эмиры, недовольные засильем при дворе хана Худояра предводителей племени кипчак, предприняли попытку возвести на трон Падшах-ходжу-тура, потомка Лутфаллаха Чусты — еще одного почитаемого в ханстве святителя. Однако кипчакские сановники раскрыли заговор, перебили часть заговорщиков, а остальным пришлось бежать. Падшах-ходжа также, помимо принадлежности к роду ходжей, был внуком Нарбута-бия по материнской линии, что повышало его шансы на признание в качестве хана, если бы заговор в его пользу увенчался успехом⁶⁷⁵.

В 1855 г. был раскрыт заговор еще одного внука Нарбута-бия, Рустам-хана-тура (двоюродного брата по отцу вышеупомянутого Чини-тура), против хана Худояра. Как и в случаях с его предшественниками, часть его сторонников была казнена (хан приказал казнить и самого Рустам-хана), часть — изгнана из города⁶⁷⁶. Однако урок не пошел впрок претенденту, и в 1862 г., когда против Худояра выступило сразу несколько претендентов, он вновь предпринял попытку занять трон и в окрестностях Андижана был провозглашен ханом⁶⁷⁷.

Таким образом, в отличие от кашгарских ходжей, ходжи в Средней Азии делали ставку не только на свое происхождение от почитаемых мусульманских святителей, но и на родство с прежней династией (даже если она официально не являлась чингизидской, как, например, династия Минг в Коканде). При этом довольно широко ходжи-узурпаторы пользовались в качестве дополнительного основания обвинением легитимного хана, выступая поборниками справедливости и даже время от времени — защитниками интересов народа, который готов был поддержать таких претендентов на трон⁶⁷⁸.

Появление ханов в Киргизии в XIX–XX вв.: узурпация или национально-освободительная борьба?

Уникальность возведения влиятельного киргизского манапа племени сары-багыш Ормона Ниязбек уулу (Урмана Ниязбекова) в ханы киргизов в 1842 г. состоит в том, что прежде институт

ханской власти среди киргизов не существовал: они находились в подчинении у чагатайских ханов, затем — у джунгарских или казахских монархов, а в XIX в. — у кокандских ханов. Все эти правители, как правило, назначали наместников из числа самих киргизов, которым жаловали титулы в соответствии с собственной иерархией. Так, сам Ормон в свое время был пожалован высоким кокандским званием парвоначи⁶⁷⁹. Чингизидов среди киргизов (в отличие от казахов или узбеков) никогда не было, и они выделяли в качестве «белой кости» потомков неких родоначальников киргизского народа⁶⁸⁰.

Тем не менее в 1842 г. (а по некоторым сведениям — даже в 1831 г.) Ормон был торжественно возведен в ханы, и его власть была признана рядом киргизских родов. Сама церемония интронизации (поднятие на белом войлоке) и последующие действия новоизбранного хана свидетельствовали о заимствовании традиций из опыта чингизидских государств. Хан издавал указы (в русской традиции — «декреты», по-видимому, имелись в виду ханские ярлыки), создал ханский совет, исполнявший также и судебные полномочия⁶⁸¹. Таким образом, киргизский хан, по крайней мере формально, видел себя в какой-то степени преемником ханской власти Чингизидов, на которую, в силу своего происхождения, а также отсутствия традиций этого института в Киргизии, прав не имел.

Международного признания в качестве хана Ормон так и не получил. Например, русские власти в 1850-е гг. писали ему как «почтеннейшему манапу»⁶⁸². Кроме того, и сам Ормон вел переговоры с российскими властями о вступлении киргизов в подданство Российской империи, т. е., по-видимому, не рассматривал себя как суверенного правителя.

Любопытно отметить, что сам Ормон, кажется, даже после своего возведения в ханы не вступал в прямую конфронтацию с Кокандом. Так, ок. 1847 г. он по поручению кокандского сановника Лашкара-кушбеги вместе с другим предводителем племени сары-багыш Убайдаллахом разгромил маньчжурский отряд, вторгшийся в киргизские земли. Впрочем, поскольку этот факт известен из кокандских придворных хроник⁶⁸³, трудно сказать, действовал ли Ормон и в самом деле по распоряжению кокандских властей или же отражал нападение, совершенное на его собственные владения, что оказалось небезвыгодным и для кокандцев.

Таким образом, можно сделать вывод, что Ормон сам, вероятно, сознавал неполную легитимность своего избрания в ханы и,

соответственно, не настаивал на титуловании себя ханом в международных отношениях, чтобы не вызывать обвинений в узурпации⁶⁸⁴. Тем не менее его вступление на ханский трон послужило прецедентом и для других: вождь киргизского племени бугу Боромбай также объявил себя ханом, хотя признавался в качестве такового лишь среди своих собственных соплеменников⁶⁸⁵. Он даже видел в Ормоне своего соперника: именно племя бугу с согласия (если не по прямому распоряжению) Боромбая в 1855 г. напало на Ормона, и 80-летний хан погиб в битве⁶⁸⁶.

Трудно сказать, какими именно причинами было обусловлено столь нетипичное для киргизов решение провозгласить собственного хана. Анализ социально-экономических и политических условий в Киргизии к моменту вступления Ормона на трон дает основание предположить, что это был именно акт национально-освободительной борьбы. Исследователи отмечали сложность экономической ситуации в Киргизии: среднеазиатские ханства начали интенсивно «втягивать» киргизов в орбиту своего экономического влияния, причем использовали для этого как хозяйственные методы (внедрение торговых отношений среди самих киргизов), так и религиозную пропаганду. Кроме того, именно в этот период в Казахстане наиболее активно действовал Кенесары Касымов, который стремился подчинить своей власти и киргизов (помня, что некогда они подчинялись его предкам-ханам). Неудивительно, что путем избрания собственного хана и признания его власти многими разрозненными киргизскими племенами «последний раз в истории киргизского народа была сделана попытка создания политического объединения»⁶⁸⁷. Именно Ормон возглавил объединенные силы киргизов и кокандцев в сражении, в котором Кенесары был разгромлен и взят в плен, а затем казнен⁶⁸⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что Ормон, несмотря на попытки проведения реформы системы управления в своем «ханстве», по большому счету был своего рода военным вождем, необходимость в котором возникла лишь в связи с тем, что положение киргизов в это время оказалось наиболее опасным. Он также стал своеобразным символом, знаменем, вокруг которого объединялись его соплеменники для совместного отражения внешней агрессии, тогда как во внутренней жизни ханская власть частью киргизских племен признавалась лишь номинально или не признавалась вообще⁶⁸⁹. Особого влияния на последующее политико-правовое развитие Киргизии правление Ормона, в принципе, не оказало, тем

более что вскоре ряд киргизских племен принял российское подданство.

Попытки установления института ханской власти в Киргизии имели место и во время мощного центральноазиатского восстания 1916 г., когда, как мы помним, аналогичные попытки предпринимались и в Казахстане. Восставшие киргизы Семиреченской области избрали в ханы трех манапов: «кочкорского хана» Канаат Абукина (который, правда, когда был захвачен в плен, отрицал, что получил ханский титул), Мокуша Шабданова в племени сары-багыш и Батырхана Ногаева в племени бугу⁶⁹⁰. Появление последних двух «ханов», по-видимому, явилось в какой-то степени подражанием избранию в середине XIX в. киргизских ханов Ормона в племени сары-багыш и Боромбая в бугу. Как и казахи, киргизы требовали отделения от Российской империи и создания собственного независимого ханства⁶⁹¹.

Как иностранный завоеватель стал предводителем священной войны: феномен правления Якуб-бека в Кашгарии

Личность и деятельность Якуб-бека, основателя государства Йеттишар в Восточном Туркестане (Кашгарии), неоднократно привлекала внимание исследователей, которые подробно анализировали разные аспекты как его биографии, так и истории созданного им государства. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляет вопрос о том, как Якуб-бек на различных этапах своего правления в Кашгарии использовал различные способы легитимации своей власти, учитывая особенности политической обстановки в самом регионе и соседних государствах.

Когда кокандские власти в 1864 г. отправили в Кашгарию в качестве верховного правителя своего ставленника Бузрук-хана-тура, вместе с ним был отправлен и Якуб-бек, которого Алимкул, временщик Коканда, предназначал в фактические правители при марионеточном белогорском ходже⁶⁹². В самом деле, этот государственный деятель представлялся им весьма подходящим для такой роли: начав службу махрабом (ханским гвардейцем), он проявил себя храбрым воином и неплохим военачальником, в частности, в битве с русскими при Ак-Мечети в 1852 г., а к 1862 г. дослужился до должности хакима Ходжента⁶⁹³. Впрочем, кокандский хан Султан-Саид без особых сожалений отправил его в Кашгарию: поскольку

Якуб-бек считался сторонником и ставленником одного из его предшественников, монарх не пожелал держать могущественного сановника в ханстве⁶⁹⁴.

Поначалу Якуб-бек вел себя весьма лояльно по отношению к Кокандскому ханству. Он выполнил все приказания ханского двора, даже воссоздал в Кашгаре управленческую и военную систему Коканда, включая назначение на должности амир-и лашкаров, юзбаши и т. д.⁶⁹⁵. Однако в 1864–1865 гг. он существенно укрепил свои позиции в регионе и, соответственно, ослабил позиции как кокандских властей, так и белогорских ходжей. Выше уже было описано, как он избавился от ходжей. Примерно в это же время ему удалось разгромить объединенные силы нескольких других ханств Восточного Туркестана — Яркенда, Кучи, Аксу, Уч-Турфана и дунган. К 1867 г. Якуб-бек разгромил и казнил кучинского правителя Хан-ходжу, пленил и вскоре казнил Джалал ад-Дин-ходжу, правителя Аксу, и заставил уч-турфанского «султана» Бурхан ад-Дин-ходжу отказаться от своего владения в пользу него, Якуб-бека. А чтобы обеспечить себе верность мятежного Яркенда, в качестве наместника Якуб-бек отправил туда Кичик-хана-тура — потомка ходжей и, следовательно, легитимного правителя в глазах населения, однако не обладавшего амбициями своих братьев. Примечательно, что поражение своих соперников Якуб-бек объяснял тем, что они оказались не слишком преданными делу ислама — в отличие от него самого⁶⁹⁶!

В 1867 г. Якуб-бек перестал признавать власть Кокандского ханства. Дело в том, что в это время на престол в Коканде вернулся (уже в третий раз!) хан Худояр, не слишком жаловавший ходжентского хакима (по некоторым сведениям, Якуб-бек участвовал в заговоре против этого монарха), и кашгарский властитель, по-видимому, счел себя свободным от обязательств, принятых на себя от предшественника. Но Якуб-бек не был легкомысленным авантюристом, рискнувшим отказаться от покровительства кокандского хана и остаться один на один с населением совершенно чужого региона. В течение 1860-х гг. из Кокандского ханства в Кашгарию эмигрировало немало представителей кокандской гражданской и военной администрации, которые в результате постоянной смены ханов впадали в немилость у новых монархов. Одних только высших придворных сановников Коканда при дворе Якуб-бека оказалось восемнадцать! Кроме того, к нему постоянно переходили и кокандские войсковые подразделения — кипчакские, киргизские и т. д.⁶⁹⁷.

В результате уроженец Бухарского эмирата (впоследствии он намекал, что является потомком Амира Тимура) и кокандский саяновник, Якуб-бек объявил себя независимым правителем Кашгарии, выразителем ее национальных интересов, назвав созданное им государство Йеттишар, т. е. «Семь городов», тем самым подчеркивая, что его власть распространилась практически на все области Восточного Туркестана. Таким образом, Якуб-бек стал очередным узурпатором власти в восточной части бывшего Чагатайского улуса, отняв власть у ходжей, которые, в свою очередь, лишили престола потомков Чингис-хана! Примечательно, что, объявив себя защитником мусульман Восточного Туркестана, Якуб-бек не пытался проводить «популистскую» политику, нередко практиковавшуюся другими «вождями нации» в мировой истории. Напротив, под предлогом мобилизации всех сил государства для борьбы с «неверными» он обложил население двойными налогами (деньгами и зерном), периодически устраивал конфискацию земель, а затем продавал их тем же, у кого ранее отобрал, либо же щедро жаловал конфискованные земли своим сыновьям и сподвижникам, ввел жестокие наказания на основе шариата и т. д.⁶⁹⁸ Любопытно, что, несмотря на это, у жителей Восточного Туркестана о нем сохранились преимущественно положительные воспоминания, что нашло отражение даже в их национальном фольклоре⁶⁹⁹.

Поскольку единственным объединяющим фактором для многонационального и разрозненного населения Восточного Туркестана являлось единство вероисповедания, новый монарх, не мудрствуя лукаво, последовал по пути изгнанных им ходжей и провозгласил газават — священную войну всех приверженцев «истинной веры» против, соответственно, «неверных» китайцев⁷⁰⁰. И, как уже упоминалось, для подтверждения своих полномочий как поборника ислама, обратился к османскому султану, который не только одобрил его действия против империи Цин, но и подтвердил его в звании эмира (не хана⁷⁰¹!), даровал титул-эпитет «бадаулет» («счастливей»), а также прислал несколько «советников» и оружие для борьбы с «неверными»⁷⁰².

В орбиту политических интересов Якуб-бека попали, помимо Восточного Туркестана, также Джунгария и киргизские земли. Естественно, его внимание к этим регионам объяснялось не имперскими амбициями, а стремлением увеличить число воинов, готовых поддержать его в борьбе с империей Цин: мусульманское население Джунгарии, дунгане, являлось едва ли не единственным союзником

правителя Иеттишара, кроме того, время от времени в дела Восточного Туркестана вмешивались и киргизы⁷⁰³.

В течение ряда лет Якуб-бек пытался добиться признания своего статуса на международной арене. В 1873 г. он обратился к далекому турецкому султану, признавая себя его вассалом и обещая чеканить его имя на кашгарских монетах⁷⁰⁴. Несомненно, и в этом случае речь шла не столько о политическом⁷⁰⁵, сколько о духовном вассалитете: ведь Якуб-бек подчеркивал свою роль как поборника истинной веры в борьбе с «неверными» китайцами и другими претендентами на власть в Кашгарии, поэтому ему была необходима поддержка главы всех мусульман. Султан Абдул-Азиз весьма благосклонно отнесся к его просьбе, наградил титулом «аталык-гази» (борец за веру), и кашгарский правитель в течение 1873–1876 гг. чеканил монеты с именами османских султанов — сначала Абдул-Азиза, затем его преемника Мурада V⁷⁰⁶.

Стремясь обезопасить себя от угрозы со стороны империи Цин, новоявленный аталык также стал устанавливать дипломатические отношения с двумя другими империями — Британской и Российской. Британские власти в Индии, к которым он отправлял посольства в начале 1870-х гг., не согласились признавать его самостоятельным монархом, однако в 1874 г. заключили с ним договор о развитии двусторонней торговли⁷⁰⁷. Интересно отметить, что Якуб-бек старался наладить и что-то вроде научного сотрудничества с англичанами: за его правление Восточный Туркестан посетило несколько научных экспедиций (несомненно, помимо исследовательских целей, имевших и шпионские задачи)⁷⁰⁸.

Что же касается России, то ее власти были недовольны заигрыванием кашгарского правителя с Англией, а также его вмешательством в русско-киргизские отношения. Кроме того, они опасались, что новоявленный правитель Кашгарии попытается вмешаться в дела Кокандского ханства, недавно попавшего под протекторат Российской империи⁷⁰⁹. Стремясь предотвратить дальнейшее расширение владений Якуб-бека, войска Туркестанского края в 1871 г. аннексировали Кульджинский (Таранчинский) султанат⁷¹⁰. Официальным предлогом послужило укрывательство местным правителем Алаханом Абилю-оглы казахского бунтовщика, фактически же губернатор К. П. фон Кауфман стремился создать особую буферную зону между своим генерал-губернаторством и владениями Якуб-бека. Для китайских властей захват Кульджинского края, юридически принадлежавшего империи Цин, был обставлен как

вынужденная мера, призванная обезопасить границы Российской империи и, вместе с тем, восстановить порядок в самом крае, который впоследствии будет передан империи Цин (что и случилось в 1884 г.)⁷¹¹. В отличие от Англии, Россия не сочла целесообразным заключать с Якуб-беком даже торговое соглашение, поскольку считала его «весьма недолговечным правителем Восточного Туркестана»⁷¹², поэтому в 1872 г. туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом и Якуб-беком были подписаны некие предварительные «условия» о статусе русских купцов в Кашгарии, и далее дело не пошло⁷¹³.

Добившись признания своей власти (где добровольно, а где и насильственным путем) как национального лидера в самой Кашгарии, Якуб-бек, казалось, утратил интерес к противостоянию с Китаем, которое и обеспечило ему полноту власти в государстве. В 1874—1875 гг. он пытался наладить дипломатические отношения с империей Цин, чтобы добиться признания самостоятельности своего государства. Его позиция вызвала обеспокоенность союзников — джунгарских дунган, которые стали подозревать Якуб-бека в том, что он намерен купить мир с Цин, оставив их на произвол судьбы (что, в общем-то, было недалеко от истины). Лишь после отказа китайских властей от переговоров правитель Йеттишара вновь возобновил боевые действия⁷¹⁴.

Интересно отметить, что в придворных кокандских хрониках Якуб-бек, несмотря на фактическую измену Коканду и провозглашение себя независимым правителем, всегда характеризовался как подданный династии Минг. Разные авторы по-разному оценивают его личность и политику: по мнению одних, он являлся эффективным правителем и талантливym полководцем, другие считают его хитрым интриганом, виновным в смерти одних белогорских хожей и бегстве из Кашгарии других⁷¹⁵. Однако в узурпации власти кокандские историки его не обвиняют. Вполне вероятно, что это связано, во-первых, с тем, что он не стремился испортить отношения с Кокандским ханством, во-вторых, не претендовал на ханский титул, что дало бы формальные основания обвинить его в мятеже и узурпации. Более того, еще в 1873 г. он обращался к кокандскому хану с просьбой прислать ему войска для борьбы с китайцами⁷¹⁶. Тот факт, что он реально не признавал власти Коканда, по-видимому, не смущал историков: в последний период истории Кокандского ханства многие региональные наместники и внутри самого ханства зачастую вели себя точно так же! Такое отношение к нему

тем более любопытно, что историкам было известно о том, что Якуб-бек в борьбе за трон Йеттишара устранял не только ходжей, но и представителей кокандской ханской династии. Так, в 1286 г. х. (1869/1870 г.) в Кашгарию прибыл Музаффар-бек, сын кокандского хана Мухаммад-Али, и потребовал у Якуб-бека передать ему власть — на том основании, что некогда сам «бадаулет» являлся слугой его отца. По распоряжению Якуб-бека амбициозный ханский сын был отравлен, а вскоре такая же судьба постигла и еще одного члена династии Минг — Мухаммад-Кули-бека⁷¹⁷.

Отказ Якуб-бека от подчинения своему законному сюзерену, провозглашение себя независимым правителем, подчинение (пусть даже и духовное!) османскому султану, а также заигрывание с Российской и Британской империями не повредили узурпатору. В течение десятилетия он возглавлял созданное им государство Йеттишар, считаясь лидером и объединителем практически всего многонационального населения Восточного Туркестана. Тем не менее, несмотря на собственную энергию, способность объединить разнообразное население Кашгарии, дипломатическое мастерство, нельзя сказать, что Якуб-бек преуспел в качестве монарха. В последние годы жизни он потерпел несколько поражений от китайцев, а 30 мая 1877 г. умер — по одним сведениям, от яда, по другим — от апоплексического удара. Государство Йеттишар ненадолго пережило своего основателя: сразу после его смерти его сыновья начали борьбу за власть, чем немедленно воспользовались китайцы и уже в 1878 г. вновь вернули Восточный Туркестан под свой контроль⁷¹⁸.

Самозванцы в Кокандском ханстве второй половины XIX в.

Уже во второй половине XIX в. самозванчество оказалось востребованным еще в одном узбекском ханстве Средней Азии — Кокандском. В 1862 г. предводители влиятельного племени кипчак и примкнувшие к ним киргизы подняли восстание против правившего тогда хана Худояра и провозгласили своим предводителем некоего Сарымсака, которого объявили Шахрухом, сыном хана Мухаммада-Али (прав. 1822–1842). Однако вскоре, в 1863 г., сами же мятежники нашли другого претендента на трон — Султан-Сайида, сына Малла-хана (прав. 1858–1862), который хотя и был несовершеннолетним, но зато несомненным потомком ханского рода, а лже-Шахруха сами же и убили⁷¹⁹.

Наконец последний известный нам пример, когда самозванец выдавал себя за представителя правящего рода, имел место в том же Кокандском ханстве, где в 1873—1876 гг. поднял восстание самозванец, выдавший себя за представителя правящей династии Минг — Пулад-хана, внука Алим-хана, первого правителя Коканда, принявшего ханский титул. Примечательно, что сначала противники Худояр-хана намеревались сделать своим предводителем и претендентом на трон настоящего Пулада, но тот спокойно проживал в Самарканде и отказался от предложения, поскольку не доверял заговорщикам и поддерживавшим их киргизам. Получив его отказ, заговорщики цинично заявили: «[Потом] как только наше [дело] благополучно завершится, какой-нибудь хан найдется»⁷²⁰, в связи с чем можно предположить, что и этого потенциального претендента с большой вероятностью ожидала судьба вышеупомянутого Шахруха-Сарымсака в случае привлечения на сторону мятежников более легитимного претендента. Тем не менее, захав по пути в Ташкент, они нашли подходящего претендента, которого и объявили Пулад-ханом⁷²¹. В действительности же это был уроженец киргизского племени бостон по имени Мулла Исхак б. Мулла Хасан, мелкий торговец табаком⁷²².

Вскоре многие киргизские подданные кокандских ханов признали нового претендента на престол. Худояр-хан отправил против самозванца пятитысячный отряд, который перешел на сторону лже-Пулад-хана. Претендент во главе своих сил двинулся в сторону Коканда. В отчаянии хан призвал на помощь туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, однако это вызвало возмущение даже среди его сторонников, немедленно составивших заговор в пользу Наср ад-Дина, старшего сына Худояра. Взвесив все обстоятельства, Кауфман сам порекомендовал хану отречься от трона в пользу своего первенца. Однако самозванец обратил оружие и против нового хана, заставив его, подобно отцу, бежать из Коканда. В результате к концу 1875 г. под властью самозванца находилась вся восточная половина Кокандского ханства и он мог выставить до 100 тыс. воинов для завоевания оставшейся части⁷²³.

Поскольку самозванный хан не только действовал против легитимных властей Коканда, но и объявил «священную войну» против русских, власти Туркестанского края наконец решили напрямую вмешаться в дела ханства. В декабре 1875 г. экспедиция под командованием полковника (впоследствии генерала) М. Д. Скобелева выступила против восставших, которые после ряда поражений стали

разбегаться, несмотря на то что лже-Пулад-хан пытался навести в своих войсках порядок даже показательными казнями. В январе 1876 г., восстановив на троне Наср ад-Дина, русские войска нанесли окончательное поражение самозванцу, который бежал, но вскоре был схвачен родственниками казненных им военачальников и выдан царским войскам. Учитывая, что самозванец бросил вызов не только кокандскому трону, но и Российской империи, он был судим военным судом в Маргелане и приговорен к повешению в феврале 1876 г.⁷²⁴. Однако его движение в конечном счете привело русские власти к мысли о нецелесообразности дальнейшего существования Кокандского ханства, и оно было ликвидировано в том же году.

Узурпаторы по воле османских султанов: Дукчи-ишан и Джунаид-хан

Довольно нетипичный пример самозванства являл собой предводитель Андиганского восстания 1898 г. против российского владычества Мухаммад-Али-халифа, более известный под именем Дукчи-ишана. Этот ферганский религиозный и политический деятель был даже возведен восставшими в ханы, причем не претендовал на родство ни с Чингизидами, ни с постчингизидскими династиями. Зато он выдавал себя за эмиссара (халифа) османского султана Абдул-Хамида II, предъявляя в знак подтверждения своих полномочий фальшивую грамоту, якобы дарованную ему султаном, являвшимся также халифом, т. е. духовным главой всех правоверных мусульман, для ведения священной войны против русских. Кроме того, как показывали арестованные соучастники Дукчи-ишана, султан передал ему и другие атрибуты власти — золотое кольцо и зеленое знамя газавата. Эти свидетельства поддержки со стороны халифа внушили такое доверие к Дукчи-ишану, что восставшие даже провозгласили его ханом с соблюдением полагающейся церемонии поднятия на белом войлоке⁷²⁵.

Возникает вопрос: ханом какого государства могли видеть его ферганцы? Ведь их собственное ханство было упразднено имперскими властями за 22 года до восстания. Таким образом, если не Дукчи-ишан, то стоявшие за ним политические силы ставили цель ни более ни менее как реставрации Кокандского ханства! Духовный авторитет предводителя восстания, а также поддержка его османским султаном-халифом (пусть даже и подтвержденная всего лишь сфальсифицированным султанским фирманом), по их мнению.

могли способствовать достижению этой цели. Другое дело, что в случае успеха на трон восстановленного ханства можно было возвести одного из представителей прежней династии Минг, которые в это время оставались не у дел, получив насмешливое прозвище «ханы-сироты»⁷²⁶.

Лишь после подавления восстания фальсификация была обнаружена. Причем сам Дукчи-ишан категорически отрицал, что пользовался этим документом, вполне обоснованно полагая, что за это его могут осудить не только как предводителя бунтовщиков, но и как агента иностранного государства. Равным образом он отрицал свое намерение занять ханский трон и даже заявлял, что противился такому решению своих приверженцев, утверждая, что при русских властях жить стало лучше, чем при ханах⁷²⁷. Тем не менее нельзя не отметить связь Дукчи-ишана с представителями правящих кругов бывшего Кокандского ханства. В частности, он являлся мюридом Султан-хана-торе, по некоторым сведениям, в прежние времена активно участвовавшим в интригах против хана Худояра⁷²⁸. Кроме того, согласно материалам следствия по итогам Андижанского восстания, среди его участников было немало бывших кокандских сановников, оставшихся не у дел после ликвидации ханства, да и несколькими годами ранее несколько авантюристов, боровшихся против российской власти в Фергане, выдавали себя за потомков ханов Коканда⁷²⁹.

Неоднозначность выбранного Дукчи-ишаном средства обоснования своих прав на власть вызвала противоречивое отношение к нему в Фергане: одни готовы были почитать его и как духовного лидера, и как светского повелителя, другие видели в нем бунтовщика и самозванца, что нашло отражение даже в сатирических стихотворных произведениях⁷³⁰. Особенно критиковали его те представители населения Ферганы, которые понимали всю несопоставимость сил восставших и мощи Российской империи и полагали, что вполне можно оставаться мусульманами даже под властью «белого царя», тогда как Дукчи-ишан своей попыткой газавата «опозорил свой народ», а его действия характеризовали как «содеянный по безумству мятеж»⁷³¹.

Андижанское восстание отличалось кратковременностью: несмотря на тщательную подготовку, оно продлилось всего двое суток (в ночь с 17 на 18 мая 1898 г. восставшие атаковали казармы царских войск в Андижане, а 19 мая все бунтовщики уже были схвачены). Однако поскольку оно прошло в период наиболее

противоречивого курса российских властей по отношению к среднеазиатскому исламу, туркестанская администрация отнеслась к нему весьма серьезно и стала разрабатывать проекты изменения взаимоотношений с мусульманским населением⁷³².

В какой-то мере более удачно сумел трансформировать религиозный фактор в национальный вождь туркменского племени йомуд Мухаммад Курбан Сардар, более известный как Джунаид-хан — последний монарх, вернее, диктатор, Хивинского ханства. Этот родоплеменной предводитель⁷³³ начал свою борьбу за власть в ханстве, опираясь на фирман, выданный ему «повелителем правоверных» — турецким султаном, являвшимся также халифом. Однако уже в 1916 г. он стал использовать этот фактор для привлечения на свою сторону хивинского населения в борьбе против русских властей в Хиве, требовать их изгнания из ханства⁷³⁴.

В какой-то мере его действия оказались эффективными: как и у ходжей Кашгарии, религиозное единство стало консолидирующим фактором в борьбе против иностранного сюзерена, исповедующего другую религию. Джунаид-хана активно поддерживало хорезмское мусульманское духовенство, традиционно обладавшее сильным влиянием на население⁷³⁵. Поэтому узурпатор, находясь в эмиграции после поражения от российских войск в начале 1916 г., с большим интересом следил за событиями восстания в Средней Азии, выискивая возможность воспользоваться национально-освободительной борьбой в своих интересах⁷³⁶.

Именно как ставленник османского султана — халифа Джунаид-хан захватывал Хиву в 1916 и 1918 гг., заставляя хана Исфендиара из династии Кунгратов, ставленника российских властей, признавать себя его младшим соправителем, кланяться ему на церемониях и пр.⁷³⁷. Таким образом, Джунаид-хан умудрился использовать религиозный фактор как национальный, одновременно привлекая к себе и население Хивинского ханства, призывая его к национально-освободительной борьбе, и иностранных покровителей-единоверцев — правителей Турции, Ирана и Афганистана, которые, демонстрируя поддержку ревнителю веры, на самом деле с готовностью вмешивались в дела Российской империи, стараясь ослабить ее центральноазиатские владения.

Любопытно, что Джунаид-хан, со временем все более и более становившийся исключительно агентом иностранного влияния в Хорезме, по-видимому, продолжал искренне верить в то, что является освободителем ханства от русского, а после 1920 г. — от

советского владычества⁷³⁸. Вероятно, именно эта вера побуждала его не складывать оружия после свержения в 1920 г. и последующих многочисленных поражений и неудач и продолжать борьбу за престол вплоть до самой смерти в 1939 г. Примечательно, что его веру разделяли и многие представители родственного ему туркменского населения: еще в 1931 г. они поднимали восстание, обещая, что «в России Белый царь сядет на трон, власть в Туркмении примет Джунаид-хан»⁷³⁹.

ГЛАВА 8

МОНГОЛЬСКИЕ ХАНСТВА XIV — НАЧАЛА XX вв.

Распад Монгольской империи на рубеже XIII–XIV вв., а затем и крушение империи Юань привели к упадку авторитета правящей династии Чингизидов (преимущественно прямых потомков Хубилая), и принадлежность к «Золотому роду» перестала являться преимущественным основанием для претензий на трон. Соответственно, в борьбу за власть и ханский титул включились не только представители побочных ветвей рода Борджигин (одним из ответвлений которого и являлись Чингизиды), но и другие влиятельные монгольские аристократические кланы. Соперничать с потомками Чингис-хана на равных им помогали особенности политической ситуации в Монголии: сначала — экспансия национальной китайской династии Мин в XV в., затем принятие буддизма в качестве государственной религии в конце XVI в., наконец — признание сюзеренитета новой китайской династии Цин уже в конце XVII в.

В результате династии, которые, в соответствии с чингизидскими политико-правовыми традициями, не имели права на трон и рассматривались как узурпаторы власти, сумели не только активно противостоять потомкам Чингис-хана в борьбе за монгольский трон, но и основали ряд собственных государств.

Особое место в истории борьбы за власть в Монголии занимают события уже первой половины XX в., т. е. период борьбы монгольского народа за независимость. В процессе этой борьбы претенденты на трон (как выразители национально-освободительных идей) причудливым образом сочетали самые различные основания для претензий на трон, чтобы представить свои действия законными.

Иностранные ставленники на монгольском троне в XIV–XVII вв.

На рубеже XIV–XV вв. в Монголии складывалась не менее сложная политическая ситуация. Как уже отмечалось выше, после

падения империи Юань в результате изгнания монголов из Китая потомкам Хубилая, вернувшимся в Монголию, пришлось вступить в борьбу за власть с представителями других семейств Чингизидов — в частности, с потомками Угедэя и Арик-Буги. Помимо различных монгольских кланов, поддерживавших каждый своего претендента на престол, в борьбу также вмешалась династия Мин, сменившая Юань на престоле Китая, которая была заинтересована в ослаблении ханской власти и, соответственно, возможности в свою очередь установить контроль над монгольскими территориями.

Первая попытка империи Мин возвести на монгольский трон своего ставленника имела место уже в конце 1370-х гг., после смерти Аюшридары (Билигту-хана) — монгольского монарха, вступившего на трон после падения империи Юань. Еще в начале его правления, в 1371 г., китайцы захватили в плен его старшего сына Мидрибалу, которого окружили заботой и даровали ему титул «чуньли». В 1374 г. Мидрибала был отпущен в Монголию ко двору отца, фактически став главой прокитайской партии. Когда в 1378 г. скончался его отец, у Мидрибалы были все шансы стать новым ханом, и в таком случае подчинение монголов империи Мин стало бы лишь вопросом времени. Однако на этот раз «патриотическая» партия в Монгольском ханстве восторжествовала и сумела убедить участников курултая, что Мидрибала в силу своих связей с Китаем представляется менее законным претендентом на престол, чем его дядя Тогус-Тэмур (Усхал-хан) — брат Билигту-хана и ярый противник империи Мин⁷⁴⁰.

Несколько менее известно, что в борьбе за контроль над Монголией попытался принять участие и среднеазиатский властитель Амир Тимур. При его дворе находился монгольский царевич Улджай-Тэмур, которому Тимур обещал помощь в борьбе за монгольский трон. Однако в силу различных политических причин Железный Хромец так и не успел выполнить свое обещание, и Улджай-Тэмур (известный в китайских источниках как Баньяшли⁷⁴¹) стал монгольским ханом уже после его смерти, в 1408 г.⁷⁴² Несмотря на то что Улджай-Тэмур являлся прямым потомком Хубилая и, следовательно, представителем наиболее легитимной в глазах монголов династии, у него имелись серьезные противники — возможно, в силу того, что некоторое время он отсутствовал в Монголии, пребывая при дворе Амира Тимура, и утратил связи с возможными союзниками и вассалами. Поначалу он и демонстрировал

стремление к самостоятельной национальной политике и всячески игнорировал требования империи Мин признать ее сюзеренитет, однажды даже нанеся китайцам сильное поражение⁷⁴³. Однако со временем Улджай-Тэмур был вынужден пойти на союз с китайцами: ок. 1410 г. его покровитель Аруктай в знак признания зависимости от империи Мин явился с данью к китайским властям. А вскоре после этого, в 1411 или 1412 г., Улджай-Тэмур был убит ойратским правителем Махаму⁷⁴⁴: не исключено, что поводом для выступления представителя «черной кости» против хана Чингизида стало именно признание последним зависимости от Китая.

В дальнейшем китайцы попытались снова разыграть карту со своим собственным ставленником — как прежде в случае с Мидрибалой. Их выбор пал на некоего царевича Эсен-Тукана, который был либо сыном Улджай-Тэмюра (и, следовательно, потомком Хубилая), либо младшим братом его преемника Дэлбэга (в таком случае являясь потомком Арик-Буги). Этот царевич в течение длительного времени сотрудничал с Аруктаем, однако, поскольку последний то клялся в верности империи Мин, то обращал оружие против нее, китайцы решили противопоставить ему и его ставленникам именно Эсен-Тукана. Ок. 1423 г. он был признан властями Мин в статусе «татарского царя Севера», тем самым бросив вызов Аруктаю, которому пришлось срочно возвести на трон собственного ставленника Чингизида — Адай-хана. Соответственно, Эсен-Тукан не получил поддержки своих потенциальных монгольских подданных, не признавших за ним ханского титула, дарованного китайцами, и вскоре решил вернуться к своим покровителям. Власти Мин обласкали его, даровав титул Чжун-юн-вана и позволив впредь именоваться китайским именем Цзинь Чжун⁷⁴⁵.

Наконец, в середине XV в. империя Мин предприняла, по-видимому, последнюю попытку установить контроль над Монголией через хана-вассала. После краткого владычества ойратского хана-узурпатора Эсена (о котором речь пойдет ниже) к власти вернулись Чингизиды, причем в лице представителя наиболее легитимной ветви рода — Махагэргэс (Мэргус-хана), прямого потомка Хубилая. Однако, несмотря на его происхождение и поддержку некоторой части монгольской знати, он, вероятно, чувствовал ненадежность своего положения и решил прибегнуть к покровительству империи Мин. Китайские власти присвоили ему титул «сяо-ван-цзы», т. е. «малый хан», кроме того, он преподносил дары императорскому двору, воспринимаемые китайскими властями как дань⁷⁴⁶. Это привело к тому.

что значительная часть населения Монголии не признала власть Махагэргэс-хана и вскоре потомок Хубилая был убит собственным покровителем Махулихай-онгом. Убийца обвинил его в покушении на свою жизнь, однако не приходится сомневаться, что он решился на этот шаг именно в силу того, что хан проводил политику, чуждую интересам независимой Монголии и, соответственно, его устранение не вызвало бы слишком большого резонанса⁷⁴⁷.

На рубеже XV–XVI вв. политическая ситуация существенно изменилась: Монголия в очередной (и уже в последний) раз стала централизованным государством под властью знаменитого Даян-хана и ряда его потомков, которые начали натиск на владения империи Мин. Китайцам пришлось отказаться от намерений установить контроль над монголами и сосредоточиться на безопасности собственных границ. Поэтому следующая попытка взять под контроль Монголию имела место уже в первой половине XVII в., причем на политическую сцену вышли новые игроки — правители маньчжурской династии Цин, в 1644 г. свергнувшие Мин и установившие свою власть в Китае.

В связи с этой борьбой в Монголии появились правители, старавшиеся укрепить свой статус, лавируя между противоборствовавшими китайскими династиями. Так, южномонгольский Чингизид Омбо, правитель области Ордос, поначалу признал маньчжурский сюзеренитет, но в 1634 г. вступил в контакт с династией Мин и получил от нее титул «Орон-Дазагун-Гэгэн-хан», («светлейший хан западных земель»). Естественно, в глазах Абахая, императора маньчжурской династии Цин, Омбо тут же превратился из вассала в мятежника-узурпатора и был арестован⁷⁴⁸.

Существенную помощь в борьбе за Китай маньчжурам оказали монгольские правители, которые, с одной стороны, старались покончить с давними врагами — династией Мин, с другой — видели в Цинах возможность избежать подчинения центральной власти в самой Монголии. Дело в том, что в 1604–1634 гг. верховным правителем уже распадавшегося Монгольского ханства являлся Лигдан, принявший титул Чингис-хана⁷⁴⁹ и всячески стремившийся восстановить сильную центральную власть, не пренебрегая и жестокими военными мерами против князей-сепаратистов. Соответственно, многие Чингизиды, не желая подчиняться Лигдану, присягнули маньчжурам, надеясь, что те, будучи относительно далекими сюзеренами, не станут столь жестко контролировать их деятельность в собственных владениях.

Соответственно, в 1620–1630-е гг. в нескольких монгольских областях появились правители из числа потомков Даян-хана, принявшие от маньчжуров ханские титулы: Сэчен-Дзоригту-хан в аймаке Аохан, Буян-гайджи Бошугту-хан в аймаке Сунит, Ганчук-Батур в аймаке Найман⁷⁵⁰. Безусловно, в глазах монгольского хана и его лояльных подданных эти ханы являлись узурпаторами, поскольку приобрели свои титулы не путем избрания и даже не путем пожалования от верховного правителя Монгольского ханства, а от иностранных правителей, не имевших права такие титулы жаловать. Даровав им ханские титулы, императоры Цин подорвали авторитет власти верховного хана, поскольку противопоставили ему правителей из того же «Золотого рода» с ханскими же титулами. Однако маньчжуры сами прекрасно понимали, что наличие вассалов, обладающих ханскими титулами (т. е. юридически считающихся независимыми государями), приведет к проблемам. Поэтому после того, как с помощью новоявленных вассалов им удалось покончить сначала, в 1634–1635 гг., с ханством Лигдана, а затем, в 1644–1645 гг. — и с империей Мин, все ханские титулы были упразднены, а их обладатели и их собственные наследники были вынуждены довольствоваться званиями цзюнь-ванов и тайцзи (гайджи) или же, в соответствии с маньчжурской титулатурой, бэйлэ⁷⁵¹.

Династический кризис в Монголии середины XV в.: пришествие потомков братьев Чингис-хана

Политическая обстановка в Монголии в середине — второй половине XV в., когда потомки братьев Чингис-хана решили предъявить права на ханский трон, поразительно напоминала ситуацию в Хулагуидском Иране в период его распада. Точно так же в этот период на трон вступали представители самых разных ветвей рода Чингизидов, точно так же за ними стояли влиятельные аристократические кланы, поначалу управлявшие государством через своих ставленников из «Золотого рода», а затем посмеявшие и сами предъявить права на трон.

Весьма скудно и вместе с тем противоречиво освещена политическая история Монгольского ханства конца XIV — первой трети XV вв.: сведения китайских источников (в первую очередь официальной династийной истории «Мин ши»), среднеазиатских исторических сочинений и позднесредневековых монгольских летописей

зачастую противоречат друг другу. Особенно противоречивыми выглядят события приблизительно с 1412–1415 гг., когда погиб хан Дэлбэг из рода Арик-Буги, и до 1423–1426 гг., когда практически одновременно вступили на трон соперники — Адай-хан, потомок Угедэя (при поддержке могущественного временщика Аруктай-тайджи)⁷⁵² и Дайсунг-хан из рода Хубилая (при поддержке ойратского предводителя Тогона-тайджи). По одним сведениям, это был Ойрадтай, сын Дэлбэга⁷⁵³, по другим — Эсэху, сын ойратского предводителя Угэчи-Хашига, самовольно провозгласивший себя ханом⁷⁵⁴. Некоторые исследователи, опираясь на сведения «Мин ши», утверждают даже, что Аруктай вновь возвел на трон хана Баньяшили, который на самом деле был убит еще в 1412 г.⁷⁵⁵

Между тем на основании сведений китайских источников можно сделать вывод, что именно в это время потомки Хасара вступили в борьбу за трон Монголии. Вероятно, они надеялись, что в изменившихся условиях их статус царевичей, близких к роду Чингис-хана, позволит им на равных участвовать в борьбе за власть с самими Чингизидами, чей авторитет в силу утраты китайских владений и постоянных междоусобиц существенно снизился. По сведениям «Записок о монгольских кочевьях» («Мэн-гу-ю-му-цзи», составлены китайскими учеными Чжан-му и Хэ-цзютао ок. 1867 г.), приблизительно в 1425 г. вышеупомянутый Аруктай-тайджи был разбит ойратами, и «повелитель его Куймэнгэ-тасхара из фамилии Борцзигита, потомок в 14-м поколении брата основателя Юаньской династии (Чингис-хана), Хабуту-хасара, бежал на р. Нон, где приютился у Урянха»⁷⁵⁶. Этот таинственный «Куймэнгэ-тасхара» — не кто иной, как Хуй-Мункэ, действительно являвшийся потомком Джучи-Хасара (откуда, вероятно, и странная часть его имени «тасхара») в четырнадцатом поколении: он фигурирует в официальной родословной монгольских князей «Илэтхэл шастир», составленной в XVIII в. по повелению китайских властей⁷⁵⁷. Не он ли на самом деле являлся обладателем ханского трона в Монголии в период с 1415 по 1423 (1426) гг.?

Однако это всего лишь предположение, базирующееся к тому же на сообщении достаточно позднего источника. Более подробные и достоверные сведения об активизации потомства братьев Чингис-хана в борьбе за монгольский трон относятся к эпохе династического кризиса середины XV в. Кульминации этот кризис достиг в 1450-е гг., а к 1470 г. в результате междоусобиц правящий род монгольских Чингизидов оказался практически истреблен.

Неудивительно, что потомки Хасара активно включились в борьбу за власть. Однако не только они считали себя законными кандидатами на трон: даже потомки Белгутэя, сводного брата Чингис-хана и Хасара, по-видимому, подумывали о предъявлении аналогичных претензий. В частности, монгольские позднесредневековые летописи сообщают, что ок. 1453 г., после смерти Махагэргэс-хана (из рода Хубилая), трон был предложен Махулихай-онгу⁷⁵⁸, потомку Белгутэя и предводителю «великого народа» онгнигудов, однако он отказался, продемонстрировав следование принципу наследования трона только Чингидами: «Я ведь не потомок моего ханавладыки! Не пристало ни мне, ни моим потомкам [быть ханами]»⁷⁵⁹ или, по сообщению другого источника: «Разве нет у хана потомства? Это не пристало ни мне, ни моему потомству»⁷⁶⁰. Он возвел на трон Молон-хана — сводного младшего брата Махагэргэс-хана. Впрочем, девять лет спустя, в 1462 г., в результате придворных интриг отношения между ними испортились, и Махулихай-онг убил своего бывшего протеже, причем по довольно странному поводу: в отместку за то, что Чингис-хан в детстве убил своего сводного брата Бектера — родного брата Белгутэя⁷⁶¹! Летописи ничего не говорят о том, что Махулихай предъявил претензии на ханский титул, однако тот факт, что почти два года после смерти Молон-хана трон пустовал, а новый хан вступил на трон лишь после разгрома и бегства Махулихая, наводит на мысль, что у него могли быть такие намерения. Вполне вероятно, что фактическое пресечение прямой линии ханского рода (в живых оставалось лишь несколько членов этого рода по боковой линии) заставило Махулихай-онга отступить от им же озвученного принципа престолонаследования и подумать о собственном воцарении.

Однако некоторое время после расправы с Молон-ханом онга постигло возмездие: Унэ-Болод (Нойан-Болод), потомок Хасара, выступил против Махулихая. Свое выступление он также обосновал мстью: поскольку у Молон-хана не осталось потомства, он, как потомок ближайшего родственника Чингизидов, решил отомстить за его гибель потомку Белгутэя. В бою погибли семеро младших братьев Махулихай-онга, а сам он бежал и вскоре умер. Согласно сообщению «Алтан Тобчи», после сражения Унэ-Болоду достался «стальной шлем с накладным золотом и прорезями, взятый еще раньше у Молон-хана»⁷⁶²: обладание одним из символов ханской власти также позволяет предполагать наличие у Махулихай-онга узурпаторских намерений.

Унэ-Болод поначалу демонстрировал лояльность роду Чингизидов, даже его победа над Махулихаем послужила основанием для монгольской поговорки о том, что «потомок Хасара оказал услугу потомку хагана»⁷⁶³. В подтверждение этой лояльности он объединился с претендентом на трон Мандугулом, дядей покойного Молон-хана, и вместе с ним разгромил и убил Догулан-тайджи, потомка Хачиуна (еще одного брата Чингис-хана), умертвившего в свое время Махагэргэс-хана⁷⁶⁴.

Однако затем скончался Мандугул-хан, а вскоре был убит и его преемник Болху-джинонг, приходившийся своему предшественнику внучатым племянником. На троне в качестве регентши оказалась Мандухай-хатун — вдова Мандугула, которая распорядилась доставить в свою ставку маленького (ему было шесть или семь лет) Бату-Мунке, который был объявлен сыном Болху-джинонга, якобы отданным в целях безопасности некоему Балагчин-Багаю на воспитание.

Претензии на трон ребенка, да еще и с сомнительным происхождением, выглядели весьма неубедительно. Поэтому влиятельный и находившийся в то время на пике популярности Унэ-Болод обратился к Мандухай-хатун: «Буду зажигать твой огонь, буду управлять твоим кочевьем». Свои претензии на верховную власть он озвучил еще когда выступил против Махулихай-онга: «Хотя у нашего хагана и нет потомства, но я-то потомок Хасара»⁷⁶⁵, т. е. заявил, что именно он является ближайшим родственником ханского рода. Кроме того, он имел основания надеяться, что Мандухай-хатун примет его предложение, поскольку, по некоторым сведениям, состоял с ней в любовной связи⁷⁶⁶. Таким образом, потомок Хасара намеревался «убить двух зайцев» — узаконить свои отношения с любимой женщиной и через этот брак приобрести законное право на ханский трон⁷⁶⁷.

Однако Мандухай, уже побывавшая замужем за ханом-Чингизидом, проявила неожиданную строптивость, ответив претенденту: «Разве ты, потомок Хасара, хочешь проглотить удел моего хагана? Разве мы хотим проглотить твой [удел]? Не смогу поднять двери [в твоей ставке], не смогу перешагнуть порог [в твоей ставке]. До тех пор, пока существует потомок моего хагана, я к тебе не пойду». Вместе с тем, она, по-видимому, не решилась окончательно отказаться от мысли выйти замуж за Унэ-Болода и решила посоветоваться со своими сановниками. Один из них, Сатай Догуланг из племени алагчугут, настоятельно советовал ей принять

предложение онга. Однако ее брат Джига и Мэнду-орлук из племени горлос придерживались прямо противоположного мнения:

Если пойдешь за потомка Хасара,
 Поведешь ты себя по плохому пути,
 Лишишься всего своего народа,
 Потеряешь [почетное] имя “хатун”.
 Если пойдешь за потомка хагана, —
 Под защитой Неба-владыки ты будешь,
 Править станешь всем своим народом,
 Прославишь [почетное] имя “хатун”.
 Если пойдешь за ребенка,
 Поведешь ты себя по светлому пути,
 Править станешь тумэнами чахаров
 И безмерно прославишь свое имя⁷⁶⁸.

Как видим, в споре относительно брака Мандухай-хатун с Унэ-Болодом и, соответственно, относительно претензий последнего на ханскую власть, столкнулись две группировки: одна из них, представленная Сатаем, исходила из реальной политической ситуации, признавая, что потомок Хасара является влиятельным родоплеменным вождем и может восстановить порядок в стране, сотрясаемой междоусобицами. Его противники стойко придерживались чингизидского принципа о том, что, пока жив хотя бы один потомок Чингис-хана, его дальние родственники не имеют права на трон. Вряд ли стоит идеализировать Джигу и Мэнду-орлука: скорее всего, они рассчитывали, что при малолетнем хане-Чингизиде и ханшерегентше вся полнота власти окажется в их руках — на что не приходилось рассчитывать в случае вступления на трон властного, решительного и влиятельного Унэ-Болода. Тем не менее именно их слова убедили Мандухай.

Вместе с тем, ханша понимала, что ее отказ от предложения потомка Хасара, даже при поддержке родственников и части знати, может быть проигнорирован Унэ-Болодом, который мог и с помощью военной силы добиться желаемого — взять ее в жены, а затем провести курултай и, объявив, что Бату-Мунке слишком мал⁷⁶⁹, провозгласить себя ханом. Поэтому она в спешном порядке, но с соблюдением всех необходимых процедур возвела на трон под именем Даян-хана, а также решила обратиться с молитвой к Эши-хатун (божественному воплощению Алан-Гоа — праматери рода Борджигинов), прося ее благословить брак с малолетним ханом, даровавшим многочисленное потомство. По возвращении из святилища она

объявила, что благословение получено⁷⁷⁰. В результате, если бы Унэ-Болод продолжил выказывать претензии на трон и руку ханши, его действия были бы сочтены не только нарушением чингизидского принципа престолонаследия, но и вызовом божественной воле. Неудивительно, что потомок Хасара решил не рисковать и «оставил свои прежние намерения»⁷⁷¹. Впрочем, есть основания полагать, что не только благочестие остановило Унэ-Болода, но и решение ханши, ставшее своеобразным компромиссом: по некоторым сведениям, Мандухай пообещала потомку Хасара, что если с малолетним ханом что-то случится, то именно он, Унэ-Болод-онг, станет следующим претендентом на ее руку и на ханский трон⁷⁷². Как бы то ни было, Унэ-Болод отказался от претензий на ханский титул, не став, таким образом, очередным узурпатором, хотя и находился в шаге от вождя трона.

Как известно из источников, брак Мандухай и Даян-хана оказался весьма удачным и, несмотря на значительную разницу в возрасте (ханша была намного старше супруга), еще и плодовитым: в нем родились семеро сыновей и дочь. А поскольку у Даян-хана были дети и от других жен, то общее число его наследников достигло одиннадцати, и династический кризис Монгольскому ханству больше не грозил, поэтому обещание, данное Мандухай-хатун Унэ-Болоду, не пришлось исполнять. В связи с этим позднейшие монгольские историки весьма высоко оценили решение Мандухай-хатун. Например, автор XVIII в. Рашипунцуг писал, что «если бы матушка Сайн-Мандухай была сладострастной и испытывала вожделение, она бы, наверное, пошла к желавшему и звавшему ее молодому Ноёнболоду», но она предпочла интересы государства и «то, что сделала Мандухай-Сайн-хатун, я считаю достойным всяческой похвалы»⁷⁷³.

Таким образом, потомкам Хасара, как и Белгутэя, во второй половине XV в. не удалось занять ханский трон. Однако их роль и значение продолжали возрастать в политической жизни Монгольского ханства, с чем не могли не считаться даже ханы-Чингизиды. В «Восемнадцати степных законах», составленных на рубеже XVI–XVII вв., все Борджигины, т. е. потомки и Чингис-хана, и его братьев, упоминаются как единое привилегированное сословие, и нет никаких нормативных положений, которые выделяли бы прямых Чингизидов среди остальных Борджигинов⁷⁷⁴. Это позволило потомкам братьев Чингис-хана в XVII в. вновь вспомнить о претензиях на ханскую власть, правда, политическая ситуация

изменилась настолько, что и масштабы претензий, и факторы легитимации власти претерпели весьма существенные изменения.

Безусловно, претензии потомков рода Борджигин на ханский титул и верховную власть в ущерб членам «Золотого рода» воспринимались сторонниками легитимных монархов как попытки узурпации — несмотря на те благовидные поводы и предлоги, которые выдвигали потомки братьев Чингис-хана в попытке достичь трона⁷⁷⁵. Однако впоследствии сторонники Борджигиных предприняли попытку *post factum* «реабилитировать», в частности, потомков Хасара, представив их достойными верховной власти — если не в силу династических прав и личных качеств, то по крайней мере за заслуги их родоначальника.

В позднесредневековой Монголии, особенно в тех областях, где наследственными правителями являлись потомки Хасара, сложился своеобразный культ почитания памяти этого брата Чингис-хана, воспевания его заслуг. Эта тенденция нашла отражение как в народном творчестве, так и в официальной историографической традиции. Сохранились средневековые монгольские предания о Чингис-хане, в которых его брат Хасар представлен могучим воином и метким стрелком из лука. Он поддерживает брата с самых ранних лет, сопровождает его в походах, воюет с колдунами, пытающимися причинить зло Чингис-хану; в частности, в походе на Китай Чингис-хан одерживает победу над огромным китайским войском при помощи одного лишь Хасара и двух собак! Однако неблагодарный хан то и дело несправедливо обвиняет младшего брата в разного рода грехах (покушении на свою власть, соблазнении своей дочери и т.п.) и подвергает длительному заточению⁷⁷⁶.

Несомненно, в этих преданиях далеко не все было вымыслом: если роль Хасара в военных предприятиях Чингис-хана преувеличена, то подозрения в его адрес со стороны хана зафиксированы и в исторических сочинениях. Так, в «Сокровенном сказании» упоминается о том, что Чингис-хан, поверив наговорам влиятельного шамана Тэб-Тэнгри о намерениях Хасара отнять у него трон, приказал арестовать брата⁷⁷⁷. Сюжет же о дочери Чингис-хана, забеременевшей неизвестно от кого и на вопрос об отце ребенка ответившей, что она якобы «только один раз, да и то издали видела своего дядю Хавот-Хасара»⁷⁷⁸, несмотря на явную фольклорность, также имеет историческую основу: в исторической традиции Хасару приписывают попытки ухаживать либо за старшей женой Чингис-хана, Борте, либо за младшей, Хулан⁷⁷⁹. Тем не менее в народной памяти

все обвинения Чингис-хана в адрес младшего брата сохранились как несправедливые, а его военные подвиги воспеты даже в ущерб славе самого создателя Монгольской империи⁷⁸⁰.

Позднее подобные легенды были учтены монгольскими историками, целью которых было улучшить мнение о Хасаре (а следовательно, и о его потомках) в памяти монголов. Неудивительно, что даже в ряде сочинений, авторы которых не принадлежали к сторонникам рода Хасара, неоднократно проводится мысль о том, что между Чингис-ханом и Хасаром существовали некие разногласия, но, благодаря заслугам потомков последнего, их следует забыть⁷⁸¹. Некоторые же исторические сочинения напрямую преследуют цель возвеличить Хасара и его политическое значение. Так, в Уратском хошуне Монголии, правители которого являлись (или считались) потомками Хасара, сформировалась особая летописная традиция, согласно которой роль Хасара в создании Монгольской империи характеризовалась как весьма значительная, если не основополагающая. В рамках этой традиции ок. 1765 г. появилась летопись «Алтан Тобчи» («Золотое сказание»), автором которой является выдающийся буддийский деятель Мэрген-гэгэн Лубсандамбиджалцан⁷⁸², сам принадлежащий к княжескому роду этого хошуна, а в 1825 г. далама (настоятель монастыря) Джамбадоржи по заданию хошунного князя составил летопись «Болор толи» («Хрустальное зеркало»).

По утверждению авторов этих сочинений, Хасар не только участвовал вместе со старшим братом в основных событиях, связанных с созданием Монгольской империи, но и проявлял себя в них куда более активно, чем Чингис-хан, иногда как бы «дублируя» брата (совершая вместе с ним действия, обычно приписываемые самому Чингис-хану), иногда «замещая» его в тех или иных исторических событиях⁷⁸³. Именно Хасару приписываются заслуги в разгроме кераитского Ван-хана в 1203 г., а затем и найманского Даян-хана в 1204 г., победе над тангутами и т. д. При ознакомлении с этими сочинениями поневоле возникает мысль, что именно Хасар, а не Чингис-хан, являлся подлинным создателем Монгольской империи⁷⁸⁴. Хасар, подобно Чингис-хану или его младшему сыну Тулюю (от которого, как мы помним, происходили ханы монгольских аймаков, сохранявшие власть до 1924 г.), в некоторых восточномонгольских областях упоминался с титулом «эцэн», т. е. «владыка», а в сочинении Джамбадоржи даже с титулом «богдо», который в монгольской историографии вообще применяется только к самому Чингис-хану⁷⁸⁵.

На наш взгляд, это историографическое явление являлось своеобразной попыткой реабилитировать потомков Хасара, пытавшихся незаконно претендовать на ханский титул и избавиться от ответственности (или по меньшей мере осуждения в памяти потомков) последующие поколения этого семейства за попытки узурпации трона, предпринятые их предками. Полагаем, что, если бы потомки Хасара не предпринимали попыток узурпации ханской власти, столь ревностной апологии их предка не понадобилось бы.

Чингизиды, но — по женской линии: ойратские родоплеменные предводители в борьбе за монгольский трон

Попытки представителей нечингизидских династий отобрать трон у Чингизидов и обосновать узурпацию власти наличием в своих жилах крови «Золотого рода» имели место не только в Иране и среднеазиатских ханствах, но и в самой Монголии. Они предпринимались узурпаторами на протяжении ряда веков и не всегда были безуспешны, хотя в конечном счете потомки Чингис-хана в итоге сохранили власть и ханские титулы в монгольских аймаках вплоть до 1920-х гг.

Выше мы уже говорили о том, что на рубеже XIV–XV вв. в результате падения империи Юань и кризиса династии потомков Хубилая на власть в Монгольском ханстве стали претендовать потомки самых различных ветвей Чингизидов и даже братьев Чингис-хана. Однако круг претендентов не ограничивался членами рода Борджигин: претензии на трон, как и в Средней Азии, предъявили и нечингизиды.

Первыми такими претендентами стали ойратские предводители, положившие начало самому могущественному из ойратских родов чорос, впоследствии возглавившему Джунгарское ханство. Воспользовавшись династическим кризисом, последовавшим после смерти Адай-хана (потомка Угедэя) в 1438 г., один из фактических правителей раздробленной Монголии, ойратский Тогон-тайджи, попытался провозгласить себя ханом. Сообщения позднесредневековых монгольских летописей XVII–XIX вв. об этой попытке носят полуполюгендарный характер. Согласно им, Тогон нанес оскорбление духу Чингис-хана, явившись в его святилище и заявив, что он, будучи сыном монгольской царевны Самур или Сутай (дочери Элбэг-хана, потомка Хубилая), не уступает по происхождению самому

основателю Монгольской империи, происходившему от Алан-Гоа — праматери всех монгольских правящих родов. В ответ на это, продолжают монгольские средневековые авторы, из колчана Чингис-хана, висевшего на стене святилища, вылетела стрела и поразила нечестивца, отчего он вскоре и скончался⁷⁸⁶.

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что подобные сообщения носят символический характер, а в действительности Тогон-тайджи, скорее всего, либо погиб в борьбе с собственными сородичами-ойратами, либо же был устранен китайцами, поскольку доставлял немало проблем пограничным владениям империи Мин⁷⁸⁷. Однако природа его претензий на ханский титул, на наш взгляд, отражена в этом пассаже предельно конкретно: в условиях «дефицита» законных претендентов на трон из рода Чингис-хана по прямой мужской линии (одни из которых были убиты, другие утратили легитимность, признав верховенство китайских императоров и т.п.) подходящими кандидатами становились даже те, кто имел хотя бы отдаленное кровное родство с Чингизидами. Почему же Тогон, являвшийся внуком хана по дочери, имел меньше прав на трон, чем, например, претенденты, происходившие по мужской линии, но от братьев Чингис-хана, предьявлявшие права на трон приблизительно в тот же период времени?

Преждевременная смерть Тогона не позволила ему занять трон⁷⁸⁸. Однако тот факт, что его претензии были восприняты в Монголии серьезно, подтверждается официальным, с соблюдением процедуры курултая, принятием ханского титула в 1453 или 1454 г. его сыном Эсеном-тайджи — соответственно, внуком царевны Самур⁷⁸⁹. Правда, год спустя Эсен уже был свергнут и убит, однако виновниками его гибели были не возмущенные узурпацией Чингизиды и их сторонники, а собственные соплеменники-ойраты. Дело в том, что некоторые ойратские родоплеменные вожди, подобно Эсену, надеялись занять монгольский трон и потребовали, чтобы он отдал принадлежавший ему до воцарения титул тайджи одному из них, несмотря на то что к «Золотому роду» они отношения не имели. Как видим, ойраты, захватив власть в Монголии, уже готовы были в полной мере пересмотреть традицию и вообще отменить чингизидское происхождение как условие занятия трона! Однако Эсен отказался удовлетворить их требования, заявив, что титул перейдет его сыну, который, соответственно, также имел отношение к Чингизидам по женской линии. Отказ вызвал новый виток междоусобиц среди

ойратов, в результате которых узурпатор погиб, а на трон вновь вернулись потомки Чингис-хана⁷⁹⁰.

Участь Эсена показала, что в Монголии авторитет «Золотого рода» по-прежнему остается достаточно высоким, и его представители продолжали сохранять монополию на ханскую власть. Правда, не исключено, что они являлись лишь своеобразными компромиссными фигурами в борьбе различных родоплеменных кланов, которые были готовы смириться с воцарением легитимного монарха, но не признать власть другого равного им по статусу вождя одного из противоборствовавших племен. По некоторым сведениям, сын Эсена, Амасанджи-тайджи, также претендовал на верховную власть, пытаясь даже покорить владения Чагатаидов и Восточный Дешт-и Кипчак, однако, в отличие от отца, по-видимому, так и не сумел добиться признания себя в ханском достоинстве, оставшись всего лишь одним из монгольских полунезависимых родоплеменных вождей с титулом тайджи⁷⁹¹.

Однако в дальнейшем ойраты вновь, и на этот раз с большим успехом, включились в борьбу за ханские титулы. Наиболее активно действовали потомки Тогона и Эсена — вожди рода чорос, а также предводители родов хошоут и торгоут. Эти три семейства в XVII в. основали три ханства — соответственно, Джунгарское, Тибетско-Кукунорское и Калмыцкое. Чоросы, происходя от царевны Самур, имели в своих жилах частичку чингизидской крови; вожди хошоутов возводили свою родословную к Джучи-Хасару — брату Чингис-хана; торгоуты же даже не пытались претендовать на родство с Чингизидами, довольствуясь тем, что возвели происхождение к кераитскому хану Тогрулу (Ван-хану) — сначала покровителю и союзнику, а затем сопернику Чингис-хана. Однако правители этих трех ханств (характерно, что они претендовали не на собственно монгольский престол, а лишь на ханский статус в собственных владениях) не делали акцент на происхождении как основании своих претензий на власть — они решили задействовать другой фактор легитимации, который мы более подробно рассмотрим ниже.

Попытки смены династии: ставленники китайских императоров как альтернатива легитимным монгольским ханам

Уже в первой половине XV в. империя Мин, стараясь раздробить и подчинить себе Монгольское ханство, предприняла попытку

спровоцировать гражданскую войну. Не ограничиваясь поддержкой противоборствующих царевичей из рода Чингис-хана, китайские власти стали признавать права на ханский титул и правителей, не имевших чингизидского происхождения. Так, в 1410-е гг. китайские власти признавали ханом ойратского правителя Эсэху, который в глазах Чингизидов и их приверженцев являлся несомненным узурпатором⁷⁹². Стремясь, впрочем, не допустить усиления и новых претендентов, китайские власти в то же время закрепили высокие титулы и за другими ойратскими вождями, чтобы они стали противовесом не только Чингизидам, но и новоявленному хану Эсеху. Так, в самом начале XV в. три соперничавших между собой ойратских родоплеменных вождя получили китайские титулы: Махаму — Шун-нин-вана, Тайпин — Сян-и-вана и Бату-Болад — Аньло-вана. Ок. 1418 г. Тогон-тайджи (претендовавший, как мы помним, на монгольский трон как сын дочери хана-Чингизида) унаследовал от своего отца Махаму титул Шун-нин-вана, который стимулировал его к борьбе за единодержавие среди ойратов⁷⁹³. Аналогичным образом китайские имперские власти после смерти Тогона признали его сына Эсена в ханском достоинстве — также поначалу именно среди ойратов⁷⁹⁴. Несомненно, этот фактор в значительной степени обусловил его властные амбиции, и в результате Эсен, как известно, решился на узурпацию ханской власти во всем Монгольском ханстве, осмелившись даже провозгласить себя императором Юань. Однако в силу различных обстоятельств (появления в Монголии энергичных властителей вроде Мандухай-хатун и Даян-хана) и политического кризиса в самой империи Мин в XV в. китайские власти так и не сумели подчинить Монголию.

Однако в XVII в. китайские императоры (на этот раз уже не только Мин, но и сменившая ее маньчжурская династия Цин) вновь попытались подчинить себе Монголию, сделав ставку на представителей нечингизидских династий — правда, на этот раз не на потомков Чингис-хана по женской линии, а на потомство его братьев, членов рода Борджигин. Таким образом, кровные связи претендентов с «Золотым родом» как основание законности их прав на престол были усилены дополнительным фактором — поддержкой иностранных сюзеренов.

Когда Даян-хану перед смертью пришлось разделить власть между своими многочисленными сыновьями, каждый из них стал во главе определенного родоплеменного объединения, с одной стороны фактически заменив прежнюю родоплеменную знать, почти

полностью уничтоженную во время завоевательных походов Мандухай и Даян-хана, с другой — фактически сравнявшись по статусу с этой самой родовой знатью. В этих условиях потомки братьев Чингис-хана, также стоявшие во главе родоплеменных объединений, перестали признавать верховенство «Золотого рода» и стали претендовать на равный с ним статус⁷⁹⁵. А поскольку ряд потомков Чингис-хана в своих владениях (аймаках) уже принял ханские титулы — Шитну-ханы, Тушету-ханы, Дзасагту-ханы, Сэчен-ханы, Сайн-Нойон-ханы, Алтан-ханы, — другие потомки рода Борджигин в начале XVII в. решили последовать их примеру. Но ни потомки Хасара, ни тем более его младших братьев уже не могли обосновать свои права на трон отсутствием прямых потомков Чингис-хана. Поэтому они стали предъявлять права на ханские титулы, во-первых, в собственных уделах, во-вторых — опираясь на могущественных покровителей, каковыми стали маньчжурские ханы, как раз в это время начавшие активное завоевание Китая.

Причиной этих действий стала деятельность Лигдан-хана — последнего верховного правителя Монгольского ханства, поставившего себе целью укрепление центральной власти и воссоединение стремительно распадающегося государства. Надо сказать, отчасти ему это удалось, но принимаемые им меры оказались настолько непопулярны как среди Чингизидов, так и среди других Борджигинов, что областные правители предпочли пойти на сговор с чужаками-маньчжурами, лишь бы не подчиняться своему слишком властному родичу.

Одним из первых таких правителей-Борджигинов, получивших ханский титул, стал Аоба (Одба, Ууба) — потомок Хасара в восемнадцатом поколении, являвшийся наследным правителем аймака Хорчин. Еще его отец противостоял централизаторской политике Лигдан-хана и пошел на сговор с маньчжурами. Аоба, чьи владения неоднократно подвергались нападениям со стороны монгольского верховного хана, продолжил отцовскую линию, присягнув маньчжурам и вместе с ними участвовал в боевых действиях против Лигдана. В благодарность за свою помощь Аоба получил в жены внучатую племянницу Нурхацы — основателя маньчжурского государства, титул «эфу» («императорский зять»), а также незадолго до смерти Нурхацы (1626 г.) был пожалован титулом Тушету-хана и награжден украшенными шлемом и доспехом, что обеспечило его поддержку и преемнику Нурхацы — его сыну Абахая⁷⁹⁶. Естественно, в глазах монгольского хана титул, дарованный маньчжурским

монархом (который и сам выглядел самозванцем в глазах потомка Чингис-хана), силы не имел, и в своих посланиях к Аобе Лигдан ехидно именовал его «Тушету-эфу»⁷⁹⁷. Тем не менее прецедент был положен, и примерно в то же время еще ряд правителей южно-монгольских аймаков из потомков братьев Чингис-хана приняли ханские титулы. Правда, некоторые из них получали титулы не от маньчжуров, а от китайских императоров династии Мин: Тулан, потомок Тэмугэ-отчигина (Дугурэн-хан), правитель аймака Онгнигуд⁷⁹⁸, и три поколения правителей аймака Муминган — Шира-Хитад, потомок Хасара в четырнадцатом поколении (Тушету-хан), его сын Дорджи (Буянту-хан) и внук Цэгэн (Сэчен-хан), который впоследствии перешел на сторону маньчжуров⁷⁹⁹.

Пожалование титулов было вдвойне полезно для маньчжурских и китайских правителей. С одной стороны, принимая от них титулы, потомки рода Борджигин становились их вассалами, обеспечивая военную силу и политическое влияние на территории Монголии. С другой — принятие ханских титулов потомками братьев Чингис-хана умаляло престиж ханского титула среди самих Чингизидов, способствовало снижению их авторитета и, как следствие, отходу от них многих сторонников. В том, что именно такую задачу ставили перед собой китайские и маньчжурские правители, когда даровали титулы потомкам рода Борджигин, нас убеждает следующая тенденция: после установления маньчжурского сюзеренитета над Монголией и ликвидации в ней верховной власти Чингизидов владетельные Борджигины лишились своих ханских титулов. Так, уже Бадари, сын и наследник хорчинского Тушету-хана Аобы, после смерти отца был вынужден довольствоваться титулом тушету-цин-ванов⁸⁰⁰, т. е. князя или царевича, но не хана, потомки онгнигудского Тулана — титулами дугурэн-цин-ванов⁸⁰¹, а муминганский Сэчен-хан Цэгэн в 1664 г. и сам был лишен ханского титула, получив взамен титул тайджи (царевича) третьей степени⁸⁰². С этого времени и до провозглашения Монголии республикой в 1924 г. ханские титулы сохранили лишь владетели аймаков Халхи — Северной Монголии, происходившие из рода Хубилая.

Возникновение ойратских государств и легитимация власти их монархов

По целому ряду причин в монгольских государствах не могли быть использованы средства религиозной легитимации власти,

применявшиеся в тюркских государствах. Во-первых, в отличие от представителей мусульманского духовенства, буддийские священнослужители давали обет безбрачия и, соответственно, не имея потомства, не могли основывать династии и передавать власть по наследству, опираясь на свой духовный авторитет или тем более брачные связи с представительницами ханского рода⁸⁰³. Правда, в буддизме существовал институт реинкарнации — перехода души умершего святителя в тело новорожденного, который со временем занимал его место в буддийской иерархии; в монгольской традиции такие перерожденцы назывались хубилганами и пользовались значительным влиянием среди населения Монголии. Однако и они не могли претендовать на трон, поскольку служители буддийского культа считались далекими от мирской суеты и не должны были интересоваться делами власти, политики и пр. Даже знаменитый джунгарский хан Галдан, о котором мы еще поговорим подробно ниже, в молодости являвшийся священнослужителем-ламой, должен был сначала сложить с себя сан (для чего ему понадобилось особое разрешение Далай-ламы) и лишь после этого получил право вступить в борьбу за ойратский трон⁸⁰⁴. Случаи прихода к светской власти представителей духовного сословия в Монголии практически неизвестны⁸⁰⁵.

Тем не менее, не претендуя на формальную светскую власть, влиятельные представители буддийского духовенства в силу своего авторитета в Монголии и в значительной степени благодаря покровительству властей империи Цин вплоть до начала XX в. играли важную роль в политике Монголии. Монгольское духовенство официально представляло в стране власть духовного лидера всех буддистов — Далай-ламы, тибетского теократического монарха, решения которого уже с XVII в. стали еще одним основанием для появления претендентов на ханский трон из числа нечингизидов.

Политико-правовая ситуация в Монголии в XVII–XVIII вв. была весьма сложной и противоречивой. С одной стороны, местные правители старались сохранять и укреплять политико-правовые традиции «чингизизма», в которых видели средство сохранения единства государства, независимости монголов. Соответственно, любой нечингизид, претендовавший на верховную власть и ханский титул, в их глазах являлся несомненным узурпатором и заслуживал наказания. С другой стороны, не менее важным фактором борьбы за власть в Монголии с конца XVI в., средством своеобразной «отстройки» от западных мусульман и китайцев.

а также консолидации самих монголов становится буддизм. Привнесенная в Монголию из Тибета, эта религия поначалу виделась местными правителями как средство дополнительной легитимации принявших ее Чингизидов по сравнению с другими родственниками, еще не проникшимися ценностями «желтой веры»⁸⁰⁶. Однако со временем в силу различных обстоятельств буддийская церковь Монголии стала играть важную роль не только в духовной, но и политической жизни страны, соответственно, решения буддийского первосвященника — Далай-ламы в глазах верующих (в том числе и самих представителей «Золотого рода») являлись таким же законом, как «чингизизм» и воля ханов-Чингизидов.

Вероятно, именно это обстоятельство учел Далай-лама V, когда на рубеже 1630–1640-х гг. впервые присвоил ханский титул нечингизиду — предводителю ойратского племени хошоутов Туру-Байху, кочевавшему в районе Кукунора. Это решение Далай-ламы было в известной мере вынужденным, принятым под давлением ряда обстоятельств. Дело в том, что в первой половине XVII в. Далай-лама не обладал полнотой ни светской, ни духовной власти в Тибете. Ряд областей возглавляли независимые от него владетели (например, правитель области Цзан, носивший титул Цанпа-хана), в духовной же сфере Далай-лама возглавлял всего лишь одну из буддийских сект в Тибете — школу гэлугпа, сторонники которой назывались «желтошапочниками». Главными их противниками были приверженцы другой буддийской школы кармапа, в отличие от соперников, называвшиеся «красношапочниками». Один из их предводителей, Рабчжампа, в начале 1630-х гг. пригласил в Тибет халхасского Чингизида — Цогта-тайджи, который за короткое время создал себе самостоятельное государство и уже был близок к победе над сторонниками школы гэлугпа. Соответственно, Далай-ламе нужен был союзник, который мог бы на равных противостоять владельческому Чингизиду. Таким союзником стал хошоутский Туру-Байху, который, собственно, пришел в Тибет по собственной воле, а не по прямому приглашению Далай-ламы (который долго колебался, стоит ли приглашать в свои владения еще одного монгольского князя⁸⁰⁷), причем его поддерживали и другие влиятельные ойратские правители — его родной брат Байбагас-тайджи и Батур-хунтайджи, будущий основатель Джунгарского ханства⁸⁰⁸.

Под предлогом борьбы с Цогтом-тайджи, Рабчжампой и Цанпа-ханом ойратский предводитель в 1637 г. разгромил Цогта-тайджи и практически оккупировал Тибет. В 1642 г. последний из

противников, Цанпа-хан, был им пленен, а Далай-лама, торжественно въехавший в Лхасу, был провозглашен главой Тибета, который с этого времени формально превратился в теократическую монархию. Однако не будем забывать, что буддийские священнослужители (даже самые высшие) официально не должны были заниматься мирскими делами. Именно поэтому Туру-Байху, получивший от Далай-ламы титул Гуши-хана (по-тибетски «чоки гьялпо» — «хан веры»), был поставлен им во главе «тринадцати туменов Тибета», формально став своеобразным военным вождем при духовном главе Далай-ламе⁸⁰⁹. Эта ситуация заставляет вспомнить об уже упоминавшемся нами в предыдущей главе институте соправительства духовного и светского владык (император и сегун в Японии, каган и шад в Хазарии, халиф и султан в мусульманском мире и т. д.), таким образом, формат совместного владычества над Тибетом не был уникальным.

Для нас важно то, что Далай-лама создал прецедент, своей волей присвоив ханский титул представителю нечингизидской династии, тем самым нарушив монополию на него монгольских чингизидов. Гуши-хан и его потомки обладали ханским титулом и фактически управляли Тибетом до 1717 г., когда его правнук Лхавсан-хан был разгромлен и убит джунгарами — потомками соратников своего деда⁸¹⁰. Официально они получали инвеституру из рук Далай-ламы, выступая его защитниками и поборниками «желтой веры» в Тибете и окрестных регионах, сделав этот титул фактически наследственным⁸¹¹.

В течение первого времени после приобретения Гуши-ханом ханского титула хошоуты обладали своеобразной «монополией» на него, поскольку фактически контролировали Далай-ламу и его двор, в том числе назначая и сановников буддийского первоиерарха⁸¹². Однако вскоре после смерти Гуши-хана между его потомками началась борьба за власть, их контроль над Далай-ламой ослаб, и он получил возможность даровать ханские титулы другим ойратским правителям — в известной степени и для того, чтобы противопоставить их хошоутам, опекой которых он уже изрядно тяготился. В 1657 г. правитель алашаньских хошоутов Очирту-тайджи (племянник Гуши-хана) прибыл в Тибет и получил от Далай-ламы титул Цэцэн-хана («Мудрого хана»)⁸¹³. А в 1678 г. джунгарский правитель — хунтайджи Галдан (зять Очирту, годом ранее разгромивший и убивший тестя, присоединив его владения к своему государству) получил от того же Далай-ламы титул Бошугту-хана⁸¹⁴.

В 1690 г. тибетские власти от имени Далай-ламы V (смерть которого уже восемь лет как скрывалась ими) даровали ханский титул калмыцкому (торгоутскому) хану Аюке, а в 1735 г. — его внуку Дондук-Омбо⁸¹⁵.

Как относились к этой инициативе Далай-ламы монгольские Чингизиды и их приверженцы? Несмотря на явное нарушение принципов «чингизизма», не считаться с волей главы буддийской церкви они не могли, причем по нескольким причинам. Во-первых, отказ подчиниться воле Далай-ламы и не признать дарованных им титулов подрывал авторитет буддийской церкви и в самой Монголии — что было невыгодно местным ханам и тайджи из рода Чингис-хана, использовавшим религию в своих политических интересах. Во-вторых, некоторые из влиятельных монгольских правителей сами получали ханские титулы от Далай-ламы: так, в благодарность за распространение буддизма в Монголии знаменитый Алтан-хан Тумэтский в 1578 г. получил от Далай-ламы III титулы Гэгэн-хана и Номун-хана (соответственно, «просвещенного хана» и «владыки веры/учения»)⁸¹⁶, а Абатай, родоначальник Тушету-ханов — титул Вачирай-хана⁸¹⁷. Отказываясь признавать титулы ойратских монархов, дарованные Далай-ламой, монгольские Чингизиды тем самым поставили бы под сомнение и законность титулов собственных почитаемых предков, также дарованных им первоиерархом Тибета!

Таким образом, несмотря на нечингизидское происхождение, хошоутские, джунгарские (чоросские) и торгоутские (калмыцкие) правители узаконили свои права на престол и даже добились международного признания себя в ханском статусе именно на основании религиозного фактора. Получив же ханские титулы, они пошли еще дальше, последовательно внедряя в своих государствах элементы чингизидской государственности и права. Так, ойратские ханы присвоили себе право издавать ярлыки — акты ханского волеизъявления. В частности, известны четыре таких указа, изданные Галданом Бошугту-ханом рубеже 1670–1680-х гг.⁸¹⁸.

Мало было издавать законы, были необходимы и органы, обеспечивавшие их применение. Правоохранительные функции в ойратских ханствах выполняли заргучи, институт которых также был прямо позаимствован из чингизидской правовой практики: суд дзаргу был создан Чингис-ханом еще на заре формирования его империи. В Джунгарии судьи-заргучи занимали высокое положение, стоя на следующей ступени чиновной иерархии после тушимэлов — ханских наместников, выше которых были лишь сами

ханы⁸¹⁹. В Калмыцком ханстве также существовал суд-зарго, выносивший решения на основе «Их Цааз» и дополняющих его указов-ярлыков Галдана Бошугту-хана. Примечательно, что этот суд, даже после того как Калмыкия была в значительной степени интегрирована в правовое пространство российской империи, продолжал существовать: в 1762 г. по распоряжению имперских властей была произведена его реорганизация, а в 1800 г. (т. е. практически 30 лет спустя после ликвидации Калмыцкого ханства) он вновь был восстановлен⁸²⁰. Из других властных институтов, которые ойраты унаследовали из чингизидской правовой практики, можно упомянуть наличие таких должностей, как дарга и бичечи⁸²¹, в которых без труда угадываются чиновники чингизидского времени — даруга (наместник, управитель) и битикчи (писец, начальник канцелярии).

В еще большей степени правопреемство ойратских монархов от чингизидских проявилось в том, что они переняли и их имперские устремления, стараясь сосредоточить в своих руках власть над странами и народами, прежде принадлежавшими потомкам Чингисхана. Нельзя не согласиться с мнением Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) о том, что «ойроты замыслили восстановить древнюю Чингисханову империю в Азии»⁸²². Так, калмыки, которые в 1620-е гг. под предводительством Хо-Урлюка пришли на Волгу, в течение короткого времени установили гегемонию над бывшими золотоордынскими подданными — ногаями, каракалпаками, кумыками, кабардинцами, башкирами и др.⁸²³. В 1680-е гг. Галдан Бошугтухан контролировал Восточный Туркестан, назначал здесь своих наместников и собирал налоги в свою пользу⁸²⁴. Китайский источник «Дай Цин шэнцзу жэньхуанди шилу» с преувеличениями, но вполне определенно говорит об имперских устремлениях Галдана Бошугту-хана: «Галдан уже разбил мусульманские владения Самар-эрхань [Самарканд], Бухаэр [Бухару], Хасакэ [Казахстан], Булутэ [Киргизию], Еэрцянь [Яркендское ханство], Хасыхаэр [Кашгар], Сайлам [Сайрам], Тулуфань [Турфан], Хами. [Число] подчиненных им в [ходе] войны городов составляет более 1200»⁸²⁵.

В 1710-е гг. Цэван-Рабдан, преемник Галдана, сумел подчинить себе значительное число киргизских родов⁸²⁶. О многом говорит, в частности, такой факт, что пушечное производство ханов Джунгарии в конце XVII — первой половине XVIII вв. располагалось в таких городах, как Урга (в Халхе) и Яркенд (в Восточном Туркестане)⁸²⁷. Кроме того, в Яркенде в первой половине XVIII в. чеканились монеты с именами хунтайджи Цэван-Рабдана и Галдан-Цэрена⁸²⁸.

что также свидетельствует о претензиях джунгарских монархов на сюзеренитет над бывшими чингизидскими владениями, которыми, как уже отмечалось, в этот период управляли их ставленники-вассалы — черногорские ходжи.

В ряде случаев ойраты стремились установить власть не только над бывшими владениями Чингизидов, но и напрямую вступали в конфронтацию с ними. Так, согласно Есиповской летописи, уже в конце XVI в. ойраты находились в противостоянии с сибирским ханом Кучумом⁸²⁹, в конце 1630-х гг. хошоуты разгромили халхаского Цогт-тайджи, захватив власть над Кукунором и Тибетом, в 1680-е гг. джунгарский хан Галдан распространил гегемонию на ханства Халхи и Восточный Туркестан, прежде принадлежавший ханам из дома Чагатая. Общеизвестны также войны XVII—XVIII вв. Джунгарии с Казахским ханством, которые в значительной степени и обусловили вхождение Казахстана в состав Российской империи.

В некоторых случаях ойратские правители даже сами назначали правителей из дома Чингис-хана, которые, таким образом, становились вассалами ойратов, с чингизидской точки зрения принадлежавших к «черной кости». Наиболее широко распространилась эта практика при Галдане Бошугту-хане, который, в частности, возводил на трон Кашгара потомков Чагатая, а также выделил в своих владениях улус сибирскому царевичу Дюдюбеку, потомку хана Кучума⁸³⁰.

Можно ли считать такие действия с правовой точки зрения посягательством на власть «природных» ханов из дома Чингис-хана? Формально, видимо, нет, поскольку ойратские ханы, как уже отмечалось, получали титул от высшего иерарха буддийской церкви и мотивировали свои действия борьбой за распространение веры. Так, именно апеллируя к авторитету Далай-ламы, джунгарский хан Галдан старался распространить контроль на монгольские ханства Халхи, а казахов намеревался не только подчинить, но и заставить перейти в буддизм⁸³¹. На это же указывают сами их титулы — Гуши-хан, Цэцэн-хан, Бошугту-хан и др., которые отражали их особое место в буддийской, а не политической структуре. Другое дело, что в условиях, когда буддизм и его иерархи стали играть важную политическую роль, амбициозные ойратские монархи не могли не использовать религиозный фактор в политической сфере, противопоставляя себя (причем небезуспешно) потомкам Чингис-хана.

Интересно отметить, что Далай-лама фактически постоянно возводил в ханы лишь хошоутских правителей Кукунора, а из остальных ойратских правителей пожаловал ханский титул лишь

одному алашаньскому (Очирту Цэцэн-хан), одному джунгарскому (Галдан Бошугту-хан) и двум калмыцким ханам (Аюка и Дондук-Омбо). Однако их преемники также, как правило, носили ханские титулы. Несомненно, это было связано с тем, что они считали себя наследниками титулов своих предшественников, право которых на верховную власть «освятил» сам Далай-лама, а в их лице — и их семейства.

Китайский император как монгольский хан

Сходная ситуация складывалась в отношениях Монголии с Китаем, императоры которого начиная уже с конца XIV в. стали принимать попытки подчинить себе монголов — подобно тому как ханы-Чингизиды сами подчинили себе Китай полутора веками ранее. Как мы помним, их старания увенчались частичным успехом: некоторые монгольские улусы признали китайское подданство, отдельные монгольские Чингизиды либо признавали себя вассалами Китая, либо были даже его прямыми ставленниками на монгольском троне.

Как и русских царей при завоевании постордынских ханств, китайских императоров не слишком заботило законное с точки зрения «чингизизма» обоснование их власти над Монголией. Например, когда ойратский Тогон-тайши в 1430-х гг. расправился со своими соперниками Аруктай-тайши и Адай-ханом, он даже отправил в Пекин ханскую яшмовую печать — как символ того, что верховная власть над Монголией отныне принадлежит империи Мин, а он, Тогон, признает себя ее вассалом⁸³². Однако император презрительно отверг этот дар, предложив ойратскому вождю сохранить печать для себя⁸³³. Как видим, китайские монархи конца XIV — первой половины XV в. чувствовали себя достаточно могущественными, чтобы (опять же подобно московским царям) обосновывать свою власть силой оружия, а не какими-то «варварскими» с их точки зрения тюрко-монгольскими политико-правовыми средствами.

Тогда монголы сами стали искать основания легитимации власти императоров Мин — вероятно, не столько в интересах сюзеренов, сколько для того, чтобы подчинение иноземному монарху не было унижительным для самих монгольских династов. И такое основание было найдено — им стала легенда о происхождении Юн-ло, третьего императора династии Мин. Согласно монгольской

историографии, этот государь, четвертый сын Чжу Юаньчжана, основателя Мин, «на самом деле» был сыном последнего монгольского императора Китая — Тогон-Тэмур. Якобы Чжу Юаньчжан захватил беременную супругу хана-императора, которая упросила Небо, чтобы срок ее беременности продлился двенадцать месяцев и новый супруг поверил, что это его собственный ребенок⁸³⁴. Создавая этот миф, монгольские придворные идеологи решали сразу две политические задачи. Во-первых, они «констатировали», что даже после изгнания монголов из Китая на его троне продолжали пребывать потомки Чингис-хана (ведь все последующие императоры Мин были прямыми потомками именно Юн-ло)⁸³⁵. Во-вторых, подчинение потомкам императора Юань, а не китайского бунтовщика, было незачем ни для рядовых монголов, ни даже для знати и Чингизидов. Их не смущал даже тот факт, что Юн-ло родился в 1360 г., тогда как бегство Тогон-Тэмур из Китая (и, соответственно, приписываемое Чжу Юаньчжану пленение его беременной супруги) имели место в 1368 г., т. е. восемью годами позже...

Несколько сложнее оказалась задача монгольских политических идеологов при обосновании права на власть над Монголией маньчжурских императоров династии Цин, сменившей Мин в 1644 г. При всем желании происхождение маньчжурских государей не могло быть выведено от Чингис-хана или даже кого-то из его родственников — для этого не было даже таких зыбких оснований, как в случае с императорами Мин. Поэтому в поисках легитимации нового сюзерена идеологи пошли по другому пути — сближению монгольской и китайской политических традиций, восходящих корнями к эпохе Юань.

Согласно официальной версии, в 1635 г. Эчжэ, сын Лигдан-хана, последнего верховного правителя Монголии из рода Чингис-хана, сдался маньчжурскому правителю Абахая, передав ему отцовскую яшмовую печать (ту самую, которую Тогон-тайши некогда предлагал императору Мин). Обладание этой печатью делало маньчжурского монарха законным претендентом на трон как по монгольской, так и по китайской традиции: «мандат Неба» на управление монголами перешел от Чингизидов к маньчжурскому правящему роду Айсинь Гиоро и лично к Абахая, который годом позже, в 1636 г., и был торжественно коронован как новый верховный хан монголов, «Богдо-хан»⁸³⁶. Так Южная Монголия признала власть «хана» Абахая. А когда в 1691 г. китайский сюзеренитет признали и северные монголы (Халха), третьему цинскому императору Канг-си было уже

гораздо проще предстать в роли их легитимного правителя — на основании прецедента, созданного его дедом⁸³⁷.

Уже позднее в монгольской историографии стали пытаться найти и дополнительные обоснования для оправдания подчинения монголов (в том числе и Чингизидов) чужеземному монарху. Например, делались попытки вывести родословную маньчжурских императоров от Елюя Чуцай, советника Чингис-хана, именовавшегося в монгольской историографии Чу-Мэргэн-нойоном⁸³⁸. Создателей этой легенды не смущал тот факт, что Елюй Чуцай был киданем и не имел к маньчжурам никакого отношения: они «записали» его в «чжурчжиты», т. е. чжурчжени, предводители которых основали династию Цзинь и правили Китаем в 1125–1234 гг.⁸³⁹. Надо сказать, что маньчжурский правящий род и в самом деле претендовал на родство с чжурчженями: неслучайно Нурхаци, основатель маньчжурского государства, первоначально назвал свою династию Поздней Цзинь⁸⁴⁰. Также дополнительным фактором легитимации власти маньчжурских императоров в Монголии стало, как ни странно, их покровительство буддизму — именно религиозная общность побудила монгольских князей и буддийских иерархов в 1691 г. признать зависимость от Китая, а не от России⁸⁴¹. Как ни странно, практически не поднимался вопрос о легитимации власти императоров Цин в Монголии путем породнения с Чингизидами, хотя сам Абахай, согласно официальной монгольской историографии, женился на двух вдовах Лигдан-хана, а его потомки на протяжении многих поколений роднились с наиболее влиятельными монгольскими ханами и князьями⁸⁴².

Однако эти версии не получили серьезного распространения, тогда как версия о преемстве маньчжурскими императорами «мандата Неба» вместе с яшмовой печатью Чингизидов оказалась востребованной не только монголами, но и самими маньчжурами. Впоследствии, при создании официальной историографии империи Цин этот фактор легитимации также учитывался, в результате чего маньчжуры представляли в глазах потомков как преемники не только непосредственно предшествовавшей им империи Мин, но и прежних династий, в том числе Юань⁸⁴³. В монгольской исторической традиции все маньчжурские императоры носили особые монгольские имена-титулы: Нурхаци — Тэнгээс-Дзаягату, Абахай — Ундур-Богдо (затем — Дэгэду-Эрдэмту), Шуньчжи — Ээр-Дзасагчи, Канг-си — Энхэ-Амугулан и т. д.⁸⁴⁴.

Воля иностранных сюзеренов как основа легитимности власти правителей ойратских ханств XVIII в.

Усиление российских позиций в тюрко-монгольском мире сыграло определенную роль и в укреплении позиций еще одних монгольских ханов, на этот раз — нечингизидского происхождения, т. е. с позиций «чингизизма» нелегитимных монархов: калмыцких ханов. В предыдущем разделе мы уже отмечали, что только два калмыцких хана в свое время получили инвеституру от Далай-ламы — Аюка в конце XVII в. и Дондук-Омбо в первой трети XVIII в., соответственно, другие монгольские государи, исповедовавшие буддизм (в том числе и Чингизиды), должны были признать их законными монархами. Однако ханским титулом обладали и другие калмыцкие правители XVIII в.: Цэрэн-Дондук и Дондук-Даши, которые, подобно казахским ханам, утверждались в ханском достоинстве российскими монархами⁸⁴⁵. Впрочем, и вышеупомянутые «ставленники» Далай-ламы — Аюка и Дондук-Омбо — также получали инвеституру от российских монархов⁸⁴⁶, иначе в их глазах они выглядели бы узурпаторами и подлежали бы смещению — подобно ряду казахских ханов, провозглашенных в соответствии с чингизидскими традициями, но против воли государя-сюзерена (о них подробнее ниже, в третьем параграфе настоящей главы). Соответственно, до официального утверждения в ханском достоинстве калмыцкие правители в официальной российской имперской документации именовались лишь «наместниками». При этом своеобразным способом легитимации их власти являлось формальное сохранение древней традиции — избрание на курултае; российские власти заявляли, что калмыки выбирают своих ханов по собственному усмотрению, тогда как от императорского двора всего лишь следует «соизволение» на занятие престола избранным ханом, однако со временем вмешательство имперской администрации в процесс избрания ханов становилось все более и более откровенным, что и привело в конечном счете к кризису 1771 г., вылившемуся в попытку калмыков откочевать на территорию бывшей Джунгарии⁸⁴⁷.

Аналогичную политику проводили и китайские власти в отношении ойратских государств, подражая действиям своих предков в Восточной Монголии первой пол. XVII в. Еще в 1697 г. хошоутский хан Лхавсан, как и его предки, получивший ханский титул от Далай-ламы, признал себя вассалом империи Цин в обмен на

поддержку в противостоянии с ойратскими и тибетскими правителями. Император в свою очередь утвердил его в ханском достоинстве и обещал сохранить титул за его потомками⁸⁴⁸. Как мы помним, Лхавсан, не являвшийся Чингизидом, был потомственным ханом ойратов Кукунора. Однако поскольку его соперники, другие ойратские предводители, к этому времени также успели обзавестись аналогичными титулами, Лхавсан не имел перед ними преимуществ. По-видимому, признание его в ханском достоинстве со стороны империи Цин давало ему таковое. Правда, когда Лхавсан-хан в 1717 г. погиб в результате джунгарского нашествия, китайцы, вторгшиеся в Тибет под предлогом помощи его родственникам и обещавшие восстановить их в статусе «царей Тибета», отказались от практики возведения вассальных ханов в Тибете, что вызвало так называемый Кукунорский мятеж 1723–1724 гг.⁸⁴⁹

В середине XVIII в. маньчжурские власти постарались усилить свой контроль над Джунгарией, поддержав претензии на ханский трон (традиционно принадлежавший роду Чорос) Амурсаны, который был внуком хана Галдан-Цэрена только по матери и вообще принадлежал к роду Хойт⁸⁵⁰. Правда, в конечном счете ханской власти он так и не получил, что заставило его начать борьбу с самими маньчжурами, опираясь, как мы увидим ниже, уже на другой фактор легитимации.

Наконец, в 1771 г. китайцы присвоили титул дзоригту-хана Убаши, последнему правителю Калмыцкого ханства, который во главе части своих подданных откочевал из России и, прибыв на территорию Джунгарии (уже включенной к этому времени в состав империи Цин), признал себя вассалом маньчжурского императора⁸⁵¹.

Возникает вопрос: зачем русским и китайским монархам было нужно даровать ханский титул монгольским правителям, не имевшим на него права (как нечингизидам) и к тому же не просто признававшим от них вассальную зависимость, но и непосредственно пребывавшим в составе соответствующей империи? Полагаем, тут могло быть две причины.

Во-первых, не последнюю роль играло упрочение международного статуса самих императоров: каково же должно быть их могущество, если их вассалами являлись ханы, традиционно считавшиеся независимыми верховными правителями! Эта концепция весьма ярко выражена в речи русского посла в казахском Младшем жузе А. И. Тевкелева, описывавшего величие Российской империи: «В подданстве России находятся... самовластные цари и ханы».

и князья: перво — царь грузинский, второй — хан калмыцкий, третий — Аликулк-хан мунгальский, четвертый — Усмей-хан калпацкой, самовластные же князья кабардинские, кумыцкие, терские, барагунские, аксайские»⁸⁵². Надо полагать, такими же соображениями руководствовались и власти империи Цин.

Во-вторых, повышая статус ойратских правителей до ханского, российские и китайские власти обеспечивали им поддержку в противостоянии с другими тюрко-монгольскими правителями, имевшими право на этот титул в силу происхождения — в частности, с казахскими Чингизидами, правителями Кашгарии и пр. Инвеституру калмыцких ханов, полученную ими от Далай-ламы, ханы казахов, естественно, не признавали, поскольку сами были мусульманами, а не буддистами. Волю же российского императора, вассалами которого они сами являлись, они игнорировать не могли. Это признание имело наибольшее значение в случае проявления «неблагонадежности» казахских Чингизидов: калмыцкие ханы в случае вооруженного конфликта по воле русского императора могли выступить против них как равные — ведь, не имея ханских титулов, в соответствии с тюрко-монгольскими политико-правовыми воззрениями, они выглядели бы как мятежники против законных ханов. В свою очередь, находясь под угрозой постоянных казахских набегов, сами калмыцкие ханы проявляли большую лояльность к российским властям, поскольку, лишившись их поддержки, они автоматически лишились бы и легитимного ханского титула и не имели бы законной возможности ни противостоять казахским ханам и султанам, ни вести с ними переговоры как равноправные стороны.

Второе самозванство Карасакала: из потомков Чингис-хана в джунгарские нойоны

Выше мы уже упоминали башкирского самозванца Миндигула Юлаева, более известного под прозвищем «Карасакал», который во время антироссийского восстания в Башкирии в 1739 г. выдавал себя за царевича-Чингизида. После подавления восстания он бежал в Казахстан и при поддержке местных султанов примерил на себя другую ипостась — ойратского нойона Шуно-Дабо, представителя правящего рода Джунгарского ханства. Последний был сыном джунгарского правителя Цэван-Рабдана и соперничал за трон со своим братом Галдан-Цэреном, который настраивал отца против него и в конце концов в 1725–1726 гг. заставил бежать

в Калмыцкое ханство. Лубсан-Шоно пытался добиться поддержки калмыков и российских властей в борьбе за трон Джунгарии, но не преуспел в этом и умер в Калмыкии в 1732 г.⁸⁵³

Почему же Карасакал решил так резко сменить «ипостась» и выдавать себя уже не за вымышленного потомка «Золотого рода», а за покойного джунгарского царевича⁸⁵⁴? Ведь он даже не знал монгольского языка и к тому же был мусульманином, а не буддистом по вероисповеданию. Во-первых, по всей видимости, поддерживая свою «чингизидскую версию», он, скорее всего, вряд ли обрел бы поддержку казахских султанов — подлинных Чингизидов. Во-вторых, он, вероятно, надеялся сбить с толку имперскую администрацию, которая преследовала его как самозванного султана-Чингизида и, вероятно, не стала бы искать под другим именем. Однако даже если у него и было такое намерение, российские власти провести не удалось: уже в начале 1740-х гг. они знали, что в казахских степях скрывается именно башкирский бунтовщик Карасакал, только теперь претендующий на имя «Суны», т. е. Шоно, и настоятельно требовали от казахских султанов его выдачи⁸⁵⁵.

Вероятно, именно с опасностью выдачи была связана и третья причина «метаморфозы», происшедшей с Карасакалом: он понадеялся, что, если выдаст себя за претендента на джунгарский трон, казахские султаны будут заинтересованы в нем как в средстве дипломатического воздействия на Джунгарское ханство. Учитывая возросшую в этот период напряженность между казахскими и ойратскими правителями, периодически проявлявшуюся во взаимных набегах друг на друга⁸⁵⁶, такая позиция выглядела весьма перспективной. Казахи и в самом деле попытались его использовать: в 1741 г. Карасакал во главе отряда воинов вторгся в Джунгарию, однако лишь успел разграбить несколько пограничных кочевий, после чего на него обрушилось многочисленное войско Галдан-Цэрена, и самозванцу пришлось бежать. Больше попыток активно бороться за джунгарский трон он не предпринимал, но даже и этот его незначительный рейд вызвал новое обострение джунгарско-казахских отношений и вторжение ойратов в казахские земли, и только вмешательство российских властей предотвратило попадание Среднего жуза под контроль Джунгарии⁸⁵⁷.

Тем не менее положение Карасакала среди казахов после его поражения не ухудшилось: султаны-Чингизиды оказывали ему гостеприимство, даря скот и имущество, выделяя воинов для охраны. Казахи настойчиво отвергали все требования и джунгар, и русских о выдаче самозванца, продолжая по-прежнему питать надежды.

что смогут использовать его для разжигания междоусобной борьбы в Джунгарском ханстве. Эти надежды подкреплялись тем, что со временем к самозванцу стали перебегать и сами джунгары, недовольные своим правителем, причем демонстративно «признавали» в нем Лубсана-Шуно. Весьма показателен следующий эпизод: в 1742 г. в плен к Галдан-Цэрену попал казахский султан Аблай (будущий последний хан всего Казахского ханства), и джунгарский правитель потребовал в обмен на него голову Карасакала. Однако никто из казахских Чингизидов не поднял руку на гостя, да и сам Аблай в своих посланиях к родичам требовал не соглашаться на предложение ойратского хана и «беречь Шуно»⁸⁵⁸. Как сообщали русским их джунгарские осведомители, еще в 1746 г. многие ойраты хотели видеть «Шуно» своих ханом⁸⁵⁹.

Почувствовав, что его положение окрепло, Карасакал осмелел и начал более активно вмешиваться в казахские политические дела. В частности, блудя образ джунгарского князя — союзника Казахского ханства, он стал отговаривать султанов отправлять их сыновей в Джунгарию в качестве заложников. Этим он вызвал гнев могущественного султана Борака, больше других страдавшего от ойратских вторжений. В 1744 г. Борак даже намеревался схватить Карасакала: он пообещал выдать за него замуж свою сестру, а сам планировал захватить его, когда тот приедет к нему. Однако доброжелатели предупредили самозванца, и тот откочевал под защиту других, дружественных к нему султанов⁸⁶⁰.

Карасакал умер в 1749 г., причем сведения об обстоятельствах его смерти противоречивы. По одной версии, он умер своей смертью⁸⁶¹, по другой — все же был умерщвлен своим недругом, султаном Бораком⁸⁶². Тем не менее в любом случае он оказался одним из немногих авантюристов, предъявлявших претензии на трон в течение целого десятилетия. А тот факт, что он поочередно предъявлял права сразу на два трона, выдавая себя, соответственно, за двух разных людей, делает его случай вообще уникальным.

Амурсана и Ченгунджаб: из коллаборационистов в вожди национально-освободительного движения

В середине XVIII в. в Западной Монголии вспыхнули два крупных восстания против маньчжурского господства. Их предводителями стали ойратский нойон Амурсана и монгольский князь-Чингизид

Ченгунджаб. Помимо того, что они во время восстания поддерживали контакты и между собой и координировали свои действия против китайских войск, их объединяло также то, что к власти они пришли при помощи маньчжуров, против которых затем и обратили оружие.

Амурсана, как мы помним, был внуком джунгарского хана Галдан-Цэрена по женской линии, сыном его дочери. Будучи представителем рода хойт, он не мог претендовать на престол, поэтому предпочел поддержать своего родича Даваца — потомка боковой линии джунгарского правящего рода чорос, который в обмен на помощь в занятии трона обещал ему особое положение в ханстве. Однако по какой-то причине новый хан не выполнил своего обещания, в результате между ним и Амурсаной возникли трения, вскоре вылившиеся в вооруженный конфликт, Амурсана потерпел поражение и был вынужден бежать в Китай.

Он явился к императорскому двору, где обвинил Даваца в измене и замыслах против сюзерена и заявил о готовности признавать цинский сюзеренитет, если ему будет оказана помощь в занятии джунгарского трона⁸⁶³. Двухсоттысячная китайская армия, передовой отряд которой возглавил сам Амурсана, вторглась на территорию Джунгарии. Попытки Даваца начать переговоры с китайцами не имели успеха, вскоре он был разгромлен и взят в плен. Амурсана надеялся, что теперь он получит право занять трон, однако китайские власти решили иначе. Единое джунгарское государство было разделено на четыре удела: в соответствии с прежним делением «четырех ойратов», были выделены княжества-хошуна Дэрбэт, Хошоут, Чорос и Хойт, и Амурсана стал всего лишь правителем последнего из них — хошунным нойоном хойтов, к тому же формально являясь помощником маньчжурского наместника в Илийском округе⁸⁶⁴.

Таким образом, Амурсана не добился того, на что рассчитывал, опираясь на поддержку маньчжуров. Его претензии на трон Джунгарского ханства, в принципе, были спорны в силу его происхождения. Теперь же его легитимность оказалась еще более подорванной в глазах местного населения из-за сотрудничества с китайцами, с господством которых ойраты не были намерены мириться. В этих условиях Амурсана принял решение, которое превратило его (по крайней мере, в монгольской историографической традиции) из «пособника иноземных угнетателей» в «национального героя»: он призвал население Джунгарии восстать против маньчжуров

и возглавил это восстание. Впрочем, исследователи не идеализируют этого деятеля и вполне однозначно заявляют, что на восстание его подвигли отнюдь не бедствия ойратского народа и желание видеть его независимым, а исключительно собственные амбиции: причиной выступления Амурсаны против маньчжуров стало их нежелание признать его ханом Джунгарии⁸⁶⁵.

Сходным образом действовал и монгольский князь Ченгунджаб, потомок Чингис-хана, который в течение долгих лет служил в монгольских войсках империи Цин, сделал неплохую военную карьеру, участвуя в том числе и в подавлении антицинских восстаний в Урянхайском крае и Восточном Туркестане, получил в маньчжурской иерархии титул Шадар-вана. Поводом для его выступления послужила казнь в Пекине в 1755 г. нескольких его родичей-Чингизидов, в частности — чин-вана Ринчен-Доржи, брата Богдо-гэгэна II (обвиненного в том, что он позволил бежать Амурсане, арестованному по обвинению в заговоре против маньчжуров). Узнав о его гибели, Ченгунджаб заявил, что оставляет службу маньчжурам, и призвал своих подданных к восстанию против них⁸⁶⁶.

В источниках нет сведений, позволяющих считать, что Ченгунджаб, подобно Амурсане, претендовал на титул хана. Однако не следует забывать, что он являлся потомком хотогойтских Алтан-ханов — некогда правителей автономного удела в Западной Монголии, фактически равных по статусу аймачным ханам Халхи (Тушету-хану, Дзасагту-хану и пр.). Несмотря на то что уже в конце XVII в. с самостоятельностью этого удела было покончено и он стал частью аймака Дзасагту-хана, его правители продолжали обладать автономным статусом. Поэтому можно предполагать, что он намеревался создать независимое монгольское владение в Западной Монголии и Саяно-Алтае⁸⁶⁷.

Таким образом, оба предводителя восстания 1755–1757 гг., добившись определенного статуса при помощи маньчжуров, решили отказаться от их поддержки, понимая, что опора на национальный фактор позволит им занять более высокое положение. Однако ими не было принято во внимание, что Монголия к этому времени была уже давно разобщена и объединяющий ее фактор было найти достаточно затруднительно. По своему происхождению ни Ченгунджаб, ни тем более Амурсана не являлись более законными претендентами на трон, чем другие халхасские или джунгарские правители, поэтому претензии вождей восставших на верховную власть становились против них других монгольских князей, с готовностью

принявших участие в подавлении восстаний как в Джунгарии, так и на Алтае. Не мог сплотить население Монголии также и религиозный фактор, как это было, например, в Восточном Туркестане: маньчжуры оказывали всемерное покровительство буддизму, что привлекло на их сторону многочисленное и влиятельное монгольское ламство⁸⁶⁸.

Более того, действуя против восставших, маньчжурские власти не менее эффективно, чем сами Амурсана и Ченгунджаб, старались использовать национальный фактор: они обвинили вождей восставших в том, что своими действиями они причиняют вред самим монголам, разоряют их имущество, заставляют покидать свои кочевья, разрушают почтовую и пограничную инфраструктуру и вообще организуют всяческие беспорядки⁸⁶⁹. Наибольшее правдоподобие подобным обвинениям в адрес вождей восстания придавал тот факт, что Амурсана, стремясь увеличить число своих сторонников, не ограничился только монгольскими областями, а попытался привлечь на свою сторону также казахов и население Кашгарии, о чем императорский двор не преминул проинформировать монгольских князей⁸⁷⁰. В результате Амурсана и Ченгунджаб, пытавшиеся представить себя в глазах своих реальных и потенциальных сторонников защитниками интересов монголов в борьбе против иноземного господства, оказались обвинены в измене не только против законного сюзерена, но и против собственного народа. Именно монгольские князья оказались ударной силой в борьбе против Амурсаны и Ченгунджаба и разгромили их⁸⁷¹. Ченгунджаб в самом начале 1757 г. был пленен и доставлен в Пекин, где подвергся мучительной казни, а Амурсана в том же 1757 г. потерпел окончательное поражение и был вынужден бежать в Россию, в Тобольск, где вскоре скончался от оспы. Таким образом, опора на национальный фактор в данном случае оказалась не слишком эффективной, поскольку во-первых, население Монголии было уже давно разобщено, во-вторых, маньчжурские власти сумели с большей эффективностью представить себя защитниками интересов монголов.

Теократы, самозванцы, двоеданцы: монгольские монархи в XX в.

Борьба монголов за независимость привела на трон Монгольского государства человека, в соответствии с монгольскими политико-правовыми традициями не имевшего прав на него ни по

происхождению, ни по статусу. Мы имеем в виду избрание ханом Монголии, провозгласившей свою независимость в 1911 г., не кого-то из многочисленных монгольских Чингизидов, а главы монгольской буддийской церкви Богдо-гэгэна VIII, который вообще был тибетцем по происхождению. Но, во-первых, на его стороне было многочисленное буддийское духовенство, а для претендентов из рода Чингис-хана, не желавших уступать право на престол друг другу, он оказался своего рода компромиссным вариантом. А во-вторых, в официальном послании последнему китайскому наместнику в Монголии — маньчжурскому амбаню Урги — временное правительство Монголии объявило Богдо-хана (так теперь звучал титул бывшего первосвященника) «сыном Тушету-хана»⁸⁷². Дело в том, что Богдо-гэгэн считался восьмым по счету перерожденцем первого главы монгольской буддийской церкви Джебцзун-Дамба-хутукты, который и в самом деле приходился сыном Тушету-хану Гомбо-Дорджи (прав. 1594–1655). Соответственно, раз душа первого святителя переходила в последующих, то и восьмая реинкарнация, в соответствии с монгольской буддийской традицией, также могла считаться сыном монгольского хана, несмотря на то что сам Богдо-хан, повторимся, по рождению даже не был монголом. Таким образом, обоснование прав на престол последнего монгольского хана-нечингизида стало интересной комбинацией религиозного и генеалогического факторов⁸⁷³.

Последний из примеров возведения в ханы по воле буддийского иерарха также относится к первой четверти XX в. Его можно было бы назвать анекдотичным, если бы он имел место не при столь драматических событиях. Речь идет о присвоении в феврале 1921 г. «легендарному» барону Р. фон Унгерн-Штернбергу, урожденному прибалтийскому немцу и офицеру российской имперской армии по положению, ханского титула с эпитетами «возродивший государство великий батор-командующий» и «воплощение бога войны». Формально этот титул делал прибалтийского барона равным Чингизидам по происхождению и ханам аймаков по статусу⁸⁷⁴. Конечно, вряд ли он влек какие-то реальные права на престол в изменившихся условиях: он, скорее, имел некое символическое значение — интеграцию российского военачальника в монгольскую социальную иерархию. Однако интересно, насколько Богдо-хан имел право присвоить ханский титул «белогвардейскому генералу» (так характеризовали барона Унгерна советские историки)? Ранее ханские титулы нечингизидам мог присваивать только Далай-лама, и то только за

большие заслуги в деле распространения буддизма. Случаи присвоения ханских титулов Богдо-гэгэнами нами неизвестны. Кроме того, будучи избранным в ханы в 1911 г., Богдо-гэгэн VIII сложил с себя сан, женился, утратив, таким образом, первосвященнические полномочия. Следовательно, узурпатором в данном случае можно считать не только барона Унгерна, принявшего этот титул, но и Богдохана, даровавшего его!

Еще один монгольский правитель XX в. в какой-то мере близок охарактеризованному выше Дукчи-ишану, поскольку также в значительной степени опирался на религиозные ценности. Особенностью его самозванчества было то, что он выдавал себя за человека... умершего за полтора столетия до его авантюры! Это был знаменитый на рубеже XIX–XX вв. Джа-лама — «лама с маузером», в течение почти трех с половиной десятилетий игравший значительную роль в политической жизни Монголии и ставший под конец жизни практически неограниченным правителем ее западной части.

Настоящее имя Джа-ламы было Балдан⁸⁷⁵ Санаев, он происходил из калмыков-дэрбэтов, проживавших в Астраханской области. Еще в детстве он попал в Монголию, некоторое время пробыл в монастыре, посетил Тибет, где прошел курс учения в одном из монастырей Лхасы, получив имя лама Джамби-Джалцан, однако более известным стал под более коротким именем-прозвищем Джа-ламы. Посетив Тибет, Индию, Китай, он в 1890 г. вернулся в Монголию, где стал заниматься благотворительностью, попутно рассказывая одаряемым им беднякам, что является потомком Амурсаны — ойратского борца за независимость, последнего хана Джунгарского ханства. Впоследствии он стал называть себя уже не просто потомком, а перерождением Амурсаны, которому предназначено освободить Монголию от китайского ига. Самозванцем его следует считать потому, что его претензии на то, что он является перерождением Амурсаны, не были подтверждены официально, как это обычно происходило в случаях с монгольскими хубилганами. Однако, учитывая недовольство монголов китайским владычеством и собственными князьями, стоявшими на страже маньчжурских интересов, неудивительно, что его слова падали на уже подготовленную почву⁸⁷⁶.

В течение 1900–1910 гг. Джа-лама вновь побывал в Тибете, затем в Восточном Туркестане, участвовал в качестве проводника в экспедиции выдающегося русского монголоведа П. К. Козлова, а в 1911 г. вновь оказался в Монголии. Как раз в это время

началось революционное движение за независимость Монголии, в котором Джа-лама принял самое активное участие, однако двигали им отнюдь не идейные, а карьерные соображения⁸⁷⁷. Как бы то ни было, его образ как перерождения Амурсаны оказался в этих условиях более чем кстати; по воспоминаниям современников, он не только осуществлял военное командование, но и исполнял «идеологическую функцию», благословляя воинов и внушая, что боги помогут им в сражении⁸⁷⁸. Ему без труда удалось собрать большой отряд, который одержал несколько побед над маньчжурами, затем во главе пятитысячного войска Джа-лама оказался в Кобдосском районе, который также сумел освободить от китайцев. Поскольку именно с занятием Кобдо вся территория Монголии стала свободной от китайцев, роль Джа-ламы невозможно было не признать. Власти Автономной Монголии присвоили ему титул туше-гуна (не желая отказываться от преимуществ, которые ему сулило пребывание в духовном звании, он стал именоваться с этого времени «тушегун-лама») и сделали правителем хошуна с центром в Кобдо; таким образом, он стал фактическим правителем обширного Кобдосского района⁸⁷⁹.

Деятельность Джа-ламы была довольно противоречивой: с одной стороны, он стимулировал развитие земледелия, строительства и торговли, даже установил торговые отношения с Россией, чтобы получать оттуда сельскохозяйственные орудия, построил несколько школ. Однако добивался исполнения своих распоряжений Джа-лама весьма жестокими методами: провинившихся он сурово наказывал, не оказывая снисхождения даже священнослужителям, а попавших к нему в плен врагов подвергал страшным мучениям, выжигая на них клейма, живьем сдирая кожу и запарывая насмерть⁸⁸⁰. Своими действиями он настолько устрасил все население, что даже местные князья-Чингизиды боялись грозного «перерожденца», подобно слугам, подсаживая его на коня. Не ограничиваясь своими монголами, он не менее жестокими методами действовал и против алтайских киргизов, добиваясь уступки ими пастбищ. Один из киргизских старейшин был взят им в плен, с него живьем содрали кожу и принесли его матери, которая прибыла к Джа-ламе с выкупом за сына. Иностранцев (прежде всего, китайцев), которые попадали к нему в плен, Джа-лама использовал для самых настоящих жертвоприношений, причем кровью убитых расписывал боевые знамена, а кожей обтягивал церемониальные барабаны. Впадая в своеобразный транс во время этих ритуалов, Джа-лама стал восприниматься

своими приверженцами и почитателями уже не только как перерождение ойратского хана XVIII в., но и как живое воплощение Махакалы — грозного буддийского божества (дхармапалы), охранника и защитника буддийской религии⁸⁸¹. Естественно, он и эту веру своих почитателей старался использовать в политических целях.

Однако вскоре Джа-лама посмел вступить в конфликт с охраной русского консульства в Кобдо, после чего русские власти арестовали его и выслали в Россию, где он пробыл в заключении с 1914 по 1918 г. Правда, по другим сведениям, он был арестован по иной причине — за то, что вел агитацию в пользу независимости калмыков и их выхода из-под власти России⁸⁸².

Неудивительно, что, когда он вновь оказался в Монголии (попав под амнистию Временного правительства), ее власти, не желавшие портить отношения с Россией, сами приказали его арестовать, почему Джа-лама был вынужден бежать и вести жизнь скитальца. Однако его репутация как перерождения Амурсаны в очередной раз помогла ему: он обосновался на юго-западной границе Монголии, и вскоре под его началом собрался большой, хотя и разношерстный отряд, состоявший из монгольских преступников, китайских дезертиров, торгоутских браконьеров и тибетских контрабандистов. Во главе этого сброда Джа-лама контролировал местные торговые пути, которые из-за его нападений на караваны вскоре перестали использоваться.

Однако, по-видимому, жизнь скитальца и грабителя караванов не слишком устраивала Джа-ламу, поэтому, когда в 1920 г. монголы поднялись против китайцев, вновь оккупировавших Монголию годом ранее, Джа-лама, блюдя свою репутацию освободителя Монголии, во главе своего отряда участвовал в освобождении Урги, чем вновь заслужил благожелательное отношение монгольского правительства, а также барона Унгерна, ставшего в 1920 г. фактическим диктатором Монголии⁸⁸³.

В 1921 г. при молчаливом согласии ургинских властей, старавшихся заручиться его лояльностью и поддержкой, Джа-лама возвел в горах юго-западной Монголии крепость-храм Дэнбэй-Чжал-цэн-байшин, который с этого времени стал его опорным пунктом⁸⁸⁴. Однако, несмотря на благожелательное отношение правительства Монголии, самозванец отнюдь не собирался вмешиваться в его противостояние с революционными войсками, хотя прямо и не отвечал отказом на его призывы. Вел он переговоры и с бароном Унгерном.

который до самого своего ареста верил, что Джа-лама вскоре присоединится к нему со своим войском⁸⁸⁵. Однако последний предпочел отсидеться в своем «орлином гнезде», хотя после провозглашения Монгольской Народной Республики стал в оппозицию к новым властям, вступив в союз с китайскими властями Синьцзяна и Внутренней Монголии и планируя даже совместный с ними поход на Ургу. В его распоряжении имелся гарнизон из 500 солдат, вооруженных самым современным немецким и японским оружием, захваченным у китайцев при взятии Урги. А со временем к нему стали стекаться и другие противники нового режима⁸⁸⁶.

Хотя фактически «лама с маузером» контролировал сначала Кобдосский район, а потом некоторые горные регионы на юго-западе Монголии, в конечном счете он видел себя восстановителем и правителем прежнего Джунгарского ханства (не будем забывать о его калмыцком, т. е. ойратском, происхождении), в которое по его замыслу должны были войти также земли Тибета и Восточного Туркестана⁸⁸⁷. Как и в случае с Дукчи-ишаном, его религиозный авторитет, образ перерождения Амурсаны в сочетании с реальной военной силой и связями в Китае и Тибете делали эту цель не столь уж недостижимой в политических реалиях начала 1920-х гг. Неудивительно, что правительство МНР приняло решение о его устранении и весьма оперативно претворило его в жизнь.

Обосновавшийся в Дэнбэй-Чжалчэн-байшине, Джа-лама удивительным образом сочетал в своей деятельности черты атамана разбойников и святителя. Его подданные грабили караваны и захватывали рабов, в то время как сам он благословлял паломников и давал им наставления, за которыми они приходили, а порой даже и творил «чудеса» — вплоть до воскрешения людей, которых сам же до этого умерщвлял⁸⁸⁸. Не ограничиваясь самовластием в собственных владениях, Джа-лама установил контакты с представителями столичных властей, затеявшими заговор против правительства. Когда в 1922 г. заговор был раскрыт, многие из арестованных указали на то, что Джа-лама сотрудничал с ними⁸⁸⁹. Тогда было принято решение покончить с опасным врагом — тем более опасным, что монголы даже после революции не утратили своей религиозности, и репутация Джа-ламы заставляла относиться к любому его проявлению враждебности с большой серьезностью.

В конце 1922 или начале 1923 г. отряды народно-революционной армии скрытно подошли к владениям Джа-ламы, а несколько сотрудников службы безопасности, переодевшись в паломников,

проникли в его крепость и, встретившись с Джа-ламой под предлогом вручения ему подношения, прикончили его. Так закончилась жизнь последнего самозванца в истории Монголии⁸⁹⁰.

Наконец, самый последний (по хронологии) пример двойного подданства монгольских государств относится уже к второй трети XX в.: речь идет о Дэмчиг-Донрове — правителе Внутренней Монголии, потомке Чингис-хана из области Чахар. С 1934 г. он сумел добиться от гоминдановского правительства признания Внутренней Монголии как автономного образования в составе Китая, а сам стал ее правителем, проявив себя преданным сторонником Гоминдана⁸⁹¹. Однако уже в 1935 г. Дэмчиг-Донров вступил в переговоры с Пу И — свергнутым императором Цин, который в 1933 г. был провозглашен императором марионеточного государства Маньчжоу-Го, созданного японцами в Маньчжурии. Монгольский правитель получил от Пу И титул Удэ-чинвана, а годом позже при поддержке японцев объявил независимость Внутренней Монголии, провозгласив себя Дэ-ваном государства Монгол-Го (Мэнцзян), которое также в течение всего времени своего существования (1936–1945) поддерживалось японцами⁸⁹².

Естественно, Дэмчиг-Донров стал мятежником в глазах официальных китайских властей, при поддержке которых добился власти и автономии, поскольку пошел на соглашение со свергнутым (т. е. официально признанным незаконным) монархом Китая и стоявшими за ним японскими интервентами. Не получил он признания и со стороны СССР: в 1943 г. И. В. Сталин, принимая руководителя МНР Х. Чойбалсана, провозгласил его «лидером Внешней и Внутренней Монголии»⁸⁹³. Впрочем, стоит отметить, что в течение длительного времени и японские власти не могли положиться на этого своего ставленника: они не только не получали из Внутренней Монголии войска для ведения боевых действий на Дальнем Востоке, но еще и были вынуждены постоянно опасаться партизанского движения среди монголов⁸⁹⁴. Как бы то ни было, Дэмчиг-Донров, несмотря на то что он формально не принял ханского титула, фактически стал последним монгольским монархом: Мэнцзян выпустил собственную валюту, а семейство Дэ-вана обладало особым статусом, свойственным монархическим семействам⁸⁹⁵.

Ближе к концу Второй Мировой войны, напуганный коммунистической угрозой, Дэ-ван организовал во Внутренней Монголии сопротивление Советской армии и действовал в союзе с японцами, после поражения которых попал в плен к гоминдановским властям.

которые посадили его под арест вплоть до падения своего режима⁸⁹⁶ в 1949 г. Его государство было ликвидировано коммунистическими властями Китая поздней осенью 1945 г. — после падения обоих режимов, к поддержке которых апеллировал Дэмчиг-Донров — Маньчжоу-Го и японской военной администрации, а годом позже китайские власти реформировали и систему управления Внутренней Монголии, упразднив институт власти наследственных князей⁸⁹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что в разные эпохи в различных тюрко-монгольских государствах, нередко — несмотря на отсутствие прямых контактов между ними, претенденты на престол использовали одни и те же или по крайней мере очень схожие способы обоснования своих прав на трон. Это свидетельствует о складывании единой политико-правовой культуры на территории Евразии, где столь продолжительный срок существовали разнообразные «степные империи».

В Монгольской империи и государствах Чингизидов имперского типа, выделившихся из нее (Золотая Орда, Чагатайский улус, империя Юань в Китае, государство ильханов в Иране), претенденты опирались на свое происхождение, старшинство, некие персональные достоинства и таланты, а также на нормы и принципы монгольского имперского права (нередко весьма вольно толкуя их в своих интересах). Учитывая, что имелось несколько формальных оснований для того, чтобы быть избранным в ханы, Чингизиды зачастую трактовали одно из них свою пользу, в то же время обвиняя в узурпации своих соперников, опиравшихся на другое основание. Результатом этого стала практически непрекращавшаяся борьба за власть в каждой из вышеупомянутых империй Чингизидов.

Еще больше проблем возникало в случае пресечения правящей династии в том или ином чингизидском государстве или же в период его распада: тогда на трон начинали предъявлять претензии не только члены боковых ветвей сильно размножившегося «Золотого рода», но и представители родов, формально не являвшихся потомками Чингис-хана, — то потомки его братьев, то аристократические семейства, некогда породнившиеся с Чингизидами путем браков и т. д. В этих условиях к вышеперечисленным факторам легитимации стали добавляться новые.

Возможность выдвигать иные обоснования претензий на власть, чем использовавшиеся в империях Чингизидов, предоставили новые политические условия. В частности, принятие в качестве официальной религии ислама в тюркских государствах Чингизидов и буддизма в монгольских позволило претенденту на трон апеллировать

к религиозным нормам либо же к воле высшего духовенства, представители которого могли даровать ханский титул даже тем, кто в соответствии с прежними политико-правовыми традициями права на него не имел.

Наконец, в XVI–XIX вв. многие тюрко-монгольские государства попадают в зависимость от иностранных монархов: османских султанов, персидских шахов, российских и китайских императоров. Новые сюзерены, стремясь закрепить свой контроль над новоприобретенными вассалами, стали своей волей утверждать монархов в этих государствах — причем иногда из числа представителей прежде правящего рода (как Чингизидов, так и нет), а иногда и сменяя правившую прежде династию менее легитимной и, соответственно, целиком зависимой от поддержки сюзерена.

В результате «новые» факторы легитимации власти нередко вступали в противоречие со «старыми», и порой складывалась парадоксальная ситуация: хан, вступивший на престол совершенно законно в соответствии с тюрко-монгольскими традициями (будучи потомком Чингис-хана и избранным на курултае), мог быть объявлен узурпатором, если его кандидатура не была утверждена или одобрена иностранным сюзереном. Подобные случаи, естественно, также провоцировали государственные перевороты, междоусобные войны, иностранные нашествия и карательные экспедиции и т. п.

Особое место в политической борьбе в различных тюрко-монгольских государствах принадлежит самозванцам. И, несмотря на то что случаи самозванства в их истории имели место куда реже, чем, например, в европейских странах, можно констатировать, что они все же были довольно многочисленными, причем самозванцы могли выдавать себя как за реальных представителей правящих династий, так и за вымышленных, да и масштабы их притязаний были весьма разнообразны — от претензий на власть в общеимперском масштабе до правления в отдельном регионе, а встречались самозванцы, которые вообще не преследовали цель занять трон.

Нельзя не отметить, что основания претензий на верховную власть в тюрко-монгольских государствах, широко использовавшиеся в эпоху Средневековья, также активно применялись и в Новое время — некоторые вплоть до середины XX в. Это позволяет говорить о долговечности политико-правовых традиций этих государств и народов, и их изучение, по нашему мнению, позволит лучше понять закономерности и современных политических процессов в государствах Евразии.

PERSONALIA

- Абага** (ум. 1282) — персидский ильхан, сын Хулагу.
- Абай Кунанбаев** (ум. 1904) — казахский просветитель, бий.
- Абатай** (Вачирай-хан, ум. 1588) — монгольский Тушету-хан.
- Абахай** (ум. 1643) — маньчжурский правитель.
- Абишка** (ум. 1260 / кон. XIII в.) — монгольский царевич, правнук Чагатая.
- Аббас I** (ум. 1628) — персидский шах из династии Сефевидов.
- Абд ал-Азиз** (ум. 1550) — хивинский хан, затем — бухарский хан из династии Шайбанидов, сын Убайдаллаха I.
- Абд ал-Амин** (Исфанд-султан, ум. 1601) — самозванец, правитель Балха.
- Абд ал-Гаффар** (ум. 1598/1599) — бухарский царевич из династии Шайбанидов.
- Абд ал-Карим** (ум. 1591) — кашгарский хан.
- Абд ал-Латиф-султан** (XVI в.) — узбекский царевич, сын Хамза-султана.
- Абд ал-Малик** (Катта-тура, ум. 1909) — бухарский царевич из династии Мангытов, претендент на трон, сын Музаффара.
- Абд ал-Мумин** (ум. 1598) — бухарский хан из династии Шайбанидов.
- Абд ал-Мумин** (ум. 1748) — бухарский хан из династии Аштарханидов, сын Абу-л-Файза.
- Абд ар-Рахим** (XVIII в.) — бухарский ходжа, предполагаемый отец последнего бухарского хана Абу-л-Гази.
- Абд ар-Рашид** (ум. 1560) — кашгарский хан, потомок Тоглук-Тимура.
- Абд ар-Рашид II** (ум. после 1692) — кашгарский хан, потомок Тоглук-Тимура, брат Мухаммад-Амина.
- Абд ас-Саттар-султан** (ум. посл. четв. XVI в.) — бухарский царевич из династии Шайбанидов.
- Абдаллах** (ум. ок. 1369) — золотоордынский хан, ставленник Мамайя.
- Абдаллах II** (ум. 1598) — бухарский хан из династии Шайбанидов.
- Абдаллах** (ум. 1670) — кашгарский хан.

- Абдаллах (ум. 1713) — узбекский царевич, правитель Балха из династии Аштарханидов.
- Абдугаппар Джанбусынов (ум. 1922) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.
- Абдул-Азиз (ум. 1876) — османский султан.
- Абдул-Хамид II (ум. 1918) — османский султан.
- Аблаи (ум. 1660-е) — сибирский царевич из династии Шибанидов, внук Кучума.
- Аблаи (ум. 1781) — казахский хан Среднего жуза.
- Абу Бакр (ум. 534) — арабский халиф.
- Абу Бакр (ум. 1514) — кашгарский правитель из рода Дуглат.
- Абу Исхак (ум. 1357) — персидский гос. деятель, правитель Фарса из династии Инджу.
- Абу Саид (ум. 1335) — персидский ильхан.
- Абу Саид (ум. 1469) — тимуридский правитель, потомок Амира Тимура.
- Абу-л-Гази (ум. ок. 1800) — бухарский хан из династии Аштарханидов.
- Абу-л-Гази (ум. 1815) — казахский хан Младшего жуза, сын Каипа.
- Абу-л-Гази II (Абу-л-Мухаммад, ум. 1747) — хивинский хан, сын Ильбарса III.
- Абу-л-Гази III (V?) (ум. после 1806) — хивинский хан.
- Абу-Лайс-султан (нач. XVII в.) — казахский султан.
- Абу-л-Мамбет (ум. 1771) — казахский хан Среднего жуза.
- Абу-л-Мухаммад (ум. ок. 1567) — хивинский царевич, правитель Мерва из династии Арабшахидов.
- Абу-л-Мухаммад, см.: Абу-л-Гази II.
- Абу-л-Файз (ум. 1747) — бухарский хан из династии Аштарханидов.
- Абу-л-Файз (ум. 1783) — казахский султан, правитель Среднего жуза, сын Абу-л-Мамбета.
- Абу-л-Хайр (ум. нач. XIV в.) — персидский царевич, сын Олджайту.
- Абу-л-Хайр (ум. 1748) — казахский хан Младшего жуза.
- Абу-Лайс-султан (кон. XVI в.) — казахский царевич.
- Агалак (ум. ок. 1508) — тюменский хан из рода Шибанидов.
- Агатай (ум. 1557) — хивинский хан.
- Адай (ум. 1438) — монгольский хан, потомок Угедэя.
- Адил-Гирей (ум. 1672) — крымский хан, представитель династии Чобан-Гиреев.

- Азиз-Шейх (ум. 1367) — золотоордынский хан.
- Аип б. Жолбарыс (сер. XIX в.) — казахский хан Младшего жуза.
- Аитов М. Р. (ум. после 1856) — российский офицер и дипломат.
- Айжаркын Канаев (ум. 1930) — предводитель восстаний в Казахстане, претендент на трон.
- Акбаш-хан (ум. после 1695) — кашгарский хан.
- Акназар-султан, см.: Хакк-Назар.
- Алан-Гоа — легендарная прародительница Чингизидов.
- Алатай (первая пол. XIV в.) — золотоордынский эмир.
- Алафранг (ум. 1304) — персидский царевич, сын Гайхату, потомок Хулагу.
- Алгуй (Алгу, ум. 1265) — чагатайский правитель.
- Алгуй (ум. 1291) — золотоордынский царевич, сын Менгу-Тимура.
- Алегам (Али-хан, ум. кон. XV в.) — казанский хан.
- Алей (Али, ум. 1632) — сибирский хан из династии Шибанидов, сын Кучума.
- Александр I (ум. 1825) — российский император.
- Александр II (ум. 1881) — российский император.
- Александр Македонский (Искандер Зу-л-карнайн, ум. 323 до н. э.) — македонский царь, завоеватель, легендарный прародитель ряда центральноазиатских династий.
- Алахан Абель-оглы (ум. после 1871) — предводитель антикитайского восстания в Кашгарии, султан Илийского султаната.
- Али (XIV в.) — персидский царевич, сын ильхана Байду.
- Али (ум. 1344) — персидский царевич, брат ильхана Туга-Тимура, потомок Хасара.
- Али-Муайад (ум. 1386) — султан сербедаров в Хорасане.
- Али-падшах (ум. 1336) — персидский эмир.
- Аликен (ок. 1858) — претендент на ханский трон в Старшем жузе.
- Алим-хан (ум. 1810) — кокандский хан из династии Минг.
- Алимкул (ум. 1865) — кокандский временщик.
- Алихан-тура (сер. XX в.) — президент Восточно-Туркестанской республики.
- Алишер Навои (ум. 1501) — тимуридский гос. деятель и поэт.
- Алла ад-Дин, см.: Тармаширин.
- Алла-Кули (ум. 1842) — хивинский хан из династии Кунгратов.
- Алп-Гирей (ум. после 1588) — крымский царевич.
- Алтакар (посл. четв. XV в.) — полулегендарный башкирский хан.

- Алтан (ум. нач. XIII в.) — монгольский нойон, родственник Чингис-хана.
- Алтан-хан (Гэгэн-хан, Номун-хан ум. 1582) — монгольский хан, правитель Тумэта.
- Алтун-Биших (перв. пол. XVI в.) — полулегендарный сын Бабура, основатель кокандской династии Минг.
- Алтун-хан — мифический предок русского дворянского рода Чанышевых.
- Алтынсары (ум. 1874) — казахский хан, внук Абу-л-Файза.
- Амангельды Иманов (ум. 1919) — предводитель восстания в Казахстане.
- Амасанчжи-тайджи (ум. посл. четв. XV в.) — ойратский правитель, сын Эсена.
- Амбагай (ум. ок. 1161) — монгольский хан.
- Амир Тимур (Тамерлан, ум. 1405) — чагатайский полководец и гос. деятель.
- Амурсана (ум. 1757) — джунгарский правитель, претендент на трон.
- Ананда (ум. 1307) — монгольский царевич, правитель области Тангут, сын мангалая, внук Хубилая.
- Анбарджи (XIII в.) — персидский царевич, потомок Хулагу.
- Ануширван (ум. 1350-е) — персидский ильхан.
- Аоба (Одба, Ууба, перв. пол. XVII в.) — монгольский Тушету-хан аймака Хорчин, потомок Хасара.
- Аппак-ходжа (Хидаяталлах, ум. 1694) — кашгарский святитель, узурпатор.
- Араб-Мухаммад I (ум. 1623) — хивинский хан.
- Арабшах (ум. после 1380) — золотоордынский хан, потомок Шибана.
- Аргун (ум. 1291) — персидский ильхан, внук Хулагу.
- Арик-Буга (ум. 1264) — монгольский хан, внук Чингис-хана.
- Арингази (ум. 1833) — казахский хан Младшего жуза, сын Абу-л-Гази.
- Арпа-хан (ум. 1336) — персидский ильхан, потомок Арик-Буги.
- Арслан Джантюрин (ум. 1855) — казахский султан-правитель Младшего жуза.
- Арслан-Гирей (ум. 1767) — крымский хан.
- Артук-Гази (ум. после 1771), хивинский хан из династии Арабшахидов.

- Аруктай (Аруктай-тайджи, ум. 1434) — монгольский гос. деятель.
- Асутай (XIII в.) — монгольский царевич, сын Мунке.
- Атаджан-тура (кон. XIX в.) — хивинский царевич из династии Кун-гратов, узурпатор.
- Афтаб-айим (ум. 1830) — кокандская царевна, дочь Нарбута-бия.
- Ахмад (ум. 1481) — золотоордынский хан.
- Ахмад ал-Касани (ум. 1542) — мусульманский проповедник, глава ордена накшбандийя в Средней Азии.
- Ахмад Танбал (Султан Ахмад Танбал, ум. 1504) — ферганский эмир, узурпатор.
- Ахмад-Гирей (ум. ок. 1568) — правитель Башкирии, затем — сибирский хан из династии Шибанидов.
- Ахмад-ходжа (ум. перв. пол. XVIII в.) — кашгарский хан из династии белогорских ходжей.
- Ахмед Джантюрин (ум. 1851) — казахский султан-правитель Младшего жуза.
- Аюка (ум. 1724) — калмыцкий хан.
- Аюрбарибада (ум. 1320) — монгольский хан, император Юань, правнук Хубилая.
- Аюшридара (Билигту-хан, ум. 1378) — монгольский хан, император Северной Юань.
- Баба-султан** (Баба-хан, ум. 1582) — бухарский царевич из династии Шайбанидов, правитель Ташкента, претендент на трон.
- Баба-Туклес, см.: Ходжа-Ахмад.
- Бабур (Захир ад-Дин Мухаммад, ум. 1530) — тимуридский правитель, основатель империи Великих Моголов, потомок Амира Тимура.
- Бадари (сер. XVII в.) — монгольский нойон, правитель аймака Хорчин, сын Аобы.
- Баджир Тук-Буга, см.: Тук-Буга.
- Бади аз-Заман (ум. 1517) — тимуридский правитель Балха и Герата, сын Хусайна Байкары.
- Бай-Мухаммад (Баймухамет Айчуваков, ум. 1847) — казахский султан, претендент на хивинский трон.
- Байазид (ум. 1504) — ферганский эмир, брат Ахмада Танбала.
- Байбагас (ум. ок. 1640) — ойратский правитель Алашаня.
- Байдар (XIII в.) — монгольский царевич, сын Чагатая.
- Байду (ум. 1295) — персидский ильхан, потомок Хулагу.

- Байсункур-мирза** (ум. 1499) — тимуридский правитель Самарканда и Бадахшана.
- Баки** (Баки Чаганиани, ум. после 1504) — бадахшанский эмир, брат Хосров-шаха.
- Баки-Мухаммад** (ум. 1605) — бухарский хан из династии Аштарханидов.
- Балдан Санаев**, см.: Джа-лама.
- Банников** (перв. четв. XX в.) — русский солдат в Казахстане во время восстания 1916 г.
- Баньяшили**, см.: Улджай-Тэмур.
- Барлыкбай Нурымов** (ум. 1929) — предводитель восстания в Казахстане.
- Барс-Болад** (ум. 1520/1544) — монгольский царевич, правитель Тумэта, претендент на трон.
- Бату** (ум. 1256) — золотоордынский правитель, сын Джучи.
- Бату-Болад** (Ань-ло-ван, перв. четв. XV в.) — ойратский правитель.
- Бату-Мунке**, см.: Даян-хан.
- Батур-хунтайджи** (ум. 1653) — ойратский правитель, основатель Джунгарского ханства.
- Батыр**, см.: Тауке.
- Батыр** (ум. 1771) — казахский хан Младшего жуза.
- Батыр** (сер. XIX в.) — казахский султан, хан караалпаков.
- Батырхан Ногаев** (перв. четв. XX в.) — киргизский манап, претендент на трон.
- Бахадур** (нач. XVII в.) — казахский хан.
- Бахадур-Гирей II** (ум. 1791) — крымский хан.
- Бахт-Гирей** (ум. 1801) — крымский царевич, претендент на трон.
- Бачман** (посл. четв. XV в.) — полупоэтический башкирский хан.
- Баян-Кули** (ум. 1359) — чагатайский хан.
- Бек-Кули-бек** (ум. после 1897) — кашгарский правитель, сын Якуббека.
- Бектер** (ум. сер. XII в.) — сводный брат Чингис-хана.
- Белгутэй** (ум. нач. XIII в.) — сводный брат Чингис-хана.
- Бердибек** (ум. 1359) — золотоордынский хан.
- Береке** (Аникей, перв. треть XIV в.) — полупоэтический золотоордынский царевич, родоначальник рода Аничковых.
- Берке** (ум. 1266) — золотоордынский правитель, сын Джучи.
- Беркен Усманов** (втор. пол. XIX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.

- Бестужев М. (кон. XV в.) — посол Ивана III в Золотую Орду.
Билигту-хан, см.: Аюшридара.
Богдо-гэгэн II (ум. 1757) — глава монгольской буддийской церкви.
Богдо-гэгэн VIII (Богдо-хан, ум. 1924) — глава монгольской буддийской церкви, затем — хан Монголии.
Боди-Алаг-хан (ум. 1547) — монгольский хан, внук Даян-хана.
Болекей (ум. 1808) — хивинский и казахский хан, внук Абу-л-Хайра.
Болху-джинонг (ум. 1470) — монгольский хан, отец Даян-хана.
Бопу (кон. XVIII в.) — казахский султан, сын Абу-л-Файза.
Борак (ум. 1271) — правитель Чагатайского улуса, правнук Чагатая.
Борак (ум. 1750) — казахский хан.
Боракчин (ум. 1257/1258) — супруга Бату.
Борис Годунов (ум. 1605) — московский гос. деятель, царь.
Боромбай (ум. 1858) — киргизский хан племени бугу.
Борте (ум. после 1235) — монгольская ханша, супруга Чингис-хана.
Бошугту-хан, см.: Галдан.
Бузан (ум. 1334) — чагатайский царевич, узурпатор.
Бузрук-хан-тура (ум. 1867) — кашгарский ходжа, претендент на трон.
Букей (ум. 1815) — казахский хан Младшего жуза, основатель Букеевского ханства.
Букейханов А. (ум. 1937) — казахский султан, депутат Государственной Думы, лидер Алаш-Орды.
Бурхан ад-Дин-ходжа (ум. 1758/1759) — кашгарский хан из династии белогорских ходжей.
Бурхан ад-Дин-ходжа (втор. пол. XIX в.) — предводитель антикитайского восстания в Кашгарии.
Бурхан-султан (Шах-Бурхан-хан, ум. 1557) — узбекский царевич из династии Шайбанидов, правитель Бухары.
Буян-тайджи (перв. пол. XVII в.) — монгольский Бошугту-хан аймака Сунит.
Буянту-хан, см.: Аюрбарибада.
Ваджих ад-Дин Масуд (ум. 1344) — султан сербедаров в Хорасане.
Вали (Вали-бек, ум. 1386) — правитель Мазандерана, потомок Хасара.
Вали (ум. 1504) — бадахшанский эмир, брат Хосров-шаха.
Вали (ум. 1821) — казахский хан Среднего жуза, сын Аблая.

Вали-Мухаммад (ум. 1611) — бухарский хан из династии Аштарханидов.

Ван-хан (ум. 1203) — хан племени кераитов.

Вали-хан-тура (ум. ок. 1866) — кашгарский ходжа, претендент на трон.

Валиханов Ч. Ч. (ум. 1865) — казахский султан, ученый.

Вассиан Рыло (первая треть XV века — 23 марта 1481) — ростовский епископ.

Вачирай-хан, см.: Абатай.

Витовт (ум. 1430) — вел. князь литовский.

Волконский Г. С. (ум. 1824) — оренбургский военный губернатор.

Вэньцзун, см.: Ток-Тэмур.

Габбас-султан (ум. ок. 1800) — казахский султан, сын Вали.

Габдула — герой татарско-башкирского эпоса.

Газан (ум. 1304) — персидский ильхан, потомок Хулагу.

Гази Валиханов (ум. 1909) — казахский султан, российский генерал.

Гази-Гирей I (ум. 1523) — крымский хан.

Гази-Гирей II (ум. 1608) — крымский хан.

Гайхату (Кейхату, ум. 1295) — персидский ильхан, потомок Хулагу.

Галдан (Галдан Бошугту-хан, ум. 1697) — джунгарский хан.

Галдан-Цэрен (ум. 1745) — джунгарский хан.

Ганчук-Батур (ум. сер. XVII в.) — монгольский хан аймака Найман.

Гийас ад-Дин Пир Али (ум. 1389) — правитель Герата из династии Куртов.

Годан (ум. 1251) — монгольский царевич, внук Чингис-хана.

Гомбо-Дорджи (ум. 1655) — монгольский Тушету-хан.

Губайдулла (ум. 1861) — казахский султан, сын Вали, претендент на трон.

Губайдулла Джангиров (втор. пол. XIX в.) — казахский султан.

Гуйличи (ум. 1408) — монгольский хан, потомок Угедэя.

Гун-Тэмур (ум. 1402) — монгольский хан.

Гоши-хан (ум. 1654) — ойратский правитель Тибета и Кукунора.

Гуюк (ум. 1248) — монгольский хан, внук Чингис-хана.

Гэгэн-хан, см.: Шудибала.

Гэгэн-хан, см.: Алтан-хан.

Даваци (ум. ок. 1758) — джунгарский хан.

Даир (ум. 1786) — казахский хан Среднего жуза, сын Борака.

- Дайсунг (ум. 1452) — монгольский хан.
- Далай-лама III (ум. 1588) — глава буддийской церкви, правитель Тибета.
- Далай-лама V (ум. 1682) — глава буддийской церкви, правитель Тибета.
- Даниель-ходжа (ум. 1735) — кашгарский хан из династии черногорских ходжей.
- Данишменд (ум. 1348) — чагатайский хан, потомок Угедэя.
- Даниял (Даниял-бий, ум. 1785) — бухарский правитель из династии Мангытов.
- Данияр (ум. 1486) — касимовский царевич, внук Улуг-Мухаммада.
- Даян-хан (ум. 1204), см.: Таян-хан.
- Даян-хан (ум. 1513/1544) — монгольский хан.
- Девлет-Гирей (Мустафа-чобан, ум. 1624) — крымский царевич, предположительно сын Фатх-Гирея I, родоначальник Чобан-Гиреев.
- Девлет-Гирей (ум. 1670-е) — сибирский царевич из династии Шибанидов, внук Кучума, претендент на трон.
- Девлет-Гирей IV (ум. 1780) — крымский хан.
- Девлет-Мухаммад (XVII в.) — вымышленный царевич, сын Ураз-Мухаммада, родоначальник дворянского рода Тевкелевых.
- Джаббар-Берди (ум. 1417) — золотоордынский хан, сын Токтамыша.
- Жадык (XVI в.), казахский царевич.
- Джа-лама (Балдан Санаев, Джамби-Джалцан, ум. 1922/1923) — монгольский авантюрист, самозванец.
- Джалал ад-Дин (ум. 1412) — золотоордынский хан, сын Токтамыша.
- Джалал ад-Дин-ходжа (ум. ок. 1867) — предводитель антикитайского восстания в Кашгарии.
- Джан-Али (ум. ок. 1588) — казахский султан, самозванец, претендент на трон Ташкента.
- Джангази (перв. пол. XIX в.) — казахский султан, сын Ширгази, претендент на трон.
- Джангир (ум. 1845) — казахский хан Букеевского ханства, сын Букея.
- Джанибек (ум. 1357) — золотоордынский хан, сын Узбека.
- Джанибек II — вымышленный золотоордынский хан.
- Джанибек III — вымышленный золотоордынский хан.
- Джанибек (ум. кон. XV в.) — казахский царевич, один из основателей Казахского ханства.

- Джанибек (ум. 1515) — крымский правитель, астраханский хан, племянник Ахмада.
- Джанибек-султан (ум. 1529) — узбекский царевич из династии Шайбанидов.
- Джанторе (ум. 1809) — казахский хан Младшего жуза.
- Джаныке (ум. 1437) — золотоордынская царица, сестра или дочь Токтамыша, супруга Идигу.
- Джахан-Тимур (ум. ок. 1340) — персидский ильхан, потомок Хулагу.
- Джахан-ханум (кон. XVI в.) — бухарская царица, супруга Ибадаллаха.
- Джахан-ходжа (ум. 1759) — кашгарский хан из династии черногорских ходжей.
- Джахангир-мирза (ум. 1508) — тимуридский правитель Ферганы, брат Бабура.
- Джахангир-султан (ум. нач. XVII в.), узбекский царевич из династии Шайбанидов, претендент на трон.
- Джахангир-ходжа (Джангир-ходжа, ум. ок. 1828) — кашгарский ходжа, претендент на трон.
- Джебцзун-Дабма-хутукта (Богдо-гэгэн I, ум. 1724) — монгольский царевич, первый глава монгольской буддийской церкви.
- Джигя (XV в.) — монгольский нойон, брат Мандухай.
- Джир-Кутлу (сер. XIV в.) — золотоордынский эмир из рода Кият.
- Джордж Салманазар (ум. 1763) — английский авантюрист, «принц Формозы».
- Джумагазий Журганов (перв. четв. XX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.
- Джумкур (ум. 1264) — персидский царевич, сын Хулагу.
- Джучи (ум. 1225/1227) — золотоордынский правитель, сын Чингисхана.
- Джучи (ум. 1811) — казахский султан, сын Абу-л-Файза.
- Джучи-Хасар, см.: Хасар.
- Джушкяб (ум. 1289) — персидский царевич, внук Хулагу.
- Дзайагату-хан, см.: Ток-Тэмур.
- Дильшад-хатун (ум. сер. XIV в.) — персидская царица, супруга Хасана Бузурга.
- Динбай (ум. 1584) — правитель Башкирии, затем — ногайский бий.
- Дмитрий Донской (ум. 1389) — московский князь, великий князь владимирский.

Дугулан-тайджи (ум. сер. XV в.) — монгольский нойон, потомок Хачиуна.

Дондук-Даши (ум. 1761) — калмыцкий хан, внук Аюки.

Дондук-Омбо (ум. 1741) — калмыцкий хан, внук Аюки.

Дорджи (перв. пол. XVII в.) — монгольский Буянту-хан аймака Му-минган, потомок Хасара.

Джунаид-хан (ум. 1939) — хивинский хан, узурпатор.

Дува (Дува-хан, ум. 1306/1307), чагатайский хан.

Дукчи-ишан (Мухаммад-Али-халифа, ум. 1898) — предводитель антироссийского восстания в Фергане, предположительно «хан».

Дэ-ван, см.: Дэмчиг-Донров.

Дэлбэг (ум. 1415) — монгольский хан.

Дэмчиг-Донров (ум. 1966) — монгольский царевич, правитель Внутренней Монголии, Дэ-ван марионеточного государства Мэнцзян.

Дюдюбек (XVII в.) — сибирский царевич, потомок Кучума.

Едигей (ум. ок. 1420) — золотоордынский временщик.

Едигер (ум. 1562) — сибирский правитель из династии Тайбугидов.

Еке-Кадан (XIII в.) — монгольский царевич, потомок Чингис-хана.

Еке-нойон, см.: Тулуй.

Елеазар Уильямс (ум. 1858) — авантюрист, лже-Людовик XVII.

Елюй Чу-цай (ум. 1244) — гос. деятель Монгольской империи.

Ерден Сандыбаев (XIX в.) — казахский ага-султан Среднего жуза.

Есу (XIII в.) — монгольский царевич, внук Чагатая.

Есу-Мунке (ум. 1251/1252) — чагатайский правитель, сын Чагатая.

Есудар (ум. ок. 1388) — монгольский хан, потомок Арик-Буги.

Есун-Тэмур (ум. 1328) — монгольский хан, император Юань, предположительно — потомок Арик-Буги.

Есунке (Есунке-ака, XIII в.) — монгольский царевич, сын Хасара.

Жалел-Масум Исмагуллаев (ум. 1929) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.

Жуй-цзун, см.: Тулуй.

Жулбарыс (XVIII в.) — казахский султан, сын Каипа.

Жэньцзун, см.: Аюрбарибада.

Зангир (нач. XVIII в.) — казахский хан, претендент на башкирский трон.

Зарлык (сер. XIX в.) — казахский султан, хан каракалпаков.

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур, см.: Бабур.
Зубайр Раги (ум. ок. 1508) — бадахшанский эмир.

Ибадаллах-султан (ум. 1585) — бухарский царевич из династии Шайбанидов, брат Абдаллаха II.

Ибак (Сайид-Ибрахим, ум. 1495) — тюменский хан, потомок Шибана.

Ибн Баттута (ум. 1377) — араб. путешественник.

Иван Калита (ум. 1340) — московский князь, великий князь владимирский.

Иван Шея-Булгак (XIV в.) — золотоордынский эмир, мнимый родоначальник русских княжеских родов Булгаковых, Голицыных и Куракиных.

Иван III (ум. 1505) — московский великий князь.

Иван IV Грозный (ум. 1584) — московский царь.

Идигу (ум. ок. 1420) — золотоордынский гос. деятель, основатель Ногайской Орды.

Иликей (Ер-Мухаммад, ум. после 1868) — казахский султан, претендент на трон Младшего жуза.

Ил-Тимур (XIII в.) — персидский царевич, правнук Хулагу.

Илйас, см.: Сулейман.

Ильбарс I (ум. ок. 1525) — хивинский хан.

Ильбарс III (ум. 1740) — хивинский хан.

Ильбек (ум. ок. 1376) — золотоордынский хан, потомок Шибана.

Ильджидай-нойон (XIII в.) — монгольский гос. деятель.

Ильтузар (ум. 1806) — хивинский хан из династии Кунгратов.

Ильяс-Ходжа (ум. 1366/1370) — могулистанский и чагатайский хан.

Имак-Кули (ум. 1652) — бухарский хан из династии Аштарханидов.

Инцзун, см.: Шудибала.

Иртышак (XII–XIII вв.) — легендарный сибирский правитель, прародитель династии Тайбугидов.

Исатай (перв. пол. XIV в.) — золотоордынский эмир из рода Кият.

Исатай Тайманов (ум. 1829) — казахский батыр, полит. деятель.

Ислам-Гирей I (ум. 1537) — крымский царевич, претендент на трон.

Исмаил («Исмаил-хан», ум. 1563) — правитель Башкирии, затем — ногайский бий.

Исмаил (ум. ок. 1682) — кашгарский хан.

Исмаил Сефевид (ум. 1524) — персидский шах, основатель династии Сефевидов.

- Исфанд-султан, см.: Абд ал-Амин.
- Исфендиар (II) (ум. 1918) — хивинский хан из династии Кунгратов.
- Ишан-и Калан, см.: Мухамад-Амин.
- Ишан-хан-тура (Мухаммад-Амин-ходжа, Катта-хан, ум. ок. 1866) — кашгарский ходжа, претендент на трон.
- Ишим (ум. 1624) — сибирский хан из династии Шибанидов, сын Кучума.
- Ишим (ум. 1628) — казахский хан.
- Ишим (ум. 1797) — казахский хан Младшего жуза.
- Ишим-султан (ум. нач. XVIII в.) — хивинский царевич из династии Арабшахидов, претендент на трон.
- Йулкютлуг** (нач. XIV в.) — персидский царевич, потомок Хулагу.
- Каганбек** (ум. кон. XIV в.) — золотоордынский хан из династии Шибанидов.
- Кадак (XIII в.) — монгольский царевич, сын Чагатая.
- Кадан (XIII в.) — монгольский царевич, сын Угедэя.
- Кажулай-багатур (XII в.) — брат монгольского хана Хабула.
- Казаган (ум. 1358) — чагатайский эмир.
- Казан (ум. 1346) — чагатайский хан, сын Ясавура.
- Каип (ум. 1791) — хивинский хан, хан каракалпаков, казахский хан Младшего жуза, сын Батыра.
- Каипгали (ум. 1857) — казахский султан, претендент на трон Младшего жуза.
- Камар ад-Дин (ум. после 1390) — могулистанский эмир из рода Дуглат, узурпатор.
- Каммала (ум. 1297) — монгольский царевич, сын Хубилая.
- Канаат Абукин (перв. четв. XX в.) — киргизский манап, претендент на трон.
- Канай (ум. нач. XVII в.) — сибирский царевич из династии Шибанидов, сын Кучума, претендент на трон.
- Канг-си (ум. 1722) — император династии Цин.
- Кара-Девлет-Гирей (ум. 1717) — крымский хан.
- Кара-Джари (ум. 1339) — персидский самозванец, лже-Тимур-Таш.
- Кара-Хулагу (ум. 1251/1252) — чагатайский правитель, внук Чагатая.
- Карасакал, см.: Миндигул Юлаев.
- Каратай (ум. 1826) — казахский султан, претендент на трон Младшего жуза.

- Карачар (XIII в.) — золотоордынский царевич, сын Орду.
- Карим-Берди (ум. 1416) — золотоордынский хан, сын Токтамыша.
- Касим (ум. 1469) — касимовский царевич, сын Улуг-Мухаммада.
- Катта-хан, см.: Ишан-хан-тура.
- Кауфман К. П. фон (ум. 1882) — туркестанский генерал-губернатор.
- Кебек (ум. 1420-е) — золотоордынский хан, сын Токтамыша.
- Кейхату, см.: Гайхату.
- Кенесары (ум. 1847) — казахский хан, внук Аблая.
- Кепек (ум. 1326) — чагатайский хан, сын Дувы.
- Кепек-Тимур (ум. ок. 1374) — могулистанский эмир.
- Кильдибек (ум. 1362) — золотоордынский хан, самозванец.
- Кир II (ум. 532 до н. э.) — персидский царь из династии Ахеменидов.
- Кичик-хан-тура (втор. пол. XIX в.) — кашгарский ходжа, претендент на трон.
- Козлов П. К. (ум. 1935) — российский монголовед, путешественник.
- Койричак (ум. ок. 1397) — золотоордынский хан.
- Кокчин-хатун (ум. кон. XIII в.) — супруга Чингкима, сына Хубилая, мать Каммалы и Тэмура.
- Конал Артанов (втор. пол. XIX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.
- Конкуртай (ум. 1284) — персидский царевич, сын Хулагу.
- Крым-Гирей (ум. 1769) — крымский хан.
- Куджу (ум. 1236) — монгольский царевич, сын Угедэя.
- Кузбай Апасов (втор. пол. XIX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.
- Кул-Булад, см.: Фатх-Гирей.
- Кулук-султан (Кутлук-султан, ум. 1530-е) — тюменский хан, потомок Шибана.
- Кулук-хан, см.: Хайшан.
- Кулькан (ум. 1238) — монгольский царевич, сын Чингис-хана.
- Кунанбай Ускенбаев (ум. 1886) — казахский гос. деятель, старший султан Среднего жуза, отец Абая Кунанбаева.
- Кульна (ум. 1360) — золотоордынский хан.
- Кунчек (ум. 1291) — золотоордынский царевич, брат Тула-Буги.
- Кунчек (ум. 1308) — чагатайский хан, сын Дувы.
- Курмиши (XIII в.) — монгольский царевич, внук Угедэя.
- Курсебе (ум. 1307) — монгольский царевич, потомок Угедэя.
- Кучук (втор. пол. XVII в.) — сибирский царевич из династии Шибанидов, правнук Кучума, претендент на трон.

Кучум (ум. ок. 1600) — сибирский хан, потомок Шибана.

Лашкар-кушбеги (ум. ок. 1841) — кокандский гос. деятель.

Лжедмитрий (нач. XVII в.) — имя нескольких московских самозванцев.

Ли Шиминь (ум. 649) — император династии Тан.

Лигдан (ум. 1634) — монгольский хан.

Лубсан-Шоно (ум. 1732) — джунгарский царевич, претендент на трон.

Лукман (ум. кон. XIV в.) — претендент на трон Мазандерана, потомок Хасара.

Лутфаллах Чусты (XVI в.) — ферганский ходжа.

Лутфи (ум. 1462) — тимуридский поэт.

Лхавсан (ум. 1717) — ойратский правитель Тибета и Кукунора, потомок Гуши-хана.

Людовик XVII (ум. 1795) — фр. претендент на трон.

Мадали-хан (Мухаммад-Али-хан ум. 1842) — кокандский хан.

Максуд-Гирей (ум. 1780) — крымский хан.

Малик Ашраф (ум. 1356) — персидский гос. деятель, внук Чопана.

Мала-хан (ум. 1862) — кокандский хан.

Мамай (ум. 1380) — золотоордынский гос. деятель.

Мамбеталий (втор. пол. XIX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.

Мамук (ум. 1497) — тюменский и казанский хан, потомок Шибана.

Мангалай (ум. 1280) — монгольский царевич, правитель области Тангут, сын Хубилая.

Мандугул (ум. 1467) — монгольский хан.

Мандухай (ум. 1509) — монгольская ханша, супруга Мандугула и Даян-хана.

Маненбай, см.: Джангази.

Масум-хан-тура (XVIII в.) — кокандский ходжа, потомок Махдум-и Азама.

Махагэргэс (Мэргус-хан, ум. ок. 1453) — монгольский хан.

Махаму (Шун-нин-ван, ум. 1418) — ойратский вождь, монгольский гос. деятель.

Махди (Махди-ходжа, ум. перв. пол. XVIII в.) — кашгарский хан из династии белогорских ходжей, сын Аппар-ходжи.

Махди-султан (ум. 1511) — узбекский царевич, потомок Шибана.

Махдум-и Азам, см.: Ахмад ал-Касани.

Махмуд II (ум. 1839) — османский султан.

Махулихай-онг (ум. сер. XV в.) — монгольский гос. деятель, потомок Белгутэя.

Мелик-огул (ум. 1240-е) — сын Угедэя и Туракины.

Менгли-Гирей (ум. 1515) — крымский хан.

Менгу-Тимур (ум. 1280) — золотоордынский хан, внук Бату.

Менгу-Тимур (ум. 1282) — персидский царевич, сын Хулагу.

Мехмед IV (ум. 1687) — османский султан.

Мидрибала (ум. кон. XIV в.) — монгольский царевич, претендент на трон.

Миндигул Юлаев (ум. 1749) — самозванец, претендент на башкирский трон, затем на джунгарский трон.

Минцун, см.: Хошала.

Мирза Хайдар, см.: Мухаммад-Хайдар Дуглат.

Мокуш Шабданов (перв. четв. XX в.) — киргизский манап, претендент на трон.

Молон (ум. 1462) — монгольский хан.

Мубарак-шах (ум. 1280) — правитель Чагатайского улуса, правнук Чагатая.

Мубарак-шах (ум. ок. 1508) — бадахшанский эмир.

Мубариз ад-Дин Мухаммад (ум. 1364) — персидский правитель из династии Музаффаридов.

Музаффар (ум. 1885) — бухарский эмир из династии Мангытов.

Музаффар-бек (ум. ок. 1870) — кокандский царевич из династии Минг, претендент на кашгарский трон.

Муизз ад-Дин Хусайн (ум. 1370) — правитель Герата из династии Куртов.

Мулла Исхак (ум. 1876) — кокандский самозванец, лже-Пуладхан.

Мунке (ум. 1259) — монгольский хан, внук Чингис-хана.

Мурад V (ум. 1904) — османский султан.

Мурад-Гирей (ум. 1695/1696) — крымский хан.

Мурат Кучуков (ум. 1708) — самозванец, предводитель башкирского восстания.

Муртаза (кон. XVI в.) — астраханский царевич, мнимый родоначальник дворянского рода Мустафиных.

Муса (ум. 1337) — персидский ильхан, потомок Хулагу.

Муса (ум. 1502) — бий Ногайской Орды.

- Мустафа, см.: Девлет-Гирей.
- Мухаммад (ум. 532) — пророк, основатель ислама.
- Мухаммад (ум. ок. 1337) — персидский ильхан, потомок Хулагу.
- Мухаммад-Али-халифа, см.: Дукчи-ишан.
- Мухаммад Исхак-Вали (Ходжа-и Калан, Ишан-и Калан, ум. 1599) — мусульманский святитель, сын Ахмада ал-Касани, основатель династии черногорских ходжей.
- Мухаммад Курбан Сардар, см.: Джунаид-хан.
- Мухаммад Тоглук (ум. 1351) — султан Делийского султаната.
- Мухаммад Шайбани (Шайбани-хан, ум. 1510) — бухарский хан, основатель династии Шайбанидов.
- Мухаммад-Амин (ум. кон. XVI в.) — мусульманский святитель, сын Ахмада ал-Касани, основатель династии белогорских ходжей.
- Мухаммад-Амин (ум. ок. 1692) — кашгарский хан.
- Мухаммад-Амин II (ум. 1855) — хивинский хан, сын Алла-Кули.
- Мухаммад-Амин-хан (ум. 1518) — казанский хан.
- Мухаммад-Амин-ходжа, см.: Ишан-хан-тура.
- Мухаммад-Булак (ум. 1380) — золотоордынский хан, ставленник Мамаю.
- Мухаммад-Гирей I (ум. 1523) — крымский хан.
- Мухаммад-Гирей II (ум. 1584) — крымский хан.
- Мухаммад-Гирей III (ум. 1629) — крымский хан.
- Мухаммад-Джахангир (ум. перв. пол. XV в.) — тимуридский правитель, претендент на трон, правнук Амира Тимура.
- Мухаммад-Ибрахим-хан (ум. 1601) — узбекский царевич, правитель Балха из династии Шайбанидов.
- Мухаммад-Кули-бек (ум. ок. 1870) — кокандский царевич из династии Минг, претендент на кашгарский трон.
- Мухаммад-курчи (нач. XVI в.) — бадахшанский эмир.
- Мухаммад-Мумин, см.: Акбаш-хан.
- Мухаммад-Рахим (ум. 1758) — бухарский хан из династии Мангытов.
- Мухаммад-Рахим (ум. 1825) — хивинский хан из династии Кунгратов.
- Мухаммад-Рахим II (ум. 1910) — хивинский хан из династии Кунгратов.
- Мухаммад-Салим-султан (ум. нач. XVII в.) — узбекский царевич из династии Шайбанидов, претендент на трон.
- Мухаммад-Султан-мирза (ум. 1403) — тимуридский гос. деятель, внук Амира Тимура.

Мухаммад-Тимур-султан (ум. 1514) — бухарский царевич, претендент на трон, сын Мухаммада Шайбани-хана.

Мухаммад-хан (II) (ум. 1618) — кашгарский хан.

Мухаммад-Хусайн Дуглат (ум. 1508) — могулистанский эмир, отец историка Мухаммад-Хайдара Дуглата.

Мухаммад-шах (XV в.) — могулистанский эмир из рода Дуглат, сын Худайдада.

Мэд-Юсуф-ходжа (Мухаммад-Юсуф-ходжа, ум. после 1830) — кашгарский ходжа, претендент на трон.

Мэндү-орлук (XV в.) — монгольский нойон.

Мэргус-хан, см.: Махагэргэс.

Мюрид (ум. 1364) — золотоордынский хан, потомок Шибана.

Надир-Мухаммад (Надир-Мухаммад-хан, ум. 1651) — бухарский хан из династии Аштарханидов.

Надир-шах (ум. 1747) — персидский шах из династии Афшаров.

Наймадай (XIII в.) — монгольский царевич, потомок Тэмүгэ-отчигина.

Наку (XIII в.) — монгольский царевич, сын Гуюка.

Нарбута-бий (ум. втор. пол. XVIII в.) — бухарский гос. деятель из династии Мангытов.

Нарбута-бий (ум. ок. 1809) — кокандский правитель из династии Минг.

Нарин-Кадан (XIII в.) — монгольский царевич, потомок Чингис-хана.

ан-Насир (ум. 1341) — мамлюкский султан Египта из династии Бахри.

Насир-мирза (ум. 1515) — тимуридский правитель Бадахшана, брат Бабура.

Наср ад-Дин (ум. кон. XIX в.) — кокандский хан из династии Минг, сын Худояра.

Насрулла (ум. 1860) — бухарский эмир из династии Мангытов.

Наурус (ум. 1360) — золотоордынский хан.

Начин (XIII в.) — монгольский царевич, внук Угедэя.

Наян (ум. 1288) — монгольский царевич, потомок Тэмүгэ-отчигина.

Николай II (ум. 1918) — российский император.

Нинцзун, см.: Ринчинбал.

Ногай (ум. 1299) — золотоордынский царевич, узурпатор.

Нойан-Болод, см.: Унэ-Болод.

Номун-хан, см.: Алтан-хан.

Нур ад-Дин (ум. ок. 1419) — золотоордынский гос. деятель, сын Идигу.

- Нур-Мухаммад-хан (Нурум-хан, ум. нач. XVII в.) — хивинский царевич, правитель Мерва, предположительно сын Абу-л-Мухаммада.
- Нурали (ум. 1790) — хивинский хан, затем казахский хан Младшего жуза, сын Абу-л-Хайра.
- Нуржан Кияшев (перв. четв. XX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.
- Нурхаци (ум. 1626) — маньчжурский правитель, основатель китайской династии Цин.

Оболгаир, см.: Абу-л-Хайр.

Огул-Гаймиш (ум. 1252) — монгольская ханша, супруга Гуюка.

Ойрадтай (Урадай, ум. ок. 1425) — монгольский хан.

Олджайту (ум. 1316) — персидский ильхан.

Олджейту-хан, см.: Тэмур.

Олджетей-хатун (ум. перв. четв. XIV в.) — персидская царевна, дочь Аргуна, супруга Хусайн-гургана.

Олег Иванович (ум. 1402) — великий князь рязанский.

Омар-хан (ум. 1822) — кокандский хан из династии Минг.

Омар-Шейх (ум. 1394) — тимуридский гос. деятель, сын Амира Тимура.

Омар-Шейх (ум. 1494) — тимуридский правитель Ферганы, отец Бабура.

Омарбай Бармаков (ум. 1929) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.

Омбо (перв. пол. XVII в.) — монгольский хан Тумэта.

Онсом, см.: Ван-хан.

Орду (ум. 1251) — золотоордынский царевич, сын Джучи.

Ормон (Ормон Ниязбек уулу, Урман Ниязбеков, ум. 1855) — киргизский хан.

Осман-батыр (Оспан-батыр, ум. 1951) — предводитель антикитайского восстания в Кашгарии, «хан».

Оспан Шолаков (перв. четв. XX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.

Очирту-зан (Очирту-тайджи, Очирту Цэцэн-хан, ум. 1677) — ойратский хан Алашаня.

Падшах-ханым (ум. ок. 1695) — кашгарская царевна, супруга Аппак-ходжи.

Падшах-ходжа (Падшах-оджа-тура, ум. 1853) — кокандский ходжа, претендент на трон.

Перовский В. А. (ум. 1857) — оренбургский генерал-губернатор.

Петр III (ум. 1762) — российский император.

Пир-Мухаммад II (ум. 1601) — бухарский хан из династии Шайбанидов.

Пир-падшах (Пирак-падшах, ум. 1410) — правитель Мазандерана, потомок Хасара.

Пир Хусейн, см.: Мухаммад-хан.

Пу И (ум. 1967) — последний император династии Цин, император Маньчжоу-Го.

Пулад (сер. XIV в.) — золотоордынский хан из династии Шибанидов.

Пулад-Гази (ум. после 1783) — хивинский хан из династии Арабшахидов.

Пулад-Тимур (ум. 1367) — золотоордынский эмир, правитель Волжской Булгарии.

Пулад-хан (Пулад-бек, втор. пол. XIX в.) — кокандский царевич из династии Минг.

Пуладчи (ум. ок. 1360) — могулистанский эмир из рода Дуглат.

Рабчжампа (XVII в.) — глава тибетской религиозной секты кармапа.

Раджаб (ум. 1725/1728) — хивинский царевич, хан Самарканда.

Раджабаг (ум. после 1328) — монгольский хан, император Юань, сын Есун-Тэмура.

Рахим-Кули (ум. 1846) — хивинский хан из династии Кунгратов.

Рашид ад-Дин-ходжа (Хан-ходжа, ум. ок. 1867) — предводитель антикитайского восстания в Кашгарии.

Ринчен-Дорджи (ум. 1755) — монгольский царевич.

Ринчинбал (ум. 1332) — монгольский хан, император Юань.

Рустам-Мухаммад (Рустам-Мухаммад-султан, ум. после 1642) — узбекский царевич из династии Аштарханидов, претендент на трон.

Рустам-хан-тура (XIX в.) — кокандский ходжа, претендент на трон.

Саадат-Гирей I (ум. 1538/1539) — крымский хан.

Садык (ум. 1910) — казахский султан, сын Кенесары.

Сайид-Алим-хан (ум. 1944) — бухарский эмир из династии Мангатов.

- Сайид-Ахмад (ум. ок. 1455) — золотоордынский хан.
- Сайид-Ахмад (ум. ок. 1552) — ногайский бий, претендент на ханский трон.
- Сайид-Джахангир-султан, см.: Джахангир-ходжа.
- Сайид-Ибрахим, см.: Ибак.
- Сайн-Мандухай, см.: Мандухай.
- Саламат-Гирей (ум. 1610) — крымский хан.
- Салахмир (XIV в.) — золотоордынский эмир, родоначальник ряда русских дворянских родов.
- Салих-султан (ум. ок. 1605) — хивинский царевич, претендент на трон, потомок Хасан-Кули.
- Салчи (ум. ок. 1380) — золотоордынский эмир, правитель Хаджи-Тархана.
- Самур (ум. перв. четв. XV в.) — монгольская царевна, дочь Элбэга.
- Сартак (ум. 1256) — правитель Улуса Джучи, сын Бату.
- Сатай (Сатай Догуланг, XV в.) — монгольский нойон.
- Сарымсак (Саали-ходжа, ум. нач. XIX в.) — кашгарский ходжа.
- Сарымсак, см.: Шахрух.
- Сатибек-хатун (ум. сер. XIV в.) — персидская ханша, потомок Хулагу.
- Сатук-хан (ум. 1434) — чагатайский и могулистанский хан, потомок Чагатая.
- Саукым (ум. 1843/1844) — казахский султан, претендент на трон Младшего жуза.
- Сахиб-Гирей I (ум. 1551) — крымский хан.
- Сахиб-Гирей II (ум. 1775) — крымский хан.
- Сача-бэки (ум. ок. 1196) — монгольский нойон, родственник Чингис-хана.
- Сегиз-бей (сер. XIV в.) — золотоордынский эмир, правитель Запьянья.
- Сейл Туркебаев (втор. пол. XIX в.) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.
- Селим-Гирей I (ум. 1704) — крымский хан.
- Скобелев М. Д. (ум. 1882) — российский военачальник.
- Сорхактани (ум. 1252) — супруга Тулуя.
- Сперанский М. М. (ум. 1839) — российский гос. деятель.
- Срым Датов, см.: Сырым Датулы.
- Сталин И. В. (ум. 1953) — генеральный секретарь ЦК КПСС.
- Субэдэй-багатур (ум. 1252) — монгольский полководец.

- Сукай (ум. 1296) — персидский царевич, внук Хулагу.
- Сулейман (ум. 1344) — персидский ильхан, потомок Хулагу.
- Сулейман I (ум. 1566) — османский султан.
- Султан-Али (ум. 1410) — претендент на трон Мазандерана, потомок Хасара, сын Пир-падшаха.
- Султан-Али (ум. ок. 1450) — чагатайский хан, потомок Угедэя, ставленник Улугбека.
- Султан-Ахмад (ум. 1410) — персидский правитель из династии Джалаиров.
- Султан-Ахмад-мирза (ум. 1494) — тимуридский правитель Самарканда.
- Султан-Ахмад-хан (ум. 1504) — могулистанский хан, потомок Тоглук-Тимура.
- Султан-Гирей, см.: Карасакал.
- Султан-Масуд (Султан-Масуд-мирза, ум. нач. XVI в.) — тимуридский правитель Хисара и Бадахшана.
- Султан-Махмуд (ум. 1402) — чагатайский хан, потомок Угедэя, ставленник Амира Тимура.
- Султан-Махмуд (ум. перв. четв. XV в.) — сын Идигу.
- Султан-Махмуд-мирза (ум. 1495) — тимуридский правитель Бадахшана и Самарканда.
- Султан-Махмуд-хан (ум. 1508) — могулистанский хан, потомок Тоглук-Тимура.
- Султан-Мурад, см.: Мурат Кучуков.
- Султан-Мурад-бек (ум. 1875) — кокандский царевич из династии Минг, претендент на трон.
- Султан-Мухаммад Бадахши (ум. 1466/1467) — последний шах Бадахшана.
- Султан-Саид (ум. 1533) — кашгарский хан, потомок Тоглук-Тимура.
- Султан-Сайид (ум. 1865) — кокандский хан.
- Султан-Увайс (ум. 1374) — персидский правитель из династии Джалаиров.
- Султан-Хаджи, см.: Мурат Кучуков.
- Султан-хан-торе (XIX в.) — кокандский ходжа, наставник Дукчишана.
- Султан-Хусайн-мирза, см.: Хусайн Байкара.
- Султан-шах (ум. 1766) — бадахшанский правитель.
- Султанбек Шолакулы (ум. 1930) — предводитель восстания в Казахстане, претендент на трон.

Сутай, см.: Самур.

Сююргатмыш (ум. 1388) — чагатайский хан, потомок Угедэя, ставленник Амира Тимура.

Сырым Датулы (Срым Датов, ум. 1802) — казахский батыр, бий, полит. деятель.

Сэнге-хунтайджи (ум. 1671) — джунгарский правитель.

Сэчен-Дзоригту-хан (перв. пол. XVII в.) — монгольский хан аймака Аохан.

Таваккул-Кутлуг (ум. 1335) — монгольский царевич, потомок Угедэя.

Таваккул-Мухаммад (ум. 1598) — казахский хан.

Тагай (ум. ок. 1378) — золотоордынский эмир, правитель Мохши.

Тайдин-ди, см.: Есун-Тэмур.

Тай-цзун, см.: Угедэй.

Тайбуга (XIII в.) — полулегендарный соратник Чингис-хана, родоначальник Тайбугидов.

Тайпин (Сян-и-ван, перв. четв. XV в.) — ойратский правитель.

Талигу (ум. 1309) — чагатайский хан.

Тамерлан, см.: Амир Тимур.

Таргутай-Кирилтух (ум. нач. XIII в.) — родственник Чингис-хана, предводитель племени тайджиутов.

Тармаширин (Алла ад-Дин, ум. 1334) — чагатайский хан.

Татищев В. Н. (ум. 1750) — российский гос. деятель.

Тауке (ум. 1715/1718) — казахский хан.

Тахир (ум. 1741) — хивинский хан, ставленник Надир-шаха.

Таян-хан (ум. 1204) — найманский хан, противник Чингис-хана.

Тевкелев А. И. (ум. 1766) — российский генерал и дипломат.

Тенгиз-Буга (ум. ок. 1361) — золотоордынский эмир из рода Кият.

Тентек-торе (ум. ок. 1828) — претендент на ханский трон в Старшем жузе, потомок Аблая.

Тилля-хан (сер. XIX в.) — кашгарский военачальник.

Тильбе (ум. 1504) — ферганский эмир, брат Ахмада Танбала.

Тимур, см.: Амир Тимур.

Тимур-бек (вторая пол. XIV в.) — золотоордынский хан, ставленник Хаджи-Черкеса.

Тимур-Гази (ум. 1764) — хивинский хан из династии Арабшахидов.

Тимур-Кутлуг (ум. 1399) — золотоордынский хан.

- Тимур-Таш (ум. ок. 1328/1329) — персидский гос. деятель, сын Чопана.
- Тимур-Ходжа (ум. 1362) — золотоордынский хан из династии Шибанидов.
- Тогачар (XIII в.) — монгольский царевич, внук Тэмугэ-отчигина.
- Тоглу-бай (ум. 1359) — золотоордынский эмир.
- Тоглук-Тимур (ум. 1362) — могулистанский и чагатайский хан, предположительно потомок Чагатая.
- Тогон (Тогон-тайджи, ум. ок. 1439) — ойратский правитель, претендент на монгольский трон.
- Тогон-Тэмур (ум. 1370) — монгольский хан, император Юань, сын Хошалы.
- Тогрул, см.: Ван-хан.
- Тогрул (ум. 1291) — золотоордынский царевич, отец хана Узбека.
- Тогус-Тэмур (ум. 1388) — монгольский хан.
- Ток-Тэмур (ум. 1332) — монгольский хан, император Юань.
- Токай-торе (ум. 1814) — претендент на ханский трон в Старшем жузе, потомок Аблая.
- Токта (ум. 1312) — золотоордынский хан.
- Токта-ханым (ум. 1695) — хивинская ханша, мать Эренг-Мухаммада.
- Токтамыш (ум. 1406/1407) — золотоордынский хан.
- Токтамыш-Гирей (ум. 1608) — крымский хан.
- Тохудар (Ахмад, ум. 1284) — персидский ильхан, сын Хулагу.
- Туга-Тимур (ум. 1250-е) — золотоордынский царевич, сын Джучи.
- Туга-Тимур (ум. 1353) — персидский ильхан, потомок Хасара.
- Туглу-бай (XV в.) — золотоордынский эмир.
- Туда-Менгу (ум. 1289) — золотоордынский хан, внук Бату.
- Тук-Буга (перв. четв. XIV в.) — полулегендарный золотоордынский эмир, узурпатор.
- Тукель-Буга (ум. 1313) — золотоордынский царевич, сын Токты.
- Тукал (XIII в.) — золотоордынский царевич, сын Бату.
- Тула-Буга (ум. 1291) — золотоордынский хан.
- Тулан (первая пол. XVII в.) — монгольский Дугурэн-хан аймака Огнигуд, потомок Тэмугэ-отчигина.
- Тулуй (ум. 1232) — сын Чингис-хана, регент Монгольской империи.
- Туляк — герой татарско-башкирского эпоса.
- Тура-хан (Ураз-хан, посл. четв. XV в.) — полулегендарный башкирский хан.
- Туракина (ум. 1246) — монгольская ханша, супруга Угедэя.

Туру-Байху, см.: Гуши-хан.

Тэб-Тэнгри (Кокэчу, ум. 1208) — монгольский шаман и гос. деятель.

Тэмүгэ-отчигин (ум. 1246) — монгольский узурпатор, брат Чингис-хана.

Тэмуджин, см.: Чингис-хан.

Тэмур (ум. 1307) — монгольский хан, император Юань, внук Хубилая.

Убайдаллах (сер. XIX в.) — киргизский манап племени сарыбагыш.

Убайдаллах I (ум. 1539/1540) — бухарский хан из династии Шайбанидов.

Убаши (ум. 1774) — калмыцкий правитель, потомок Аюки.

Угедэй (ум. 1241) — монгольский хан, сын Чингис-хана.

Удэ-чинван, см.: Дэмчиг-Донров.

Узбек (ум. 1341) — золотоордынский хан.

Улагчи (ум. 1257) — правитель Улуса Джучи, внук Бату.

Улджай-Тэмур (ум. 1412) — монгольский хан.

Улуг-Мухаммад (ум. 1445) — золотоордынский, затем казанский хан.

Улугбек (Мухаммад Тарагай, ум. 1449) — тимуридский правитель, внук Амира Тимура.

Унгерн Р. П. фон (Унгерн-Штернберг, ум. 1921) — российский офицер, монгольский «хан».

Унэ-Болод (ум. кон. XV в.) — претендент на монгольский трон, потомок Хасара.

Ураз-Мухаммад (ум. 1610) — казахский султан, касимовский хан.

Ураз-хан, см.: Тура-хан.

Урук-Кутэн (ум. кон. XIII в.) — монгольский царевич, потомок Угедэя.

Урунгташ (XIII в.) — монгольский царевич, сын Мунке.

Урус (ум. 1377) — золотоордынский хан.

Усек (XVI в.) — казахский царевич.

Усхал-хан, см.: Тогус-Тэмур.

Ухагату-хан, см.: Тогон-Тэмур.

Уцзун, см.: Хайшан.

Фазыл (Фазыл-тура, ум. втор. пол. XVIII в.) — претендент на бухарский трон из династии Мангытов, внук Мухаммад-Рахима.

- Фатима** (ум. 629) — дочь пророка Мухаммада.
Фатх-Гирей I (ум. 1596) — крымский царевич, претендент на трон.
Фатх-Гирей (XVII в.) — крымский царевич из династии Чобан-Гиреев, сын Девлет-Гирея.
Федор Иванович (ум. 1598) — московский царь.
Фузули (ум. 1556) — узбекский поэт.

Хабибулла-ходжа (втор. пол. XIX в.) — предводитель антикитайского восстания в Кашгарии.

Хабул (ум. ок. 1148) — монгольский хан, предок Чингис-хана.

Хабуту-Хасар, см.: Хасар.

Хадан (ум. ок. 1165) — монгольский хан.

Хадан (ум. кон. XIII в.) — монгольский царевич, потомок Хачиуна.

Хаджи-Гирей II (ум. 1689) — крымский хан.

Хаджи-падшах, см.: Хабибулла-ходжа.

Хаджи-Черкес (ум. 1375) — золотоордынский эмир, правитель Хаджи-Тархана.

Хази (Хаджи, нач. XVIII в.) — руководитель башкирского восстания, предполагаемый сибирский царевич, потомок Кучума.

Хайдар (Хайдар-тура, ум. 1826) — бухарский эмир из династии Мангытов.

Хайду (ум. 1301) — монгольский хан, внук Угедэя.

Хайшан (ум. 1311) — монгольский хан, император Юань, правнук Хубилая.

Хаким-хан-тура (ум. кон. XIX в.) — кашгарский ходжа, претендент на трон.

Хакк-Назар (ум. 1580) — правитель Башкирии, затем казахский хан.

Халил-Султан (ум. 1411) — тимуридский правитель, внук Амира Тимура.

Хамза-султан (ум. 1511) — узбекский царевич, потомок Шибана.

Хан-Булат (сер. XVI в.) — чингизидский хан, ставленник ногайского бия Сайид-Ахмада.

Хан-Мирза (ум. 1520) — тимуридский правитель Бадахшана.

Хан-ходжа (ум. 1758/1759) — кашгарский правитель из династии белогорских ходжей.

Хан-Ходжа (ум. 1799) — казахский хан Среднего жуза, сын Борака.

Хан-ходжа, см.: Рашид ад-Дин-ходжа.

Ханзаде-бегим (ум. 1545) — тимуридская царевна, сестра Бабура, супруга Мухаммада Шайбани.

- Хасан Бузург (Шайх Хасан, ум. 1356) — персидский правитель из династии Джалаиридов.
- Хасан Джури (ум. 1342) — духовный предводитель сербедаров в Хорасане.
- Хасан Кучак (ум. 1344) — персидский гос. деятель, внук Чопана.
- Хасан-Кули (ум. ок. 1530) — хивинский хан из династии Арабшахидов.
- Хасар (Джучи-Хасар, Хабуту-Хасар, ум. 1210-е) — монгольский царевич, брат Чингис-хана.
- Хачиун (ум. нач. XIII в.) — монгольский царевич, брат Чингис-хана.
- Хидаяталлах, см.: Аппак-ходжа.
- Ходжа (XIII в.) — монгольский царевич, сын Гуюка.
- Ходжа-Ахмад (XIII в.) — полулегендарный мусульманский проповедник в Золотой Орде.
- Ходжа-Ахмад (ум. 1749) — казахский султан, сын Абу-л-Хайра, претендент на башкирский трон.
- Ходжа-и Калан, см.: Мухаммад-Амин.
- Хосров-султан (ум. ок. 1602) — хивинский царевич, претендент на трон, потомок Ильбарса.
- Хосров-шах (ум. 1505) — бадахшанский эмир, узурпатор.
- Хошала (ум. 1329) — монгольский хан, император Юань.
- Хубилай (ум. 1294) — монгольский хан, император Юань, внук Чингис-хана.
- Худайдад (ум. ок. 1425) — могулистанский эмир из рода Дуглат, сын Пуладчи.
- Худояр (ум. 1882/1883) — кокандский хан из династии Минг.
- Хуй-Мунке (ум. перв. четв. XV в.) — монгольский хан, потомок Хасара.
- Хулагу (ум. 1265) — ильхан Ирана, внук Чингис-хана.
- Хуладжу (ум. 1289) — персидский царевич, сын Хулагу, узурпатор.
- Хулан-хатун (ум. нач. XIII в.) — монгольская ханша, супруга Чингис-хана.
- Хусайн Байкара (ум. 1506) — тимуридский правитель Герата.
- Хусайн-гурган (ум. ок. 1320) — родоначальник династии Джалаиридов.
- Хутукту-хан, см.: Ринчинбал.
- Хутукту-хан, см.: Хошала.
- Хутула (ум. ок. 1161) — монгольский хан, сын Хабула.

Хучар (ум. нач. XIII в.) — монгольский нойон, родственник Чингис-хана.

Хызр (ум. 1361) — золотоордынский хан из династии Шибанидов.

Хызр (перв. четв. XV в.) — золотоордынский эмир.

Хызр-Ходжа (ум. 1399) — могулистанский хан, сын Тоглук-Тимура.

Цанпа (сер. XVII в.) — тибетский правитель области Цзан.

Цзинь-чжун, см.: Эсен-Тукан.

Цзяцзин (ум. 1821) — император Цин.

Цогт-тайджи (ум. 1637) — монгольский царевич, правитель Кукунора.

Цэван-Рабдан (ум. 1728) — джунгарский хан.

Цэгэн (сер. XVII в.) — монгольский Сэчен-хан аймака Муминган, потомок Хасара.

Цэрен-Дондук (ум. 1738) — калмыцкий хан, сын Аюки.

Цэцэн-хан, см.: Очирту-тайджи.

Чагатай (ум. 1242) — монгольский царевич и гос. деятель, чагатайский правитель, сын Чингис-хана.

Чавту (XIII в.) — монгольский царевич, сын Белгутэя.

Ченгунджаб (Шадар-ван, ум. 1757) — монгольский царевич, правитель хотогойтов, предводитель антикитайского восстания.

Ченцзун см.: Тэмур.

Чжу Юаньчжан (ум. 1398) — китайский император, основатель династии Мин.

Чжун-юн-ван, см.: Эсен-Тукан.

Чинг-Тимур (XIII в.) — монгольский царевич, внук Чагатая.

Чингис-хан (ум. 1227) — монгольский хан.

Чини-тура (XIX в.) — кокандский ходжа, претендент на трон.

Чинкай (ум. 1252) — уйгур, канцлер Монгольской империи.

Чойбалсан Х. (ум. 1952) — руководитель МНР.

Чокан Валиханов (ум. 1865) — казахский султан, российский офицер и ученый.

Чопан (ум. 1328) — персидский гос. деятель.

Чокре (ум. 1416) — золотоордынский хан.

Чу-Мэргэн-нойон — см.: Елюй Чуцай.

Чул-Булад — см.: Адил-Гирей.

Шадибек (ум. ок. 1409) — золотоордынский хан.

Шайбани-хан, см.: Мухаммад Шайбани.

- Шайх Хасан Бузург — см.: Хасан Бузург.
- Шайхим-султан (втор. пол. XVI в.) — узбекский царевич из династии Шайбанидов.
- Шамс ад-Дин Али (ум. 1353) — султан сербедаров в Хорасане.
- Шах-бегим (ум. нач. XVI в.) — бадахшанская царица, супруга Юнус-хана.
- Шах-Бурхан, см.: Бурхан-султан.
- Шах-Мансур (ум. 1393) — персидский правитель из династии Музаффаридов.
- Шах-Мурад (ум. 1800) — бухарский эмир из династии Мангытов, сын Данияля.
- Шах-Тимур (ум. 1736) — хивинский царевич из династии Арабшахидов, претендент на трон.
- Шахбаз-Гирей (ум. 1793) — крымский царевич, претендент на трон.
- Шахин-Гирей (первая пол. XVII в.) — крымский царевич, калгасултан.
- Шахин-Гирей (ум. 1787) — крымский хан.
- Шахрух (ум. 1447) — тимуридский правитель, сын Амира Тимура.
- Шахрух (Сарымсак, ум. 1863) — претендент на кокандский трон, самозванец.
- Ши-цзу, см.: Хубилай.
- Шибан (ум. 1250-е) — золотоордынский царевич, сын Джучи.
- Шигай (ум. 1825) — регент Букеевского ханства, брат Букея.
- Шиктур (ум. кон. XIII в.) — монгольский царевич, потомок Хасара.
- Шинлакар (ум. кон. XIII в.) — монгольский царевич, потомок Хачиуна.
- Шигай (ум. 1825) — казахский султан, регент Букеевского ханства, претендент на трон.
- Шира-Хитад (перв. пол. XVII в.) — монгольский Тушету-хан аймака Муминган, потомок Хасара.
- Ширгази (ум. 1728) — хивинский хан из династии Арабшахидов.
- Ширгази (ум. 1818) — казахский хан Младшего жуза, сын Каипа.
- Ширгази (ум. 1845) — казахский хан Младшего жуза, внук Абул-Хайра.
- Шировул (XIV в.) — могульский эмир.
- Ширэмун (ум. 1260-е) — монгольский царевич, внук Угедэя.
- Шлагенвейт А. (ум. 1857) — немецкий путешественник.
- Шорман Кучуков (XIX в.) — казахский ага-султан.

- Шотан** (Шортан, втор. пол. XIX в.) — казахский хан, племянник Алтынсары.
- Шудибала** (ум. 1323) — монгольский хан, император Юань.
- Шукур-Дайчин** (ум. после 1671) — калмыцкий правитель.
- Шуньди**, см.: Тогон-Тэмур.
- Шуньчжи** (ум. 1662) — император династии Цин.
- Эбуген** (ум. кон. XIII в.) — монгольский царевич, потомок Кулькана.
- Эл-Тэгус** (XIV в.) — монгольский царевич, сын Ток-Тэмура.
- Эл-Тэмур** (XIV в.) — монгольский военачальник, командующий гарнизоном Пекина.
- Элбэг** (ум. 1399) — монгольский хан.
- Эмиль-Ходжа** (нач. XIV в.) — чагатайский царевич, сын Дувы.
- Энхэ** (ум. 1392) — монгольский хан.
- Эргэнэ** (ум. 1260/ после 1266) — чагатайская правительница, супруга Кара-Хулагу.
- Эренг-Мухаммад** (Эренг-хан, ум. 1694) — хивинский хан из династии Арабшахидов.
- Эсен** (Эсен-тайджи, ум. 1454/1455) — ойратский правитель, монгольский узурпатор, сын Тогона.
- Эсен-Буга** (Эсен-Буга-хан, ум. 1318) — чагатайский хан, сын Дувы.
- Эсен-Тукан** (перв. пол. XV в.) — монгольский царевич, претендент на трон.
- Эсэху** (ум. ок. 1425) — ойратский правитель.
- Эчжэ** (ум. 1641) — монгольский царевич, сын Лигдана.
- Эши-хатун**, см.: Алан-Гоа.
- Юлбарс** (ум. 1670) — кашгарский хан, потомок Тоглук-Тимура, сын Абдаллаха.
- Юн-ло** (ум. 1424) — китайский император из династии Мин.
- Юнус-хан** (ум. 1487) — могулистанский хан, потомок Тоглук-Тимура.
- Юнус-ходжа** (ум. 1801/1802) — правитель Ташкента.
- Юшмут** (ум. 1270-е) — персидский царевич, сын Хулагу.
- Яглыбай** (ум. 1391) — золотоордынский эмир.
- Ядгар** (ум. 1713/1714) — хивинский хан из династии Арабшахидов.
- Ядгар-Мухаммад-султан** (втор. пол. XVI в.) — узбекский царевич из династии Шайбанидов, сын Ибадаллаха.

- Ядгар-Султан-бегим (перв. четв. XVI в.) — тимуридская царевна, сестра Бабура.
- Якуб (ум. ок. 1446) — казанский царевич, сын Улуг-Мухаммада, мнимый предок рода Булатовых.
- Якуб-бек (ум. 1877) — кашгарский правитель, основатель государства Йеттишар.
- Янги (перв. пол. XIV в.) — чагатайский царевич.
- Яри-бек (Яри-бек-хан, ум. 1707) — правитель Бадахшана.
- Ясавур (ум. 1320/1321) — чагатайский царевич.
- Яхья Керраби (ум. 1356/1358) — султан сербедаров в Хорасане.
- Яхья-ходжа (ум. 1694) — кашгарский хан из династии белогорских ходжей, сын Аппак-ходжи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

І. Источники

(летописи и исторические сочинения, актовые материалы, мемуары, путевые записки, периодика, эпос и фольклор)

- Абуль-Гази 1996 — *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / Пер. Г. Саблукова // *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек, 1996. С. 3–187.
- Айни 1966 — *Айни С.* История мангытских эмиров // *Айни С.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1966. С. 266–312.
- Алтан-Тобчи 1858 — *Алтан-Тобчи*. Монгольская летопись. С прил. Калмыцкого текста Истории Убаши-Хунтайджия и его войны с Ойратами / Пер. Г. Гомбоева // *Труды Восточного отделения Императорского археологического общества*. Ч. VI. СПб, 1858.
- Анваров 1994 — *Анваров А.* Малоизвестный английский источник по истории Восточного Туркестана // *Известия АН Республики Казахстан*. Серия общественных наук. № 6. 1994. С. 9–16.
- Андреев 1998 — *Андреев И. Г.* Описание Средней Орды киргизкайсаков. Алматы, 1998.
- Аннинский 1940 — *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // *Исторический архив*. № 3. 1940. С. 71–112.
- Арапов 2002 — Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (По архивным материалам Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи) / Публ. Д. Ю. Арапова // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 5 (153). М., 2002. С. 127–134.
- Арендаренко 1974 — Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в. (Журналы командировок Г. А. Арендаренко). М., 1974.
- Ахари 1984 — *Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари*. Тарих-и шейх Увейс / Пер. М. Д. Кязимова и В. З. Пириева. Баку, 1984.

- Бабур 1992 — Бабур-наме / Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1992.
- Башкирские родословные 2002 — Башкирские родословные / Сост., пред., пер., послесл. и указ. Р. М. Булгакова, М. Х. Надергулова; науч. рук. Р. Г. Кузеев. Вып. 1. Уфа, 2002.
- Беневени 1886 — Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986.
- Беннигсен 1912 — Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсенем. СПб, 1912.
- Березин 1849 — [Березин И. Н.] Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.
- Бичурин 2005 — Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2005. С. 7–234.
- Букейханов 1901 — Букейханов А. Из переписки киргизских ханов, султанов и проч. // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год. Вып. V. Семипалатинск, 1901. Отд. II. С. 1–17.
- Валиханов 1985а — Валиханов Ч. Ч. [Письмо] Ф. М. Достоевскому // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 150–152.
- Валиханов 1986а — Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858–1859 годах // Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 112–225.
- Васильев 2009 — Васильев А. Д. Рапорт Кашгарского посланника в Стамбуле султану Абдулхамиду II о китайском вторжении и падении государства Якуб-бека // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 8. С. 92–101.
- Веселовский 1899 — Веселовский Н. Бадаulet Якуб-Бек, аталык Кашгарский // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XI. 1897–1898. СПб, 1899. С. 87–104.
- Виткевич 1983 — Записка И. В. Виткевича // Записки о Бухарском ханстве. М., 1983. С. 84–129.
- Восемнадцать 2002 — Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / Пер., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб, 2002.
- Восстание 1937 — Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы. М., 1937.
- Восстание 1960 — Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. М., 1960.

- Гаврилов 1927 — Гаврилов М. Ф. Страничка из истории Якуб-бека Бадаулета — правителя Кашгарии. Ташкент, 1927.
- Галдан 2012 — Галдан. История, именуемая «Эрдэнийн эрихэ» / Исслед. и коммент. пер. П. Б. Балданжапова и Ц. П. Ванчиковой. Улан-Батор; Улан-Удэ, 2012.
- Гедин 1899 — Гедин С. В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан: Путешествие в 1893–1897 годах. Т. I. СПб, 1899.
- Горихвостов 1957 — Журнал полковника А. З. Горихвостова // Известия АН Казахской ССР. Алма-Ата. 1957. № 2 (5). С. 106–127.
- Григорьев 1834 — История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / Пер. с перс. В. Григорьева. СПб, 1834.
- Григорьев 1861 — Григорьев В. В. О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-Шемса Бухари // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1861. Казань, 1861.
- Джамбадоржи 2005 — Джамбадорджи. Хрустальное зеркало / Пер. Б. И. Короля, А. Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 62–154.
- Джангильдин 2009 — Джангильдин А. Документы и материалы. Алматы, 2009.
- Дугаров 1983 — Дугаров Р. Н. «Дэбтэр-Чжамцо» — источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск, 1983.
- Ерофеева 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И. В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы, 2014.
- Заключение 2005 — Заключение Совета общего областного управления сибирскими казахами о новых правилах избрания волостных управителей // Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. V. Алматы, 2005. С. 432–435.
- Законы 2002 — Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / Пер. с кит., исслед., прим. и прил. Н. П. Свистуновой. М., 2002.
- Золотое сказание 2005 — Золотое сказание / Пер. Г. С. Гороховой, А. Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 19–61.
- Ибрагимов 1988 — Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.

- Игнатъев 2013 — [Указ о разрешении жениться сыну Абулхаир-хана] // Игнатъев Р. Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Сост. М. И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа, 2013. С. 358–359.
- Идегей 1990 — Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990.
- Илтгэл шаштир 2007 — Зарлигаар тогтоосон гадаад монгол, хотон аймгийн ван гүргүүдийн илтгэл шаштир / Ред. А. Очир. Улаанбаатар, 2007.
- Исламизация 2008 — Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традиции / Отв. ред. А. Муминов, А. фон Кюгельген, Д. ДеУис, М. Кемпер. Т. 2. Генеалогические грамоты и сакральные семейства: насаб-нама и группы ходжей, связанных с сакральным сказанием об Исхак Бабе в XIX–XXI веках. Алматы, 2008.
- История 1999 — История Эрдэни-дзу / Пер., введ., коммент и прил. А. Д. Цендиной. М., 1999.
- История 2002 — История Букеевского ханства. 1801–1852: Сб. документов и материалов. Алматы, 2002.
- История 2006 — История Казахстана в персидских источниках. Т. IV: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным / Подг. нов. изд., введ., пер., коммент. М. Х. Абусеитовой, Ж. М. Тулибаевой. Алматы, 2006.
- Их Цааз 1981 — Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / Пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1981.
- Йазди 2008 — *Шараф ад-Дин Али Йазди*. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент, 2008.
- Кайдарова, Ускенбай 2004 — *Кайдарова А. А.-А., Ускенбай К. З.* Ибн Халдун о пребывании Урус-хана в золотоордынском Поволжье в 70-е гг. XIV века // Вопросы истории Казахстана. Вып. V. Алматы, 2004. С. 74–84.
- Карпини 1997 — *Джованни дель Плано Карпини*. История монголов / Пер. А. И. Малейна, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 28–85.
- Карши 2005 — *Джамал ал-Карши*. Ал-Мулхакат би-с-сурах / Введ., пер., коммент. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова. Алматы, 2005.

- Китайские документы 1994 — Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы, 1994.
- Князев 2004 — *Князев Н. Н.* Легендарный барон // Легендарный барон: неизвестные страницы Гражданской войны. М., 2004. С. 12–167.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
- Кончина 1911 — Кончина эмира Бухарского // Родина: Ежедневная политическая и общественная газета. СПб, 1911. № 11. С. 3–4.
- Коншин 1900 — *Коншин Н.* Материалы для истории Степного края (Открытие Аягузского округа, Каракиргизская депутация 1824 г. и О заграничных обстоятельствах) // Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 год. Вып. IV. Семипалатинск, 1900. Отд. II. С. 1–117.
- Коншин 1902 — *Коншин Н.* Материалы для истории Степного края: III. О заграничных обстоятельствах. IV. Заметка о киргизских родах и султанах в Каркаралинском крае // Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Вып. VI. Семипалатинск, 1902. Отд. II. С. 1–54.
- Кулешов 1887 — *Кулешов В.* Русское посольство в Кашгар в 1875 году (рассказ очевидца) // Исторический вестник. № 12. 1887. С. 694–708.
- Лессар 2002 — Записка П. М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией (1895 г.) / Подгот. публ. М. А. Чепелкина // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М., 2002. С. 96–126.
- Лубсан Данзан 1973 — *Лубсан Данзан.* Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер., введ., коммент., прим. Н. П. Шастиной. М., 1973.
- Манакиб 2004 — Манакиб-и Дукчи Ишан (Аноним жития Дукчи Ишана — предводителя Андижанского вооруженного восстания 1898 года) / Пер. с араб., введ. и коммент. Б. М. Бабаджанова. Алматы, 2004.
- Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 190–380.
- Материалы 1932 — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVIII вв. //

- Труды историко-археографического института и института Востоковедения. Материалы по истории СССР. Вып. 3. Л., 1932.
- Материалы 1960 — Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Алма-Ата, 1960.
- Материалы 1996 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. М., 1996.
- Материалы 2000 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. М., 2000.
- Материалы 2002 — Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н. Ф. Демидова. Уфа, 2002.
- Международные отношения 1989а — Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 1. М., 1989.
- Международные отношения 1989б — Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989.
- МИКК 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т. 1. М., 1973.
- МИКХ 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.
- Мирза Хайдар 1996 — *Мирза Мухаммад Хайдар*. Тарих-и Рашиди / Пер. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой. Ташкент, 1996.
- МИТТ 1938 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. XVI–XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники / Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова. М.; Л., 1938.
- Монгольские источники 1986 — Монгольские источники о Даянхане / Введ., вступ. ст., коммент. Г. С. Гороховой. М., 1986.
- Муизз 2006 — История Казахстана в персидских источниках. Т. III: Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. с перс., пред., прим. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006.
- Мункуев 1965 — *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. Перевод и исследование. М., 1965.
- Мунши 1956 — *Мухаммед Юсуф Мунши*. Муким-ханская история / Пер., пред., коммент. А. А. Семенова. Ташкент, 1956.

- Муравьев 1822 — Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. Ч. II. М., 1822.
- Мэн-гу-ю-му-цзи 1895 — Мэнь-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Пер. с кит. П. С. Попова. СПб, 1895.
- Натанзи 2007 — Из «Мунтахаб ат-таварих» Му'ин ад-Дина Натанзи / пер. А. Х. Зияева // История Казахстана в персидских источниках. Т. V. Извлечения из сочинений XIII–XIX вв. Алматы, 2007. С. 47–84.
- Негри 1844 — [Негри А.] Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 379–392.
- Нестеров 1900 — Нестеров А. Д. Хвалебная песнь Дос-Ходжи в честь султана Кенисары Касымова // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVI. Вып. I. Казань, 1900. С. 38–57.
- Образование 1927 — Образование Киргизской автономной ССР. Материалы и документы. Фрунзе, 1927.
- Оссендовский 1994 — Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги / Пер. с англ. В. Бернацкой. М., 1994.
- Пагсам-джонсан 1991 — Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / Пер. с тибет., пред., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск, 1991.
- Палладий 1866 — Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб, 1866. С. 1–260.
- Памятники 1884 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб, 1884.
- Пантусов 1901 — Пантусов Н. Н. Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа. Вып. 6: Стихотворения о Якуб-беке, государе Кашгарии и о событиях его времени. Казань, 1901.
- Патканов 1873 — [Патканов К. П.] История монголов по армянским источникам. Вып. I. СПб, 1873.
- Перемышльский 2002 — [Перемышльский. Письмо] Манапу Дикокаменной орды Урману Ниязбекову // Ормон хан в научных

- трудах и архивных материалах: Сб. материалов / Сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек, 2002. С. 79–80.
- Петровский 2010 — *Петровский Н. Ф.* Туркестанские письма. М., 2010.
- ПЛДР 1982 — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.
- Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 г. СПб, 1896.
- Поппе 1941 — *Поппе Н. Н.* Квадратная письменность. М.; Л., 1941.
- Посольская книга 1984 — Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1489–1508 гг.). М., 1984.
- Посольские книги 1995 — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
- Посольские книги 2003 — Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. Сборник / Сост. Н. Рогожин, М. Батмаев. Элиста, 2003.
- Посольские книги 2006 — Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. / Подгот. текста В. В. Трепавлова, Д. А. Мустафиной. Казань, 2006.
- ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ 1987 — Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987.
- ПСРЛ 2000а — Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСРЛ 2000б — Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСРЛ 2000в — Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- Рашид ад-Дин 1946 — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса; ред. А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л., 1946.
- Рашид ад-Дин 1952а — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952.

- Рашид ад-Дин 19526 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952.
- Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского; примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова; ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960.
- Ремезовская 2005 — Ремезовская летопись по Мировичеву списку / История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. II. Алматы, 2005. С. 225–266.
- Рерих 1982 — *Рерих Ю. Н.* По тропам Срединной Азии / Пер. с англ. Н. Н. Зелинского. Хабаровск, 1982.
- Ресалэ 1940 — Ресалэ-и-Якуби (Воспоминания о Якуб-беке кашгарском Камиль-хана-ишана) / Пер. И. Первышева // Историк-марксист. № 3 (73). 1940. С. 127–136.
- Русско-монгольские 1959 — Русско-монгольские отношения 1607–1636. М., 1959.
- Сами 1962 — *Мирза Абдал’Азим Сами*. Та’рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей) / Пред., пер., прим. Л. М. Епифановой. М., 1962.
- Сеид-Абдул-Ахат-Хан 1893 — Сеид-Абдул-Ахат-Хан, эмир Бухарский // Нива. 1893. № 1. С. 19–24.
- Систан, 2000 — *Малик Шах-Хусайн Систани*. Тарих-и ихйа ал-мулук («Хроника воскрешения царей») / Пер., пред, коммент. Л. П. Смирновой. М., 2000.
- Сказание 1970 — Сказание о Ташкенте / Пер. О. Д. Чехович // Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970. С. 172–177.
- Скржинская 1971 — *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. М., 1971.
- СМИЗО 1884 — *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб, 1884.
- СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.
- Тали 1959 — *Абдурахман-и Тали’*. История Абулфейз-хана / Пер. А. А. Семенова. Ташкент, 1959.
- Тарих 1997 — Тарих-и Бадахшан («История Бадахшана») / Изд. текста, пер. с перс. А. Н. Болдырева при уч. С. Е. Григорьева, введ.

- А. Н. Болдырева и С. Е. Григорьева, прим. и прил. С. Е. Григорьева. М., 1997.
- Тимковский 1824 — *Тимковский Е.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1. СПб, 1824.
- Торновский 2004 — *Торновский В. Г.* События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания) // *Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны.* М., 2004. С. 168–323.
- Успенский 1987 — *Успенский В. Л.* «Илэтхэл шастир» о происхождении монгольских и ойратских княжеских родов // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки.* Вып. 10. 1987. С. 148–165.
- Устав 1830 — *Устав о сибирских киргизах* // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. № 29127. С. 417–433.
- Утвержденное мнение 2005 — *Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем* // *Казактын ата зандары. Древний мир права казахов.* Т. V. Алматы, 2005. С. 361–366.
- Утемиш-хаджи 1992 — *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.
- Фасих 1980 — *Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи.* Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980.
- Халим Гирай 2004 — *Халим Гирай Султан.* Розовый куст ханов, или История Крыма / Перел. А. Ильми; пер. и поясн. К. Усеинова. Симферополь, 2004.
- Ханыков 1849 — *Ханыков Я. В.* Очерк состояния Внутренней киргизской Орды в 1841 г. // *Известия Императорского Русского географического общества.* 1849. Кн. 1–2. С. 27–60.
- Ханыков 1851 — *Ханыков Я.* Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году // *Вестник Императорского русского географического общества на 1851 год.* Ч. I. Кн. 1. География историческая. Т. VI. 1851. С. 1–52.
- Хафиз Абру 2011 — *Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи).* Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., предкоммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань, 2011.

- Хафиз-и Таныш 1983 — *Хафиз-и Таныш Бухари*. Шараф-наме-йи шахи («Книга шахской славы»). Ч. 1 / Пер. М. А. Салахетдиновой. М., 1983.
- Холмогоров 1860 — [*Холмогоров*]. История Сербедаров (из V тома общей истории Мирхонда «Раузатуссафа») // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1860. Кн. IV. Казань, 1860. С. 1–52.
- Храпачевский 2009 — Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., введ. ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.
- Хронограф 2005 — Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005.
- Цааджин бичиг 1998 — Цааджин бичиг. Цинское законодательство для монголов 1627–1694 / Введ., пер. и коммент. С. Д. Дылыкова. М., 1998.
- ЦГА РУз — ЦГА РУз. Ф. И-1. Канцелярия Русского Политического Агентства (Бухара). Электронная версия с сайта “Zerrspiegel”: <https://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>.
- Цинская империя 1989a — Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. Ч. 2. Алма-Ата, 1989.
- Цинская империя 1989б — Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в. Ч. 2. Алма-Ата, 1989.
- Цыбиков 1991a — *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск, 1991.
- Цыбиков 1991б — *Цыбиков Г. Ц.* Дневник поездки в Китай в 1909 г. // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск, 1991. С. 113–121.
- Чуан 2010 — *Чуан Хэн*. Тогонтомор ханы цадиг. Улаанбаатар, 2010.
- Чурас 1976 — *Шах-Махмуд Чурас*. Хроника / Пер., коммент., исслед. О. Ф. Акимушкина. М., 1976.
- Шара Туджи 1957 — Шара Туджи. Монгольская летопись XVII в. / Пер., вступ. ст., коммент. Н. П. Шастиной М.; Л., 1957.
- Шараф-хан 1976 — *Шараф-хан Бидлиси*. Шараф-наме. Т. II / Пер., пред., прим. и прил. Е. И. Васильевой. М., 1976.
- Штейнберг 1938 — [*Штейнберг Е.*] Андиганское восстание 1898 г. // Красный архив. № 3 (88). 1938. С. 123–181.

- Эрдэнипэл 2005 — *Эрдэнипэл*. Конечная причина религий в Монголии / Пер. Ринчена и Самбу // История в трудах ученых лам, М., 2005. С. 155–247.
- Ювачев 1907 — *Ювачев И.* Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая // Исторический вестник. № 12. 1907. С. 954–980.
- Юдин 1987 — *Юдин В. П.* Анонимное тюркоязычное сочинение второй половины XVI в. из Восточного Туркестана «Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф» (историко-источниковедческое введение, перевод, комментарий) // Вопросы истории и культуры уйгуров. Алма-Ата, 1987. С. 4–40.
- Юдин 1988 — *Юдин В. П.* «Тарих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана. Алма-Ата, 1988. С. 201–221.
- Chavannes 1908 — *Chavannes E.* Inscriptions et pieces de chancellery chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser II. Leide. Vol. 9, 1908. P. 295–428.
- Diluv Khutagt 2009 — The Diluv Khutagt of Mongolia: Political Memoirs and Autobiography of a Buddhist Reincarnation. Ulaanbaatar, 2009.
- Erkinov 2009 — *Erkinov A. S.* The Andijan Uprising of 1898 and its leader Dukchi-ishan described by contemporary Poets // TIAS Central Eurasian Research Series. No. 3. Tokyo, 2009.
- Forsyth 1875 — *Forsyth T. D.* Report of a mission to Yarkund in 1873. Calcutta, 1875.
- Hayward 1870 — *Hayward G.W.* Journey from Leh to Yarkand and Kashgar, and Exploration of the Sources of the Yarkand River // Journal of the Royal Geographical Society of London. Vol. 40. 1870. P. 33–166.
- Ibn Battuta 1855 — Voyages d'Ibn Batoutah. T. III / Trad. par C. Defremery et B.R. Sanguinetti. Paris, 1855.
- Imbault-Huart 1895 — *Imbault-Huart C.* Recit officiel de la Conquete du Turkistand par les Chinois (1759–1760) // Bulletin de géographie historique et descriptive. 1895. P. 87–119.
- Juvaini 1997 — *Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997.
- Kashghari 1897 — The History of the Khojas of Eastern Turkestan / Summarized form Tazkira-i-Khwajagan of Muhammad Sadiq

- Kashghari by R. B. Shaw // Supplement to the Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. LXVI. P. I. 1897.
- Munis, Agahi 1999 — *Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi*. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. By Yu. Bregel. Leiden; Boston; Kuln, 1999.
- Noda, Onuma 2010 — *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // TIAS Central Eurasian Research Series. Special Issue 1. Tokyo, 2010.
- Schuyler 1876 — *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. I. London, 1876.
- Schuyler 1877 — *Schuyler E.* Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. Vol. II. London, 1877.
- Shajrat 1838 — Shajrat ul atrak, or Genealogical tree of Turcs and Tatars / transl. and abridged by Col. Miles. London, 1838.
- Shaw 1869–1870 — *Shaw R. B.* A Visit to Yarkand and Kashgar // Proceedings of the Royal Geographical Society of London. Vol. 14. No. 2. 1869–1870. P. 124–137.
- Trotter 1878 — *Trotter H.* On the Geographical Results of the Mission to Kashghar, under Sir T. Douglas Forsyth in 1873–74 // Journal of the Royal Geographical Society of London. Vol. 48. 1878. P. 173–234.
- Wassaf 1856 — *Geschichte Wassaf's / Pers. heraus. und Deutsch uber. von J. Hammer-Purgstall.* Bd. I. Wien, 1856.

II. Литература

(монографии, статьи, научно-популярные издания)

- Абдилдабекова 2009 — *Абдилдабекова А.М.* Почему была табуирована история восстания Кенесары Касымова в советское время? // Вестник Челябинского университета. № 12 (150). 2009. История. Вып. 31. С. 138–144.
- Абдулаева 2009 — *Абдулаева Г.* Фиаско Мамая и триумф Тохтамыша // Татарский мир. 2009. № 2 (6301). С. 12.
- Абрамзон 2002 — *Абрамзон С.* У истоков манапства (экспедиционные очерки) // Ормон хан в научных трудах и архивных материалах: Сб. материалов / Сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек, 2002. С. 20–27.
- Абуев 2012 — *Абуев К. К.* Хан Абылай: выдающийся государственный деятель, полководец, дипломат // История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта десятилетней «Отан тарихы» / «История Отечества»: Материалы

- международной научно-практической конференции. Алматы, 19 апреля 2012 г. Алматы, 2012. С. 112–120.
- Абусейтова 1985 — *Абусейтова М. Х.* Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985.
- Абусейтова, Баранова 2001 — *Абусейтова М. Х., Баранова Ю. Г.* Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. Алматы, 2001.
- Азимджанова 1957 — *Азимджанова С.* К истории Ферганы второй половины XV в. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.
- Акимбеков 2011 — *Акимбеков С.* История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. Алматы, 2011.
- Акимушкин 1976 — *Акимушкин О. Ф.* Введение в изучение памятника // Шах-Махмуд Чурас. Хроника / Пер., коммент., исслед. О. Ф. Акимушкина. М., 1976. С. 23–146.
- Акимушкин 2001 — *Акимушкин О. Ф.* «Тарих-и Кашгар»: источниковедческий и историографический анализ // Тарих-и Кашгар / Изд. текста, введ. и указ. О. Ф. Акимушкина. СПб, 2001. С. 7–30.
- Акимушкин 2004 — *Акимушкин О. Ф.* Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимурхана) // Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран. Культура. История. Филология. СПб, 2004. С. 257–269.
- Акманов 1993 — *Акманов И. Г.* Башкирские восстания XVII — начала XVIII вв. Уфа, 1993.
- Алексеев 1914 — *Алексеев В. А.* Шагин-Гирей, последний хан крымский // Наша старина. 1914. Май. С. 440–453.
- Алексеев 2006 — *Алексеев А. К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб, 2006.
- Алексеев 2008 — *Алексеев А. К.* Йаса и ислам: особая модель функционирования административно-правовых институтов ханств Мавераннахра // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова. СПб, 2008. С. 37–46.
- Аманжолова 2000 — *Аманжолова Ш.* Повелел император: «Золотую саблю за храбрость!» // Аргументы и факты — Казахстан. 2000. № 47. С. 19.
- Аннаоразов 2013 — *Аннаоразов Дж.* Восстание туркменских кочевников в 1931 г. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 36–53.
- Арсланова 2004 — *Арсланова А. А.* Причины войн Улуса Джучи с хулагуидским Ираном // Нижнее Поволжье и Исламская

- Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2004. Электронная версия на сайте СГУ: <http://www.sgu.ru>.
- Артамонов 1962 — *Артамонов М. И.* История хазар. М., 1962.
- Артыкбаев 1993 — *Артыкбаев Ж. О.* Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда, 1993.
- Асфендиаров 1936 — *Асфендиаров С. Д.* Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата; М., 1936.
- Атдаев 2010 — *Атдаев С. Д.* Туркмены Хивинского ханства в XVIII веке. Казань, 2010.
- Ахмадов 2002 — *Ахмадов Ш. Б.* Чечня и Ингушетия в XVIII — начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII — начале XIX века). Элиста, 2002.
- Ахмедов 1982 — *Ахмедов Б. А.* История Балха (XVI — первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982.
- Ахмедов 1985 — *Ахмедов Б. А.* Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985.
- Ахмедов 1994 — *Ахмедов Б. А.* О времени и обстоятельствах смены на рубеже XVI–XVII вв. династии Шейбанидов Аштарханидами // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994. С. 161–171.
- Аюшеева 2006 — *Аюшеева М. В.* Мэргэн-Гэгэн Лубсандамбижалцан (1717–1766) и его письменное наследие в истории культуры монголов. Дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006.
- Аякова 2004 — *Аякова Ж. А.* Социально-философские аспекты буддизма Бурятии: Дисс. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2004.
- Баабар 2010 — *Баабар.* История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань, 2010.
- Бабаджанов 2009 — *Бабаджанов Б.* Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*.- 2009. № 2. С. 155–200.
- Бабаджанов 2010 — *Бабаджанов Б. М.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент, 2010.
- Баганова 2010 — *Баганова М.* Самозванцы. Главные аферы всемирной истории. Лжегерои. Лжезлодеи. Лжемудрецы. М., 2010.
- Базарова 2006 — *Базарова Б. З.* Монгольские летописи — памятники культуры. М., 2006.

- Базилевич 1948 — *Базилевич К. В.* Ярлык Ахмед-хана Ивану III. Вестник Московского университета. 1948. № 1. С. 29–46.
- Байхожаев — *Байхожаев А.* Судьба правителей двух родов в свете русско-хивинской политики в 40–60 гг. XIX в. (к вопросу о гибели Жанхожи Нурмухаммедова). Электронная публикация с сайта Библиотеки Южно-казахстанского университета: <http://lib.kazsu.kz/ctlgls>.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. I. М., 2001.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва и Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. IV. М., 2002.
- Банзаров 1891 — *Банзаров Д.* Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана // Черная вера, или Шаманство у монголов и другие статьи Доржи Банзарова / Под ред. Г. Н. Потанина. СПб, 1891. С. 88–105.
- Бартольд 1943 — *Бартольд В. В.* Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.
- Бартольд 1963а — *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 167–432.
- Бартольд 1963б — *Бартольд В. В.* Очерк истории туркменского народа // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 547–624.
- Бартольд 1963в — *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1963.
- Бартольд 1965а — *Бартольд В. В.* Бадахшан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 343–347.
- Бартольд 1965б — *Бартольд В. В.* Хорезм // Бартольд В. В. Сочинения. Т. III. М., 1965. С. 544–552.
- Бартольд 1966 — *Бартольд В. В.* Халиф и султан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. М., 1966. С. 15–78.
- Бартольд 2002а — *Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 17–192.
- Бартольд 2002б — *Бартольд В. В.* Дуглат (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 529–533.

- Бартольд 2002в — *Бартольд В. В.* Калга (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 537.
- Бартольд 2002г — *Бартольд В. В.* Коканд // Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М., 2002. С. 462–466.
- Барфилд 2009 — *Барфилд Т.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.) / Пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб, 2009.
- Бейсембиев 1985 — *Бейсембиев Т. К.* Духовенство в политической жизни Кокандского ханства в XVIII–XIX веках (по некоторым сочинениям кокандской историографии) // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 37–46.
- Бейсембиев 1987 — *Бейсембиев Т. К.* «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата, 1987.
- Бейсембиев 2004а — *Бейсембиев Т. К.* Возрождение чагатайской государственной идеи в Мавераннахре (конец XVIII — начало XIX вв.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 97–114.
- Бейсембиев 2004б — *Бейсембиев Т. К.* Высшая администрация Ташкента и юга Казахстана в период Кокандского ханства: 1809–1865 (просопографический обзор по кокандским хроникам) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 291–313.
- Бейсембиев 2007 — *Бейсембиев Т. К.* Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 77–94.
- Бейсембиев 2009 — *Бейсембиев Т. К.* Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы, 2009.
- Бекмаханов 1992 — *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата, 1992.
- Беляев, Настич — *Беляев В. А., Настич В. Н.* Медные пулы Джунгарского ханства XVIII в. // Электронная публикация с сайта Zeno.ru.

- Беляков 2011 — *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.
- Беляков 2012 — *Беляков А. В.* Чингисиды в России XV–XVII веков. Лишние люди? // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 181–186.
- Беннигсен, Лемерсье-Келькеже 2009 — *Беннигсен А., Лемерсье-Келькеже Ш.* Московия, Османская империя и кризис наследования ханской власти в Крыму в 1577–1588 гг. Кочевническая традиция против модели оседлых монархий // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сб. статей. Казань, 2009. С. 220–254.
- Бенсон 2005 — *Бенсон Л.* Осман батыр: золотая легенда казахов // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 3. Алматы, 2005. С. 136–178.
- Биккинин 2004 — *Биккинин И.* Татарская аристократия темниковского княжества и ее потомки // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань, 2004. С. 292–308.
- Билигсайхан 2008 — *Билигсайхан Ч.* Монгольские беллетризированные исторические сочинения // *Altaica* XIII. М., 2008. С. 13–26.
- Бира 1978 — *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М., 1978.
- Бичурин 1829 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Пер. с кит. Ч. I–II. СПб, 1829.
- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991.
- Бобров, Худяков 2010 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Огнестрельное оружие в войсках Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. Алматы, 2010. С. 204–218.
- Большой атлас 2008 — Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А. Ш. Бимендиев; гл. ред. колл.: К. М. Байпаков (пред.) и др.; науч. редактор К. З. Ускенбай. Алматы, 2008.

- Валиханов 1985б — *Валиханов Ч. Ч.* Аблай // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985. С. 111–116.
- Валиханов 1985в — *Валиханов Ч. Ч.* Шуна-батыр (авантюрист XVIII ст.) // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985. С. 8–13.
- Валиханов 1986б — *Валиханов Ч. Ч.* Киргизское родословие // Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения. М., 1986. С. 251–265.
- Валиханов 2004 — *Валиханов Э.* Кенесары. М., 2004.
- Васильев 2007 — *Васильев А. Д.* Взаимоотношения Османской империи и государства Якуб-бека Кашгарского // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2007. № 2. С. 13–23.
- Васильев 2014 — *Васильев А. Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX вв.). М., 2014.
- Вернадский 2000 — *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.
- Вершинин 1998 — *Вершинин Е.* Неверность «бродячих царевичей». Зауральское степное пограничье в XVII веке // Родина. 1998. № 1. С. 60–63.
- Веселовский 1877 — *Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб, 1877.
- Веселовский 1922 — *Веселовский Н. И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922 (Записки Российской академии наук. Сер. VIII. Т. XIII).
- Владимирцов 2002а — *Владимирцов Б. Я.* Монгольское *ongniyud* — феодальный термин и племенное название // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 289–294.
- Владимирцов 2002б — *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 295–488.
- Вяткин 1947 — *Вяткин М. П.* Батыр Срым. М.; Л., 1947.
- Гаев 2002 — *Гаев А. Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М., 2002. С. 9–55.
- Гайворонский 2003 — *Гайворонский А.* Созвездие Гераев. Симферополь, 2003.

- Гайворонский 2004 — *Гайворонский О.* Страна Крым. Крымское ханство в лицах и событиях. Кн. 1. Симферополь, 2004.
- Гайворонский 2007 — *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.
- Гайворонский 2009 — *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Т. II: Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев; Бахчисарай, 2009.
- Гарбузарова 2009 — *Гарбузарова Е. Г.* Восточный Туркестан в спектре геополитических интересов России и Великобритании в XIX в. // *AUCA Academic Review.* 2009. P. 55–63.
- Гатин 2011 — *Гатин М. С.* Сведения письменных источников по вопросу употребления алкогольных напитков номадами Золотой Орды в доисламский период // *Золотоордынское наследие.* Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 90–96.
- Гафуров 1987 — *Гафуров А.* Имя и история. М., 1987.
- Глушаков 2003 — *Глушаков А. Ю.* Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX — I половины XV вв.: Историко-правовое исследование. Автореф. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003.
- Гончаров 1997 — *Гончаров Е. Ю.* Медные монеты XIV в. города Хаджи-Тархан // *Восточное историческое источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины.* Вып. 5. М., 1997. С. 177–188.
- Гончаров 2005 — *Гончаров Е. Ю.* Монетные дворы Улуса Джучидов // *Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков».* Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005. С. 97–102.
- Горский 1998 — *Горский А. А.* Московско-ордынский конфликт начала 80-х годов XIV века: причины, особенности, результаты // *Отечественная история.* 1998. № 4. С. 15–24.
- Горский 2000 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Горохова 1980 — *Горохова Г. С.* Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII — начало XX вв.). М., 1980.

- Грачев 2005 — *Грачев А. И.* Историко-нумизматический очерк династии Инджуидов (Фарс, XIV в.) // Труды международной нумизматической конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». III МНК — Старый Крым. 3–9 октября 2004. М., 2005. С. 93–98.
- Грачев 2011 — *Грачев А. И.* О «правлении» хана Джанибека в Джурджане // Нумизматика Золотой Орды. Сб. научных статей. Вып. 1. Казань, 2011. С. 94–102.
- Григорьев 1850 — *Григорьев В. В.* Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая. СПб, 1850.
- Григорьев 1978 — *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
- Григорьев 1983 — *Григорьев А. П.* Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. 1983. С. 9–54.
- Григорьев 1985 — *Григорьев А. П.* Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. Вып. 11. 1985. С. 160–182.
- Григорьев 1987 — *Григорьев А. П.* Время написания «ярлыка» Ахмата // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 10. 1987. С. 28–89.
- Григорьев 2004 — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб, 2004.
- Григорьев 2006 — *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Восточная литература, 2006. С. 74–142.
- Григорьев, Григорьев 2002 — *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб, 2002.
- Грум-Гржимайло 1926 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926.
- Грум-Гржимайло 1994 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М., 1994. С. 100–148.
- Гумилев 1992а — *Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. М., 1992.

- Гумилев 1992б — *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
- Гумилев 1995 — *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. М., 1995.
- Гурлянд 1904 — *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань, 1904.
- Гэрэлбадрах 2006 — *Гэрэлбадрах Ж.* Завещал ли Амбагай сделать Хотулу монгольским ханом? // *Altaica XI*. М., 2006. С. 56–61.
- Давидович 1995 — *Давидович Е. А.* О стандартах чистоты и весовых стандартах серебряных монет Тимура и Тимуридов (конец XIV–XV вв.) // *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. Вып. 4. М., 1995. С. 119–152.
- Давлетова 2001 — *Давлетова Г. А.* Восстание? Выступление? К оценке событий 1929 г. в Каракалпакстане // Электронное издание «Международный исторический журнал». № 13. 2001. http://history.machaon.ru/all/number_13/analiti4/index.html.
- Далай 1983 — *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983.
- Далай 2002 — *Далай Ч.* Ойрад монголын тх. Тэргн боть. Улаанбаатар, 2002.
- Джамгерчинов 1950 — *Джамгерчинов Б.* Присоединение Северной Киргизии к России. Дисс. ... докт. ист. наук. Л., 1950.
- Джампеисова 2006 — *Джампеисова Ж.* Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана, 2006.
- Дмитриев 2013 — *Дмитриев С. В.* Член Русского географического общества генерал султан Гази Валиханов: страницы биографии // *Страны и народы Востока*. Вып. XXXIV. М., 2013. С. 311–323.
- Добросмыслов 1900 — *Добросмыслов А. И.* Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. VIII. Оренбург, 1900.
- Добросмыслов 1902 — *Добросмыслов А. И.* Тургайская область (Исторический очерк) // *Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества*. 1902. Вып. 17. С. 255–524.
- Добросмыслов 1912 — *Добросмыслов А. И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.
- Довутов 2006 — *Довутов Д.* Денежное обращение Хатлона (V в. до н. э. — начало XX в. н. э.). Автореф. ... докт. ист. наук. Душанбе, 2006.
- Дружинина 1955 — *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (подготовка и заключение). М., 1955.

- Дугаров 2003 — *Дугаров Р. Н.* Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IV–XIX вв.). Улан-Удэ, 2003.
- Дудин 2013 — *Дудин П. М.* Модель государственности Мэнцзяна: хронология становления // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 7. История. С. 110–115.
- Дудин 2014 — *Дудин П. М.* Монгольская Алашаньская республика как политический проект 1940-х гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2014. № 2. С. 33–42.
- Дудин 2015 — *Дудин П. Н.* Место и роль религии и религиозных институтов в роцессе становления государственности во Внутренней Монголии в 1930–1940-х гг. // Власть. 2015. № 2. С. 137–140.
- Еремин 2010 — *Еремин В. И.* История правовой системы Японии. М., 2010.
- Ерофеева 2001 — *Ерофеева И. В.* Символы казахской государственности (Средневековье и Новое время). Алматы, 2001.
- Ерофеева 2003 — *Ерофеева И. В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. Алматы, 2003.
- Ерофеева 2007 — *Ерофеева И. В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик / 3-е изд., испр. и доп. Алматы, 2007.
- Ерофеева 2010 — *Ерофеева И. В.* История формирования культового комплекса Тамгалытас // Роль кнмадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. Алматы, 2010. С. 490–530.
- Жамгерчинов 2002 — *Жамгерчинов Б.* Киргизы в эпоху Ормон-хана (Из истории феодально-родовых войн киргизов в XIX веке) // Ормон-хан в научных трудах и архивных материалах: Сб. материалов / Сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек, 2002. С. 31–62.
- Зайцев 2006 — *Зайцев И. В.* Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М., 2006.
- Зайцев 2009 — *Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009.
- Зайцев 2010 — *Зайцев И. В.* Крымское ханство: вассалитет или независимость? // Османский мир и османистика: Сб. статей к столетию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973). М., 2010. С. 288–296.

- Закиров 1966 — *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.
- Залесов, 1862 — *Залесов Н.* Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. 1862. № 9. С. 41–92.
- Златкин 1957 — *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
- Златкин 1964 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.
- Зиманов 1960 — *Зиманов С. З.* Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960.
- Зиманов 1981 — *Зиманов С. З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981.
- Ибрагимова 1965 — *Ибрагимова Г. М.* Рукопись Мухаммеда Аляма — источник по истории Синьцзяна // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 1: Материалы межвузовской научной конференции. 25–27 января 1963 г. Л., 1965. С. 50–55.
- Иванов 2003 — *Иванов Н.* История Литовско-русского государства в именах и датах (Держава Гедиминовичей): Историко-генеалогическое исследование обобщение. Кн. 1. СПб, 2003.
- История 1947 — История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской Социалистической революции. Ташкент, 1947.
- История 1954 — История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
- История 1969 — История Самарканда. Т. I. Ташкент, 1969.
- История 1974 — История Каракалпакской АССР. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Ташкент, 1974.
- История 1977 — История Ирана / Отв. ред. М. С. Иванов. М., 1977.
- История 1979 — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. III. Алма-Ата, 1979.
- История 2009 — История татар с древнейших времен. В 7 тт.: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.
- Исхаков 2003 — *Исхаков Д.* Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. // Исхаков Д. Юго-восток Татарстана: проблема изучения этнической истории региона XIV–XVII вв. // лмэт. Альметьевск. Казань, 2003. С. 67–77.

- Исхаков 2009а — *Исхаков Д. М.* Булгарский вилайет накануне образования Казанского ханства: новый взгляд на известные проблемы // Исхаков Д. М. Исторические очерки. Казань, 2009. С. 81–108.
- Исхаков 2009б — *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.
- Исхаков 2010 — *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010.
- Исхаков 2011а — *Исхаков Д. М.* Институт сейидов в Улусе Джучи и поздnezолотооодынских тюрко-татарских государствах. Казань, 2011.
- Исхаков 2011б — *Исхаков Д. М.* Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2011. С. 119–127.
- Исянгулов 2008 — *Исянгулов Ш. Н.* Малоизученные аспекты истории дореволюционного Башкортостана. Уфа, 2008.
- Исянгулов 2011 — *Исянгулов Ш. Н.* Башкиры и кочевые узбеки в XV — начале XVI вв. // Проблемы востоковедения. 2011. № 1. С. 29–33.
- Исянгулов 2012 — *Исянгулов Ш. Н.* Башкирский хан в домонгольский период: ритуал возведения на престол // Вестник Восточной экономико-юридической академии. 2012. № 2. С. 95–101.
- Кавахара 2010 — *Кавахара Я.* «Святые семейства» Маргелана в Кокандском ханстве в XIX в. // *Raх Islamica*. 1 (4) 2010. С. 121–139.
- Кадырбаев 2006 — *Кадырбаев А. Ш.* Ходжи суфийского ордена Накшбандие в Восточном Туркестане накануне и в эпоху маньчжуро-китайского владычества XVII — начало XIX веков // Суфизм в Иране и Центральной Азии: Материалы Международной конференции. 2–3 мая 2006 г., г. Алматы. Алматы, 2006. С. 79–84.
- Камалов 2002 — *Камалов А. К.* Торговые отношения Британской Индии с Восточным Туркестаном в 1920–1930-х гг. // Казахстан — Индия: древность, средневековье и современность. Алматы, 2002. С. 118–123.
- Каполнаш 2011 — *Каполнаш О.* Монгол сурвалж дахь Aisin Giorigийн гарлын тухай домгууд // *Угсаатан судлал*. Б. XX. Улаанбаатар, 2011. Т. 280–285.
- Карабалин — *Карабалин Г.* О малоизвестных страницах из жизни Срыма Датова и его потомков. Электронная публикация с сайта

- Библиотеки Южно-казахстанского университета: <http://lib.kazsu.kz/ctlgs>.
- Караев 1995 — *Караев О. К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995.
- Карамзин 1992 — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IV. М., 1992.
- Каргалов 1984 — *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М., 1984.
- Карпов 2011 — *Карпов С. П.* Доктрина императорской власти в Византии и ее судьба после 1204 г. // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 46–65.
- Каррер д'Анкокс 2010 — *Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. А. А. Пешкова. М., 2010.
- Кастельская 1980 — *Кастельская З. Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980.
- Касымбаев 1997 — *Касымбаев Ж.* Политика Абулхайр-хана в принятии Младшим жузом российского подданства в 30-х годах XVIII века // Изденис/Поиск. 1997. № 5. С. 62–71.
- Кенесарин 1992 — *Кенесарин К.* Султаны Кенесары и Сыздык: Биограф. очерки. Алма-Ата, 1992.
- Кисляков 1945 — *Кисляков Н. А.* История Каратегина, Дарваза и Бадахшана // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945. С. 71–113.
- Кляшторный, Савинов 1994 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб, 1994.
- Кляшторный, Савинов 2005 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб, 2005.
- Кляшторный, Султанов 2000 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб, 2000.
- Кляшторный, Султанов 2009 — *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. От древности к Новому времени / 3-е изд., испр. и доп. СПб, 2009.
- Кожин 2000 — *Кожин В.* Против кого боролся Дмитрий Донской? // Наука и религия. 2000. № 8.
- Козловский 1928 — *Козловский Е.* Красная Армия в Средней Азии. Военно-исторический очерк. Ташкент, 1928.

- Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.
- Команджаев 2002 — *Команджаев Е. А.* Эволюция законодательства у калмыков в XVII–XIX вв. Элиста, 2002.
- Команджаев 2003 — *Команджаев А. Н.* Органы управления и суда в Калмыкии XVIII–XIX вв. Элиста, 2003.
- Корниенко 2011 — *Корниенко А. В.* Загадки истории. Лжеправители. Харьков, 2011.
- Корытов 1902 — *Корытов Н. П.* Самозванец Пулат-хан // Ежегодник Ферганской области. Т. I. Вып. 1902 г. Новый Маргелан, 1902. С. 19–39.
- Костюков 2009 — *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 189–236.
- Крадин 2007 — *Крадин Н. Н.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007.
- Крамаровский 2003 — *Крамаровский М. Г.* Фуджин для мордовского князя // Родина. 2003. № 11. С. 92–94.
- Кругов 2005 — *Кругов М. и др.* Пиар горой, или Сепаратист Маймай. Черновик учебника другой истории России. Глава VI // Новая газета. № 96. 22 декабря 2005. Электронная публикация с сайта издания: www.povayaagazeta.ru.
- Кудрявцев 1951 — *Кудрявцев И. М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. М.; Л., 1951. С. 158–186.
- Кузембайулы, Абиль 2000 — *Кузембайулы А., Абиль Е.* История Республики Казахстан: Учебник для вузов / 5-е изд., перераб. и доп. Астана, 2000.
- Кузнецов 1980 — *Кузнецов В. С.* Амурсана. Новосибирск, 1980.
- Кузнецов 1985 — *Кузнецов В. С.* Нурхаци. Новосибирск, 1985.
- Кузнецов 1987 — *Кузнецов В. С.* От стен Новой столицы до Великой стены. Новосибирск, 1987.
- Кузьмин 2014 — *Кузьмин С. Л.* Легитимация теократической власти и восстановление монгольской государственности в начале XX века // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Статьи участников 3-й Международной научно-практической конференции: Сб. научных трудов. Иркутск; Улан-Батор, 2014. С. 48–67.

- Куропаткин 1879 — *Куропаткин А. Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб, 1879
- Кучкин 1996 — *Кучкин В. А.* Ханы Мамаевой орды // 90 лет Н. А. Баскакову. М., 1996.
- Кычанов 1973 — *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.
- Кычанов 1980 — *Кычанов Е. И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.
- Кычанов 1986 — *Кычанов Е. И.* Абахай. Новосибирск, 1986.
- Кычанов 1997 — *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Кычанов 2010 — *Кычанов Е. И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / 2-е изд., испр. и доп. СПб, 2010.
- Кычанов, Мельниченко 2005 — *Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н.* История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.
- Кюгельген 2004 — *Кюгельген А. фон.* Легитимация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). Алматы, 2004.
- Лакиер 1847 — *Лакиер А.* История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. № 10–11 (отд. оттиск).
- Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
- Лемерсье-Келькеже 2009 — *Лемерсье-Келькеже Ш.* Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей: Отв. ред. И. А. Мустакимов, А. Г. Ситдилов. Казань, 2009. С. 255–271.
- Ломакина 1993 — *Ломакина И.* Голова Джа-ламы. СПб; Улан-Удэ, 1993.
- Лузянин 2003 — *Лузянин С. Г.* Россия — Монголия — Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2003.
- Лунев 2004 — *Лунев Ю. Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004.
- Лэмб 2002 — *Лэмб Г.* Бабур-Тигр. Великий завоеватель Востока / Пер. Л. А. Игоревского. М., 2002.

- Лэн-Пуль 1996 — *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Ташкент; Бишкек, 1996. С. 320–541.
- Мажитов 2007 — *Мажитов С. Ф.* Теоретико-методологические аспекты истории движения Сырыма Датова (1783–1797) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 2. 2007. С. 9–35.
- Маликов 2012 — *Маликов А.* Культура Самарканда в конце XVIII — первой половине XIX в. // Культурно-исторические процессы в Центральной Азии (древности и средневековье). In *memoriam Yugi Zuev*. Алматы, 2012. С. 290–304.
- Марков 1897 — *Марков А.* Каталог джелаиридских монет. СПб, 1897.
- Мартенс 1881 — *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Китай. Историко-политическое исследование. СПб, 1881.
- Маслюженко 2010 — *Маслюженко Д. Н.* Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 9–21.
- Матвеев, Татауров 2012 — *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань, 2012.
- Миллер 1999 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М., 1999.
- Миргалеев 2003 — *Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.
- Моисеев 1983 — *Моисеев В. А.* Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. М., 1983.
- Моисеев 1991 — *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991.
- Моисеев 2000 — *Моисеев В. А.* К истории занятия Кульджинского края русскими и вопрос о его возвращении Китаю в 1870–1871 гг. // Востокovedные исследования на Алтае. Вып. II. Барнаул, 2000. С. 85–94.
- Моисеев 2001a — *Моисеев В. А.* К истории возвращения Кульджинского края Китаю (записка полковника П. П. Матвеева) // Тезисы докладов и сообщений Третьих научных чтений памяти профессора А. П. Бородавкина (1919–1996). Барнаул, 2001. С. 440–441.

- Моисеев 2001б — *Моисеев С. В.* Завоевание Якуб-беком Дунганского союза городов в начале 70-гг. XIX в. и позиция России // Тезисы докладов и сообщений Третьих научных чтений памяти профессора А. П. Бородавкина (1919–1996). Барнаул, 2001. С. 434–440.
- Моисеев 2003а — *Моисеев С. В.* Взаимоотношения России и Уйгурского Государства Йэттишар в 1864–1877 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003.
- Моисеев 2003б — *Моисеев С. В.* Киргизы между Россией и Йэттишаром. 60–70-е гг. XIX в. // Востокovedные исследования на Алтае. Вып. III. Барнаул, 2003. С. 91–99.
- Моисеев 2003в — *Моисеев В. А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.
- Молотова 2013 — *Молотова Э. М.* Мазары святых шайхов-увайсийа // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2013. № 2 (288). С. 36–40.
- Молчанов 2002 — *Молчанов А. А.* Хорезмские монеты Джунаид-хана (1918–1920 гг.) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том 3. М., 2002. С. 236–252.
- Мустакимов 2009а — *Мустакимов И. А.* Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 273–283.
- Мустакимов 2009б — *Мустакимов И. А.* К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 185–189.
- Мухамадиев 1983 — *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
- Мухамадиев 2005 — *Мухамадиев А. Г.* Древние монеты Казани. Казань, 2005.
- Мухтарова 1998 — *Мухтарова Г. Д.* Освободительная борьба казахов // Мысль. 1998. № 5. С. 89–93.
- Мыськов 2008 — *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.
- Мэн 2008 — *Мэн Д.* Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / Пер. В. Федорова. М.; Владимир, 2008.
- Нагель 1997 — *Нагель Т.* Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья / Пер. с нем. Л. И. Ясинской. Ростов-на-Дону, 1997.

- Наливкин 1886 — *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
- Настич 1987 — *Настич В. Н.* Улджайтимур — неизвестный золотоордынский хан // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции. 14–16 октября 1987 г. Л., 1987. С 80–82.
- Ниязатов 2010 — *Ниязатов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб, 2010.
- Новейшая история 1984 — *Новейшая история Китая. 1928–1949.* М., 1984.
- Нурмухамедов, Жданко, Камалов 1971 — *Нурмухамедов М. К., Жданко Т. А., Камалов С. К.* Каракалпаки (краткий очерк истории с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1971.
- Омурбеков 2007 — *Омурбеков Т. Н.* К проблеме изучения роли и места выдающихся личностей в истории народов Центральной Азии // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 2. М., 2007. С. 225–233.
- Пан 2006 — *Пан Т. А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. СПб, 2006.
- Пантусов 1910 — *Пантусов Н.* Город Алмалык и Мазар-Туглук-Тимур-хана // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I-го. М., 1910. С. 161–188.
- Пачкалов 2004 — *Пачкалов А. В.* Новые находки кладов золотоордынских монет // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М., 2004. С. 158–171.
- Пашуто 1956 — *Пашуто В. Т.* Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956.
- Петров 2005 — *Петров П. Н.* Тамги на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. как знаки собственности // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». Саратов–2001, Муром–2003. М., 2005. С. 170–177.
- Петров 2006 — *Петров П. Н.* Бадахшан XIII–XIV вв. под властью монгольских ханов // Записки Восточного Отделения Российского Археологического Общества. Т. II (XXVII). СПб, 2006. С. 496–540.

- Петров 2009 — *Петров П. Н.* Хронология правления ханов в Чагатайском государстве в 1271–1368 гг. (по материалам нумизматических памятников) // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 294–319.
- Петровский 1893 — *Петровский Н. Ф.* Загадочные яркентские монеты // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. VII. СПб, 1893. С. 307–310.
- Петрушевский 1956 — *Петрушевский И. П.* Движение сербедаров в Хорасане // Ученые записки Института востоковедения. Т. XIV. М., 1956. С. 91–162.
- Петрушевский 1977 — *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1977. С. 228–259.
- Пищулина 1977 — *Пищулина К. А.* Юго-восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков (вопросы политической и социально-экономической истории). Алма-Ата, 1977.
- Покотилов 1893 — *Покотилов Д. З.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 гг. (по китайским источникам). СПб, 1893.
- Порсин 2011 — *Порсин А. А.* Политическая деятельность Ногай в Золотой Орде (1262–1301 годы). Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2011.
- Почекаев 2005 — *Почекаев Р. Ю.* Правовое наследие Монгольской империи в государстве Тимуридов (по данным летописей, нумизматического и актового материала) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. М. Беленицкого. (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб, 2005. С. 291–294.
- Почекаев 2006 — *Почекаев Р. Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб, 2006.
- Почекаев 2009а — *Почекаев Р. Ю.* «Вторая империя» монголов: притязания и действительность // Монгол — Оросын тх бичлэг дэх Монголын эзэнт грэн (Эрднэм шинжилгээний хурлын материал) (Монгольская и российская историография Великой Монгольской империи (Сборник научных статей конференции)). Улаанбаатар, 2009. Т. 106–112.
- Почекаев 2009б — *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань-2009.

- Почекаев 2009в — *Почекаев Р. Ю.* Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 1: Правовые системы, действовавшие в Казахском ханстве в конце XVIII — первой четверти XIX вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 1. С. 156–165.
- Почекаев 2010 — *Почекаев Р. Ю.* Мамай. История «антигероя» в истории. СПб, 2010.
- Почекаев 2011 — *Почекаев Р. Ю.* Сибирские Шибаниды в XVII в.: претензии, статус, признание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 100–104.
- Почекаев 2012 — *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды / 2-е изд., испр. и доп. СПб, 2012.
- Почекаев 2013а — *Почекаев Р. Ю.* К вопросу о переходе власти в государствах Чингисидов. Потомки Угедэя как компромиссные фигуры // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. Сборник в честь 70-летия М. Г. Крамаровского. М., 2012. С. 81–94.
- Почекаев 2013б — *Почекаев Р. Ю.* Ч. Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М., 2013. С. 333–342.
- Почекаев 2015а — *Почекаев Р. Ю.* К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 12–18.
- Почекаев 2015б — *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М., 2015.
- Почекаев, Почекаева 2012 — *Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб, 2012.
- Россаби 2009 — *Россаби М.* Золотой век империи монголов / Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб, 2009.
- Россия — Средняя Азия 2011 — *Россия — Средняя Азия.* Т. 1. Политика и ислам в конце XVIII — начале XX. М., 2011.
- Рошин 1999 — *Рошин С. К.* Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М., 1999.
- Ру 2007 — *Ру Ж.-П.* Тамерлан / Пер. с фр. Е. А. Соколова. М., 2007.
- Рычков 1896 — *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896.

- Рязанов 1927 — *Рязанов А. Ф.* Восстание Исатая Тайманова (1836–1838 гг.). Очерки по истории национального движения казахского народа. Ташкент, 1927.
- Рязанов 1928 — *Рязанов А. Ф.* Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928.
- Рязановский 1931 — *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин, 1931.
- Сабитов 2008 — *Сабитов Ж. М.* Генеалогия торе. Астана, 2008.
- Сабитов 2009 — *Сабитов Ж. М.* Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 138–141.
- Сабитов 2011а — *Сабитов Ж.* Башкирские ханы Бачман и Тура // Сибирский сборник. Вып. 1. Казань, 2011. С. 63–69.
- Сабитов 2011б — *Сабитов Ж. М.* Узбек-хан: проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 111–116.
- Савельев 1865 — *Савельев П.* Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джалаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского археологического общества. Т. XII. Вып. I. СПб, 1865. С. 1–326.
- Садалова 2006 — *Садалова Т. М.* Загадки Шуну-батыра. Горно-Алтайск, 2006.
- Садыков 1972 — *Садыков А. С.* Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1972.
- Саидов 2008 — *Саидов А.* Взаимоотношения Джанидов и Сефевидов // Культурные ценности. Международный ежегодник. 2004–2006: Центральная Азия в прошлом и настоящем. СПб, 2008. С. 190–192.
- Сафаргалиев 1960 — *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
- Семенов 1929 — *Семенов А. А.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства // Труды Средне-Азиатского Государственного Университета. Серия II. Orientalia. Вып. 1. Ташкент, 1929.
- Семенов 1954а — *Семенов А. А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего

- времени // *Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии*. Вып. II. Сталинабад, 1954.
- Семенов 1954б — *Семенов А. А.* Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // *Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии*. Вып. I. Сталинабад, 1954. С. 109–150.
- Семенов 1954в — *Семенов А. А.* Шейбани-хан и завоевание империи тимуридов // *Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии*. Вып. I. Сталинабад, 1954. С. 39–83.
- Сень 2009 — *Сень Д. В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009.
- Сенковский 1859 — *Сенковский О.* Историческая мифология монголо-турков // *Сенковский О. Сочинения*. Т. VII. СПб, 1859. С. 3–40.
- Сергеев 2012 — *Сергеев Е. Ю.* Большая игра 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.
- Сидоренко 2000 — *Сидоренко В. А.* Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Вып. VII. Симферополь, 2000. С. 267–288.
- Скрынников 1990 — *Скрынников Р. Г.* Святители и власти. Л., 1990.
- Скрынникова 2005 — *Скрынникова Т. Д.* Монголы и тайджиуты — братья-соперники? // *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. С. 110–126.
- Скрынникова 2013 — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана / 2-е изд., перераб., доп. и испр. СПб, 2013.
- Смирнов 2005а — *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. М., 2005.
- Смирнов 2005б — *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты в XVIII в. до присоединения его к России. М., 2005.
- Соколов 1965 — *Соколов Ю. А.* Ташкент, ташкентцы и Россия. Ташкент, 1965.
- Солощева 2013 — *Солощева М. А.* Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // *Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение и африканистика*. Март 2013. Вып. 1. С. 58–67.

- Стрелкова 1983 — *Стрелкова И. И.* Валиханов. М., 1983.
- Строева 1958 — *Строева Л. В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л., 1958. С. 206–220.
- Сулейменов, Басин 1977 — *Сулейменов Б. С., Басин В. Я.* Восстание 1916 года в Казахстане (причины, характер, движущие силы). Алма-Ата, 1977.
- Султанов 2000 — *Султанов Т. И.* Заказчики исторических книг и воля заказчика (по материалам персидских и тюркских сочинений) // XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Санкт-Петербург. 6–7 апреля 1999 г. СПб, 2000. С. 153–155.
- Султанов 2001 — *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.
- Султанов 2005 — *Султанов Т. И.* Зерцало минувших столетий. СПб, 2005.
- Султанов 2006 — *Султанов Т. И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
- Сыроечковский 1940 — *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. LXI. 1940. С. 3–71.
- Т-ов 1908 — *Т-ов С.* Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. № 5. 1908. С. 659–670.
- Таймасов 2004 — *Таймасов С. У.* К вопросу о происхождении Карасакала // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2004. № 4. С. 67–70.
- Таймасов 2012 — *Таймасов С. У.* Казахские ханы и алдар-кюсюмовское восстание в Башкортостане // История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта десяти томной «Отан тарихы» / «История Отечества»: Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 19 апреля 2012 г. Алматы, 2012. С. 20–22.
- Тепкеев 2011 — *Тепкеев В. Т.* Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. № 2. С. 11–17.
- Терентьев 1906а — *Терентьев М. И.* История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб, 1906.
- Терентьев 1906б — *Терентьев М. И.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб, 1906.

- Тихонов 1948 — *Тихонов Д.* Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане // Советское востоковедение. Вып. V. М.; Л., 1948. С. 155–172.
- Тихонов 1958 — *Тихонов Д.* Некоторые вопросы внутренней политики Якуб-бека // Ученые записки Института востоковедения. Т. XVI. М., 1958. С. 109–137.
- Тоган 2010 — *Тоган А. З. В.* История башкир / Пер. с турецк. А. М. Юлдашбаева; вступ. ст. А. М. Юлдашбаева и И. Тоган. Уфа, 2010.
- Токтоналиев 2002 — *Токтоналиев Ж.* Обзор архивных и других исторических документов XIX века по истории кыргызского народа (в эпоху Ормон хана) // Ормон хан в научных трудах и архивных материалах: Сб. материалов / Сост. Ж. Токтоналиев. Бишкек, 2002. С. 3–19.
- Торопицын 2012 — *Торопицын И. В.* Влияние внешнеполитических факторов на судьбу наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши в 1740-х гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 30–40.
- Трепавлов 1993 — *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Трепавлов 2000 — *Трепавлов В. В.* Бий мангытов, коронованный chief (вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии) // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 356–367.
- Трепавлов 2001 — *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трепавлов 2004 — *Трепавлов В. В.* Тюркские народы Поволжья и Приуралья: от Золотой Орды к Московскому царству (проблема адаптации) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Herausgegeben von Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2004. S. 279–292.
- Трепавлов 2007a — *Трепавлов В. В.* «Белый царь»-Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
- Трепавлов 2007b — *Трепавлов В. В.* Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 319–352.
- Трепавлов 2008 — *Трепавлов В. В.* Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад

- кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 104–113.
- Трепавлов 2009 — *Трепавлов В. В.* [Рец. на:] Ю. М. Юсупов. История Башкортостана XV–XVI веков (социально-политический аспект). Уфа: Гилем, 2009. 192 с. // *Российская история*. 2009. № 5. С. 183–185.
- Трепавлов 2012 — *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.
- Трепавлов 2015а — *Трепавлов В. В.* «Древнее обыкновение» и царская инвеститура. Восшествие на трон вассальных правителей в России XVII — начала XX вв. // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2015. № 4. С. 5–16.
- Трепавлов 2015б — *Трепавлов В. В.* Степные империи Евразии. Монголы и татары. М., 2015.
- Тулибаева 2001 — *Тулибаева Ж. М.* Казахстан и Бухарское ханство в XVIII — первой половине XIX в. Алматы, 2001.
- Туманович 1989 — *Туманович Н. Н.* Герат в XVI–XVIII вв. М., 1989.
- Тухтаметов 1966 — *Тухтаметов Т. Г.* Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент, 1966.
- Тухтаметов 1969 — *Тухтаметов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX — начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969.
- Тухтиев 1989 — *Тухтиев И.* Нумизматические материалы как источник по истории Восточного Туркестана (XVIII — начало XX в.). Автореф. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1989.
- Усеинова 2013 — *Усеинова Г. Р.* Роль А. Н. Букейханова в истории правовой и политической мысли Казахстана // *Известия Национальной академии наук Республики Казахстан*. Серия общественных и гуманитарных наук. 2013. № 5 (291). С. 3–7.
- Ускенбай 2013 — *Ускенбай К. З.* Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII — начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань, 2013.
- Усманов 1947 — *Усманов К.* Уйгурские источники о восстании в Синьцзяне 1864 года // *Вопросы истории*. 1947. № 2. С. 87–89.
- Усманов 1960 — *Усманов А. Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.
- Усманов 1972 — *Усманов М. А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

- Успенский 1880 — *Успенский В. М.* Страна Кукэ-нор или Цин-Хай: с прибавлением краткой истории ойратов и монголов по изгнанию последних из Китая в связи с историей Кукэ-нора // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. VI. СПб, 1880. Отд. 2. С. 57–196.
- Успенский 2011 — *Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб, 2011.
- Успенский 2013 — *Успенский В. Л.* Карьера князя Дондубдорджи как отражение политики династии Цин в отношении Халха-Монголии // XVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. “Традиционализм” и “революционизм” на Востоке». 24–26 апреля 2013 г. СПб, 2013. С. 206–207.
- Успенский 2015 — *Успенский В. Л.* Политика маньчжуров в отношении монголов от провозглашения династии Цин (1636 г.) до падения династии Мин (1643 г.) // Тезисы Международной конференции «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед (посвящается девяностолетию). Санкт-Петербург, 30 сентября — 1 октября 2015 г. СПб, 2015. С. 40.
- Федоров-Давыдов 2003 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
- Федотов 2004 — *Федотов Г. П.* Русская религиозность. Ч. II. Средние века. XIII–XV вв. // Федотов Г. П. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. XI. М., 2004.
- Флетчер 2004 — *Флетчер Дж.* Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 212–253.
- Флоря 2001 — *Флоря Б. Н.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV в. (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 172–196.
- Халиков 1992 — *Халиков А. Х.* 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. —
- Халфин 1956 — *Халфин Н. А.* Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент, 1956.
- Халфин 1974 — *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974.
- Хангалов 2004 — *Хангалов М. Н.* Шоно-батор // Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. III. Улан-Удэ, 2004. С. 59–63

- Харюков 1995 — *Харюков Л. Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. М., 1995.
- Хасанов 1977 — *Хасанов А. Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977.
- Хафизов 2000 — *Хафизов Г. Г.* Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000.
- Хафизова 1995 — *Хафизова К. Ш.* Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1995.
- Хафизова 2005 — *Хафизова К. Ш.* Отношения судтана Алтынсары с цинским правительством (1809–1874) // Методологические и конкретно-исторические проблемы изучения отечественной истории: Касымбаевские чтения. Алматы, 2005. С. 16–21.
- Хейвуд 2001 — *Хейвуд К.* Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 129–145.
- Ходжаев 1979 — *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). М., 1979.
- Ходжаев 1982 — *Ходжаев А.* Захват цинским Китаем Джунгарии и Восточного Туркестана. Борьба против завоевателей // Китай и соседи в Новое и Новейшее время. М., 1982. С. 153–202
- Худяков 2011 — *Худяков Ю. С.* Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). Курган:, 2011. С. 104–109.
- Цендина 1998 — *Цендина А. Д.* Хасар и Чингис в летописях Мэргэнгэгэна и Джамбадорджи // *Mongolica IV*. СПб, 1998. С. 30–35.
- Цендина 2002 — *Цендина А. Д.* ... И страна зовется Тибетом. М., 2002.
- Цендина 2006 — *Цендина А. Д.* Живой бог и хан монголов // Восточная коллекция. Весна 2006. С. 153–158.
- Цендина 2007 — *Цендина А. Д.* Монгольские хроники XVII–XIX веков. Повествовательные традиции. М., 2007.
- Центральная Азия 2008 — *Центральная Азия в составе Российской империи / Отв. ред. С. Н. Абашеев, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова.* М., 2008.
- Чернышев 1990 — *Чернышев А. И.* Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

- Чимитдоржиев 1979 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М., 1979.
- Чимитдоржиев 2002 — *Чимитдоржиев Ш. Б.* Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 2002.
- Чхао 2008 — *Чхао Чху-Ченг.* Распад Монгольской империи. Казань, 2008.
- Шабает 2004 — *Шабает Л. Н.* Клад медных монет Тимура и Тимуридов (конец XIV — начало XVI в.) // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 6. М., 2004. С. 247–260.
- Шахов 1997 — *Шахов Н.* Поход на Хиву // Мысль. 1997. № 2. С. 88–92.
- Ширендыб 1963 — *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX вв. Улан-Батор, 1963.
- Эркинов 2003 — *Эркинов А.* Андиганское восстание и его предводитель в оценках поэтов эпохи // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 111–137.
- Эркинов 2008 — *Эркинов А. С.* Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии «Маджму’а-йи шу’ара-йи Фируз-шахи») // Вестник Международного института центральноазиатских исследований. Вып. 8. 2008. С. 58–65.
- Эркинов 2013 — *Эркинов А.* Рукопись на службе геополитики Кокандского ханства: Мухаббат-нама как дипломатический подарок Умар-хана (1810–1822) султану Махмуду II (1808–1839) // XVII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. “Традиционализм” и “революционизм” на Востоке». 24–26 апреля 2013 г. СПб, 2013. С. 109–110.
- Юдин 1974 — *Юдин В. П.* Об «узурпации» власти в Казахстане во 2-й половине XIV в. беком племени кыйат левого крыла Золотой Орды Тенгиз-Бугой // Материалы итоговой научной конференции профессорско-преподавательского состава КазГУ им. С. М. Кирова. Алма-Ата, 1974. С. 6–7.
- Юдин 1992а — *Юдин В. П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–56.
- Юдин 1992б — *Юдин В. П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (к проблеме восточных письменных источников, степной устной

- историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 57–75.
- Юдин 2001a — *Юдин В. П.* Могулы // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 96–136.
- Юдин 2001б — *Юдин В. П.* Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII вв. // Юдин В. П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 17–71.
- Юзефович 1993 — *Юзефович Л. А.* Самодержец пустыни. Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга. М., 1993.
- Юзефович 1999 — *Юзефович Л. А.* Самые знаменитые самозванцы: Исторические очерки. М., 1999.
- Юсупов 2009 — *Юсупов Ю. М.* История Башкортостана XV–XVI веков. Уфа, 2009.
- Якунин, Кулиев 1952 — *Якунин А. Ф., Кулиев О. К.* Восстание 1916 года в Средней Азии // Вопросы истории. 1952. № 3. С. 33–49.
- Allsen 1987 — *Allsen T.T.* Mongol Imperialism: The Politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987.
- Ayalon 1971 — *Ayalon D.* The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination // *Studia Islamica*. № 33. 1971. P. 97–140.
- Batsaikhan 2009 — *Batsaikhan E.O.* Bogdo Jebtsundamba Khutuktu, the Last King of Mongolia / Transl. by M. Ravjaa. Ulaanbaatar, 2009.
- Biran 1997 — *Biran M.* Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond, 1997.
- Biran 2002 — *Biran M.* The Chagadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin Khan (1331–34) // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 122. No. 4. P. 742–752.
- Boulger 1878 — *Boulger D.Ch.* The life of Yakoob Beg, athalik Ghazi and Badaulet, ameer of Kashgar. London, 1878.
- Bregel 2000 — *Bregel Yu.* The administration of Bukhara under Manghits and some Tashkent manuscripts // *Papers on Inner Asia*. No. 34. Bloomington, 2000.
- Brophy 2011 — *Brophy D.J.* Tending to Unite? The Origins of Uyghur Nationalism. Ph. D. Diss. Cambridge, 2011.
- Chambers 2001 — *Chambers J.* The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. London, 2001.

- Charleux 2011 — *Charleux I.* Kangxi/Engke Amuyulang, un empereur mongol? Sur quelques légendes mongoles et chinoises // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines* / Vol. 42. 2011. P. 1–28.
- Clarke 1880 — *Clarke F. C. H.* Kuldja // *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. New Monthly Ser.* Vol. 2. No. 8. Aug. 1880. P. 489–499.
- Courant 1912 — *Courant M.* L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Lyon, 1912.
- Dale 2004 — *Dale S.F.* The Garden of the Eight Paradises. Babur and the Culture of Empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483–1530). London; Boston, 2004.
- Dardess 1973 — *Dardess J. W.* Conquerors and Confucians: Aspects of Political Change in Late Yuan China. New York, 1973.
- De Weese 1994 — *De Weese D.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, 1994.
- Defremery 1845 — *Defremery C.* Memoire historique sur la destruction de la dynastie des Mozafferiens // *Journal Asiatique. Serie IV.* T. T. V. Paris, 1845. P. 437–468.
- Erskine 1854 — *Erskine W.* A history of India under the two first sovereigns or the House of Taimur, Baber and Humayun. Vol. 1. London, 1854.
- Frähni 1855 — *Frähni Ch. M.* Opusculorum postumorum. Pars prima / Ed. B. Dorn. Petropoli, 1855.
- Frank 1994 — *Frank A.* The Siberian Chronicles and the Taybughid biys of Sibir' // *Papers on Inner Asia*, No. 27. Bloomington, 1994.
- Franke 1978 — *Franke H.* From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty. Munich, 1978.
- Godwin 1967 — *Godwin P. H. B.* Mongol-Manchu relations: A study of political integration. Ph. D. Diss. University of Minnesota, 1967.
- Golden 2007 — *Golden P. B.* Khazar sacral kingship revisited // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* Vol. 60. No. 2. 3. 161–194.
- Grousset 1938 — *Grousset R.* L'Empire des steppes. Paris, 1938.
- Grousset 2000 — *Grousset R.* The Empire of the Steppes: A History of Central Asia. New Brunswick; New Jersey; London, 2000.
- Gulati 2010 — *Gulati G. D.* Central Asia under the Mongols. New Delhi, 2010.

- Halperin 1986 — *Halperin Ch. J.* The Tatar Yoke. Columbus, 1986. P. 165–166.
- Hambis 1969 — *Hambis L.* Documents sur l'histoire des Mongols a l'epoque des Ming. Paris, 1969.
- History 2006 — The Cambridge History of China. Vol. VI. Alien regimes and border states, 907–1368 / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge, 2006.
- History 2009 — The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age / Ed. by N. Do Cosmo, A. J. Frank and P. B. Golden. Cambridge, 2009.
- Honda 1958 — *Honda M.* On the genealogy of the Early Northern Yuan // Ural-Altäische Jahrbucher. B. XXX. H. 3–4. 1958. P. 232–248.
- Howorth 1876–1880 — *Howorth H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. P. I–III. Div. I. London, 1876–1880.
- Jackson 1978 — *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic Journal. Vol. 22. No. 3–4. P. 186–244.
- Jagchid 1999 — *Jagchid S.* The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902–1966. Washington, 1999.
- Kaplonski 1993 — *Kaplonski Chr.* Collective memory and Chigunjav's rebellion // History and Antropology. 1993. Vol. 6. № 2–3. P. 235–259.
- Karpat 1991 — *Karpat K. H.* Yakub Bey's relations with the Ottoman sultans: A reinterpretation // Cahiers du monde russe et soviétique. 1991. Vol. XXXII. № 1. P. 17–32.
- Keenan 1969 — *Keenan E. L.* The yarlik of Ahmed-xan to Iban III: A new reading. A. Study in Leteral Diplomatica and Literary Turcica // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol., XII. 1969. P. 33–47.
- Kiernan 1955 — *Kiernan V. G.* Kashghar and the Politics of Central Asia, 1868–1878 // Cambridge Historical Journal. Vol. 11. No. 3. 1955. P. 317–342.
- Kim 2004 — *Kim Hodong.* Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, 2004.
- Lattimore, 1937 — *Lattimore O.* Inner Mongolia — Chinese, Japanese or Mongol? // Pacific Affairs. Vol. 10. No. 1. Mar., 1937. P. 64–71.
- Lattimore 1962 — *Lattimore O.* The Phantom of Mengkukuo // Lattimore O. Studies in Frontuer History: Collected Papers, 1928–1958. London: Oxfrod University Press, 1962. P. 403–408.

- Lockhart 1938 — *Lockhart L.* Nadir Shah. A Critical Study Based Mainly Upon Contemporary Sources. London, 1938.
- Manz 2007 — *Manz B. F.* Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Melville 1999 — *Melville Ch.* The Fall of Amir Chupan and the Decline of the Ilkhanate, 1327–37: A Decade of Discord in Mongol Iran // Papers on Inner Asia, No. 30. Bloomington, 1999.
- Mernissi 2006 — *Mernissi F.* The Forgotten Queens of Islam / Transl. by M. J. Lakeland. Minnesota, 2006.
- Mirgaliev 2012 — *Mirgaliev I. M.* Dzhuchid-Ilkhanate opposition: reasons // Chinggis Khaan and Globalization. International Academic Conference: Program and Abstracts. November 14–15, 2012, Ulaanbaatar, Mongolia. Ulaanbaatar, 2012. P. 60.
- Miyawaki 1999 — *Miyawaki J.* The Legitimacy of Khanship among the Oyrad (Kalmyk) Tribes in Relation to the Cinggisid Principle // The Mongol Empire and Its Legacy / Ed. by R. Amitai-Preiss & D. O. Morgan. Leiden; Boston, 1999. P. 319–331.
- Morgan 1986 — *Morgan D. O.* The “Great Yasa of Chinggis Khan” and Mongol Law in the Ilkhanate // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLIX. № 1. 1986. P. 163–176.
- Morgan 2005 — *Morgan D.* The “Great Yasa of Chinggis Khan” Revisited // Mongols, Turks and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World / Ed. by R. Amitai and M. Biran. Leyden; Boston, 2005. P. 291–308.
- Morris 1975 — *Morris P.* The Russians in Central Asia, 1870–1887 // The Slavonic and East European Review. Vol. 53. No. 133. Oct. 1975. P. 521–538.
- Newby 1996 — *Newby L.* Xinjiang: In Search of an Identity // Unity and Identity: Local Cultures and Identities in China / Ed. by T. T. Liu and D. Faure. Hong Kong, 1996. P. 67–82.
- Newby 1998 — *Newby L. J.* The Begs of Xinjiang: Between Two Worlds // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 61. No. 2. 1998. P. 278–297.
- Newby 2005 — *Newby L. J.* The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden; Boston, 2005.
- Noda 2011 — *Noda J.* Titles of Kazakh Sultans Bestowed by the Qing Empire: The Case of Sultan Ghubaydulla in 1824 // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. No. 68. 2011. P. 63–94.

- D'Ohsson 1852 — *d'Ohsson C.* Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour-Bey ou Tamerlan. T. I–IV. Amsterdam, 1852.
- Petech 1959 — *Petech L.* The Dalai-Lamas and Regents of Tibet: A Chronological Study // T'oung Pao. 2nd Ser. Vol. 47. Livr. 3/5. 1959. P. 368–394.
- Petech 1966 — *Petech L.* Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao. 2nd ser. Vol. 52. Livr. 4/5. 1966. P. 261–292.
- Rachewiltz 1993 — *Rachewiltz I. de.* Some Reflections on Chinggis Qan's Jasagh // East Asian History. 1993. № 6. P. 91–104.
- Radchenko 2012 — *Radchenko S.* Carving up the Steppes: Borders, Territory and Nationalism in Mongolia, 1943–1949 // Eurasia Border Review. Vol. 3. Special Issue “China's Post-Revolutionary Borders, 1940s–1960s”. Summer 2012. P. 11–31.
- Schamiloglu 1986 — *Schamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Ph. D. Dissertation. Columbia University, 1986.
- Sela 2004 — *Sela R.* Central Asia in the 18th Century: The Age of Introspection. Ph. D. Diss. Indiana University, 2004.
- Sela 2007 — *Sela R.* The “Heavenly Stone” (Kök Tash) of Samarqand: A Rebel's Narrative Transformed // Journal of the Royal Asiatic Society. 3rd Ser. Vol. 17. No. 1. Jan. 2007. P. 21–32.
- Serruys 1959 — *Serruys H.* Mongols Ennobled During The Early Ming // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 22. Dec., 1959. P. 209–260.
- Smith 1970 — *Smith J. Masson, Jr.* The History of the Sarbadar Dynasty 1336–1381 A. D. and its Sources. Hague; Paris, 1970.
- Soni — *Soni S.K.* Looking Back to History: Inner Mongolia under Qing Rule // 蒙藏現況雙月報第十六卷第五期 P. 32–53.
- Soni 2007 — *Soni S. K.* Mongolia and the Mongols: From Mongol Yuan dynasty to Manchu-Qing Overlordship // Монгол судлалын өгүүлүүд. Essays on Mongol studies. Улаанбаатар, 2007. Т. 148–163.
- Soucek 2003 — *Soucek S.* A History of Inner Asia. Cambridge, 2003.
- Subtelny 2007 — *Subtelny M.E.* Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran. Leyden; Boston, 2007.
- Thum 2012a — *Thum R.* Beyond resistance and nationalism: local history and the case of Afaq Khoja // Central Asian Survey. Vol. 31. Iss. 3. 2012. P. 293–310.

- Thum 2012b — *Thum R.* Modular History: Identity Maintenance before Uyghur Nationalism // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 71. Iss. 3. August 2012. P. 627–653.
- Tian 2012 — *Tian H.* Governing Imperial Borders: Insights from the Study of the Implementation of Law in Qing Xinjiang. Ph. D. Diss. Columbia University, 2012.
- Weatherford 2010 — *Weatherford J.* The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire. New York, 2010.
- Wing 2007 — *Wing P.* The Jalayrids and Dynastic state formation in the Mongol Ilkhanate. Vol. I–II. Ph. D. Diss. Chicago University, 2007.
- Zarcone 1996 — *Zarcone T.* Soufis d'Asie centrale au Tibet aux XVIe et XVIIe siècles // *Cahiers d'Asie centrale*. № 1–2. 1996. P. 325–344.

SUMMARY

The book *Usurpers and Impostors in the "Empires of the Steppe": History of the Turkic-Mongol States in Coups d'état, Rebellions and Foreign Invasions* by Roman Pochekaev, professor of National Research University Higher School of Economics devoted to problems of fight for power in the Turkic-Mongol states since the Great Mongol Empire in the middle of the 13th c. to last "traditional" states of Central Asia in the middle of the 20th c. We could say that the history of these states was, in fact the history of usurpations and (to a smaller extent) impostures. Nevertheless, author doesn't tell the "sequential" history of Turkic-Mongol states, but attempts to analyze the most specific or, on the contrary, most typical cases of fight for power.

Cases of usurpations and impostures are described under "geographica" principle. So, the first Chapter devoted to fight for power in the Mongol Empire and Yuan Empire. In the second chapter author characterizes political fight in Chaghaday Ulus. Third chapter is about fight for power in Ilkhanate and its successors (including states which didn't pretend for Chinggisid legacy). In the fourth chapter usurpers and impostors of the Ulus Jochi (the Golden Horde) are described, whereas next, fifth chapter devoted to political fight in states — heirs of the Golden Horde. Special, sixth, chapter is about political processes in Kazakhstan since the 18th to the 20th cc. Political processes in different states of Central Asia are described in the seventh chapter. In the last, eighth, chapter author characterizes fight for power in Mongolian states after the fall of the Yuan Empire.

In spite of different regions, different epochs and different political situation in Turkic and Mongol states (including even religious difference) we could say that a lot of methods and ways to legitimate claims for the throne were common for pretenders in all above-mentioned states. And even in the 20th c. some usurpers used instruments of political fight which were developed during the Middle Ages. This trend allows us to state that political and legal traditions in the Turkic-Mongol World are very long-lived and study of political processes of former times could help to understand better modern political situation in Eurasia.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ D'Ohsson 1852.
- ² Howorth 1876–1880.
- ³ Грумм-Гржимайло 1926.
- ⁴ Grousset 1938. Книга многократно переиздавалась: в 1952, 1965 гг. и т. д. При работе над настоящей книгой использован английский перевод книги [Grousset 2000].
- ⁵ Кляшторный, Савинов 1994 (переиздание — Кляшторный, Савинов 2005).
- ⁶ Хафизова 1995.
- ⁷ Кычанов 1997 (переиздание — Кычанов 2010).
- ⁸ Кляшторный, Султанов 2000 (при написании книги использовано третье издание — Кляшторный, Султанов 2009); Султанов 2001; Султанов 2006.
- ⁹ Крадин 2007.
- ¹⁰ Акимбеков 2011.
- ¹¹ Трепавлов 2015б.
- ¹² History 2009.
- ¹³ Исключение среди вышеупомянутых работ составляет, пожалуй, исследование Т. И. Султанова, в котором специальный раздел посвящен основаниям претензий на власть и признания тех или иных правителей идеальными и, напротив, «одиозными» [Султанов 2006, с. 65–115].
- ¹⁴ Султанов 2006, с. 67.
- ¹⁵ Бартольд 2002а, с. 147; Чхао 2008, с. 90-92; Jackson 1978, р. 193.
- ¹⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 19.
- ¹⁷ БАМРС 2001, с. 429.
- ¹⁸ Трепавлов 1993, с. 97; см. также: Гумилев 1992а, с. 145.
- ¹⁹ Рашид ад-Дин 1952б, с. 274; см. также: Трепавлов 1993, с. 97. В другой части «Сборника летописей» Рашид ад-Дин отмечает, что «юрт, ставки, [имущество], казна, [семья], эмиры, нукеры, гвардия и личное войско Чингиз-хана были в его подчинении [Рашид ад-Дин 1960, с. 107].
- ²⁰ Рашид ад-Дин, 1960 с. 109.
- ²¹ Мункуев 1965, с. 188; см. также: Султанов 2001, с. 41.
- ²² Султанов 2006, с. 39.
- ²³ Рашид ад-Дин 1960, с. 107–108.

²⁴ Интересно, что и сам Угедэй прекрасно осознавал прочное положение Тулуя, и это нашло отражение в его словах, произнесенных на курултае, который все же состоялся в 1228 или 1229 г. Рашид ад-Дин излагает этот сюжет следующим образом: «Согласно завещанию Чингиз-хана, достоинство каана утвердили за Угедей-кааном. Сначала сыновья и царевици единодушно сказали Угедей-каану: “В силу указа Чингиз-хана тебе нужно с божьей помощью душой отдаться царствованию, дабы предводители непокорных были готовы служить [тебе] жизнью и дабы дальние и ближние, тюрки и тазики [все] подчинились и покорились [твоему] приказу”. Угедей-каан сказал: “Хотя приказ Чингиз-хана действует в этом смысле, но есть старшие братья и дяди, в особенности старший (sic! — Р.П.) брат Тулуй-хан достойнее меня, [чтобы] быть облеченным властью и взять на себя это дело; так как по правилу и обычаю монголов младший сын бывает старшим в доме, замещает отца и ведает его юртом и домом, а Улуг-нойон — младший сын великой ставки. Он день и ночь, в урочный и неурочный час находился при отце, слышал и познал порядки и ясу. Как я воссяду на каанство при его жизни и в их присутствии?” Царевици единогласно сказали: “Чингиз-хан из всех сыновей и братьев это великое дело вверил тебе и право вершить его закрепил за тобой: как мы можем допустить изменение и переименование его незыблемого постановления и настоящего приказа?” После убедительных просьб и многих увещеваний Угедей-каан счел необходимым последовать повелению отца и принять указания братьев и дядей и дал согласие» [Рашид ад-Дин 1960, с. 19]. Конечно, отказ Угедэя от предложенного ему трона в значительной степени являлся данью традиции: еще с давних времен монгольские ханы при воцарении должны были вести себя подобным образом, предлагая «более достойные» кандидатуры — так поступал в свое время и сам Чингис-хан, когда ему впервые был предложен ханский титул [Палладий, 1866 с. 93–94; Козин 1941, с. 137, см. также: Грумм-Гржимайло 1926, с. 405–406]. Правда, интересно отметить, что при описании обстоятельств воцарения Тэмуджина — будущего Чингис-хана — автор «Сокровенного сказания» не упоминает, что он отказывался от предлагаемого ему трона. Лишь впоследствии, когда избравшие его родичи изменили ему, откочевав к кераитскому Ван-хану, Тэмуджин через своих послов укорил их, напомнив, что такой отказ имел место и у каждого из них был шанс стать ханом вместо самого Тэмуджина.

²⁵ Обоснованные доводы в пользу фактического соправительства Угедэя как законно избранного хана и Чагатая как главы рода

- и правителя западного крыла империи приводит В. В. Трепавлов [Трепавлов 1993, с. 77–78].
- ²⁶ Бичурин 2005, с. 113; Рашид ад-Дин 1960, с. 21; Храпачевский 2009, с. 164–165, 229.
- ²⁷ Мэн 2008, с. 33; Россаби 2009, с. 37–38.
- ²⁸ Палладий 1866, с. 153–154; Козин 1941, с. 192–193; ср.: Рашид ад-Дин 1960, с. 22–24, 107–110; см. также: Почекаев, Почекаева 2012, с. 60–61. Л. Н. Гумилев считает версию о «героической смерти» Тулуя реальным фактом [Гумилев 1995, с. 124]. Из придворных историков монгольских ханов только Алла ад-Дин Джувеини (1226–1283) отмечает, что Тулуй умер из-за пьянства: в последние годы жизни он слишком активно «предавался круговороту чаш вина с утра и до самого вечера» [Juvaini 1997, р. 549; см. также: Россаби 2009, с. 36, ср.: Мэн 2008, с. 26–27]. Любопытно, что Джувеини писал свою «Историю завоевателя мира» по приказу хана Мунке — сына Тулуя, и тем не менее включил в нее такое сообщение. Вероятно, в глазах Чингизидов пьянство не было столь уж страшным пороком — и в самом деле, многие из представителей «Золотого рода» известны в истории своим пристрастием к алкоголю [см. подробнее: Гатин 2011].
- ²⁹ Ср.: Franke 1978, р. 23–24.
- ³⁰ Зная о позиции Тулуя, нельзя не увидеть некоторого лукавства в вышеприведенном утверждении Рашид ад-Дина о [Рашид ад-Дин 1960, с. 110].
- ³¹ Бира 1978, с. 106.
- ³² См. подробнее: Почекаев, Почекаева, 2012 с. 31–46.
- ³³ Juvaini 1997, р. 244; ср.: Рашид ад-Дин 1960, с. 116–117.
- ³⁴ Родственным связям киятов и тайджуитов посвящено специальное исследование [Скрынникова 2005].
- ³⁵ Гэрэлбадрах 2006, с. 60.
- ³⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 119; Juvaini 1997, р. 255
- ³⁷ Карпини 1997, с. 48.
- ³⁸ См. подробнее: Почекаев 2006, с. 224.
- ³⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 119.
- ⁴⁰ См.: Султанов 2006, с. 88.
- ⁴¹ Juvaini 1997, р. 264
- ⁴² Рашид ад-Дин 1960, с. 122; Juvaini 1997, р. 265.
- ⁴³ Рашид ад-Дин 1960, с. 122; Juvaini 1997, р. 265.
- ⁴⁴ См.: Почекаев, Почекаева 2012, с. 50–51
- ⁴⁵ Juvaini 1997, р. 251; см. также: Бартольд 1963в, с. 553
- ⁴⁶ Согласно позднесредневековой «Истории Эрдэни-дзу», Годан страдал от какой-то кожной болезни под названием «алаг-марья», от

- которой он, впрочем, позднее излечился, якобы проникнувшись идеями буддизма [История, 1999, с. 149].
- 47 Рашид ад-Дин 1960, с. 118–119
- 48 Рашид ад-Дин 1960, с. 131.
- 49 Рашид ад-Дин 1952а, с. 95.
- 50 Рашид ад-Дин 1960, с. 80; см. также: Бартольд 1963в, с. 558; Почекаев 2006, с. 233–234; Allsen 1987, р. 34–38.
- 51 Храпачевский 2009, с. 238.
- 52 См. подробнее: Почекаев, Почекаева 2012, с. 53–56.
- 53 Рашид ад-Дин 1960, с. 160.
- 54 См., напр.: Гумилев 1992а, с. 165–166.
- 55 Рашид ад-Дин 1960, с. 157–163; Эрдэнипэл 2005, с. 189; см. также: История 1954, с. 105; Мэн 2008, с. 119–120; ср.: Чхао 2008, с. 28.
- 56 Гумилев 1992а, с. 165–167; Далай 1983, с. 34 и след.; Хафизов 2000, с. 44; ср.: Россаби 2009, с. 88, 95.
- 57 Султанов 2000.
- 58 В «Алтан Тобчи» Лубсана Дансана Арик-Буга, как и его отец Тулуй, назван «владыкой», т. е. «эзеном» [Лубсан Данзан 1973, с. 244]: этот термин и в современном монгольском языке означает «хозяин дома» [БАМРС 2002, с. 402]. Вместе с тем уже современник Арик-Буги и Хубилая, среднеазиатский автор Джамал ал-Карши (не являвшийся сторонником ни одного из соперников), подчеркивал, что Арик-Буга, остававшийся после Мунке правителем «коренного юрта», «замещал его временно, а не сменил его» [Карши, 2005, с. 123].
- 59 Гумилев 1992а, с. 165; Далай 1983, с. 34–35.
- 60 Рашид ад-Дин 1960, с. 159–160.
- 61 Муизз 2006, с. 28; Рашид ад-Дин 1960, с. 160. В связи с этим представляется некорректным утверждение Л. Н. Гумилева о том, что Хубилая поддержали лишь его воины, да и то преимущественно немонгольского происхождения, тогда как «из Чингизидов... только два принца: Кадан, сын Угедея, и Тогаचार, сын Тэмугэ-отчигина» [Гумилев, 1992а, с. 165].
- 62 См.: Гумилев 1992а, с. 165; ср.: Рашид ад-Дин 1960, с. 158.
- 63 Рашид ад-Дин 1960, с. 160.
- 64 Закиров 1966, с. 10–11; Мэн 2008, с. 121; Chambers 2001, р. 156; ср.: Арсланова 2004; Mirgaliev 2012.
- 65 Мухамадиев 1983, с. 49; Хафизов 2000, с. 20. Историк-нумизмат П. Н. Петров, обратив внимание, что золотоордынские монеты с именами Мунке и Арик-Буги чеканились только в Булгаре, высказал интересное и небезосновательное предположение о том, что Мунке (а вслед за ним — Арик-Буге) принадлежали какие-то

- владения в этом регионе Золотой Орды [Петров 2005, с. 171]. Впрочем, на наш взгляд, тот факт, что Берке признал наследником Мунке именно Арик-Бугу, а не Хубилая, позволяет говорить о поддержке им именно этого великого хана.
- 66 Средневековый арабский автор ал-Муфаддал утверждает, что «Берке оказал помощь Арикбуге, и они (сообща) поразили войско Кубилая» [СМИЗО 1884, с. 188]. Это сообщение, с полным доверием воспринятое, в частности, Е. П. Мыськовым [Мыськов 2003, с. 80], однако не подтверждается другими источниками. Еще Р. Груссе отмечал, что помощь Арик-Буге со стороны Берке не была существенной [Grousset 2000, p. 397].
- 67 Рашид ад-Дин 1960, с. 161; см. также: Бартольд 1963в, с. 573.
- 68 Рашид ад-Дин 1960, с. 167–168; см. также: Бартольд 1963в, с. 575–576.
- 69 Рашид ад-Дин 1960, с. 166.
- 70 См.: Чхао 2008, с. 28.
- 71 Рашид ад-Дин 1960, с. 80.
- 72 Chavannes 1908, p. 368–371.
- 73 Э. Шаванн и А. П. Григорьев вообще переводят титул тайцзы как «наследный принц» [Григорьев 1978, с. 24; Chavannes 1908, p. 369].
- 74 Рашид ад-Дин 1946, с. 71; см. также: Бартольд 1943, с. 54–55; Bigan 1997, p. 26–27. Стоит отметить, впрочем, что основной целью курултая был передел владений и сфер влияния в Средней Азии, в результате чего Чагатайский улус в очередной раз лишился значительной части территорий в пользу Золотой Орды и Хайду [см.: Караев 1995, с. 22–23, 25].
- 75 Bigan. 1997, p. 37.
- 76 Гумилев 1992а, с. 168; Далай 1983, с. 47; Хафизов 2000, с. 22; Grousset 2000, p. 291.
- 77 Например, золотоордынский хан Менгу-Тимур (который и получил ханский титул в Улусе Джучи благодаря инициативе Хайду по созову Таласского курултая 1269 г.) сначала не признал ханского титула Хайду и в первой половине 1270-х гг. демонстрировал всяческую поддержку Хубилаю. Однако когда он убедился, что позиции последнего в Монголии усилились, во второй половине того же десятилетия стал поддерживать Хайду [см. подробнее: Почекаев 2012, с. 63–64].
- 78 Карши 2005, с. 119.
- 79 Juvaini 1997, p. 251.
- 80 Золотое сказание 2005, с. 34; ср.: Лубсан Данзан 1973, с. 240; см. также: Далай 1983, с. 35.
- 81 Рашид ад-Дин 1960, с. 118, 119.

- ⁸² Рашид ад-Дин 1960, с. 141–142; Juvaini 1997, р. 598–599. Часть упомянутых ярлыков (в первую очередь — ярлыки Чингис-хана и Угедэя) в дальнейшем была подтверждена Мунке и его преемниками: еще юаньские императоры в ряде своих жалованных грамот отмечали, что эти акты являются подтверждением привилегий, дарованных Чингис-ханом и Угедэем [см., напр.: Поппе 1941, с. 63–69].
- ⁸³ Wassaf 1856, s. 126; см. также: Караев 1995, с. 20; Morgan 1986, р. 170.
- ⁸⁴ Наиболее подробно эта точка зрения обоснована американским исследователем Д. Морганом [Morgan 1986; Morgan 2005; ср.: Rachewiltz 1993].
- ⁸⁵ Juvaini 1997, р. 25. Д. Морган с иронией отмечает, что нормы Ясы (как законодательства) были недоступны для тех, кто должен был бы их соблюдать, т. е. для подданных монгольских ханов [Morgan 1986, р. 169]. Петербургский востоковед А. К. Алексеев попытался устранить это противоречие, предположив, что Яса поначалу распространялась только на самих Чингизидов, но со временем стала регулировать отношения во всей Монгольской империи и ее улусах [Алексеев 2008, с. 39]. Однако его выводам противоречат, с одной стороны, сведения средневековых авторов о том, что Яса была публично провозглашена на курултае 1206 г. [Рашид ад-Дин 1952б, с. 135], а с другой — утверждение ал-Макризи о том, что еще и в XV в. она была недоступна [см. подробнее: Ayalon 1971, р. 100–105].
- ⁸⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 13.
- ⁸⁷ См. подробнее: Ayalon 1971, р. 157–159.
- ⁸⁸ См., напр.: Карши 2005, с. 123–124; Марко Поло 1997, с. 353 и след.
- ⁸⁹ Согласно Марко Поло, Наян мог выставить до 400 000 воинов [Марко Поло 1997, с. 245], что, конечно же, является преувеличением.
- ⁹⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 193; ср.: Грумм-Гржимайло 1926, с. 498; Далай 1983, с. 49. По мнению П. Джексона, Наян являлся для Хайду таким же конкурентом в борьбе за власть над Монголией, как и Хубилай, и его уничтожение войсками Юань было выгодно потому что Угедэя [см.: History 2009, р. 41].
- ⁹¹ Марко Поло 1997, с. 245; см. также: Караев 1995, с. 28.
- ⁹² Biran 1997, р. 46.
- ⁹³ Акимбеков 2011, с. 313.
- ⁹⁴ Россابي 2009, с. 343. Версия Л. Н. Гумилева о том, что Наян выступил поборником идей христианства против «буддиста» Хубилая [Гумилев 1992а, с. 169], представляется слишком экстравагантной, хотя и основывается на сообщении Марко Поло [Марко Поло 1997.

- с. 248]. Общеизвестна нерелигиозность монгольских правителей — особенно в имперскую эпоху, когда ханы вполне рационально старались не отдавать явного предпочтения ни одной из религий, последователи которых являлись их подданными.
- ⁹⁵ Потомок Угедэя с таким именем в источниках нами не обнаружен — возможно, речь идет о представителе «уруга Кутэна», т. е. семейства Годана, второго сына Угедэя. Этот царевич (союзник Мунке, сына Тулуя, в борьбе за ханский престол) управлял Тибетом, однако после его смерти монгольские ханы взяли этот регион под свое прямое правление, так что недовольство потомков Годана тибетской политикой Хубилая вполне могло привести их в лагерь противника основателя династии Юань.
- ⁹⁶ Грумм-Гржимайло 1926, с. 498; Biran 1997, p. 46; Grousset 2000, p. 293.
- ⁹⁷ Марко Поло 1997, с. 247.
- ⁹⁸ Согласно Рашид ад-Дину, после казни Наяна, «уругом Тогочара» (т. е. родовыми владениями семейства Тогачара, внуком которого был Наян) стал ведать его родственник Токта-Гун [Рашид ад-Дин 1960, с. 185].
- ⁹⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 206.
- ¹⁰⁰ Далай 1983, с. 127.
- ¹⁰¹ Далай 1983, с. 127-128; History 2006, p. 527, 532–533.
- ¹⁰² См., напр.: Рашид ад-Дин 1960, с. 154.
- ¹⁰³ Лубсан Данзан 1973, с. 250.
- ¹⁰⁴ Далай 1983, с. 128.
- ¹⁰⁵ Далай 1983, с. 128; Dardess 1973, p. 20.
- ¹⁰⁶ Далай 1983, с. 128; Чуан 2010, т. 20; History 2006, p. 557.
- ¹⁰⁷ Грумм-Гржимайло 1926, с. 574–575, 580–582; Покотилов 1893, с. 32–33, 46–51. Мы ограничиваемся здесь примером из истории Монгольской империи и династии Юань, хотя потомки Угедэя неоднократно занимали троны и в других государствах Чингизидов [см. подробнее: Почекаев 2013a].
- ¹⁰⁸ См., напр.: Галдан 2012, с. 154. В монгольских источниках фигурирует, впрочем, некий ойратский Гуйлинчи-багатур [Золотое сказание 2005, с. 42; Лубсан Данзан 1973, с. 259–260], однако исследователи не отождествляют его со сходным по имени ханом. По мнению некоторых исследователей, Адай-хан являлся потомком Джучи-Хасара, брата Чингис-хана [Hambis 1969, p. 187].
- ¹⁰⁹ Грумм-Гржимайло 1926, с. 569.
- ¹¹⁰ Бира 1978, с. 160–164
- ¹¹¹ Shajrat 1838, p. 219–220; см. также: Бира 1978, с. 162–164; Honda 1958, p. 247–248.

- ¹¹² Карши 2005, с. 125.
- ¹¹³ См.: Трепавлов 1993, с. 77–78.
- ¹¹⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 119.
- ¹¹⁵ Рашид ад-Дин 1960, с. 97; Бартольд 1943, с. 49. См. также: Почекаев, Почекаева 2012, с. 99.
- ¹¹⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 97; см. также: Бартольд 1943, с. 51–52; Бартольд 1963в, с. 573. Сведения относительно судьбы Абишки в источниках довольно противоречивы. Так, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина несколько раз упоминается о том, что он был схвачен и заточен, а затем казнен [Рашид ад-Дин 1960, с. 90, 97, 160–161], причем даже сообщается, что его убил Асутай, сын хана Мунке [Рашид ад-Дин 1960, с. 166]. Однако в другом месте того же сочинения сообщается, что Абишка находился при дворе великого хана Тэмура — преемника Хубилая (прав. 1295–1307), был уже очень стар и очень уважаем [Рашид ад-Дин 1960, с. 90].
- ¹¹⁷ См. подробнее: Почекаев, Почекаева 2012, с. 100–101.
- ¹¹⁸ Карши 2005, с. 125; Рашид ад-Дин 1960, с. 98.
- ¹¹⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 100.
- ¹²⁰ Бартольд 1943, с. 58–59; Караев 1995, с. 35–36; Виган 1997, р. 75–77.
- ¹²¹ По выражению Джамала ал-Карши, у него были «длинные руки» при заключении договоров, решении проблем, высокая степени в почитании и определении рангов» [Карши 2005, с. 126].
- ¹²² Бартольд 1943, с. 59.
- ¹²³ Бартольд 1943, с. 59–60.
- ¹²⁴ Согласно Хафизу Абру, прежде Кепек и Ясавур были соратниками, но потом будущий хан оговорил царевича перед своим братом Эсен-Бугой, и Ясавуру пришлось бежать в Иран [Хафиз Абру 2011, с. 66].
- ¹²⁵ См.: Хафиз Абру 2011, с. 110–111; Шараф-хан 1976, с. 59.
- ¹²⁶ См. подробнее: Виган 2002.
- ¹²⁷ Ибрагимов 1988, с. 87; Строева 1958, с. 216. Л. В. Строева полагает, что Тармаширин вступил на престол сразу после смерти своего брата Кебека в 1326 г. и уже тогда ревнители кочевых традиций выступили против него, одновременно с ним провозгласив ханом его другого брата Дурра-Тимура. Однако другие исследователи полагают, что Тармаширин пришел к власти уже после смерти упомянутого брата [Караев 1995, с. 41; Петров 2009, с. 304–307]. По версии Муин ад-Дина Натанзи, Тармаширин был убит за то, что «пером наказания стал подписывать имена своих сородичей» [Натанзи 2007, с. 58].
- ¹²⁸ Автор «Му’изз ал-ансаб» приводит следующую генеалогию Данишменда: Данишмандча, сын Хундуна, сына Турджана, сына Малика.

- сына Угедэя [Муизз 2006, с. 60]. Абу-л-Гази-хан называет Данишменда сыном Хайду [Абуль-Гази 1996, с. 89].
- ¹²⁹ Натанзи 2007, с. 60–61; Shajrat 1838, p. 376.
- ¹³⁰ Йазди 2008, с. 34–37; см. также: Нагель 1997, с. 129–130. Стоит отметить, впрочем, что противостояние эмиров Мавераннахра ханам из Могулистана началось еще при жизни отца Ильяс-Ходжи — Тоглук-Тимур-хана, однако ему еще удавалось удерживать власть над обоими улусами.
- ¹³¹ Ибрагимов 1988, с. 87–90; см. также: Грачев 2005, с. 95.
- ¹³² Бартольд, 1943, с. 62; Gulati 2010, p. 63.
- ¹³³ Грачев 2005, с. 95.
- ¹³⁴ Муизз 2006, с. 51.
- ¹³⁵ Абуль-Гази 1996, с. 90–91; Мирза Хайдар 1996, с. 25–26; см. также: Пантусов 1910, с. 177–179; Караев 1995, с. 46–47.
- ¹³⁶ Бартольд 1943, с. 65; Султанов 2006, с. 177–178.
- ¹³⁷ Абуль-Гази 1996, с. 91–92; Мирза Хайдар 1996, с. 27–31.
- ¹³⁸ См., напр.: Soucek 2003, p. 125. Имя Амира Тимура чеканилось на монетах вместе с именами его подставных ханов — Суюргатмыша и Султан-Махмуда, что тем не менее не дает оснований утверждать о его монархических амбициях, поскольку фактическое соправительство хана-Чингизида и его бекляри-бека (амир ал-умара в иранской и среднеазиатской традиции) имело определенное распространение в тюрко-монгольских государствах [см. подробнее: Почекаев 2005, с. 291].
- ¹³⁹ Григорьев 1834, с. 12; Скрынникова 2013, с. 217–218.
- ¹⁴⁰ Артамонов 1962, с. 276, 281; Golden 2007, p. 178, 183, 186.
- ¹⁴¹ См., напр.: Еремин 2010, с. 96–97.
- ¹⁴² СМИЗО 1941, с. 84–85; см. также: Почекаев 2006, с. 56.
- ¹⁴³ Савельев 1865, с. 159–162.
- ¹⁴⁴ Давидович 1995, с. 140; Султанов 2001, с. 98–99; Manz 2007, p. 20.
- ¹⁴⁵ Муизз 2006, с. 133–135.
- ¹⁴⁶ См. подробнее: Бартольд 2002а, с. 171; Subtelny 2007, p. 15–28.
- ¹⁴⁷ Manz 2007, p. 25–26.
- ¹⁴⁸ МИКК 1973, с. 173. Интересно отметить, что Шахрух также провозгласил себя халифом и султаном и, в отличие от отца, официально объявил, что отменяет в своих владениях Ясу Чингис-хана [см.: Бартольд 1966, с. 48; Manz 2007, p. 20, 28].
- ¹⁴⁹ См. подробнее: Почекаев 2013а, с. 89.
- ¹⁵⁰ Мирза Хайдар 1996, с. 107.
- ¹⁵¹ Бабур 1992, с. 59–64; МИКХ 1969, с. 26–27.
- ¹⁵² Бабур 1992, с. 103.
- ¹⁵³ Бабур 1992, с. 132, 220.

- ¹⁵⁴ Например, Али-пад(и)шах из племени ойрат — фактический правитель при Муса-хане, одном из последних ильханов-Хулагуидов (при том, что и сами ильханы в персидских источниках упоминались с титулом падишаха) [Хафиз Абру 2011, с. 35, 59 и др.; Шараф-хан 1976, с. 67–68].
- ¹⁵⁵ Бартольд 2002б, с. 530.
- ¹⁵⁶ Натанзи 2007, с. 66–80; см. также: Нагель 1997, с. 118 и след.
- ¹⁵⁷ Мирза Хайдар 1996, с. 61; см. также: Бартольд 1943, с. 66; Караев 1995, с. 53; Пантусов 1910, с. 181; Султанов 2006, с. 181–182; Юдин 2001а, с. 129.
- ¹⁵⁸ Йазди 2008, с. 38–40; см. также: Бартольд 2002б, с. 530; Ру 2007, с. 52. Различные исследователи датируют гибель Ильяс-Ходжи от 1363 до 1370 гг.
- ¹⁵⁹ Йазди 2008, с. 62; Мирза Хайдар 1996, с. 62; см. также: Караев 1995, с. 54.
- ¹⁶⁰ Юдин 2001а, с. 103. Впрочем, и сами могулы не оставались в долгу, в свою очередь, прозвав чагатайцев (население Мавераннахра) «караунас», т. е. полукровками [Султанов 2006, с. 176–177].
- ¹⁶¹ Йазди 2008, с. 73; Караев 1995, с. 55.
- ¹⁶² Йазди 2008, с. 79–80, 82–84, 102–103, 133–137; см. также: Бартольд 1943, с. 65–69.
- ¹⁶³ Мирза Хайдар 1996, с. 80; см. также: Бартольд 2002б, с. 530; Гумилев 1992б, с. 439.
- ¹⁶⁴ Мирза Хайдар 1996, с. 81–86, 94–97; Натанзи 2007, с. 64–65; см. также: Бартольд 2002б, с. 531; Караев 1995, с. 64–76; Пантусов 1910, с. 182. Любопытно отметить, что приход к власти в Могулистане хана-Чингизида не повлиял на политику Амира Тимура. В 1390-е гг. он, уже от имени своего нового хана Султан-Махмуда, по-прежнему организовывал походы на Могулистан, пока наконец Хызр-Ходжа, потерпевший ряд поражений, не заключил с ним мир, фактически признав вассалитет от Тимура и выдав за него замуж свою дочь [см.: Гумилев 1992б, с. 439–440]. Несколько иначе строил свою политику Улугбек, который в 1420-е гг. старался возвести на могульский трон своего ставленника Сатук-хана — потомка Хызр-Ходжи [Караев 1995, с. 74–77].
- ¹⁶⁵ Мирза Хайдар 1996, с. 87.
- ¹⁶⁶ Мирза Хайдар 1996, с. 101–103, 164; см. также: Бартольд 2002б, с. 531.
- ¹⁶⁷ Юдин 2001а, с. 134.
- ¹⁶⁸ Мирза Хайдар 1996, с. 177; см. также: Бартольд 2002б, с. 532. Интересно отметить, что после завоевания Кашгарии империей Цинь китайские власти учли тот факт, что семейство Дуглат в свое

время правило этим регионом и продолжало пользоваться влиянием в нем: ряд Дуглатов был привлечен Цинами на службу, а один из них в первой половине XIX в. даже был наместником Кашгара и Яркенда. Несмотря на это, в 1864 г. восставшие против китайского владычества кашгарцы в 1864 г. попытались именно этого аристократа провозгласить своим лидером [Kim 2004, p. 37–38].

¹⁶⁹ Безусловно, мы не собираемся утверждать, что кашгарские ханы Чингизиды сосредоточились исключительно на оборонительных действиях и не вели завоевательных войн: Султан-Саид и в особенности его сын Абд ар-Рашид, а также потомки последнего неоднократно организовывали походы против казахов, киргизов, узбеков Бухарского ханства. Однако, в отличие от своих предков Тоглук-Тимура и Ильяс-Ходжи, они намеревались именно присоединить к своим владениям новые территории, а не перебраться в завоеванные области.

¹⁷⁰ Бабур 1992, с. 75.

¹⁷¹ Лэмб 2002, с. 55–56.

¹⁷² Бабур 1992, с. 76, 84–85; Мирза Хайдар 1996, с. 210.

¹⁷³ Бабур 1992, с. 105–106.

¹⁷⁴ Бабур 1992, с. 113.

¹⁷⁵ Бабур 1992, с. 92–93.

¹⁷⁶ Бабур 1992, с. 123.

¹⁷⁷ Азимджанова, 1957, с. 53. По некоторым сведениям, Джахангир-мирза сумел спастись от узурпатора и присоединился к Бабуру и могулистанским ханам.

¹⁷⁸ Бабур 1992, с. 125–127; Мирза Хайдар 1996, с. 196.

¹⁷⁹ Мирза Хайдар 1996, с. 206, 559.

¹⁸⁰ Dale 2004, p. 127.

¹⁸¹ Азимджанова 1957, с. 56.

¹⁸² Мирза Хайдар 1996, с. 160, 206–208; см. также: Erskine 1854, p. 187.

¹⁸³ Хафиз-и Таныш 1983, с. 88.

¹⁸⁴ Муниз 2006, с. 185. О Ханзаде см. подробнее: Почекаев, Почекаева 2012, с. 136–147.

¹⁸⁵ Бабур 1992, с. 53–54.

¹⁸⁶ Мирза Хайдар 1996, с. 201.

¹⁸⁷ Кисляков 1945, с. 96; Туманович 1989, с. 81, 82, 88.

¹⁸⁸ Довутов 2006, с. 38; Шабаетов 2004, с. 256–257.

¹⁸⁹ Мирза Хайдар 1996, с. 202.

¹⁹⁰ Мирза Хайдар, 1996, с. 208.

¹⁹¹ Бабур 1992, с. 138; Туманович 1989, с. 96.

¹⁹² Бабур 1992, с. 53, 54, 140; см. также: Ахмедов 1982, с. 67–68.

- ¹⁹³ Бабур 1992, с. 165; Семенов 1954в, с. 60; Туманович 1989, с. 97.
- ¹⁹⁴ Бартольд 1965а, с. 345; Кисляков 1945, с. 96–97.
- ¹⁹⁵ Бабур 1992, с. 164; Мирза Хайдар 1996, с. 274; см. также: Кисляков 1945, с. 96–97.
- ¹⁹⁶ Рашид ад-Дин 1946, с. 99.
- ¹⁹⁷ Рашид ад-Дин 1946, с. 111; Хронограф 2005, с. 123, 125. По сведениям армянских средневековых историков, в вину Тохудару было поставлено и незаконное пленение самого Аргуна, которого ильхан взял в плен вскоре после казни его сообщников [Патканов 1873, с. 49–50].
- ¹⁹⁸ Рашид ад-Дин 1946, с. 128. Впрочем, вероятно, что в случае с наместничеством Аргуна и Газана в Хорасане в качестве оснований претензий на трон мог учитываться не только сам факт пребывания на соответствующей должности, но и проявленные за время обладания ею способности и качества в сфере управления, военном деле и т. п. — что, как отмечает Т. И. Султанов, рассматривалось как одно из веских оснований для претензий на трон [Султанов 2006, с. 90].
- ¹⁹⁹ Рашид ад-Дин 1946, с. 110, 145
- ²⁰⁰ Рашид ад-Дин 1946, с. 19.
- ²⁰¹ Рашид ад-Дин 1946, с. 122, 198–199.
- ²⁰² Личная консультация Д. Брэка (J. Brack), докторанта Мичиганского университета, 29.06.2014 на конференции «Mobility and Transformations: Economic and Cultural Exchange in Mongol Eurasia» (Иерусалим, 29.06–02.04.2014).
- ²⁰³ Хафиз Абру 2011, с. 147.
- ²⁰⁴ Хафиз Абру 2011, с. 144–149; Shajrat 1838, p. 311.
- ²⁰⁵ Melville 1999, p. 46.
- ²⁰⁶ Ахари 1984, с. 112.
- ²⁰⁷ Ахари 1984, с. 113; Шараф-хан 1976, с. 67. По выражению Хафиза Абру, Хасан Бузург «определил его на султанат» [Хафиз Абру 2011, с. 153]. Автор «Родословия тюрков» специально подчеркивает, что «нет сомнения, что он происходил от Хулагу» [Shajrat 1838, p. 314]. что как раз заставляет заподозрить обратное.
- ²⁰⁸ Mernissi 2006, p. 105; см. также: Почекаев, Почекаева 2012, с. 118.
- ²⁰⁹ См. подробнее: Почекаев, Почекаева 2012, с. 119–120.
- ²¹⁰ Ахари 1984, с. 118.
- ²¹¹ Shajrat 1838, p. 328.
- ²¹² Ахари 1984, с. 122. Согласно Хафизу Абру, Ануширван происходил из рода кавийан [Хафиз Абру 2011, с. 181–182].
- ²¹³ Хафиз Абру 2011, с. 171.
- ²¹⁴ Султанов 2005, с. 35.

- ²¹⁵ Рашид ад-Дин 1952б, с. 51.
- ²¹⁶ Рашид ад-Дин 1952б, с. 231.
- ²¹⁷ См., напр.: Банзаров 1891.
- ²¹⁸ Рашид ад-Дин 1952б, с. 52.
- ²¹⁹ Разные источники содержат различные варианты генеалогии Туга-Тимура. Согласно «Муизз ал-ансаб», его генеалогия выглядит следующим образом: Тагай-Тимур б. Судай б. Баба-бахадур б. Абукан б. Бакса б. Джучи-Хасар [Муизз 2006, с. 28]. Хафиз Абру в «Дополнении к собранию историй Рашида» приводит следующую генеалогию: Тогай-Тимур б. Судай Ке'ун б. Баба бахадур б. Анукан б. Имкан б. Тур б. Джуджика б. Йисука из рода Откина, брата Чингиз-хана [Хафиз Абру 2011, с. 156]. Как видим, Хафиз Абру несколько путано излагает генеалогию этого правителя, считая его потомком «Откина», т. е. Тэмугэ-отчигина, но при этом достаточно четко выводя его происхождение от «Джуджика ибн Йисука», т. е. Джучи-Хасара, сына Есугай-багатура, что, вероятно, более соответствует действительности. Безымянное «Родословие тюрков», которое некоторые исследователи считают переработкой сочинения мирзы Улугбека «История четырех улусов» [см.: История 2006, с. 385–386], содержит следующую родословную, в которой некоторые имена также искажены: «Тогай Тимур, сын Сури, сына Баба Бахадур, сына Абукана, сына Алькана, сына Тури, сына Джудже, сына Кибада, сына Юсукай Бахадур и брата Чингис-хана» [Shajrat 1838, р. 315]. Наконец, в сочинении Шараф-хана Бидлиси генеалогия Туга-Тимура представлена так: «Туга-Тимур б. Сури б. Баба-Бахадур б. Абу-Бука б. Амакан б. Тури-бахадур б. Джучи Касар» [Шараф-хан 1976, с. 58].
- ²²⁰ Хафиз Абру 2011, с. 156.
- ²²¹ Ахари, 1984, с. 114.
- ²²² Петрушевский 1956, с. 111.
- ²²³ Хафиз Абру 2011, с. 277 (прим. 260); см. также: Melville 1999, р. 54. К этому средству впоследствии неоднократно прибегали узурпаторы трона с целью повысить свою легитимность. Например, претендент на трон Кокандского ханства Султан-Саид за свое кратковременное правление (1862–1865) трижды был возведен на трон посредством курултая: сначала в Маргилане (1862 г.), затем в Коканде после его захвата (1863 г.) и, наконец, снова в столице, когда он вернулся туда после того, как был изгнан своим соперником Худояром (1865 г.) [Бабаджанов, 2010, с. 250–251, 254–255, 278].
- ²²⁴ Абу Бакр Ахари, впрочем, отмечает, что Туга-Тимур «замыслил захватить иранский престол» [Ахари 1984, с. 114].
- ²²⁵ Melville 1999, р. 57. Муса-хан был схвачен и казнен Шайхом Хасаном Кучаком, правителем Азербайджана [Хафиз Абру 2011, с. 157].

- По данным Фасиха Хавафи, Муса-хан был убит в июле 1336 г. [Фасих 1980, с. 60].
- ²²⁶ См. подробнее: Почекаев, 2009а, с. 111.
- ²²⁷ Smith 1970, p. 101.
- ²²⁸ Ибрагимов 1988, с. 100; Ibn Battuta 1855, p. 70; см. также: Йазди 2008, с. 94; Петрушевский 1956, с. 133.
- ²²⁹ Петрушевский 1956, с. 132; Холмогоров 1860, с. 34
- ²³⁰ Петрушевский 1956, с. 96, 132.
- ²³¹ Ибрагимов 1988, с. 100; Холмогоров 1860, с. 34.
- ²³² Ibn Battuta 1855, p. 66–67; см. также: Петрушевский 1956, с. 132–133, 136. Различные источники датируют это событие от 1341 до 1343 г.
- ²³³ Петрушевский 1956, с. 143; Петрушевский 1977, с. 250.
- ²³⁴ Петрушевский 1956, с. 146–147; Петрушевский 1977, с. 250; см. также: Гумилев 1992б, с. 413.
- ²³⁵ Впрочем, в 1523 г. ногайские предводители практически аналогичным образом предательски убили на пиру крымского хана Мухаммад-Гирея I и его сына, астраханского хана Бахадур-Гирея, и их не остановила принадлежность этих правителей к «Золотому роду» [Сыроечковский 1940, с. 57; Трепавлов 2001, с. 166–169; см. также: Гайворонский 2007, с. 144].
- ²³⁶ Smith 1970, p. 153–155.
- ²³⁷ Грачев 2011, с. 94, 98–99; Grousset 2000, p. 428.
- ²³⁸ Йазди 2008, с. 108–113.
- ²³⁹ Йазди 2008, с. 153–154.
- ²⁴⁰ Лэн-Пуль 1996, с. 535–536.
- ²⁴¹ Фасих 1980, с. 66. Согласно официальной версии персидских хронистов, смещение Джохан-Тимура произошло «по причине неспособности... [к управлению]», поскольку ильхан, номинально предводительствовавший войсками, проиграл сражение с Шайхом Хасаном Кучаком, правителем Азербайджана и соперником Хасана Бузурга [Шараф-хан 1976, с. 70]. Т. е. речь идет об обоснованном в соответствии с чингизидской традицией смещении с трона того, кто терпит поражение: следовательно, божественное покровительство ему ослабло, и его следует заменить более успешным правителем.
- ²⁴² См., напр.: Марков 1897, с. I.
- ²⁴³ Ахари 1984, с. 133; Рашид ад-Дин 1946, с. 113; Wing 2007, p. 115, 119, 136.
- ²⁴⁴ Марков. 1897, с. LII–LV.
- ²⁴⁵ Муизз 2006, с. 82.
- ²⁴⁶ Марков 1897, с. XLIV, LIV–LV.

- ²⁴⁷ См., напр.: Савельев 1865, с. 260. высказывались предположения, что почетное прозвище «бахадур-хан» было официальным титулом Джалаиров.
- ²⁴⁸ Хафиз Абру 2011, с. 230–231.
- ²⁴⁹ Йазди 2008, с. 112, 170; см. также: Нагель 1997, с. 258.
- ²⁵⁰ Марков 1897, с. XLV–XLVI.
- ²⁵¹ СМИЗО 1941, с. 94–96; см. также: Камалов 2007, с. 83–84.
- ²⁵² Хафиз Абру, 2011, с. 158. Кара-Джари был слугой-гулямом Хаджи-Хамзы — заместителя настоящего Тимур-Таша.
- ²⁵³ Хафиз Абру 2011, с. 159–162.
- ²⁵⁴ Шараф-хан 1976, с. 72.
- ²⁵⁵ Шараф-хан 1976, с. 72–77; см. также: Грачев 2005, с. 94–95.
- ²⁵⁶ Шараф-хан 1976, с. 52–53.
- ²⁵⁷ Йазди 2008, с. 160–167; см. также: Defremery 1845, p. 464–467.
- ²⁵⁸ История 1977, с. 159; Smith 1970, p. 101.
- ²⁵⁹ Грачев 2011, с. 99; Петрушевский 1956, с. 148; Холмогоров 1860, с. 44.
- ²⁶⁰ Петрушевский 1956, с. 156–157.
- ²⁶¹ См. подробнее: Почекаев 2006, с. 250–253.
- ²⁶² См. подробнее: Почекаев 2012, с. 38–39.
- ²⁶³ Арабский автор XIV в. ан-Нувайри сообщает: «Боракшин, жена Тогана..., захотела, чтобы власть над Северными странами после смерти Сартака досталась сыну ее, Тудаменгу. Она обладала обширным умом и умением распоряжаться. Но с нею не согласились на это ни ханы, сыновья Батухана, дяди сына ее, ни темники. Увидев это их сопротивление, она вошла в сношения с Хулаку, сыном Тули, послала к нему стрелу без перьев и кафтан без пояса и отправила к нему (посла) сказать: “Нет более стрелы в колчане, и на лучье осталось без лука, приходи, чтобы принять царство.” Потом она отправилась вслед за послом и старалась добраться до Хулаку и привести его в страны Северные. Народ, узнав, что она замышляет, послал вслед за нею, вернул ее, несмотря на сопротивление с ее стороны, и убил ее» [СМИЗО 1884, с. 150].
- ²⁶⁴ В. В. Трепавлов, несколько идеализируя взаимоотношения правителей Монгольской империи, считает, что Берке являлся соправителем хана Мунке в качестве правителя правого крыла империи [Трепавлов 1993, с. 82–83]. Единственное сообщение об этом мы находим у Абу-л-Гази: «После него [Улагчи. — *Р.Л.*] Менгукан сделал ханом Берке-хана, сына Джучи-хана» [Абуль-Гази 1996, с. 99]. Но это сообщение, во-первых, относится к середине XVII в., а во-вторых, автор сообщает, что Мунке сделал Берке ханом, что было в принципе невозможно: хан — независимый правитель и не

- нуждается ни в чем соизволении на занятие трона! Е. П. Мыськов, в свою очередь, полагает, что Берке пришел к власти уже после смерти Мунке, датируя смерть Улагчи 1259 г., соответственно [Мыськов 2003, с. 74–76]. Однако нет никаких сведений, что Улагчи правил даже в 1258 г. Зато есть сведения о том, что Мунке с 1257 г. был полностью поглощен войной в Южном Китае и не уделял внимания делам отдельных улусов [Рашид ад-Дин 1960, с. 146; Бичурин 2005, с. 222], что вполне могло позволить Берке решиться на узурпацию власти. Предположение о приходе Берке к власти вопреки воле Мунке разделяет и А. Г. Мухамадиев, который даже утверждает, что Берке запретил хождение в Золотой Орде монет с именем Мунке [Мухамадиев 1983, с. 46, 51].
- ²⁶⁵ См.: Карамзин 1992, с. 53; Пашуто 1956, с. 220–221; Каргалов 1984, с. 22.
- ²⁶⁶ См. подробнее: Почекаев 20156 с. 20–24.
- ²⁶⁷ СМИЗО 1884, с. 193.
- ²⁶⁸ См. подробнее: Почекаев 2012, с. 58.
- ²⁶⁹ Согласно Рашид ад-Дину, великий хан Хубилай, узнав о смерти Берке, «улус Берке пожаловал Менгу-Тимуру» [Рашид ад-Дин 1960, с. 168].
- ²⁷⁰ См.: Григорьев 2004, с. 7–44.
- ²⁷¹ См., напр.: Веселовский 1922; Порсин 2011; Хейвуд 2001.
- ²⁷² Вернадский 2000, с. 170–171.
- ²⁷³ См. подробнее: Почекаев 2012, с. 74–75.
- ²⁷⁴ См., напр.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 168–184, 192–195; СМИЗО 1884, с. 349.
- ²⁷⁵ Рашид ад-Дин 1960, с. 83.
- ²⁷⁶ СМИЗО 1884, с. 105–106.
- ²⁷⁷ СМИЗО 1884, с. 108.
- ²⁷⁸ См.: Веселовский, 1922, с. 39.
- ²⁷⁹ См. подробнее: Хейвуд 2001.
- ²⁸⁰ Утемиш-хаджи 1992, с. 103–104.
- ²⁸¹ См. подробнее: Трепавлов 20076, с. 332–333; Усманов 1972, с. 74–75; De Weese 1994, p. 151 (п. 195), 154 (п. 203).
- ²⁸² Кадыр-Али-бий Джалаири традиционно отождествляется с государственным деятелем Сибирского ханства, фигурирующим в русских летописных источниках под именем-титолом «Карача» [см., напр.: Трепавлов 2012, с. 21]. Будучи приближенным хана Кучума из рода Шибанидов, являвшегося к тому же вассалом своих бухарских родичей Шайбанидов, Кадыр-Али имел возможность доступа к бухарским архивам, в которые могло попасть и хивинское

- историческое сочинение в результате неоднократных завоевательных походов бухарских правителей на Хиву.
- ²⁸³ De Weese 1994, p. 154 (п. 203).
- ²⁸⁴ Юдин 1992б, с. 58.
- ²⁸⁵ Юдин 1992б, с. 69; ср.: Костюков 2009, с. 190; De Weese 1994, p. 82 (п. 22).
- ²⁸⁶ Утемиш-хаджи 1992, с. 105–106.
- ²⁸⁷ Аннинский, 1940, с. 92. Впрочем, чисто гипотетически можно допустить, что, если предполагаемый «башкир Тук-Буга» входил в окружение хана Токты, покровительствовавшего буддизму, он вполне мог принять эту религию.
- ²⁸⁸ Трепавлов 2007б, с. 331–333; De Weese 1994, p. 151–154.
- ²⁸⁹ См., напр.: Юсупов, 2009, с. 37–38. Справедливости ради, Впрочем, стоит отметить, что подобной точки зрения придерживался и сам В. П. Юдин [Юдин 1992б, с. 69], которого, как казахстанского исследователя, никак невозможно заподозрить в желании приукрасить историческое прошлое башкирского народа.
- ²⁹⁰ Почекаев 2010, с. 203 (прим. 41). Эту же версию высказал и Ж. М. Сабитов (по его словам, «независимо» от нас) [Сабитов 2011б, с. 114]. Обстоятельства убийства Узбеком сына хана Токты изложены персидскими авторами — Абу Бакром Ахари [Ахари 1984, с. 100] и Хафизом Абру [СМИЗО 1941, с. 141]. При этом только первый из них называет имя убитого сына Токты — Илбасмыш, который, согласно сведениям арабских авторов, умер раньше отца, в 709 г. х. (1309/1310 г.) [СМИЗО 1884, с. 123, 384, 513]. Полагаем, причина ошибки заключается в том, что Ильбасар-Ильбасмыш еще при жизни отца играл значительную роль в золотоордынской политике и был известен также в соседних государствах, тогда как о других сыновьях Токты (Тукель-Буге и Балуше) за рубежом ничего известно не было.
- ²⁹¹ Юдин 1992а, с. 20.
- ²⁹² Утемиш-хаджи 1992, с. 92 (прим. 24).
- ²⁹³ Сафаргалиев 1960, с. 64 и след.
- ²⁹⁴ Валиханов 1986б, с. 260–261
- ²⁹⁵ Юдин 1992б, с. 64.
- ²⁹⁶ Юдин 1974; см. также: Юдин 1992а, с. 44.
- ²⁹⁷ Утемиш-хаджи 1992, с. 103 (прим. 68).
- ²⁹⁸ Утемиш-хаджи 1992, с. 109–112.
- ²⁹⁹ В. В. Трепавлов, использовавший «Чингиз-наме» в переводе В. П. Юдина, равно как и результате его собственных исследований, обнаружил некоторое сходство сообщений в сочинении Утемиша-

хаджи и русскоязычном памятнике второй половины XVI в. «Подлинный родослов Глинских князей». В частности, в обоих источниках говорится о значительной роли представителей рода кият в Золотой Орде — в частности, Джир-Кутлу и его сына Тенгиз-Буги [Трепавлов 2007б, с. 335–338]. Однако исследователь ни слова не говорит о попытке узурпации ими власти в Синей Орде.

³⁰⁰ Грумм-Гржимайло 1994, с. 118; Гумилев 1995, с. 167.

³⁰¹ Вполне возможно, что исследователи перенесли сведения источников о самозванстве Кильдибека на двух его предшественников.

³⁰² Аналогичный пример «историографического» самозванства мы находим у выдающегося российского востоковеда О. И. Сенковского, известного также как «барон Брамбеус». В своей статье, представляющей собой рецензию на публикацию И. Н. Березиним исторического сочинения конца XVI в., известного под названием «Шейбаниада» [Березин 1849] (о котором он, кстати, отозвался в целом весьма пренебрежительно), исследователь утверждает, что знаменитый среднеазиатский завоеватель Мухаммад Шайбани-хан, основатель Бухарского ханства Шайбанидов, оказывается, вовсе не принадлежал к ханскому роду, а был самозванцем. По мнению О. И. Сенковского, имя «Шайбак» («Шибак») — всего лишь сокращение от «шейх Ибак», и его прадед, шейх Девлет (или Девлет-шейх) был, по всей видимости, духовным лицом. А его потомки (начиная с Абу-л-Хайра, деда Мухаммада Шайбани), захватив власть, объявили себя ханами и даже приписались к потомкам Чингисхана, которые и то превратились к этому времени (спустя пятнадцать-двадцать поколений после Джучи и Бату) «в разряд обыкновенного дворянства» [Сенковский 1859, с. 6–8].

Исследователь не принял во внимание, что «Ибак» является, в свою очередь, сокращением от имени Ибрагим, а такого имени Мухаммад Шайбани никогда не носил. Приведенный Сенковским «аналогичный пример» из русских летописей («Шихмат» вместо «Шейх-Ахмед») [Сенковский 1859, с. 7] вряд ли можно счесть аналогией: «Шайбак» является отнюдь не русским вариантом, а персидским или тюркским. А. Гафуров, посвятивший анализу имени Шайбани-хана небольшое исследование, посчитал, что «Шайбак» — это искаженная форма тюркского имени «Шайибек», означавшего «могучий», и именно это имя якобы носил на самом деле Шайбани-хан [Гафуров 1987, с. 57–58]. Однако исследователь не учел, что привлечшие его внимание формы «Шахибек» и «Шайбак» впервые появляются в сочинениях чагатайских и персидских авторов — Мирзы Хайдара (личного недруга Шайбани-хана), Шараф-хана Бидлиси, Малик-шаха Систани и др. Несомненно, враждебно настроенные

к Мухаммаду Шайбани авторы старались исказить не только его образ, но и имя. Подобная игра слов при написании имен враждебных Ирану правителей была весьма характерна для персоязычных авторов — например, Убайдаллах-хан, племянник Шайбани-хана, назван ими «Убайд-хан» [см., напр.: Шараф-хан 1976, с. 159, 290]: в результате почтенное имя «хан — раб Аллаха» превратилось в бессмысленное «раб-хан». Видимо, имя «Шах-Бахт», полученное Мухаммадом Шайбани при рождении, под язвительным пером персидских авторов подверглось подобной же обработке: вместо «царского счастья» и получился «шах бека»!

Если в рассмотренных нами выше примерах причины появления «историографических» узурпаторов выглядят вполне понятными, то в данном случае их выявить не представляется возможным. Зачем О. И. Сенковскому понадобилось опровергать принадлежность Мухаммада Шайбани к роду Чингизидов, которая подтверждается весьма многочисленными и независимыми друг от друга источниками, включая труды, составленные при дворах врагов этого хана? Остается полагать, что либо исследователь решил в очередной раз проявить оригинальность (непростой характер и экстравагантность «барона Брамбеуса» в свое время были хорошо известны), либо же использовал свое неподкрепленное источниками утверждение как дополнительный аргумент в пользу низкой ценности рецензируемой им работы. Справедливости ради стоит отметить, что высказанное О. И. Сенковским мнение не получило поддержки и распространения в науке и приводится нами как интересный нюанс из области историографии, касающейся истории самозванства и узурпаторства в тюрко-монгольских государствах.

³⁰³ Гаев 2002, с. 18–19; Григорьев, Григорьев 2002, с. 126–128; Сафаралиев 1960, с. 276–277.

³⁰⁴ СМИЗО 1941, с. 129; Утемиш-хаджи 1992, с. 113

³⁰⁵ СМИЗО 1941, с. 129.

³⁰⁶ Утемиш-хаджи 1992, с. 113.

³⁰⁷ См., напр.: Сидоренко 2000, с. 284.

³⁰⁸ СМИЗО 1941, с. 129; см. также: Григорьев 2004, с. 144–145.

³⁰⁹ См. подробнее: Почекаев 2012, с. 151–153.

³¹⁰ Почекаев 2010, с. 149–157.

³¹¹ Почекаев 2010, с. 149–152.

³¹² Гумилев 1992б, с. 425; Гумилев 1995, с. 170

³¹³ См., напр.: Абдулаева 2009; Горский 1998, с. 16; Кожинов 2000; Кругов 2005; Федотов 2004, с. 202.

³¹⁴ Кучкин 1996.

³¹⁵ Гончаров 2005, с. 99; История 2009, с. 577.

- ³¹⁶ Исхаков 2009а, с. 96–101; Исхаков 2011б, с. 121–124, 126.
- ³¹⁷ Д. М. Исхаков, впрочем, не без оснований говорит о неопределенности сведений этих источников и, соответственно, подвергает сомнению результаты базирующихся на них исследований [Исхаков 2009а, с. 98–99].
- ³¹⁸ См. подробнее: Почекаев 2010, с. 51.
- ³¹⁹ См., напр.: Биккинин 2004, с. 294; Крамаровский 2003, с. 94.
- ³²⁰ Почекаев 2010, с. 65, 218 (прим. 207).
- ³²¹ Мухамадиев 2005, с. 151.
- ³²² ПСРЛ 2000а, с. 233.
- ³²³ Григорьев 1850, с. 42–49; Савельев 1865, с. 45–48; Федоров-Давыдов 2003, с. 87, 96, 98; см. также: Пачкалов 2004, с. 162.
- ³²⁴ Григорьев 1983, с. 40; Мухамадиев 2005, с. 151; Сафаргалиев 1960, с. 119; ср.: Григорьев 1850, с. 50–58.
- ³²⁵ ПСРЛ 2000б, с. 9; см. также: Мухамадиев 2005, с. 152; Почекаев 2012, с. 175, 353 (прим. 494).
- ³²⁶ Григорьев, Григорьев 2002, с. 102, 153.
- ³²⁷ Гончаров 1997, с. 178.
- ³²⁸ По монетным данным он известен как Улджай-Тимур [см.: Гаев 2002, с. 22; Гончаров 2005, с. 99; Настич 1987]. У Ибн Халдуна этот хан упоминается под именем Кутлуг-Тимура [Кайдарова, Ускенбай 2004, с. 76; Schamiloglu 1986, р. 175].
- ³²⁹ См. подробнее: Зайцев 2006, с. 17–18; Кайдарова, Ускенбай 2004, с. 76.
- ³³⁰ Усманов 1972, с. 114–115; Исхаков 2003; Зайцев 2006, с. 18–19; Трепавлов 2007б, с. 339; Мустакимов 2009б, с. 276. Ср.: Сафаргалиев 1960, с. 133. А. П. Григорьев склонен отождествлять Салчи с Хаджи-Черкесом [Григорьев 1985, с. 166–167]. Салчи («Салчей, князь хазитороканский») упоминается в русских летописях под 1375 г.: он разгромил новгородских ушкуйников, совершавших нападения на ордынские города на Волге [см., напр.: ПСРЛ 1949, с. 191–192].
- ³³¹ Ср.: Миргалеев 2003, с. 50–52.
- ³³² См., напр.: Йазди 2008, с. 115.
- ³³³ Идегей 1990, с. 111–112.
- ³³⁴ См., напр.: Миргалеев 2003, с. 45 и след., 92–93.
- ³³⁵ Трепавлов 2001, с. 75–76; см. также: Почекаев 2012, с. 216–217.
- ³³⁶ В источниках прямо сообщается, что Койричак принял из рук Амира Тимура знаки ханской власти — «царские доспехи, золотошвейную шубу и золотой ремень» [Йазди 2008, с. 198]. В соответствии с восточным протоколом, это являлось свидетельством официального признания зависимости от выдавшего эти регалии, тем более Йазди прямо сообщает, что Амир Тимур «назначил его ханом».

- ³³⁷ Миргалеев 2003, с. 45–46.
- ³³⁸ ПСРЛ 2000б, с. 172.
- ³³⁹ ПСРЛ 2000б, с. 173.
- ³⁴⁰ Грумм-Гржимайло 1994, с. 133; Смирнов 2005а, с. 178.
- ³⁴¹ См. подробнее: Почекаев 2012, с. 225.
- ³⁴² Трепавлов 2001, с. 83–84.
- ³⁴³ Григорьев 2006, с. 120, 124; Почекаев 2009б, с. 96–97.
- ³⁴⁴ Флоря 2001, с. 177–190; см. также: Почекаев 2012, с. 244–252.
- ³⁴⁵ ПЛДР 1982, с. 532.
- ³⁴⁶ См., напр.: Горский 2000, с. 172–174; Кудрявцев 1951, с. 165–166; Скрынников 1990, с. 98 и след.
- ³⁴⁷ Ряд исследователей полагает, что «ярлык Ахмата» — это фальшивка, сфабрикованная московской царской канцелярией в XVII в., своего рода пародия на ханские указы и послания [Кеерпап 1969; Halperin 1986, p. 165–166]. Однако большинство исследователей склоняется к тому, что ярлык подлинный, но при переводе и в ходе дальнейшей обработки в него был включен ряд вольных интерполяций, что и дало основание говорить о несоблюдении формуляра, характерного для ханских указов и посланий [Григорьев 1987, с. 88–89; Горский 2000, с. 175–176]. К. В. Базилевич также считал, что ярлык является подлинным, но относил его к 1480 г., полагая, что он был якобы послан после «стояния на Угре» [Базилевич 1948, с. 45; ср.: Сафаргалиев 1960, с. 270]. А. А. Горский высказал интересную и небезосновательную гипотезу о том, что сохранившийся вариант послания Ахмада есть не что иное, как соединение трех посланий, отправленных Ахмадом Ивану III в 1472, 1476 и 1480 гг. [Горский 2000, с. 177].
- ³⁴⁸ Посол Ивана III объяснял это Менгли-Гирею тем, что «осподарь мой князь велики и нынеча потомуж своих послов шлет к Ахмату царю и к брату его к Махмуту, и они своих послов к моему государю посылают» [Памятники 1884, с. 10].
- ³⁴⁹ См.: Григорьев 1987, с. 87.
- ³⁵⁰ См. подробнее: Беляков 2011.
- ³⁵¹ Барфилд 2009, с. 232.
- ³⁵² Каррер д'Анкосс, 2010.
- ³⁵³ Посольская книга 1984, с. 20; Посольские книги 1995, с. 21.
- ³⁵⁴ См. подробнее: Почекаев 2011, с. 100 и след.
- ³⁵⁵ Трепавлов 2012, с. 92–94 и след.; Худяков 2011, с. 106–108.
- ³⁵⁶ Вершинин 1998; Русско-монгольские 1959, с. 108, 111.
- ³⁵⁷ Трепавлов, 2012, с. 72
- ³⁵⁸ Трепавлов 2004, с. 282–283; Трепавлов 2007а, с. 94–96. В принципе, Иван IV мог иметь основания утверждать, что в его жилах

- течет чингизидская кровь: по материнской линии он был потомком бекляри-бека Мамай, который, как известно, был женат на дочери золотоордынского хана Бердибека. Правда, жен у Мамай было несколько, поэтому нет твердой уверенности, что Елена Глинская, мать Ивана Грозного, происходила от потомка Мамай именно от этого брака, хотя некоторые современные авторы считают именно так [см., напр.: Абдулаева 2009].
- ³⁵⁹ Посольские книги, 2006, с. 242–243, 334; Трепавлов, 2008.
- ³⁶⁰ Лакиер 1847, с. 73.
- ³⁶¹ О проблематичности этой даты, как, впрочем, и самого сюзренитета Османской империи над Крымским ханством см.: Зайцев 2010.
- ³⁶² Гайворонский 2007, с. 180–181.
- ³⁶³ Негри 1844, с. 385–387; Смирнов 2005а, с. 333–336; см. также: Гайворонский 2007, с. 332–335
- ³⁶⁴ См. подробнее: Бартольд 2002в, с. 537.
- ³⁶⁵ Надо отметить, что калга-султан Ислам-Гирей до воцарения своего дяди дважды официально признавался ханом под именем Ислам-Гирей I (1524, 1532), поэтому вступление Сахиб-Гирей I на трон он посчитал посягательством на его законные права и с 1535 г. вновь стал именовать себя ханом [Смирнов 2005а, с. 304–306; Халим Гирай, 2004, с. 30; см. также: Гайворонский 2007, с. 187–199].
- ³⁶⁶ Халим Гирай 2004, с. 40; ср.: Гайворонский 2007, с. 287.
- ³⁶⁷ Смирнов 2005а, с. 333–335; Халим Гирай 2004, с. 49–50.
- ³⁶⁸ Халим Гирай 2004, с. 86–87; Смирнов 2005а, с. 431; см. также: Гайворонский 2003, с. 60.
- ³⁶⁹ Смирнов 2005б, с. 30–31.
- ³⁷⁰ Например, после смерти Менгли-Гирей I в 1515 г. султан Селим I прямо-таки был вынужден назначить ханом его старшего сына и калга-султана Мухаммад-Гирей I: тот был настолько влиятелен, что мог себе позволить воцариться в Крыму и без султанского соизволения [см.: Гайворонский 2007, с. 120–121].
- ³⁷¹ Смирнов 2005а, с. 301; Халим Гирай 2004, с. 26; см. также: Гайворонский 2007, с. 153–157.
- ³⁷² Смирнов 2005а, с. 346–349; Халим Гирай 2004, с. 51–52; см. также: Гайворонский, 2009, с. 23–27
- ³⁷³ Зайцев 2009, с. 195, 198.
- ³⁷⁴ Беннигсен, Лемерсье-Келькеже 2009, с. 222–223.
- ³⁷⁵ Смирнов 2005а, с. 365; Халим Гирай 2004, с. 57–58. См. также: Гайворонский 2009, с. 87–88.
- ³⁷⁶ Смирнов 2005а, с. 412–417; см. также: Гайворонский 2004, с. 39–40.
- ³⁷⁷ Смирнов 2005б, с. 122–125.

- ³⁷⁸ Гайворонский 2003, с. 88–91.
- ³⁷⁹ Дружинина 1955, с. 279–282.
- ³⁸⁰ Халим Гирай 2004, с. 138–139; см. также: Алексеев 1914, с. 444–449; Гайворонский 2003, с. 90–91, 99.
- ³⁸¹ Халим Гирай 2004, с. 143–146.
- ³⁸² Бартольд 1966, с. 43–51; см. также: Бабаджанов 2010, с. 306–307.
- ³⁸³ СМИЗО 1941, с. 194; см. также: Трепавлов 2001, с. 78, 90. Абд ар-Раззак Самарканди упоминает Султан-Махмуда в контексте переговоров Идигу и хана Джалал ад-Дина, сына Токтамыша: хан требовал от мангытского вождя, среди прочих условий мирного договора, выдачи Султан-Махмуда. Можно предположить, что он имел опасения относительно претензий сына Идигу на ханский трон как потомка Джучидов по материнской линии и, по-видимому, намеревался устранить его.
- ³⁸⁴ Согласно некоторым исследованиям, Мансур, один из сыновей Идигу, активно действовавших в первой четверти XV в., был Чингизидом по материнской линии: он родился от Суйду, дочери хана Койричака [Ускенбай 2013, с. 237, прим. 10]. Однако, насколько нам известно, ни Идигу, ни сам Мансур не пытались разыграть эту «чингизидскую карту», и Мансур, подобно отцу, добивался фактической власти, получая должность бекляри-бека от своих ставленников-Чингизидов на ханском троне [см. подробнее: Трепавлов 2001, с. 93–94].
- ³⁸⁵ Исхаков 2011а, с. 139–140; Трепавлов 2001, с. 56, 86.
- ³⁸⁶ Скржинская 1971, с. 140; СМИЗО 1884, с. 473–474; см. также: Трепавлов 2001, с. 64, 86–87; Султанов 2006, с. 241–242.
- ³⁸⁷ Идегей 1990, с. 206–207; см. также: Трепавлов 2001, с. 83.
- ³⁸⁸ Трепавлов 2001, с. 108.
- ³⁸⁹ МИКХ 1969, с. 103; см. также: Трепавлов 2001, с. 105, 532.
- ³⁹⁰ В. В. Трепавлов предполагает, что речь может идти о будущем казахском хане Хакк-Назаре [см.: Трепавлов 2001, с. 191–195; см. также: Исхаков 2009б, с. 81].
- ³⁹¹ Исхаков 2011а, с. 140.
- ³⁹² См.: Трепавлов 2000, с. 359.
- ³⁹³ Мустакимов 2009б, с. 188–189.
- ³⁹⁴ Именно поэтому на некоторых этапах истории Мангытского юрта — Ногайской Орды имели место случаи, когда два или даже больше представителей династии Идигу одновременно становились бекляри-беками при разных ханах-Джучидах и, соответственно, начинали гражданскую войну в борьбе за власть в собственном юрте, имея, таким образом, равные права на власть — и в силу статуса, и в силу происхождения [см.: Трепавлов 2001, с. 94, 146–155].

- ³⁹⁵ Исхаков 2009б, с. 31–32.
- ³⁹⁶ Миллер 1999, с. 190–192.
- ³⁹⁷ Исхаков 2009б, с. 33–34.
- ³⁹⁸ Ремезовская 2005, с. 230; см. также: Frank 1994, p. 9; Маслюженко 2010, с. 12.
- ³⁹⁹ Ремезовская 2005, с. 231–232.
- ⁴⁰⁰ ПСРЛ 2000в, с. 248; см. также: Трепавлов 2008, с. 107–108.
- ⁴⁰¹ Обратим внимание, что даже в чингизидских государствах существовали институты «старших» и «младших» ханов, и первые выдавали вторым именно ярлыки. Кстати, таким ханом-Чингизидом, признающим авторитет другого монарха, был свергнувший Тайбугидов сибирский хан Кучум, получавший ярлыки от бухарского Абдаллаха II [Материалы 1932, с. 296; см. также: Матвеев, Татауров 2012, с. 33].
- ⁴⁰² Матвеев, Татауров 2012, с. 33–38.
- ⁴⁰³ Анализ башкирских преданий дает основание для утверждений о наличии у башкир собственных ханов еще в домонгольский период [см.: Исянгулов 2012].
- ⁴⁰⁴ Рычков 1896, с. 69; Усманов 1960, с. 45–47; см. также: Юсупов 2009, с. 131–134.
- ⁴⁰⁵ Рычков 1896, с. 69; Усманов 1960, с. 45.
- ⁴⁰⁶ Юсупов 2009, с. 132–133.
- ⁴⁰⁷ См. подробнее: Сабитов, 2011а, с. 67. В башкирских родословных также упоминается, что среди башкир были свои «тюря», т. е. представители ханского рода, которых местные родоплеменные подразделения признавали своими ханами [Башкирские родословные 2002, с. 379; см. также: Исянгулов 2008, с. 32, 39–40, 44].
- ⁴⁰⁸ Юсупов 2009, с. 132; ср.: Сабитов 2011а, с. 68–69.
- ⁴⁰⁹ Трепавлов 2001, с. 205–209, 292.
- ⁴¹⁰ Юсупов 2009, с. 114.
- ⁴¹¹ Тоган 2010, с. 38–43.
- ⁴¹² Трепавлов 2009, с. 185. «Альтернативная» версия происхождения «ханов» Акназара и Исмаила, предложенная Ж. М. Сабитовым [Сабитов 2009, с. 140–141], представляется необоснованной.
- ⁴¹³ Исхаков 2010, с. 93–101.
- ⁴¹⁴ Акманов 1993, с. 54 и след.
- ⁴¹⁵ Исянгулов 2011; Трепавлов 2001, с. 208–210, 243.
- ⁴¹⁶ Акманов 1993, с. 102; Колесник, 2003, с. 89.
- ⁴¹⁷ В участии Абу-л-Хайра в башкирских событиях начала XVIII в. нет ничего невозможного: известно, что примерно в это время он находился в Поволжье, пребывая при дворе калмыцкого хана Аюки, у которого многому научился в области военного дела, причем

- обстоятельства, при которых он покинул Поволжье, исследователям остались неизвестны [Ерофеева 2007, с. 128–130]. Вполне вероятно, что именно с участием в башкирском восстании и полученной в бою с русскими войсками раной (о чем также упоминается в документах, посвященных восстанию) и было связано возвращение Абу-л-Хайра в родные казахские степи.
- ⁴¹⁸ Таймасов 2012, с. 21. Вполне вероятно, речь шла о самозванце Султан-Мураде (см. ниже).
- ⁴¹⁹ Акманов 1993, с. 147.
- ⁴²⁰ Нурали, старший сын Абу-л-Хайра, в это время находился в Оренбурге, в честь чего губернские власти даже устроили «великий трактament» с пушечным салютом и фейерверком [Добросмыслов 1900, с. 22].
- ⁴²¹ Ерофеева 2007, с. 305; Касымбаев 1997, с. 70; Материалы 2002, с. 536, 557.
- ⁴²² Ерофеева 2007, с. 305–308. Примечательно, что Абу-л-Хайр и впоследствии годы не оставлял попыток возвести Ходжа-Ахмада на башкирский трон, что не могло не беспокоить российские власти. Так, когда в 1747 г. сын казахского хана обратился к властям за разрешением жениться на знатной казанской татарке, Коллегия иностранных дел нашла повод отказать ему [Игнатьев 2013]. Несомненно, за этим решением стояло опасение властей, что укрепление связей Абу-л-Хайра и Ходжа-Ахмада с Поволжьем путем породнения с местной знатью позволит им и далее претендовать на башкирский трон.
- ⁴²³ Ахмадов 2002, с. 181, 347.
- ⁴²⁴ Лемерсье-Кельеже 2009, с. 263; Трепавлов 2012, с. 123.
- ⁴²⁵ Акманов 1993, с. 144–145.
- ⁴²⁶ Сабитов 2008, с. 79; Сень 2009, с. 166–167.
- ⁴²⁷ Акманов 1993, с. 146–147; Ахмадов 2002, с. 347.
- ⁴²⁸ Лемерсье-Кельеже 2009, с. 263; Трепавлов 2012, с. 123.
- ⁴²⁹ Садалова 2006, с. 26–28; ср.: Таймасов 2004, с. 67.
- ⁴³⁰ Корниенко 2011, с. 160–161; Садалова 2006, с. 26.
- ⁴³¹ Корниенко 2011, с. 167.
- ⁴³² См., напр.: Сабитов 2008, с. 70–71.
- ⁴³³ См. подробнее: Баганова 2010.
- ⁴³⁴ Беляков 2011, с. 79–80.
- ⁴³⁵ Беляков 2011, с. 79; см. также: Халиков 1992; Иванов 2003, с. 234.
- ⁴³⁶ См. подробнее: Беляков 2011, с. 372 и след.
- ⁴³⁷ Неслучайно А. В. Беляков охарактеризовал Чингизидов в Московском царстве как «лишних людей», так и не сумевших найти свое предназначение на новой Родине [Беляков 2012].

- ⁴³⁸ В историографии события 1731 г. обычно трактуются как вхождение Казахстана в состав Российской империи. Однако анализ российско-казахских взаимоотношений и статуса казахских правителей после этой даты дает все основания утверждать, что казахи стали именно вассалами России, сохранив значительную автономию, которой были окончательно лишены только в результате реформ 1867–1868 гг.
- ⁴³⁹ Цит. по: Ерофеева 2007, с. 121.
- ⁴⁴⁰ Ерофеева 2001, с. 118–119.
- ⁴⁴¹ Ерофеева 2007, с. 275–277.
- ⁴⁴² Ерофеева 2001, с. 130; История 1979, с. 125.
- ⁴⁴³ См., напр.: Мажитов 2007, с. 13.
- ⁴⁴⁴ Вяткин 1947, с. 339–340; Ерофеева 2001, с. 130–131; Левшин 1996, с. 276–277; Трепавлов 2007а, с. 170.
- ⁴⁴⁵ Ерофеева 2001, с. 132.
- ⁴⁴⁶ Происхождение Аипа б. Жолбарыса устанавливается по документам, введенным в оборот И. В. Ерофеевой [Ерофеева 2003, с. 116].
- ⁴⁴⁷ Ерофеева 2001, с. 131–135; Зиманов 1960, с. 79–80; Левшин 1996, с. 279, 284.
- ⁴⁴⁸ Ерофеева 2001, с. 118–121; Ерофеева 2003, с. 79; Левшин 1996, с. 284.
- ⁴⁴⁹ Зиманов 1981, с. 94.
- ⁴⁵⁰ Ханыков 1849, с. 47.
- ⁴⁵¹ См.: Флетчер 2004, с. 227.
- ⁴⁵² Лубсан Данзан 1973, с. 287–288; Монгольские источники 1986, с. 85–86; см. также: Владимирцов 2002б, с. 467. Казус с борьбой за престол хана Боди-Алага и его дяди, регента Барс-Болада, нуждается в дополнительном изучении, поскольку имеет место значительная противоречивость монгольских источников, заключающаяся в определении степени «малолетства» Боди-Алаг-хана, которое и послужило предлогом для регентства, а по сути — узурпации Барс-Болада. Большинство источников сходится на том, что Боди-Алах родился в 1504 г. [Монгольские источники 1986, с. 85], следовательно, если Даян-хан умер в 1513 г., его наследник и в самом деле был малолетним и нуждался в регентстве. Однако если принять в качестве года смерти Даян-хана 1543 г., то 39-летний Боди-Алаг никак не мог быть малолетним. Согласно «Шара Туджи», он вступил на престол в 1544 г. в возрасте сорока одного года [Шара Туджи 1957, с. 149], т. е., если принять эти сведения, то «регентство» Барс-Болада весьма и весьма затянулось. Либо же речь шла о гораздо более откровенной узурпации влиятельного царевича, являвшегося к тому же старшим родственником официального наследника Даян-хана.

- ⁴⁵³ История 2002, с. 224–225; Ханыков 1849, с. 47; см. также: Зиманов 1981, с. 94.
- ⁴⁵⁴ Поскольку основатели Букеевского ханства в свое время откочевали именно из Младшего жуза, формально они в какой-то мере являлись нижестоящими по отношению к его правителям. Неудивительно, что оба претендента на ханский титул в Букеевском ханстве апеллировали к суду Ширгази-хана.
- ⁴⁵⁵ Горихвостов 1957, с. 112; см. также: Почекаев 2009в, с. 159.
- ⁴⁵⁶ История 2002, с. 228–229.
- ⁴⁵⁷ Примечательно, что еще в 1759 г. оренбургские власти предлагали Аблаю принять ханский титул, но требовали взамен значительное число заложников в обеспечение его верности России, на что султан пойти не захотел и от предложения отказался [Андреев 1998, с. 36 (прим. 30)].
- ⁴⁵⁸ Тимковский 1824, с. 253; Noda, *Opiuma* 2010, p. 12, 40, 70; см. также: Абуев 2012, с. 118.
- ⁴⁵⁹ Абуев 2012, с. 117–118; Ерофеева 2001, с. 127.
- ⁴⁶⁰ Валиханов 1985б, с. 116. Интересно отметить, что цинские власти отказались признавать Аблая подданным Российской империи: в декабре 1779 г. был даже издан специальный указ императора Цяньлуна, в котором он заявлял, что относительно перехода Аблая в российское подданство «нам остается делать вид, что об этом не знаем и не считаем нужным выразить свое мнение» [Цинская империя 1989б, с. 101].
- ⁴⁶¹ Цинская империя 1989б, с. 103, 126; Noda 2011, p. 68.
- ⁴⁶² Ерофеева 2001, с. 129.
- ⁴⁶³ Цинская империя 1989б, с. 107.
- ⁴⁶⁴ Noda, *Opiuma* 2010, p. 23, 32, 44, 53–57, 61.
- ⁴⁶⁵ Ерофеева 2003, с. 78–79.
- ⁴⁶⁶ Андреев 1998, с. 37; Noda, *Opiuma* 2010, p. 49–50.
- ⁴⁶⁷ Цинская империя 1989б, с. 111–112.
- ⁴⁶⁸ Андреев 1998, с. 42, 44; Ерофеева 2001, с. 130; Noda 2011, p. 67.
- ⁴⁶⁹ Цинская империя 1989б, с. 125.
- ⁴⁷⁰ Цинская империя 1989б, с. 128; Noda 2011, p. 69.
- ⁴⁷¹ Цинская империя 1989б, с. 133–147; см. также: Ерофеева 2001, с. 137; Стрелкова 1983, с. 14–15; Noda 2011, p. 71–77.
- ⁴⁷² Коншин 1900, с. 54–56.
- ⁴⁷³ См.: Цинская империя 1989а, с. 30–32; Noda, *Opiuma* 2010, p. 75–80, 136–137. Об Алтынсары подробнее см.: Хафизова 2005.
- ⁴⁷⁴ Ниязматов 2010, с. 54.
- ⁴⁷⁵ Муравьев 1822, с. 45. Связи Ширгази с Хивинским ханством могли объясняться его родством: он был правнуком (внуком дочери)

- хивинского хана Ширгази, в честь которого, возможно, получил свое имя [см.: Ерофеева 2003, с. 21].
- ⁴⁷⁶ Виткевич 1983, с. 89; Ерофеева 2001, с. 136; Халфин 1974, с. 267. Арингази вызвал неудовольствие хивинских властей тем, что вел переговоры о союзе и подданстве с Бухарским эмиратом, поскольку приходился близким родственником «по женскому колену» бухарскому эмиру Хайдару [Ерофеева 2003, с. 21–22].
- ⁴⁷⁷ Известны имена еще нескольких потомков хана Абу-л-Хайра, в разное время носивших ханские титулы в Младшем жузе, которые не признавались российскими властями: внуки Абу-л-Хайра — Каратай, Болекей и Тимур, правнуки Касым и Маты [Ерофеева 2007, с. 393]. Однако, насколько известно, они не признавали суверенитет какого-то другого иностранного монарха. Аналогичным образом, нет таких сведений и в отношении потомков хана Борака — его сына Букея и внука Чингиса, считавшихся ханами, но не признававшихся в этом качестве русской администрацией [Букейханов 1901, с. 13; Ерофеева 2001, с. 121].
- ⁴⁷⁸ Ниязатов 2010, с. 55–56.
- ⁴⁷⁹ Добросмыслов 1902, с. 283–293; Ерофеева 2001, с. 133.
- ⁴⁸⁰ Ерофеева 2001, с. 141–143; Ерофеева 2007, с. 393; Рязанов 1927, с. 94, 98.
- ⁴⁸¹ Байхожаев; Ерофеева 2001, с. 144–145; Ерофеева 2007, с. 393.
- ⁴⁸² Кенесарин 1992, с. 48. Правда, сведений о том, что Садык получил ханский титул, не имеется.
- ⁴⁸³ История 1974, с. 141, 143. По мнению Ж. М. Сабитова, он являлся сыном Абу-л-Гази из рода Джадыков — еще одного «альтернативного» хана казахского Младшего жуза, не признанного российскими властями [Сабитов 2008, с. 113].
- ⁴⁸⁴ История 1974, с. 143; Нурмухамедов, Жданко, Камалов 1971, с. 34–36. См. также: Почекаев 2015а, с. 15.
- ⁴⁸⁵ Бейсембиев 2009, с. 169, 252, 274, 978–979.
- ⁴⁸⁶ Устав 1830, с. 418; Утвержденное мнение 2005, с. 363.
- ⁴⁸⁷ Джампеисова 2006, с. 131, 136.
- ⁴⁸⁸ Заключение 2005, с. 433.
- ⁴⁸⁹ Валиханов 1985а, с. 151–152; см. также: Почекаев 2013б, с. 341.
- ⁴⁹⁰ Материалы 1960, с. 335.
- ⁴⁹¹ Дмитриев 2013. ¹
- ⁴⁹² Аманжолова 2000.
- ⁴⁹³ См. подробнее: Халфин 1956, с. 63–72; Стрелкова 1983, с. 141–184.
- ⁴⁹⁴ См., напр.: Усеинова 2013.
- ⁴⁹⁵ Цит. по: Исламизация 2008, с. 42–43.

- ⁴⁹⁶ Примечательно, что потомки хана Аблая, к каковым относился и Кенесары Касымов, как правило, не получили значительных постов в системе администрации пореформенного Казахстана, лишь отдельные потомки Аблая (причем только в ближайшее время после реформы 1822 г.) сумели добиться поста старших султанов. Позднее эта ветвь казахских Чингизидов была фактически отодвинута от власти. В результате, как отмечалось выше, даже полностью лояльный российским властям Ч. Ч. Валиханов, избранный в ага-султаны в 1862 г., не был утвержден Омским генерал-губернатором [см.: Стрелкова 1983, с. 241–242]. Надо полагать, русские власти опасались вручать представителям этого властного и амбициозного рода властные полномочия даже на уровне местной администрации.
- ⁴⁹⁷ Центральная Азия 2008, с. 55.
- ⁴⁹⁸ Абдилдабекова 2009, с. 140; Кенесарин 1992, с. 19.
- ⁴⁹⁹ Бекмаханов 1992, с. 291.
- ⁵⁰⁰ Бекмаханов 1992, с. 285–286, 311–312.
- ⁵⁰¹ Бекмаханов 1992, с. 280–285.
- ⁵⁰² Валиханов 2004, с. 166.
- ⁵⁰³ См., напр.: Нестеров 1900.
- ⁵⁰⁴ Джампеисова 2006, с. 162–164.
- ⁵⁰⁵ Артыкбаев 1993, с. 289.
- ⁵⁰⁶ См. подробнее: Мухтарова 1998.
- ⁵⁰⁷ Карабалин.
- ⁵⁰⁸ История 1979, с. 241–242.
- ⁵⁰⁹ Восстание 1960, с. 13–14.
- ⁵¹⁰ См., напр.: Сулейменов, Басин, 1977, с. 95 и след. Впрочем, в ряде случаев сами же представители волостного и аульного управления «возмущали народ», становились во главе отрядов восставших [см., напр.: Восстание 1960, С. 530].
- ⁵¹¹ Сулейменов, Басин 1977, с. 109. Правда, в составе войск Амангельды Иманова имелись также и «пятидесятники», тогда как в армиях средневековых тюрко-монгольских кочевников такая воинская единица отсутствовала.
- ⁵¹² Восстание 1960, с. 633, ср.: Якунин, Кулиев 1952, с. 38.
- ⁵¹³ Джангильдин 2009, с. 38–39.
- ⁵¹⁴ См. подробнее: Ерофеева 2001, с. 118 и след.
- ⁵¹⁵ Любопытно, что Абдугаппар был избран главным ханом в Тургайской области, тогда как остальные (Оспан Шолаков, Айжаркен Канаев и пр.) считались ниже его по статусу, будучи «волостными ханами» [Восстание 1960, С. 739]. Таким образом, как видим,

казахи успели привыкнуть к административному делению, введенному «Степными положениями» 1868 и 1891 гг., и даже в какой-то степени учитывали его при восстановлении своих традиционных властных институтов!

- 516 Джангильдин 2009, с. 40.
- 517 Асфендиаров 1936, с. 79.
- 518 Восстание 1960, с. 497, 596.
- 519 Восстание 1960, с. 530.
- 520 Восстание 1960, с. 614. Курсив наш — Р.П.
- 521 Джангильдин 2009, с. 39.
- 522 Восстание 1960, с. 618, 739.
- 523 Восстание 1960, с. 624.
- 524 Восстание 1960, с. 380, 622.
- 525 См., напр.: Сулейменов, Басин 1977, с. 111.
- 526 Асфендиаров 1936, с. 79.
- 527 Восстание 1960, с. 621.
- 528 Восстание 1960, с. 613, 616, 623, 626; Сулейменов, Басин 1977, с. 111.
- 529 Асфендиаров 1936, с. 80. С. Д. Асфендиаров почему-то называет этого хана Касымом Оспановым, хотя в документах он фигурирует как Оспан Шолаков.
- 530 Восстание 1960, с. 740.
- 531 См. подробнее: Давлетова 2001.
- 532 Кузембайулы, Абиля 2000, с. 307.
- 533 Кузембайулы, Абиля 2000, с. 308.
- 534 Кузембайулы, Абиля 2000, с. 308–309; Большой атлас 2008, с. 625.
- 535 См.: Восстание 1960, с. 520–621, 626.
- 536 Кузембайулы, Абиля 2000, с. 309–311.
- 537 История 1947, с. 50–51; Семенов 19546, с. 117–118.
- 538 Алексеев 2006, с. 104–105; Ахмедов 1982, с. 98–99; Ахмедов 1994, с. 164.
- 539 Алексеев 2006, с. 104–107; Ахмедов 1982, с. 200–202.
- 540 Систани 2000, с. 444–445 (прим. 305); см. также: Алексеев 2006, с. 121–122; Саидов 2008, с. 190–191.
- 541 Ахмедов 1982, с. 230–231; Саидов 2008, с. 191.
- 542 Чурас 1976, с. 240–242; Материалы 1996, с. 208, 478 (прим. 1); см. также: Караев, 1995, с. 118; Чимитдоржиев, 1979, с. 13–15.
- 543 Чурас 1976, д. 242–243, 247; см. также: Чимитдоржиев 1979, с. 15.
- 544 Материалы 2000, с. 339–340, 439–440 (прим. 8, 9).
- 545 Согласно отчету иркутского воеводы Л. К. Кислянского, Галданом Бошугту-ханом было «взято бухарейских городов с 40, владеет-де ими Бушухту-хан. И с тех-де городов емлет Бушухту-хан их дань на себя» [Материалы 2000, с. 339].

- ⁵⁴⁶ Валиханов 1986а, с. 138; Караев 1995, с. 121; Чимитдоржиев 1979, с. 16; см. также: Акимускин 2004, с. 267.
- ⁵⁴⁷ Абуль-Гази 1996, с. 125–128.
- ⁵⁴⁸ Беневени 1986, с. 78–79; Тали 1959, с. 68–69.
- ⁵⁴⁹ Беневени 1986, с. 88.
- ⁵⁵⁰ Тали 1959, с. 81.
- ⁵⁵¹ Ерофеева 2007, с. 186–187; История 1969, с. 263–264.
- ⁵⁵² Абуль-Гази 1996, с. 154–155.
- ⁵⁵³ МИКХ 1969, с. 458; Munis, Agahi 1999, р. 54–55.
- ⁵⁵⁴ МИКХ 1969, с. 461; Munis, Agahi 1999, р. 58.
- ⁵⁵⁵ Беневени 1986, с. 65, 67; МИКХ 1969, с. 461–464; Munis, Agahi 1999, р. 58–63.
- ⁵⁵⁶ См. подробнее: МИКХ 1969, с. 463–475; МИТТ 1938, с. 335–337; Munis, Agahi 1999, р. 62–81; см. также: Атдаев 2010, с. 32–34, 65–81; Веселовский 1877, с. 182–251. Уточненный перечень казахских ханов Хивинского ханства см.: Ерофеева 2014, с. 619–620.
- ⁵⁵⁷ В шайбанидской историографии, представители которой создавали свои труды при дворе Абдаллаха II, его противник Шах-Бурханхан обычно предстает как малозначительный удельный правитель, к тому же обладающий массой качеств, позволяющих отнести его к «непопулярным, ставшим одиозными фигурам» [Султанов 2006, с. 77–78]. Однако в последующей бухарской историографии он представлен как законный обладатель бухарского престола и верховной власти [см., напр.: Мунши 1956, с. 58–59].
- ⁵⁵⁸ Хафиз-и Таныш 1983, с. 225.
- ⁵⁵⁹ Абусейтова 1985, с. 77–80; Абусейтова, Баранова 2001, с. 265–266.
- ⁵⁶⁰ Правда, по мнению В. А. Сидоренко, «самозванство» вышеупомянутого золотоордынского претендента Кильдибека также заключалось лишь в том, что он, будучи племянником покойного хана Джанибека (сыном его брата Иринбека), выдавал себя за его сына [Сидоренко 2000, с. 284], однако сообщения источников позволяют с уверенностью утверждать, что Кильдибека следует считать все же «лже-Кильдибеком», т. е. не членом рода Чингизидов.
- ⁵⁶¹ Юдин 1988, с. 208; Юдин, 2001б с. 58–59.
- ⁵⁶² Ахмедов 1982, с. 97–98; Ахмедов 1985, с. 105; см. также: Систани 2000, с. 477–478 (прим. 622).
- ⁵⁶³ Ахмедов 1994, с. 164.
- ⁵⁶⁴ Ахмедов 1994, с. 163–164.
- ⁵⁶⁵ Абусейтова, Баранова 2001, с. 196–197; Юдин 1988, с. 211–212.
- ⁵⁶⁶ Абусейтова, Баранова 2001, с. 199–200; Юдин 1988, с. 213–214; см. также: Султанов 2006, с. 113.

- ⁵⁶⁷ Абуль-Гази 1996, с. 135; Бартольд 1963б, с. 600.
- ⁵⁶⁸ Абуль-Гази 1996, с. 135.
- ⁵⁶⁹ МИТТ 1938, с. 330–331; Munis, Agahi 1999, р. 52–53; см. также: Султанов 2006, с. 113–114.
- ⁵⁷⁰ См. подробнее: Петров 2006, с. 527–532. В центральноазиатской традиции Александра Македонского называли Искандером Зулкарнаином — «двурогим».
- ⁵⁷¹ Тарих 1997, с. 26.
- ⁵⁷² Харюков 1995, с. 90 и след.
- ⁵⁷³ Бартольд 1965а, с. 346.
- ⁵⁷⁴ Тарих 1997, с. 26.
- ⁵⁷⁵ См. подробнее: Кисляков 1945, с. 107–111.
- ⁵⁷⁶ Sela 2004, р. 43–72. При обсуждении этого события на конференции «Средневековые тюрко-татарские государства» (Казань, март 2012 г.) рязанский исследователь А. В. Беляков отметил, что курултай, избрав Мухаммад-Рахима ханом, фактически объявил его Чингизидом. Нельзя не согласиться с тем, что фактически это выглядело именно так.
- ⁵⁷⁷ Кюгельген 2004, с. 269.
- ⁵⁷⁸ Чингизидское происхождение Фазыла не отмечено в бухарских источниках, однако следует иметь в виду, что Мухаммад-Рахим был женат не только на дочери Абу-л-Файз-хана Бухарского, но и Ширгази-хана Хивинского (вдове другого хивинского хана Ильбарса), а его брат, отец Нарбуты, — на еще одной дочери Абу-л-Файза [Бейсембиев 2004а, с. 107–108 (прим. 4)]. Соответственно, есть основания допускать, что хотя бы в одном из родителей Фазыл-тура могла течь чингизидская кровь.
- ⁵⁷⁹ Сами 1962, с. 49–50.
- ⁵⁸⁰ Сведения о статусе Абу-л-Гази-хана в правление Шах-Мурада противоречивы: согласно большинству бухарских письменных источников, Шах-Мурад уже с самого начала своего правления низложил хана и управлял сам с титулом эмира. Однако некоторые источники, а также нумизматические материалы свидетельствуют о том, что Абу-л-Гази номинально стоял во главе Бухарского ханства еще в 1790-е гг. Современные исследователи склонны полагать, что он окончательно лишился трона и даже был вынужден покинуть Бухару уже по воцарении эмира Хайдара [см. подробнее: Бейсембиев 2004а, с. 107 (прим. 3)].
- ⁵⁸¹ Кюгельген 2004, с. 347.
- ⁵⁸² Григорьев 1861, с. 23; Frhni 1855, р. 133. Название «Бухарское ханство» тем не менее даже и в период эмирата «по инерции» продолжало применяться, в том числе и в российских официальных актах

- XIX — начала XX вв. и в историографии [см.: Арапов 2002, с. 132 (прим. 2)].
- 583 Характерно, что в официальной российской имперской документации, а также в прессе последние эмиры Бухары периодически упоминались то с ханским титулом, то без него [см., напр.: Кончина 1911; Сеид-Абдул-Ахат-Хан 1893; ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 31, д. 735/22].
- 584 Сыновья бухарских эмиров назывались «тореджан», что подчеркивало их право на верховную власть по рождению [Лессар 2002, с. 99].
- 585 См. подробнее: Семенов 1929; Семенов 1954а; Bregel 2000.
- 586 Бейсембиев 2004а, с. 99; Кюгельген 2004, с. 87; Маликов 2012, с. 291, 295; Sela, 2007.
- 587 По разным сведениям, это был третий или даже пятый хивинский хан с таким именем.
- 588 Munis, Agahi 1999, p. 80.
- 589 Munis, Agahi 1999, p. 183–184. Впрочем, ханам из династии Кунгратов это не помешало в дальнейшем вновь вводить по своей воле налоги, не предусмотренные шариатом, — салгут, даях, чуп-пули и др. [Лунев 2004, с. 90, 98].
- 590 См., напр.: Ниязматов 2010, с. 101–103.
- 591 Munis, Agahi 1999, p. 241, 243.
- 592 Ерофеева 2007, с. 394.
- 593 Терентьев 1906а, с. 116; Шахов 1997, с. 90.
- 594 Залесов 1862, с. 76–77; Терентьев 1906а, с. 188.
- 595 Султанов 2006, с. 13.
- 596 См.: Бартольд 1965б, с. 548–549.
- 597 Бабаджанов 2010, с. 109. Интересно отметить, что в самом начале своего правления Алим-хан издавал распоряжения от имени неназванного хана и лишь некоторое время спустя сам стал использовать ханский титул [Бартольд 2002г, с. 463].
- 598 Бабаджанов 2010, с. 312 и след.; Наливкин 1886, с. 47 и след.
- 599 Бабаджанов 2010, с. 194–195.
- 600 Бейсембиев 2004а.
- 601 Подобное явление можно отметить, например, в политике Великих Комнинов, правителей Трапезундской империи. В конце XIII в., под давлением Палеологов, отвоевавших Константинополь у крестоносцев, они были вынуждены отказаться от «универсальности» титула императора, став титуловаться уже не «василевсами и автократорами ромеев», а «василевсами и автократорами всего Востока, Ивирии и Ператии» [Карпов 2011, с. 58]. На наш взгляд, нечингизидские правители Средней Азии, стараясь удержать завоеванные позиции, также решили отказаться от «универсальной» власти по всей Рах

- Mongolica, на которую могли претендовать лишь ханы Чингизиды, и сосредоточились на отстаивании ханских титулов — но в масштабе сравнительно небольших государств в пределах бывшего Чагатайского улуса.
- ⁶⁰² Бабур 1992, с. 103.
- ⁶⁰³ Бейсембиев 2007, с. 85–87.
- ⁶⁰⁴ Эркинов 2013. А. С. Эркинов назвал эту тенденцию «тимуридским маньеризмом» [Эркинов 2008, с. 58, 62].
- ⁶⁰⁵ Мунис именует Тахира сыном Вали-Мухаммада [МИКХ 1969, с. 467; Munis, Agahi 1999, р. 66], однако вряд ли это соответствует истине, поскольку Вали-Мухаммад погиб в 1611 г. Вероятно, поэтому С. Д. Атдаев полагает, что Тахир приходился этому хану внуком [Атдаев 2010, с. 64]. По-видимому, «сын Вали-Мухаммада» следует понимать как «потомок» — вероятно, он происходил от тех сыновей и внуков свергнутого хана, которые после его смерти осели в Иране.
- ⁶⁰⁶ МИКХ 1969, с. 467; Munis, Agahi 1999, р. 66.
- ⁶⁰⁷ МИКХ 1969, с. 467–468; Munis, Agahi 1999, р. 66; см. также: Lockhart 1938, р. 211.
- ⁶⁰⁸ МИКХ 1969, с. 468–469; Munis, Agahi 1999, р. 66–68; см. также: Атдаев 2010, с. 69–77.
- ⁶⁰⁹ Согласно новейшим изысканиям казахстанской исследовательницы И. В. Ерофеевой, Артук-Гази являлся не хивинским царевичем, а казахским султаном — сыном вышеупомянутого Нурали б. Абу-л-Хайра [Ерофеева 2014, с. 620 и прим. 5]
- ⁶¹⁰ Munis, Agahi 1999, р. 68–72, 76, 78–79; см. также: Тулибаева 2001, с. 89.
- ⁶¹¹ См., напр.: Айни 1966, с. 283–285. Примечательно, что за свое выступление по воле русских властей Абд ал-Малик был лишен отцом права наследования трона и изгнан из Бухарского эмирата. Его последующие попытки завладеть тронном, таким образом, официально считались узурпаторством [см., напр.: Арендаренко 1974, с. 44, 61; Тухтаматов 1966, с. 39–40].
- ⁶¹² Терентьев 1906, с. 253, 262–263; Тухтаматов 1969, с. 26–27.
- ⁶¹³ Бабаджанов 2010, с. 546.
- ⁶¹⁴ Бартольд 1963а, с. 395; Morris 1975, р. 531.
- ⁶¹⁵ Абу-л-Гази 1996, с. 91–93; Мирза Хайдар 1996, с. 29–31; см. также: Бартольд 1943, с. 66; Караев 1995, с. 50; Пищулина 1977, с. 47.
- ⁶¹⁶ См., напр.: Молотова 2013, с. 38.
- ⁶¹⁷ Валиханов 1986а, с. 137.
- ⁶¹⁸ Kashghari 1897, р. 33; см. также: Юдин 1987, с. 7.
- ⁶¹⁹ См., напр.: Kim 2004, р. 14.

- ⁶²⁰ Kashghari 1897, p. 36; см. также: Кычанов 1980, с. 62; Чимитдоржиев 1979, с. 16; Zargone 1996, p. 332–338.
- ⁶²¹ Согласно некоторым сведениям, Аппак-ходжа был женат на тетке кашгарского хана Юлбарса, однако, учитывая, что ее отцом был некий Абу-л-Хади Макрит [Чурас 1976, с. 317 (прим. 327)], можно сделать вывод, что супруга Аппака принадлежала к Чингизидам по женской линии, соответственно, сам ходжа не мог считаться гурганом — ханским зятем.
- ⁶²² Kashghari 1897, p. 36; см. также: Валиханов 1986а, с. 138; Златкин 1964, с. 167; Кычанов 1980, с. 64, 66; Чимитдоржиев 1979, с. 16–17; Thum 2012а.
- ⁶²³ Ч. Ч. Валиханов прямо называет Аппака «наместником» Галдана, хотя и отмечает, что ходжа был возведен на трон именно как верховный светский правитель Кашгарии [Валиханов 1986а, с. 138].
- ⁶²⁴ Согласно Мухаммаду Садыку Кашгари, Мухаммад-Амин был младшим братом Исмаила [Kashghari, 1897, p. 37], однако, по другим источникам, он был сыном его брата Баба-хана (или Султан-Саид-султана), правителя Хами и Турфана [Материалы 2000, с. 440 (прим. 9); Международные отношения 1989а, с. 344; Чурас 1976, с. 323 (прим. 363)].
- ⁶²⁵ Об этом прямо говорит Ч. Ч. Валиханов [Валиханов 1986а, с. 138].
- ⁶²⁶ Валиханов 1986а, с. 138; Kashghari 1897, p. 37, 41.
- ⁶²⁷ Абусейтова, Баранова 2001, с. 292–293.
- ⁶²⁸ За свое деяние Падшах-ханым получила прозвище Джаллад-ханым — «ханша-палач» или «ханша-мясник» [см.: Kashghari 1897, p. 39].
- ⁶²⁹ Валиханов 1986б, с. 138; Kashghari 1897, p. 39.
- ⁶³⁰ Акимушкин 1976, с. 50 (прим. 88).
- ⁶³¹ Валиханов 1986а, с. 138–139; Kashghari 1897, p. 39–40.
- ⁶³² Акимушкин 2001, с. 10.
- ⁶³³ Валиханов 1986а, с. 139; Kashghari 1897, p. 340.
- ⁶³⁴ Валиханов 1986а, с. 139.
- ⁶³⁵ Кадырбаев 2006, с. 81.
- ⁶³⁶ Валиханов 1986а, с. 139; Kashghari 1897, p. 43.
- ⁶³⁷ Валиханов 1986а, с. 140.
- ⁶³⁸ Китайские документы 1994, с. 77–78; см. также: Бичурин 1829, с. 167.
- ⁶³⁹ Валиханов 1986а, с. 145, 191; Григорьев 1861 с. 33–34, 146–148 (прим. 86); Ходжаев 1982, с. 167–170; Boulger 1878, p. 48–49; Imbault-Huart 1895, p. 90–96.
- ⁶⁴⁰ См., напр.: Newby 1996; Brophy 2011; Thum 2012b.
- ⁶⁴¹ Newby 1998, p. 284.

- ⁶⁴² Валиханов 1986а с. 191.
- ⁶⁴³ Tian 2012, p. 115.
- ⁶⁴⁴ Kim 2004, p. 24.
- ⁶⁴⁵ Валиханов 1986а, с. 150–154; Коншин 1902, с. 5–27; Boulger 1880, p. 65–68; Newby 2005, p. 95–123. Согласно информаторам У. Уатона, секретаря английской администрации в Бомбее, одним из первых попытавшегося дать описание Восточного Туркестана, Джахангир-ходжа был схвачен сторонником черногорских ходжей — противников его рода [Анваров 1994, с. 15], однако другими источниками и исследованиями такая версия не подтверждается.
- ⁶⁴⁶ Валиханов 1986а, с. 155–156; Григорьев 1861, с. 35–39; Коншин 1902, с. 28–37; Boulger 1880, p. 69.
- ⁶⁴⁷ Современные исследователи, впрочем, отмечают, что в государствах Средней Азии титул «тура» стал принадлежать потомкам пророка Мухаммада, вытеснив более известный их титул «сайид» [см.: Кавахара 2010, с. 124]. Надо полагать, использование ими «чингизидского» титула объясняется тем, что традиционно сайиды и ходжи, наравне с потомками Чингис-хана, в Средней Азии относились к «белой кости», т. е. наиболее привилегированной части аристократии [см. подробнее: Кляшторный, Султанов 2009, с. 329].
- ⁶⁴⁸ Валиханов 1986а, с. 157–159; Ювачев 1907, с. 964.
- ⁶⁴⁹ См. подробнее: Newby 2005, p. 153–183.
- ⁶⁵⁰ Валиханов 1986а, с. 159; Boulger 1880, p. 72; см. также: Бейсембиев 2009, с. 315.
- ⁶⁵¹ Валиханов 1986а, с. 162; Boulger 1880, p. 214.
- ⁶⁵² Валиханов, 1986а, с. 159–164.
- ⁶⁵³ Бейсембиев 2009, с. 315.
- ⁶⁵⁴ Kim 2004, p. 40, 62.
- ⁶⁵⁵ Ибрагимова 1965, с. 52; Тихонов 1948; Ходжаев 1979, с. 26–30.
- ⁶⁵⁶ Kim 2004, p. 67.
- ⁶⁵⁷ Васильев 2014, с. 227; Ходжаев 1979, с. 31.
- ⁶⁵⁸ Бейсембиев 2009, с. 316. Позднее Садык помирился с Якуб-беком, прибыл к нему в Кашгарию и даже породнился: кашгарский правитель выдал за него замуж вдову своего покойного сына [Кенесарин 1992, с. 52]. Надо полагать, родство с султаном-Чингизидом кашгарский правитель намеревался использовать в качестве дополнительного фактора легитимации своей власти в бывших чингизидских владениях.
- ⁶⁵⁹ Бейсембиев 2009, с. 318; Моисеев 2003б, с. 92–93.
- ⁶⁶⁰ Веселовский 1899, с. 98–100; Ресалэ 1940, с. 132.
- ⁶⁶¹ Васильев 2014, с. 229; Тихонов 1958, с. 111.

- ⁶⁶² Веселовский 1899 с. 107–108; Гаврилов 1927, с. 8; Гедин 1899, с. 316–317; Ходжаев 1979, с. 99.
- ⁶⁶³ Кадырбаев 2006, с. 84.
- ⁶⁶⁴ Бенсон 2005, с. 150.
- ⁶⁶⁵ Сами 1962, с. 50; см. также: Бейсембиев 2004а, с. 107 (прим. 3).
- ⁶⁶⁶ Сами 1962, с. 53.
- ⁶⁶⁷ Бейсембиев 1987, с. 10–11; Бейсембиев 2009, с. 158; Кавахара 2010, с. 122–123.
- ⁶⁶⁸ См. подробнее: Добросмыслов 1912, с. 9–16.
- ⁶⁶⁹ Соколов 1965, с. 31–100.
- ⁶⁷⁰ Бейсембиев 2004б, с. 292.
- ⁶⁷¹ Ханыков 1851, с. 5, 20 и др.
- ⁶⁷² Чехович 1970, с. 175.
- ⁶⁷³ Бейсембиев 2009, с. 247.
- ⁶⁷⁴ Бейсембиев 1985, с. 38–39. Впрочем, на этот раз претензии на трон потомка ходжей не только не были удовлетворены, но и сам он вместе со своими родителями вскоре попал в опалу и был изгнан из Коканда.
- ⁶⁷⁵ Бейсембиев 2009, с. 266–267, 966.
- ⁶⁷⁶ Бабаджанов 2010, с. 227; Бейсембиев 2009, с. 271.
- ⁶⁷⁷ Наливкин 1886, с. 198.
- ⁶⁷⁸ Бейсембиев 1985, с. 39.
- ⁶⁷⁹ Токтоналиев 2002, с. 4.
- ⁶⁸⁰ Джамгерчинов 1950, с. 178.
- ⁶⁸¹ Абрамзон 2002, с. 23; Омурбеков 2007, с. 228–230.
- ⁶⁸² Перемышльский 2002, с. 79.
- ⁶⁸³ Бейсембиев 2009, с. 189, 261.
- ⁶⁸⁴ Ср.: Абрамзон 2002, с. 22–23.
- ⁶⁸⁵ Джамгерчинов 1950, с. 181; Хасанов 1977, с. 15.
- ⁶⁸⁶ Жамгерчинов 2002, с. 53. Интересно отметить, что Боромбай и Ормон состояли в свойстве (дочь Ормона была выдана замуж за сына предводителя племени бугу) [Омурбеков 2007, с. 229], однако это, как видим, не привело к прекращению вражды между ними.
- ⁶⁸⁷ Абрамзон 2002, с. 21.
- ⁶⁸⁸ Валиханов 2004, с. 172–173; Токтоналиев 2002, с. 10–13.
- ⁶⁸⁹ Абрамзон 2002, с. 22–23.
- ⁶⁹⁰ Восстание 1960, с. 369, 377–378, 387, 410. По некоторым сведениям, некий Султан Мурат Акрам Тюрязев также «предназначался ханом иссык-кульским над мятежниками» [Восстание 1937, с. 44–45].
- ⁶⁹¹ Восстание 1960, с. 272–274, 408.
- ⁶⁹² Бейсембиев 2009, с. 286.

- ⁶⁹³ Ресалэ 1940, с. 129–130; Boulger 1880, р. 79–83; см. также: Бейсембиев 2009, с. 270; Kim 2004, р. 73–83; ср.: Веселовский 1899, с. 88.
- ⁶⁹⁴ Бейсембиев 2009, с. 286; Веселовский 1899, с. 97–98. В пользу предположения о нелояльности Якуб-бека Султан-Саид-хану свидетельствует тот факт, что на раннем этапе своего правления в Кашгарии эмир чеканил монеты с именем его свергнутого предшественника Малла-хана [Гаврилов 1927, с. 10].
- ⁶⁹⁵ Бейсембиев 2009, с. 171.
- ⁶⁹⁶ Бейсембиев 2009, с. 316, 318, 319; Ибрагимова 1965, с. 55; Тихонов 1958, с. 111; Kiernan 1955, р. 319; Kim 2004, р. 92.
- ⁶⁹⁷ Бейсембиев 2009, с. 126, 129, 198, 289, 317.
- ⁶⁹⁸ Веселовский 1899, с. 102; Гаврилов 1927, с. 9–10; Тихонов 1958, с. 113–116, 126–132; Kim 2004, р. 131–137
- ⁶⁹⁹ См.: Пантусов 1901, с. 5, 30–31.
- ⁷⁰⁰ Kim 2004, р. 129–131.
- ⁷⁰¹ Якуб-бек при жизни официально так и не был признан в качестве хана, однако он нередко фигурирует с таким титулом в более поздней кашгарской историографии [см., напр.: Усманов 1947, с. 89].
- ⁷⁰² Веселовский 1899, с. 100; Центральная Азия 2008, с. 80; Васильев 2014, с. 239–243.
- ⁷⁰³ Моисеев 2003б, с. 91–92; Образование 1927, с. 4.
- ⁷⁰⁴ Бартольд 1966, с. 315; Васильев 2007; Веселовский 1899, с. 100; см. также: Kim 2004, р. 151–155.
- ⁷⁰⁵ Вместе с тем, нельзя не отметить, что, когда китайские войска уже после смерти Якуб-бека вторглись в Кашгарию, кашгарский посол при дворе османского султана обратился к последнему с требованием вмешаться и своим авторитетом защитить интересы Кашгарии — «части Османского государства» перед китайцами [Васильев 2009, с. 98].
- ⁷⁰⁶ Тухтиев 1989, с. 18–19; Karpat 1991, р. 23–25; Kiernan 1955, р. 319.
- ⁷⁰⁷ Бейсембиев 2009, с. 320; Камалов 2002, с. 118; Boulger 1880, р. 219–234. Согласно отчетам российских дипломатов в Центральной Азии, первые контакты Якуб-бека с англичанами были установлены гораздо раньше: еще в 1867 г. они предлагали ему помощь в борьбе с Бурхан ад-Дином — конкурентом Якуб-бека в борьбе за власть в Восточном Туркестане [Сергеев 2012, с. 125; Kiernan 1955, р. 320–322].
- ⁷⁰⁸ Forsyth 1865; Hayward 1870; Shaw 1869–1870; Trotter 1878; см. также: Kiernan 1955, р. 320–324; Васильев 2014, с. 233–234.
- ⁷⁰⁹ Васильев 2009, с. 93; Васильев 2014, с. 230–233.

- ⁷¹⁰ Моисеев 2003в, с. 98–99; Clarke 1880, р. 491; Schuyler 1877, р. 185–188; Kim 2004, р. 140–141.
- ⁷¹¹ Мартенс 1881, с. 75–78; Моисеев 2000, с. 85–91; Моисеев 2001а; Boulger 1880, р. 174–211. Отношениям государства Якуб-бека с Российской империей посвящен ряд специальных исследований [Моисеев 2003а; Моисеев 2003в].
- ⁷¹² Гарбузарова 2009, с. 56; см. также: Моисеев 2001б.
- ⁷¹³ Куропаткин 1879, с. 49–50; см. также: Kim 2004, р. 143.
- ⁷¹⁴ Ходжаев 1979, с. 89–92.
- ⁷¹⁵ Бейсембиев 2009, с. 119–120, 315; ср.: Ибрагимова 1965, с. 54.
- ⁷¹⁶ Петровский 2010, с. 106. Отметим, однако, что в отношениях с другими государствами Якуб-бек демонстрировал неприязнь к Кокандскому ханству и лично к хану Худояру [см., напр.: Кулешов 1887, с. 694].
- ⁷¹⁷ Бейсембиев 2009, с. 233–234, 319.
- ⁷¹⁸ Веселовский 1899, с. 101–102; Ресалэ 1940, с. 135; Ходжаев 1979, с. 98–103; Ходжаев 1982, с. 191; Boulger 1880, р. 237–260.
- ⁷¹⁹ Бейсембиев 2009, с. 231. По мнению Т. К. Бейсембиева, столь незавидная участь лже-Шахруха объясняется еще и тем, что его выдавали за потомка Омар-хана, ветвь которого не пользовалась поддержкой населения — в отличие от ветви его брата Алим-хана, к которой принадлежали и законный хан Худояр, и его брат Маллахан, и большинство последующих претендентов. В подтверждение своего предположения исследователь упоминает, что в одно время с самозванным Шахрухом был умерщвлен еще один претендент на трон — Каландар-бек, несмотря на то что был подлинным сыном того же Мухаммад-Али-хана б. Омар-хана, на происхождение от которого претендовал и самозванец.
- ⁷²⁰ Бабаджанов 2010, с. 287–288; Кoryтов 1902, с. 21–22.
- ⁷²¹ Бейсембиев 1987, с. 26; Хасанов 1977, с. 65; Schuyler 1876, р. 348 (п. 1).
- ⁷²² Кoryтов 1902, с. 19–20.
- ⁷²³ Хасанов 1977, с. 65–84.
- ⁷²⁴ Бартольд 1965а, с. 397–398; Кoryтов 1902, с. 34–40; Хасанов 1977, с. 84–88.
- ⁷²⁵ По другим сведениям, на трон прочили малолетнего племянника Дукчи-ишана, а сам он был провозглашен «помощником халифа» и должен был стать регентом [см.: Кастельская 1980, с. 73].
- ⁷²⁶ Россия — Средняя Азия 2011, с. 373. Примечательно, что и в первые десятилетия XX в. идея восстановления Кокандского ханства оставалась актуальной — в частности, такую цель ставила перед

- собой так называемая «Кокандская автономия», существовавшая в 1917–1918 гг. [Козловский 1928, с. 34].
- ⁷²⁷ Россия — Средняя Азия 2011, с. 365, 373; Т-ов 1907, с. 660–661; Ювачев 1907, с. 975–977.
- ⁷²⁸ См.: Манакиб 2004, с. 46–47.
- ⁷²⁹ Штейнберг 1938, с. 127, 136.
- ⁷³⁰ Erkinov 2009, p. 26.
- ⁷³¹ Бабаджанов 2009, с. 177–178; Эркинов 2003, с. 114; Erkinov 2009, p. 29.
- ⁷³² Бабаджанов 2009, с. 158–160; Центральная Азия 2008, с. 250–251. Впрочем, проекты реформ религиозной политики России в Средней Азии, предложенные туркестанской администрацией по итогам восстания, не получили значительного развития.
- ⁷³³ Отметим, что титул «хан» у туркмен обозначал вовсе не монарший статус, а принадлежность к привилегированному сословию — что-то вроде «бая» у казахов или киргизов (точно так же, как в сфевидском Иране ханами назывались не монархи, а родоплеменные вожди — аналоги тюркских беков).
- ⁷³⁴ Садыков 1972, с. 176.
- ⁷³⁵ Тухтаматов 1969, с. 87–88.
- ⁷³⁶ Восстание 1960, с. 470, 474.
- ⁷³⁷ Молчанов 2002, с. 236; Тухтаматов 1969, с. 89–92.
- ⁷³⁸ Ниязматов 2010, с. 460. Примечательно, что борьбу против советской власти Джунаид-хан начал еще в конце 1917 г., несмотря на то что Советская Россия официально заявила, что признает полную независимость Хивинского ханства. Ради борьбы с советской властью узурпатор пошел даже на сговор с представителем Временного правительства, с сентября пребывавшим в Хиве [см.: Тухтаматов 1969, с. 125–126].
- ⁷³⁹ Цит. по: Аннаоразов 2013, с. 37.
- ⁷⁴⁰ Покотилов 1893, с. 8–9; Segguys 1959, p. 211.
- ⁷⁴¹ Б. З. Базарова считает, что Баньяшили (санскритское Пуньяшири, т. е. «добродетельный») было титулом Гун-Тэмур-хана, правившего в 1399–1402 гг. [Базарова 2006, с. 229].
- ⁷⁴² Лубсан Данзан 1973, с. 259; Покотилов 1893, с. 33–34; см. также: Бира 1978, с. 162, 164.
- ⁷⁴³ Segguys 1959, p. 218.
- ⁷⁴⁴ Покотилов 1893, с. 37; Успенский 1880, с. 149.
- ⁷⁴⁵ Segguys 1959, p. 228–231.
- ⁷⁴⁶ Законы 2002, с. 195; см. также: Грумм-Гржимайло 1926, с. 588; Покотилов 1893, с. 84–85.
- ⁷⁴⁷ Soni, p. 36–37.

- ⁷⁴⁸ Успенский 1987, с. 157; Успенский 2015, с. 40.
- ⁷⁴⁹ Полный титул Лигдана звучал следующим образом: «Хутукту-Суту-Чингис-Даймин-Сэчен-хаган» [Базарова 2006, с. 229–230].
- ⁷⁵⁰ Кычанов 1986, с. 58–59; Успенский 1987, с. 151, 154.
- ⁷⁵¹ Мэнь-гу-ю-му-цзи 1895, с. 19–21, 36–38.
- ⁷⁵² Высказывались предположения, что и Адай-хан был потомком Джучи-Хасара [Hambis 1969, p. 187].
- ⁷⁵³ О его правлении упоминают среднеазиатские авторы [см. подробнее: Бира 1978, с. 164]. Д. З. Покотилов отождествил Ойрадтая с самим Аруктаем-тайджи [Покотилов 1893, с. 39].
- ⁷⁵⁴ Золотое сказание 2005, с. 42, 253 (прим. 71); Лубсан Данзан 1973, с. 259.
- ⁷⁵⁵ Такую версию высказывает ряд исследователей со ссылкой на «Мин ши» [Grousset 2000, p. 505; Hambis 1969, p. 121].
- ⁷⁵⁶ Мэн-гу-ю-му-цзи 1895, с. 1; см. также: Грумм-Гржимайло 1926, с. 581.
- ⁷⁵⁷ Успенский 1987, с. 149; Илтгэл шастир 2007, т. 138. Впрочем, некоторые современные исследователи сомневаются в достоверности этого сочинения, считая, что его составители «в искаженном виде представляли события монгольской истории» [Билигсайхан 2008, с. 18–19].
- ⁷⁵⁸ Обращает на себя внимание титул Махулихая — онг, т. е. монголизированный вариант китайского титула ван (царь, царевич, правитель), которым поначалу обладали лишь потомки Хасара, но в эпоху междоусобиц получили право носить и потомки других братьев Чингис-хана [Владимирцов 2002б, с. 437].
- ⁷⁵⁹ Лубсан Данзан 1973, с. 271.
- ⁷⁶⁰ Золотое сказание 2005, с. 49.
- ⁷⁶¹ Золотое сказание 2005, с. 50; Лубсан Данзан 1973, с. 272; см. также: Владимирцов 2002а, с. 289–290.
- ⁷⁶² Лубсан Данзан 1973, с. 273.
- ⁷⁶³ Лубсан Данзан 1973, с. 274; ср.: Золотое сказание 2005, с. 51.
- ⁷⁶⁴ Джамбадорджи 2005, с. 97; Шара Туджи 1957, с. 147.
- ⁷⁶⁵ Лубсан Данзан 1973, с. 273; см. также: Алтан-Тобчи 1858, с. 176; ср.: Золотое сказание 2005, с. 51.
- ⁷⁶⁶ Золотое сказание 2005, с. 254 (прим. 89).
- ⁷⁶⁷ Владимирцов 2002б, с. 446 (прим. 189).
- ⁷⁶⁸ Лубсан Данзан 1973, с. 278.
- ⁷⁶⁹ Эти опасения выражены в молитве Мандухай-хатун, обращенной к Алан-гоа: «Если Ноян-Булат-Ун возьмет меня за себя, говоря с пренебрежением о малолетстве твоего потомка, и его удержи своими арканами» [Алтан-Тобчи 1858, с. 183; ср.: Лубсан Данзан 1973, с. 279; Шара Туджи 1957, с. 148].

- ⁷⁷⁰ Золотое сказание 2005, с. 54; Лубсан Данзан 1973, с. 278–279.
- ⁷⁷¹ Золотое сказание 2005, с. 54; Лубсан Данзан 1973, с. 280.
- ⁷⁷² См.: Weatherford 2010, p. 249–250.
- ⁷⁷³ Монгольские источники 1986, с. 73; Цендина 2007, с. 230.
- ⁷⁷⁴ См.: Восемнадцать 2002, с. 40, 53, 54, 59.
- ⁷⁷⁵ Владимирцов 2002б, с. 439.
- ⁷⁷⁶ Беннигсен 1912, с. 107–110; см. также: Цендина 2007, с. 65–66, 212.
- ⁷⁷⁷ Козин 1941, с. 176; Кычанов 1973, с. 96–97; см. также: Цендина 1998, с. 30.
- ⁷⁷⁸ Беннигсен 1912, с. 107.
- ⁷⁷⁹ Золотое сказание 2005, с. 32; Цендина 2007, с. 172; Weatherford 2010, p. 212; см. также: Почекаев, Почекаева 2012, с. 23.
- ⁷⁸⁰ Цендина 2007, с. 58–59.
- ⁷⁸¹ Золотое сказание 2005, с. 38, 51; Лубсан Данзан 1973, с. 253, 274, 377 (прим. 46), 381 (прим. 49); см. также: Weatherford 2010, p. 212.
- ⁷⁸² См. подробнее: Аюшеева 2006; Цендина 2007, с. 12, 25.
- ⁷⁸³ Цендина 2007, с. 58–64.
- ⁷⁸⁴ Цендина 1998, с. 32–34; Цендина 2007, с. 58, 80.
- ⁷⁸⁵ Лубсан Данзан 1973, с. 377 (прим. 46); Цендина 2007, с. 64.
- ⁷⁸⁶ Лубсан Данзан 1973, с. 269; Монгольские источники 1986, с. 54–55; Шара Туджи 1957, с. 144; см. также: Владимирцов 2002а, с. 440–441.
- ⁷⁸⁷ Кычанов 1980, с. 14; см. также: Владимирцов 2002а, с. 475 (прим. 402).
- ⁷⁸⁸ По мнению Д. З. Покотилова, Тогон, действительно намеревавшийся стать ханом, сам отказался от этого намерения и возвел на трон Дайсунг-хана [Покотиллов 1893, с. 46].
- ⁷⁸⁹ Весьма интересным представляется сообщение монгольских летописей, на которое обратил внимание еще И. Я. Златкин: ойратские предводители соглашались поддержать Агбарджин-джинонга (брата Дайсунг-хана — потомка Хубилая) в борьбе за монгольский трон при условии, что он, став ханом, пожалует титул джинонга, т. е. своего официального соправителя и наследника, именно Эсен-тайджи. По-видимому, именно отказ Агбарджина повлек заговор ойратов, результатом которого стало умерщвление его самого и его приближенных [Златкин 1964, с. 30–31].
- ⁷⁹⁰ Золотое сказание 2005, с. 48–49; Лубсан Данзан 1973, с. 269–270; Монгольские источники 1986, с. 60–62; см. также: Далай 2002, т. 75–77; Кычанов 1980, с. 14.
- ⁷⁹¹ Grousset 2000, p. 493, 507–508; ср.: Чернышев 1990, с. 27–28.
- ⁷⁹² Hambis 1969, p. 187. Позднесредневековые монгольские летописцы называют его «Ойрадтаем», т. е. «ханом ойратов» [см., напр.: Лубсан Данзан 1973, с. 259].

- ⁷⁹³ Покотилов 1893, с. 35, 39–40.
- ⁷⁹⁴ Hambis 1969, p. 31.
- ⁷⁹⁵ Владимирцов 2002б, с. 468 (прим. 366).
- ⁷⁹⁶ Джамбадорджи 2005, с. 107; Илтгэл шастир 2007, т. 141; см. также: Кузнецов 1987, с. 159; Успенский 1987, с. 149.
- ⁷⁹⁷ Илтгэл шастир 2007, т. 142.
- ⁷⁹⁸ Илтгэл шастир 2007, т. 216; Мэн-гу-ю-му-цзи 1895, с. 27; Успенский 1987, с. 153.
- ⁷⁹⁹ Илтгэл шастир 2007, т. 253; Лубсан Данзан 1973, с. 294; Мэн-гу-ю-му-цзи 1895, с. 43–44; Успенский 1987, с. 155.
- ⁸⁰⁰ Илтгэл шастир 2007, т. 142; см. также: Лубсан Данзан 1973, с. 294.
- ⁸⁰¹ Илтгэл шастир 2007, т. 216; Мэн-гу-ю-му-цзи 1895, с. 27–28.
- ⁸⁰² Мэн-гу-ю-му-цзи 1895, с. 44.
- ⁸⁰³ Неслучайно последний монарх Монголии — Богдо-хан, до своего воцарения являвшийся главой монгольской буддийской церкви Богдо-гэгэном (Джебдзун-Дамба-хутуктой VIII), первым делом после избрания вступил в брак со своей давней сожительницей, что ранее ему как священнослужителю запрещалось, и узаконил своего сына от нее [Цендина 2006, с. 155–156; Юзефович 1993, с. 99–100; Batsaikhan 2009, p. 99]. Интересен также один из его титулов, «Многими возведенный», который был призван подчеркнуть легитимность его прихода к власти — избрание на курултае в соответствии с чингизидскими обычаями.
- ⁸⁰⁴ Кычанов 1980, с. 37.
- ⁸⁰⁵ Правда, Г. Ц. Цыбиков упоминает о претензиях на трон после смерти бездетного Тушету-хана целого ряда священнослужителей из числа его родственников: «Сегодня пришел ко мне один весьма словоохотливый халхасский лама-старожил... Говорил о смерти прежнего тушету-хана, затем его преемника — ламы, потом о споре за наследство, исчезновении неудачливого претендента, хласского рабчамбы, о домогательствах Ринчэна-тусалакчи при надзирателе прикяхтинских караулов, старавшегося поставить ханом своего сына, и, наконец, о наследовании Даши-Нимы» [Цыбиков 1991б, с. 120]. Сам Г. Ц. Цыбиков не датирует описываемые события, однако, судя по упоминанию Даши-Нимы, они имели место в 1900 г., после смерти Тушету-хана Насанцогта, наследником которого и стал Даши-Нима. Это, по-видимому, один из редких случаев претензий буддийских священнослужителей на светскую власть, объяснявшийся, вероятно, глубоким династическим кризисом в аймаке Тушету-хана.
- ⁸⁰⁶ См., напр.: Аякова 2004, с. 16.
- ⁸⁰⁷ Цендина 2002, с. 143.

- ⁸⁰⁸ Дугаров 2003, с. 48–51; Кычанов, Мельниченко 2005, с. 113–116; Цендина 2002, с. 143–145.
- ⁸⁰⁹ Дугаров 1983, с. 41; Цендина 2002, с. 145.
- ⁸¹⁰ Пагсам-джонсан, 1991, с. 46–49; Цыбиков, 1991а, с. 142; см. также: Дугаров, 2003, с. 55. Власть Лхавсана была настолько велика, что он упразднил институт регента (светского правителя Тибета при Далай-ламе) и в 1706–1717 гг. осуществлял также его функции [Petech 1959, p. 378].
- ⁸¹¹ Petech 1966, p. 267.
- ⁸¹² Ерофеева 2010, с. 499–500; Кычанов, Мельниченко 2005, с. 117.
- ⁸¹³ Их Цааз 1981, с. 35 (прим. 35).
- ⁸¹⁴ Miyawaki 1999, p. 329.
- ⁸¹⁵ Колесник 2003, с. 107, 125–126; Трепавлов 2007а, с. 158.
- ⁸¹⁶ Лубсан Данзан 1973, с. 290–292.
- ⁸¹⁷ История 1999, с. 65.
- ⁸¹⁸ Их Цааз 1981, с. 30–32; см. также: Гурлянд 1904, с. 87–91; Команджаев 2002, с. 26–30; Рязановский 1931, с. 62, 67.
- ⁸¹⁹ Моисеев 1991, с. 36–37; Чернышев 1990, с. 67, 71.
- ⁸²⁰ Колесник 2003, с. 184–185; Команджаев 2003, с. 17–19, 31.
- ⁸²¹ Команджаев 2003, с. 14–15.
- ⁸²² Бичурин 1991, с. 44; см. также: Кычанов 1980, с. 75; Courant 1912, p. 52.
- ⁸²³ Посольские книги 2003, с. 23; см. также: Лемерсье-Келькеже 2009, с. 257, 265; Тепкеев, 2011, с. 13.
- ⁸²⁴ Бичурин 1829, с. 166; Courant 1912, p. 50. Согласно отчету иркутского воеводы Л. К. Кислянского, Галданом Бошугту-ханом было «взято бухарейских городов с 40, владеет-де ими Бушухту-хан. И с тех-де городов емлет Бушухту-хан их дань на себя» [Материалы 2000, с. 339].
- ⁸²⁵ Китайские документы 1994, с. 59–60.
- ⁸²⁶ Моисеев 1991, с. 69.
- ⁸²⁷ Бобров, Худяков 2010, с. 209.
- ⁸²⁸ Петровский 1893; Тухтиев 1989, с. 9, 13; см. также: Беляев, Настич.
- ⁸²⁹ ПСРЛ 1987, с. 68–69.
- ⁸³⁰ Материалы 1996, с. 321; Чурас 1976, с. 240 и след.
- ⁸³¹ См., напр.: Моисеев 1991, с. 51; Чимитдоржиев 2002, с. 39.
- ⁸³² Идея обоснования права на власть с помощью государственных и правовых символов предшествующих государей и династий к новым применялась в самые различные времена и эпохи, и уже с XVIII в. стала предметом изучения, см., напр.: Глушаков 2003, с. 8–9.
- ⁸³³ Покотилов 1893, с. 49.

- ⁸³⁴ Лубсан Данзан 1973, с. 255. Соответственно, в позднесредневековой монгольской историографической традиции все императоры Мин — потомки Юн-ло — именовались монгольскими (вернее, монголизированными китайскими) именами: Хонгши-хаган, Чжинг-тунг-хаган, Санда-хаган и т. д.
- ⁸³⁵ Бира 1978, с. 282–283.
- ⁸³⁶ Базарова 2006, с. 258–260; Горохова 1980, с. 9; Кычанов 1986, с. 69–71; Godwin 1967, р. 92. Интересно отметить, что именно в 1636 г. название маньчжурской династии было изменено с Поздней Цзинь на Цин [Soni, р. 41]. Исследователи связывают этот шаг с подчинением монголов, с чем можно согласиться: обретя власть над Монголией, маньчжуры уже не могли довольствоваться именем династии, некогда покоренной предками своих же новоявленных вассалов.
- ⁸³⁷ Цааджин бичиг 1998, с. 8; Soni 2007, р. 156.
- ⁸³⁸ Каполнаш 2011, т. 283–284. Благодарю О. Каполнаша, любезно предоставившего мне монгольский оригинал своей статьи и русский перевод соответствующего фрагмента.
- ⁸³⁹ Лубсан Данзан 1973, с. 336 (прим. 4); Цендина 2007, с. 213.
- ⁸⁴⁰ Кузнецов 1985, с. 121–123; Кычанов 2010, с. 251.
- ⁸⁴¹ Пан 2006, с. 78–79; Успенский 2011, с. 178–179; Godwin 1967, р. 128–135.
- ⁸⁴² Успенский 2013; Цендина 2007, с. 202; Godwin 1967, р. 135–139.
- ⁸⁴³ Пан 2006, с. 164–165.
- ⁸⁴⁴ Джамбадорджи 2005, с. 108–116. Французская исследовательница И. Шарлё обращает внимание, что император Канг-си (он же монгольский хан Энхэ-Амугулан) мог признаваться монголами своим верховным ханом, поскольку в нем текла кровь Борджигинов: его бабка была княжной из хорчинского рода, потомком Джучи-Хасара [Chagleux 2011, р. 2]. Однако эта версия не объясняет, почему его отец и дед также были признаны монголами в ханском достоинстве.
- ⁸⁴⁵ Впрочем, это не устраняло противоречий между калмыцкими правителями и местными властями — в частности, в первой половине 1740-х гг. имел место длительный конфликт между астраханским генерал-губернатором В. Н. Татишевым и наместником Дондук-Даши, которого не устраивало лишь номинальное правление Калмыцким ханством, причем, по некоторым сведениям, наместник даже планировал откочевку из русских владений в Среднюю Азию [Торопицын 2012, с. 31–34].
- ⁸⁴⁶ Колесник 2003, с. 128, 251–252; Трепавлов 2007а, с. 160.
- ⁸⁴⁷ Трепавлов 2015а, с. 6.
- ⁸⁴⁸ Цыбиков 1991а, с. 141.

- ⁸⁴⁹ Дугаров 1983, с. 47; Златкин 1964, с. 234; Солощева 2013, с. 62–63.
- ⁸⁵⁰ Бичурин 1829, с. 163–164; Златкин 1964, с. 290–291.
- ⁸⁵¹ Колесник 2003, с. 217.
- ⁸⁵² Цит. по: Трепавлов 2007а, с. 197.
- ⁸⁵³ Златкин 1964, с. 235–237; Колесник 2003, с. 124–125, 129–130; Садалова 2006, с. 8–22. Интересно отметить, что Лобсан-Шоно со временем стал одним из популярных эпических персонажей многих монгольских народов (в т. ч. и бурят, казалось бы, не имевших никакого отношения к событиям его жизни), однако в их эпосе имя «Шоно-батыра» никоим образом не связывают с Карасакалом [см., напр.: Хангалов 2004].
- ⁸⁵⁴ Претензии Карасакала считаться и султаном-Чингизидом, и джунгарским тайджи приводили к историографическим казусам: например, известный исследователь истории Оренбуржья и Казахстана А. Ф. Рязанов писал, что Карасакал «выдавал себя за султана Гирея, брата Джунгарского хана» [Рязанов 1928, с. 36]!
- ⁸⁵⁵ Материалы 2002, с. 654; Садалова 2006, с. 32–33.
- ⁸⁵⁶ Ерофеева 2007, с. 326 и след.
- ⁸⁵⁷ Моисеев 1991, с. 118; Чимитдоржиев 1979, с. 43–46; см. также: Абуев 1012, с. 115; Корниенко 2011, с. 169
- ⁸⁵⁸ Моисеев 1991, с. 130–131; Таймасов 2004, с. 68; см. также: Корниенко 2011, с. 171.
- ⁸⁵⁹ Валиханов 1985в, с. 8.
- ⁸⁶⁰ Валиханов 1985в, с. 12–13; Моисеев 1991, с. 131. По утверждению Ч. Ч. Валиханова, Борак действовал в интересах Галдан-Цэрена, которым был подкуплен [Валиханов 1985в, с. 9].
- ⁸⁶¹ Валиханов 1985в, с. 13.
- ⁸⁶² Корниенко 2011, с. 178.
- ⁸⁶³ Кузнецов 1980, с. 29 и след.; Newby 1998, р. 280
- ⁸⁶⁴ Горохова 1980, с. 104–105; Златкин 1964, с. 288–292.
- ⁸⁶⁵ Златкин 1964, с. 293–294; ср.: Баабар 2010, с. 100.
- ⁸⁶⁶ Моисеев 1983, с. 79–80; Чимитдоржиев 2002, с. 64; Kaplonski 1993, р. 238.
- ⁸⁶⁷ См.: Kaplonski 1993, р. 246–247. В противном случае остается согласиться с М. Россابي, считавшим, что восстание Ченгунджаба не имело конкретной цели и являлось всего-навсего очередным всплеском недовольства монголов против засилья маньчжурских властей [см.: Kaplonski 1993, р. 242].
- ⁸⁶⁸ В трудах ученых монгольских лам Ченгунджаб и Амурсана характеризовались как изменники, мятежники против законной власти императора [Джамбадорджи 2005, с. 142–143, см. также: Успенский 2011, с. 116].

- ⁸⁶⁹ Моисеев 1983, с. 81–82; Чимитдоржиев 2002, с. 67.
- ⁸⁷⁰ Международные отношения 19896, с. 22–23.
- ⁸⁷¹ Моисеев 1983, с. 82–83.
- ⁸⁷² Ширендыб 1963, с. 75.
- ⁸⁷³ См. подробнее: Кузьмин 2014.
- ⁸⁷⁴ Златкин 1957, с. 166; Князев 2004, с. 68–69; Рошин 1999, с. 13; Юзефович 1993, с. 121; Diluv Khutagt 2009, р. 55–56. Кстати, начиная с 1930-х гг. появилось несколько самозванцев, выдававших себя за самого барона Унгерна, «чудесно спасшегося» от расстрела в 1921 г., и за его сыновей [Юзефович 1999, с. 343–348]. Однако, поскольку их действия не были связаны с борьбой за власть в тюрко-монгольских государствах (самозванцы пытались добиться признания в Европе и Америке), мы не рассматриваем их случаи.
- ⁸⁷⁵ По некоторым данным, его имя было Амур, однако подозреваем, что в таком случае Балдан сам мог принять его: ведь «Амур Санаев» очень напоминает «Амурсана», перерождением которого он себя объявил!
- ⁸⁷⁶ Позднеев 1896, с. 45–46; Рерих 1982, с. 148–149; Юзефович 1999, с. 320–321.
- ⁸⁷⁷ Ширендыб 1963, с. 74.
- ⁸⁷⁸ Оссендовский 1994, с. 140–141; Юзефович 1999, с. 322–324.
- ⁸⁷⁹ Оссендовский 1994, с. 137; Рерих 1982, 150–152; см. также: Лузянин 2003, с. 65.
- ⁸⁸⁰ Юзефович 1999, с. 325–327.
- ⁸⁸¹ Юзефович 1999, с. 326–327.
- ⁸⁸² Оссендовский 1994, с. 136–137; Юзефович 1999, с. 329–330.
- ⁸⁸³ Известно, что еще в 1913 г. будущий «хан» Р. фон Унгерн, тогда еще только сотник, прибыл в Монголию с намерением присоединиться к Джа-ламе, чтобы вместе с ним бороться против китайцев. Однако русский консул в Кобдо настрого запретил ему это [Рошин 1999, с. 10].
- ⁸⁸⁴ Князев 2004, с. 29.
- ⁸⁸⁵ Рерих 1982, с. 152–153; Торновский 2004, с. 163.
- ⁸⁸⁶ Лузянин 2003, с. 122.
- ⁸⁸⁷ Рерих 1982, с. 153; Юзефович 1999, с. 332.
- ⁸⁸⁸ Оссендовский 1994, с. 138–139; Юзефович 1999, с. 322.
- ⁸⁸⁹ Рошин 1999, с. 59–60.
- ⁸⁹⁰ Рерих 1982, с. 154–155; Юзефович 1999, с. 332–333. Отдельная история связана с головой Джа-ламы, которая была отрублена и выставлена на всеобщее обозрение, а затем после долгих перипетий попала в петербургскую Кунсткамеру. Этой теме посвящена отдельная работа [Ломакина 1993].

⁸⁹¹ Новейшая история 1984, с. 127.

⁸⁹² Новейшая история 1984, с. 128; Дудин 2013, с. 112–113; Дудин 2014, с. 34–35; Lattimore 1937, p. 69.

⁸⁹³ Radchenko 2012, p. 14.

⁸⁹⁴ Lattimore, 1962, p. 404–405.

⁸⁹⁵ См. подробнее: Jagchid 1999.

⁸⁹⁶ Дудин 2014, с. 35.

⁸⁹⁷ Дудин 2015, с. 140.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	----------

ГЛАВА 1. МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИМПЕРИЯ ЮАНЬ	9
--	----------

Несостоявшаяся узурпация Тулуя	9
«Дело» Тэмугэ-отчигина	13
Сыновья Гуюка в борьбе за отцовский трон	15
Право и сила в борьбе за трон Хубилая и Арик-Буги	19
Хайду — законный хан или узурпатор?	22
Наян: борьба потомка Тэмугэ-отчигина с Чингизидами	26
Борьба за трон в империи Юань и Северная Юань	29

ГЛАВА 2. ЧАГАТАЙСКИЙ УЛУС XIII — НАЧАЛА XVI вв.	35
--	-----------

Независимость или пребывание в составе империи? Проблема законности чагатайских правителей XIII в.	35
Смуты в Чагатайском улусе в первой половине XIV в. и основания претензий Чагатаидов на власть	37
Самозванцы в борьбе за трон Чагатайского улуса	40
Возвышение Тимуридов	42
«Регионализм по-чагатайски»: независимые правители отдельных частей улуса	48

ГЛАВА 3. ГОСУДАРСТВО ИЛЬХАНОВ И ЕГО НАСЛЕДНИКИ	59
---	-----------

Соперничество потомков Хулагу в борьбе за власть над Ираном в XIII — начале XIV вв.	59
---	----

Династический кризис и проблема происхождения претендентов на трон в 1330–1350-е гг.	61
Конец Чингизидов в Иране и приход «ближайших родичей»	63
Эпоха «региональных» династий	70
ГЛАВА 4. ЗОЛОТАЯ ОРДА.	76
Узурпации, положившие начало самостоятельности Золотой Орды	76
Ногай: из временщиков в ханы	80
Из законных претендентов на престол в «историографические» узурпаторы: казус Тукель-Буги / Ток-Буги	82
«Историографические» самозванцы: концепция В. П. Юдина	84
«Исторические» и «историографические» самозванцы в Золотой Орде в эпоху «Замятни великой».	86
Мамай: «суперзлодей» в истории Золотой Орды	89
Эмиры-«сепаратисты» в эпоху смуты	91
Иностранцы ставленники на троне Золотой Орды в конце XIV — первой половине XV вв.	94
Кое-что о «самозванстве» хана Ахмада	99
ГЛАВА 5. ПОСТОРДЫНСКИЕ ГОСУДАРСТВА XV–XVIII вв.	102
«Белые ханы»: московские государи как повелители тюрко-татарских ханств в XV–XVII вв.	102
Крымские ханы как вассалы Османской империи: преимущества и проблемы нового фактора легитимации . . .	105
Ханы-самозванцы как одно из последствий османского сюзеренитета над Крымом	108
От османского сюзеренитета к российскому: особенности легитимации последних Гиреев	110

Кочевники Великой Степи — потомки мусульманского святого: религиозный фактор легитимации правителей Ногайской Орды.	111
Ханские наместники или узурпаторы? Проблема статуса сибирских «князей» Тайбугидов	115
«Ханы» Башкирии XV–XVI вв.	117
«Приглашенные» монархи: сибирские и казахские Чингизиды в Башкирии XVII–XVIII вв.	119
Самозванцы в башкирских восстаниях первой половины XVIII в.	122
Самозванцы из постордынских государств без претензий на трон: мнимые Чингизиды на московской службе	124
ГЛАВА 6. КАЗАХСТАН XVIII — НАЧАЛА XX вв.	128
Принятие казахами российского подданства и его последствия для претендентов на трон	128
Двойное подданство казахских ханов в XVIII–XIX вв.	132
Ликвидация чингизидской монополии на верховную власть в Казахстане в XIX в.	138
Национально-освободительная борьба или реставрация ханской власти? К вопросу о характере движения Кенесары Касымова	141
Антирусские восстания казахов в 1869–1870 и 1916 гг. как попытки возрождения традиционных институтов власти	144
Антисоветские восстания 1929–1930 гг. и последние ханы казахов.	149
ГЛАВА 7. ХАНСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ XVI — НАЧАЛА XX вв.	151
Ставленники иностранных монархов на тронах центральноазиатских государств (XVI–XVIII вв.)	151
«Чужие» ханы на хивинском троне в XVI–XVIII вв.	155
Самозванцы в Бухаре и Хиве XVI–XVII вв.	156
Бадахшан: возрождение государственности в XVII в.	160

Потомки Чингис-хана и Тимура: новые ханские династии в Бухаре, Хиве и Коканде (XVIII–XIX вв.)	162
Персидское и российское завоевание Средней Азии: проблемы законности правления иностранных вассалов . . .	171
Кашгарские ходжи: святители — светские монархи — вассалы иностранных правителей	173
Кашгарские ходжи: вожди национально-освободительной борьбы	178
Из духовных властителей в узурпаторы: претензии ходжей на власть в среднеазиатских ханствах . .	186
Появление ханов в Киргизии в XIX–XX вв.: узурпация или национально-освободительная борьба?	188
Как иностранный завоеватель стал предводителем священной войны: феномен правления Якуб-бека в Кашгарии	191
Самозванцы в Кокандском ханстве второй половины XIX в.	196
Узурпаторы по воле османских султанов: Дукчи-ишан и Джунаид-хан	198

ГЛАВА 8. МОНГОЛЬСКИЕ ХАНСТВА

XIV — НАЧАЛА XX вв. 202

Иностранные ставленники на монгольском троне в XIV–XVII вв.	202
Династический кризис в Монголии середины XV в.: пришествие потомков братьев Чингис-хана.	206
Чингизиды, но — по женской линии: ойратские родоплеменные предводители в борьбе за монгольский трон	214
Попытки смены династии: ставленники китайских императоров как альтернатива легитимным монгольским ханам	216
Возникновение ойратских государств и легитимация власти их монархов	219
Китайский император как монгольский хан	226

Воля иностранных сюзеренов как основа легитимности власти правителей ойратских ханств XVIII в.	229
Второе самозванство Карасакала: из потомков Чингис-хана в джунгарские нойоны	231
Амурсана и Ченгунджаб: из коллаборационистов в вожди национально-освободительного движения.	233
Теократы, самозванцы, двоеданцы: монгольские монархи в XX в.	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	244
PERSONALIA	246
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	277
I. Источники (летописи и исторические сочинения, актовые материалы, мемуары, путевые записки, периодика, эпос и фольклор).	277
II. Литература (монографии, статьи, научно-популярные издания).	289
SUMMARY	324
ПРИМЕЧАНИЯ	325

Почекаев Р. Ю.

**УЗУРПАТОРЫ И САМОЗВАНЦЫ
«СТЕПНЫХ ИМПЕРИЙ»**

**История тюрко-монгольских государств
в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях**

Научное издание

Директор издательства *Чубарь В. В.*

Главный редактор *Трофимов В. Ю.*

Корректор *Галаганова Л. А.*

Дизайн макета *Меркурьева М. В.*

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812)602-08-24
<http://www.eurasiabooks.ru>

Подписано в печать 30.03.16
Усл.-печ. л. 23,6 Формат 60x90¹/₁₆, Гарнитура «Antiqua».
Тираж 300 экз. Печать офсетная.
Заказ

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499)322-38-30

История тюрко-монгольских государств до последних попыток создания самостоятельных квазигосударственных образований в первой половине XX века — это история бесконечной борьбы за власть, государственных переворотов, политических убийств, гражданских и межгосударственных войн. И при этом большинство их участников не имели законных прав на трон — либо в силу происхождения, либо из-за нарушения установленного порядка прихода к власти. Поэтому они всячески старались обосновать законность своих претензий и добиться признания со стороны подданных. Итак, это история узурпаций и самозванств — от создания Монгольской империи в XIII веке. Почему узурпаторы и самозванцы выходили на политическую сцену в тот или иной период? Какие средства легитимации власти они использовали? Почему их действия встречали поддержку многочисленных сторонников и нередко заканчивались успешно? Попытку ответить эти вопросы предпринимает в своей книге исследователь политико-правовой истории тюрко-монгольских государств, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Р. Ю. Почекаев.

ISBN 978-5-91852-152-6

9 785918 521526